МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Вершинина Инна Альфредовна

Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Научный консультант:
доктор социологических наук,
профессор Н.Г. Осипова

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ПЕРВАЯ ГЛАВА. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ 31

§ 1. Методологические основы исследования города и урбанизации в социологии XIX – первой половины XX века 31

§ 2. Основные этапы урбанизации и их осмысление в современной социологической теории 59

§ 3. Предметное поле современной социологии города и урбанизации: типология основных концепций 90

ВТОРАЯ ГЛАВА. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ 125

§ 1. Концепция «производства» города и городского пространства Анри Лефевра 125

§ 2. Эволюция городов и социальной жизни в концепции Ричарда Сеннета 149

§ 3. Концепция репрезентации власти в городском пространстве Йорана Терборна 173

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. ИНТЕРАКЦИОНИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА 199

§ 1. Критика техноцентричности урбанизации в концепции Льюиса Мамфорда 199

§ 2. Концепция соседства в больших городах Джейн Джекобс 223

§ 3. Гуманистический проект города Яна Гейла 247

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. ГЛОБАЛИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ 273

§ 1. Концепция дуальности городов Мануэля Кастельса 273

§ 2. Концепция неолиберальной урбанизации Дэвида Харви 297

§ 3. Концепция глобальных городов Саскии Сассен 321

ПЯТАЯ ГЛАВА. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ УРБАНИЗАЦИИ 347

§ 1. Концепция мегалополиса Жана Готтмана: становление постиндустриальной перспективы исследования пространства 347

§ 2. Концепция постметрополиса Эдварда Сойи 373

§ 3. Концепция функциональной географии Парага Ханны 397

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 422

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 438

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования

Исследования городов и урбанизации начинают играть все более важную роль в современной социологии, поскольку с каждым годом увеличивается доля мирового населения, живущего в городах, что требует обновления и уточнения существующих концепций, а также разработки новых. Так, урбанизация представляет собой один из главных процессов современности, который принимает сложные формы, способствуя появлению «новой картографии, основу которой составляют современные крупные урбанистические образования»[1]. Они являются предметом осмысления современной социологии, прежде всего, западной, поскольку в XXI столетии именно урбанизированные территории выступают в качестве ключевых объектов, где становятся наиболее очевидными макросоциальные тенденции.

Во-первых, города, особенно глобальные, служат стратегическими пространствами, где можно наблюдать транснациональную и локальную динамику и другие проявления глобализации. Происходит формирование сложной урбанистической системы, представляющей собой сети городов и различных урбанистических образований (агломераций, мегалополисов и других), конкурирующих между собой за экономические, политические и другие ресурсы.

Во-вторых, крупные города, агломерации, мегалополисы и другие урбанистические образования в XXI веке концентрируют на своей территории новые информационные и другие технологии и тем самым приобретают конкурентные преимущества. Ресурсы, сосредоточенные в ведущих городах

[1] *Вершинина И. А., Полякова Н. Л.* Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 61.

мира, способствуют их стремительному развитию и все большему отрыву от других территориальных образований, что усиливает социальное неравенство и подрывает социальную справедливость.

В-третьих, крупные города – это пространства, где происходят фундаментальные изменения в сфере занятости, следствием которых является обострение проблемы социального неравенства. Они в первую очередь становятся объектами притяжения мигрантов, что ведет как к расширению их социокультурного разнообразия, так и к увеличению числа конфликтов.

Необходимо признать, что в XXI столетии именно города «реконструируют общественный порядок»[1], и поэтому они привлекают внимание современных социологов, позволяя получить представление о тех социальных процессах, которые сегодня трансформируют общества. Однако современный этап урбанизации не получает однозначных социологических интерпретаций теоретического характера, вследствие чего появляется много новых и довольно разнородных концепций. Предметное поле и концептуальные основания исследований городов и урбанизации остаются дискуссионными, но представляются весьма значимыми для формирования современной социологической теории.

В свою очередь, новые концепции города и урбанизации, появившиеся в социальных науках, недостаточно изучены, особенно в рамках современной социологической теории. Соответственно, современные концепции города и урбанизации требуют детального рассмотрения и нуждаются в систематизации для выявления их эвристических компонентов, способствующих развитию социологического знания и расширению его границ.

---

[1] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 353.

Степень научной разработанности темы исследования

Города на протяжении всей истории социологии привлекают внимание исследователей, а этапы исследования города и урбанизации связаны с развитием социологической мысли и отражают значимые изменения общественной жизни.

Во второй половине XIX – начале XX века изучению городов уделяли внимание такие представители классической социологии, как К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Г. Зиммель и М. Вебер[1]. Они анализируют социальные процессы, ставшие следствием индустриализации, урбанизации, роста отчуждения, формирования нового индивидуализма и появления нового стиля жизни, который Л. Вирт впоследствии называет «урбанизмом»[2]. Уже на данном этапе закладывается понимание города как сообщества, для которого могут быть характерны как процессы интеграции, так и конфликтные отношения.

Теоретико-методологическая схема, предполагающая рассмотрение города в качестве сообщества, связана, в первую очередь, с именами немецких социологов М. Вебера и Г. Зиммеля. Позднее понимание города как сообщества становится основой социально-экологического подхода, объединяющего большую часть авторов Чикагской школы (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи, Х. Зорбо, Л. Вирт и другие[3])

---

[1] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 [1845]. Т. 2; *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1978 [1867]; *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996 [1893]; *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994 [1897]; *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002 [1887]; *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002 [1903]. № 3-4; *Simmel G.* The Sociology of Space // Simmel on Culture: Selected Writings / ed. by D. Frisby and M. Featherstone. London – Thousand Oaks: Sage, 1997. P. 137-169; *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018 [1921].

[2] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 1-24.

[3] *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. New York: Knopf, 1918; *Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925; *Zorbaugh H. W.* The Gold Coast and the Slum: a Sociological Study of Chicago's near North Side. Chicago: University of Chicago Press, 1929; *Wirth L.* The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928; *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 1-24.

и предполагающего анализ общества в соотнесении с окружающей средой. Одной из характерных черт данного направления является проведение множества эмпирических исследований, позволивших проанализировать такие актуальные для Чикаго первой трети XX века процессы и явления, как миграция, бедность, преступность и девиантное поведение, принципы организации сообществ, этнические гетто, феномен соседства и другие.

Традиция рассмотрения города как пространства социального конфликта восходит к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которым для урбанистического сообщества характерны социальное неравенство и несправедливость. Подобное понимание городов как мест, где разворачиваются основные социальные конфликты и противоречия, свойственно и современной социологии и находит свое отражение в трудах таких исследователей как М. Кастельс, Д. Харви, Э. Сойя, М. Дэвис, Г. Ганс, С. Файнштейн, Л. Вакан и других[1].

Одни авторы концентрируют свое внимание на обострении социального неравенства в городах и новых формах его проявления, которые фиксируются современными эмпирическими исследованиями (М. Кастельс, С. Сассен,

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977; *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012; *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000; *Davis M.* City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006; *Gans H.* The War Against the Poor. New York: Basic Books, 1995; *Fainstein S.* Justice, Politics, and the Creation of Urban Space // The Urbanization of Injustice / ed. by A. Merrifield and E. Swyngedouw. New York: New York University Press, 1997; *Fainstein S. I., Gordon I. and Harloe M.* Divided City: Economic Restructuring and Social Change in London and New York. New York: Blackwell, 1993; *Wacquant L.* Inside the Zone // Theory, Culture, and Society. 1997. Vol. 15. № 2. P. 1-36; *Wilson W. J.* The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1987; *Wilson W. J.* When Work Disappears. New York: Alfred A. Knopf, 1997; *Body-Gendrot S.* Ville et Violence. Paris: Presses Universitaires de France, 1993; *Green D., Strolovitch D., Wong J.* Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104. № 2. P. 372-404; Research in Urban Sociology (Vol. 4): New Directions in Urban Sociology / ed. by R. Hutchinson. Greenwich: JAI Press, 1997; *De Sena J.* Protecting One's Turf: Social Strategies for Maintaining Urban Neighborhoods. Lanham: University Press of America, 1990; *Comstock G.* Violence Against Lesbians and Gay Men. New York: Columbia University Press, 1991; *Massey D., Denton N.* American Apartheid. Cambridge: Harvard University Press, 1993; Unsettling Cities / ed. by J. Allen, D. Massey and M. Pryke. New York: Routledge, 1999; *Brar H., Martin P., Wrench J.* Invisible Minorities. Racism in New Towns and New Contexts. Coventry: Warwick University, 1993.

М. Сэвидж, С. Паркер и другие)[1]. Этими социологами отмечается эксклюзия в пригородных районах, где проживают закрытые сообщества, становятся очевидными негативные последствия джентрификации, широкомасштабные процессы геттоизации, то есть в поле зрения ученых попадает социально-пространственная сегрегация, которая рассматривается как неизбежное следствие социального неравенства.

Другие авторы (Д. Харви, Э. Сойя, М. Дэвис, Д. Массей, Л. Вакан и другие)[2] рассматривают прежние и новые формы социальных конфликтов, характерных для урбанизированных территорий. Внимание исследователей привлекают как противоречия, которые связаны с изменением городского пространства вследствие неолиберальной глобализации, так и те, которые отражают специфические особенности процесса индивидуализации, свойственное для него конструирование диспозиций и идентичностей.

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977; *Castells M.* The Informational City. London: Blackwell, 1989; *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996; *Sassen S.* The Global City: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991; Networked Urbanism: Social Capital and the City / ed. by T. Blokland, M. Savage. Aldershot: Ashgate, 2008; *Parker S.* Urban Theory and Urban Experience: Encountering the City. London: Routledge, 2003; *Parker S., Uprichard E., Burrows R.* Class Places and Place Classes: Geodemographics and the Spatialisation of Class // Information, Communication and Society. 2007. Vol. 10. № 6. P. 902-921; *Butler T., Watt P.* Understanding Social Inequality. London: Sage, 2007; *Ellison N., Burrows R.* New spaces of (dis)engagement? Social politics, urban technologies and the re-zoning of the city // Housing Studies. 2006. Vol. 22. № 3. P. 295-312; *Atkinson R.* Padding the Bunker: Strategies of Middle Class Disaffiliation and Colonization in the City // Urban Studies. 2006. Vol. 43. № 3. P. 819-832; *Atkinson R., Blandy S.* Panic Rooms: the Rise of Defensive Homeownership // Housing Studies. 2007. Vol. 22. № 4. P. 443-458.

[2] *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006; *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000; *Davis M.* City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006; *Massey D., Denton N.* American Apartheid. Cambridge: Harvard University Press, 1993; Unsettling Cities / ed. by J. Allen, D. Massey and M. Pryke. New York: Routledge, 1999; *Wacquant L.* Inside the Zone // Theory, Culture, and Society. 1997. Vol. 15. № 2. P. 1-36; *Wacquant L.* Body and Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer. Oxford: Oxford University Press, 2004; *Green D., Strolovitch D., Wong J.* Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104. № 2. P. 372-404; Research in Urban Sociology (Vol. 4): New Directions in Urban Sociology / ed. by R. Hutchinson. Greenwich: JAI Press, 1997; *Comstock G.* Violence Against Lesbians and Gay Men. New York: Columbia University Press, 1991; *Brar H., Martin P., Wrench J.* Invisible Minorities. Racism in New Towns and New Contexts. Coventry: Warwick University, 1993; *Delgado M.* Role of Latina-Owned Beauty Parlors in a Latino Community // Social Work. 1997. Vol. 42. № 5. P. 445–454; *Body-Gendrot S.* Ville et Violence. Paris: Presses Universitaires de France, 1993.

Не меньший интерес в современной социологии вызывают и механизмы социальной адаптации и интеграции сообществ, в том числе и на уровне соседства, где формируются локальные способы поддержания социального порядка (Г. Ганс, Х. Молоч, Дж. Касарда, М. Яновиц, Л. Рисман, Дж. Джекобс, Э. Кляйненберг и другие)[1]. Современные авторы рассматривают изменения, которые происходят во взаимодействиях на уровнях сообществ, например, в связи с распространением новых информационных технологий[2], а также проводят сравнительный анализ соседства в разных странах[3].

Важное место в современных исследованиях города и урбанизации занимает анализ постфордистской трансформации городского пространства, требующей ревитализации бывших индустриальных центров, для многих из которых характерно депрессивное состояние. Современные авторы указывают на изменение роли городской культуры и, в частности, рост ее значения для экономического развития городов (Х. Молоч, Дж. Логан, Ш. Зукин,

---

[1] *Gans H. J.* The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian Americans (Updated and Expanded Edition). New York: Free Press, 1982; *Molotch H. L.* Managed Integration; Dilemmas of Doing Good in the City. Berkeley: University of California Press, 1972; *Molotch H. L.* Capital and Neighborhood in the United States: Some Conceptual Links // Urban Affairs Review. 1979. Vol. 14. № 3. P. 289–312; *Kasarda J. D., Janowitz M.* Community Attachment in Mass Society // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 3. P. 328–339; *Reissman L.* The Urban Process. Glencoe: The Free Press, 1964; *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961; *Klinenberg E.* Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2003; *Kornblum W.* Blue-Collar Community. Chicago: University of Chicago Press, 1974; *Suttles G.* The Social Order of the Slum. Chicago: University of Chicago Press, 1968; *Axelrod M.* Urban structure and social participation // American Sociological Review. 1956. Vol. 21. № 1. P. 13-18; *Bell W., Boat M. D.* Urban neighborhoods and informal social relations // American Journal of Sociology. 1957. Vol. 62. № 4. P. 391-398; *Dekker K., Van Kempen R.* Places and Participation: Comparing Resident Participation in Post-WWII Neighborhoods in Northwest, Central and Southern Europe // Journal of Urban Affairs. 2008. Vo. 30. № 1. P. 63-86; *Fields D.* Contesting the Financialization of Urban Space: Community Organizations and the Struggle to Preserve Affordable Rental Housing in New York City // Journal of Urban Affairs. 2014. Vo. 37. № 2. P. 144-165; *Fischer C. S.* Urbanism as a Way of Life: a Review and an Agenda // Sociological Methods and Research. 1972. № 2. P. 187-242; *Hunter A.* Symbolic Communities: The Persistence and Change of Chicago's Local Communities. Chicago: University of Chicago Press, 1974; *Short J. F.* The Social Fabric of the Metropolis. Chicago: University of Chicago Press, 1971; *McRoberts O. M.* Streets of Glory: Church and Community in a Black Urban Neighborhood. Chicago: University of Chicago, 2003; *Warren R. L.* The Community in America. Chicago: Rand McNally, 1972.

[2] *Davies A. R.* Urban Food Sharing: Rules, Tools and Networks. Bristol: Policy Press, 2019.

[3] *Dekker K., Van Kempen R.* Places and Participation: Comparing Resident Participation in Post-WWII Neighborhoods in Northwest, Central and Southern Europe // Journal of Urban Affairs. 2008. Vo. 30. № 1. P. 63-86.

Р. Флорида и другие)[1]. Данные разработки в некоторой степени опираются на исследования среднего города, проведенные супругами Р. Линдом и Х. Линд в Колумбийском университете в 1920-1930-е годы[2], хотя, конечно, значительно расширяют предложенную ими исследовательскую проблематику с учетом современных реалий.

В последние десятилетия XX века появляются новые концепции, связанные с анализом урбанизации в условиях глобализации (З. Баумана, Д. Харви, С. Сассен, Л. Склэра и других)[3]. Современная социология города и урбанизации, по словам Г. Ганса[4], не может сосредотачивать свое внимание исключительно на городах, поскольку значительная часть населения живет в пригородах и на урбанизированных территориях, которые в состав городов не входят. Неудивительно, что внимание социологов (М. Кастельса, С. Сассен,

---

[1] *Molotch H. L.* Los Angeles as Design Product: How Art Works in a Regional Economy // The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century / ed. by A. J. Scott and E. J. Soja. Berkeley: University of California Press, 1996; *Logan J., Molotch H.* The City as a Growth Machine // Urban Fortunes. The Political Economy of Space. Berkely: University of California press. 1988; *Zukin S.* The Cultures of Cities. Oxford, Malden: Blackwell, 1995; *Florida R.* The Rise of the Creative Class. New York: Basic, 2002; *Florida R.* The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class-and What We Can Do About It. London: Routledge, 2017; *Eisenstadt S. N., Shachar A.* Society, Culture and Urbanization. Newbury Park: Sage, 1987; *Anderson E.* Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City. New York: W.W. Norton, 1999; *Katz B., Nowak J.* The New Localism: How Cities Can Thrive in the Age of Populism. Washington: Brookings Institution Press, 2017; *Griswold W., Wright N.* Cowbirds, Locals, and the Dynamic Endurance of Regionalism // American Journal of Sociology. 2004. Vol. 109. № 6. P. 1411-1451.

[2] *Lynd R. S., Lynd H. M.* Middletown: A Study in American Culture. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1929; *Lynd R. S., Lynd H. M.* Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1937.

[3] *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 24-53; *Harvey D.* From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation of Urban Governance in Late Capitalism // Geografiska Annaler. 1989. Series B. Human Geography. Vol. 71. № 1. P. 3-17; Dual City: Restructuring New York / ed. by J. H. Mollenkopf and M. Castells. New York: Russell Sage Foundation, 1991; *Sassen S.* The Global City: New York, London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 1991; *Sklair L.* The Icon Project: Architecture, cities, and capitalist globalization. New York and Oxford: Oxford University Press, 2017; *Zukin S.* Landscapes of Power. Berkeley: California University Press, 1991; *Brenner N., Theodore N.* Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe. Oxford, Malden: Blackwell, 2002; *Clarke S. E., Gaile G. L.* The Work of Cities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998; *Lee J.* Civility in the City: Blacks, Jews, and Koreans in Urban America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

[4] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 211.

Дж. Урри и других)[1] все чаще привлекают такие вопросы, как мобильность, сети и текучесть, демонстрирующие, что сегодня необходимо изучать не только города, но и более крупные урбанистические образования.

Очевидно, что вследствие появления новых характеристик процесса урбанизации социологические исследования в данной области развиваются и включают в свое предметное поле новые концепции и направления научной работы, которые требуют систематизации. Необходимо также отметить, что урбанистическая проблематика в социологии становится все более интернациональной областью исследований, появляются работы ученых из Южной Америки, Азии и Африки[2]. Однако, как верно замечает французский социолог П. Ле Гале, основные направления изучения урбанизации по-прежнему определяются учеными из США и Западной Европы[3]. Поэтому именно западные концепции города и урбанизации являются наиболее значимыми для современной социологии и находятся в центре внимания данной работы.

Отдельные попытки систематизации существующих концепций города и урбанизации предприняты в западной социологии[4], однако ни одна из предложенных типологий не охватывает всего многообразия современных концепций, так как в них рассматриваются лишь отдельные аспекты урбанизации.

---

[1] *Castells M.* The Informational City. London: Blackwell, 1989; *Sassen S.* The Global City: New York, London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 1991; Mobile technologies of the city / ed. by M. Sheller and J. Urry. New York: Routledge, 2006; *Graham S., Marvin S.* Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. London: Routledge, 2001; *Bissell D.* Transit Life: How Commuting is Transforming Our Cities. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 2018; *Gandy M.* Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research 2005. Vol. 29. № 1. P. 26-49.

[2] *Eade J., Mele C.* Understanding the City. Oxford: Blackwell, 2002; *Gugler J.* World Cities Beyond the West. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; The Urban Moment / ed. by B. Beauregard and S. Body-Gendrot. Thousand Oaks: Sage, 1999; *Srinivas S.* Landscapes of Urban Memory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.

[3] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 348; Cities in Contemporary Europe / ed. by A. Bagnasco and P. Le Galè. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

[4] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4; *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2; *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3.

Данная задача пока не решена и в отечественной социологии, несмотря на то что урбанистической проблематике уделяется внимание на всех этапах ее развития.

В отечественной науке изучение городов и урбанизации начинается на рубеже XIX и XX столетий, привлекая внимание в том числе и представителей общественных наук[1]. Однако в советское время количество работ по данной теме резко сокращается, на протяжении нескольких десятилетий можно обнаружить лишь единичные социологические исследования, преимущественно прикладного характера[2].

Многочисленные исследования урбанизации в целом и городов в частности появляются в СССР в 1960-е годы, когда в стране происходит возрождение социологической науки и формируются основные исследовательские центры. О. Н. Яницкий полагает, что в это время происходит формирование «профессионально-гражданского сообщества»[3] исследователей, занимающихся социологическими аспектами урбанизации. Вопросы о перспективах урбанизации, социальном и экономическом планировании городской среды, особенностях социалистического города, влиянии на город научно-технического прогресса и многие другие включаются в повестку дня советской социологии благодаря таким ученым,

---

[1] *Исаев А. А*. Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль: Типография Г. В. Фальк, 1886; *Ковалевский М. М*. Массовые перемещения жителей, прилив их в города и отлив в село // Вандельвельде Э. Деревенский отход и возвращение на лоно природы. Одесса: Вл. Распопов, 1904; *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские (земледелие, промышленность и ремесла). М.: Москва, 1908; *Озеров И. Х.* Большие города, их задачи и средства управления. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1906; *Святловский В. В*. Из социальной истории человеческого жилища // Всемирные вести. 1905. №8; *Урушадзе В.О*. Города как центры промышленной, общественной и культурной жизни. Подольск: тип. Н. А. Тощакова, 1907; *Берлин П. А*. Роль деревни и города в политической жизни // Образование. 1907. №°1; *Семенов В. Н*. Благоустройство городов, типы городов, их развитие: идеальные города, города будущего. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912; *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910; *Диканский М. Г*. Постройка городов, их план и красота. Пг: Изд. Н. П. Карбасникова, 1915.

[2] См., напр.: *Анциферов Н. П*. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926; *Виленц-Горовитц Е. В*. Жилищный вопрос в Европе. М.: Издательство НКВД РСФСР, 1926.

[3] *Яницкий О. Н.* История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 123.

как Л. Б. Коган, О. Н. Яницкий, О. И. Шкаратан, В. Л. Глазычев, А. В. Баранов, А. В. Дмитриев, М. Н. Межевич и другие[1]. Однако данные исследования были ориентированы, в первую очередь, на решение прикладных задач.

Постсоветский период характеризуется, с одной стороны, большим количеством работ, в которых рассматриваются города и урбанизация в целом, однако, с другой стороны, наблюдается явный дефицит фундаментальных публикаций, которые способствовали бы структурированию данной предметной области. Необходимо констатировать наличие небольшого числа монографий[2], затрагивающих те или иные аспекты функционирования

[1] См., напр.: *Коган Л. Б., Локтев В. И.* Некоторые социологические аспекты моделирования городов // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 46-53; *Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 43-53; *Яницкий О. Н.* Урбанизация, город, человек. М.: Знание, 1974; *Яницкий О. Н.* Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987; *Коган Л. Б.* Быть горожанами. М.: Мысль, 1990; *Коган Л. Б.* Города и политика: российские уроки. Обнинск: Институт муниципального управления, 2003; *Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И.* Город: методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975; *Шкаратан О. И., Еремичева Г. В., Каныгин Г. В., Рябикова И. В.* Характер внепроизводственной деятельности и социальная дифференциация горожан // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 13-25; *Шкаратан О. И.* и др. Этнонациональные проблемы города. М.: Наука, 1986; *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984; *Баранов А. В.* Социально-демографическое развитие крупного города. М: Финансы и статистика, 1981; Город: проблемы социального развития / под ред. А. В. Дмитриева, М. Н. Межевича. Л.: Наука, 1982; *Файзуллин Ф. С.* Социологические проблемы города / под ред. Н. А. Аитова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981; *Аитов Н А.* Социальное развитие городов сущность и перспективы. М.: Знание, 1979; *Аитов Н. А.* и др. Советский город: социальная структура. М.: Мысль, 1988; *Янкова З. А., Родзинская И. Ю.* Проблемы большого города: опыт социологического исследования. М.: Наука, 1982; *Шомина Е. С.* Контрасты американского города: социально-географические аспекты урбанизации. М.: Мысль, 1986; Социологические исследования проблем города и жилища (1970-1980 гг.) / отв. ред. Б. П. Кутырев. Новосибирск: Наука, 1986; *Капранова Л. Д.* Проблемы урбанизации в США: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1986; *Лаппо Г. М.* Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987; *Орлова Э. А.* Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987; *Могилевский Р. С.* Проблемы качества жизни крупного города (опыт социологического исследования) / под ред. П. Н. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987; *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988; Социальные результаты научно-технического прогресса в крупном городе: теоретико-методологический анализ / отв. ред. В. К. Потемкин. Л.: Наука, 1990.

[2] См., напр.: *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003; *Слука Н. А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005; *Глазычев В. Л.* Урбанистика. М.: Европа, 2008; *Глазычев В. Л.* Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011; *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Ценность города и ценности горожан / под общ. ред. Л.А. Штомпель. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019; *Вархотов Т. А., Поляков А. С.* Terra Urbana: Города, которые мы п...м. М.: Эксмо, 2021.

современных городов, но не предлагающих комплексного социологического анализа современных тенденций урбанизации и их значения для современной социологии. Некоторые отечественные ученые, предлагая обзор истории изучения города в западной социологии, не видят серьезных исследований между Чикагской школой в первой половине XX века и Лос-Анджелесской школой на рубеже XX и XXI столетий[1]. Это неверно и подчеркивает необходимость теоретических работ по современным исследованиям города и урбанизации в западной социологии.

Отечественные исследования по социологии города и урбанизации представлены преимущественно статьями в научных журналах, которые не позволяют составить целостного представления о данной предметной области[2]. Более того, в ведущем российском журнале по социологии – «Социологические исследования» – есть рубрика «Социология села»[3], но отсутствует какой-либо раздел, посвященный проблемам города и урбанизации. Отдельные статьи по данной теме в журнале публикуются, но теоретических работ довольно мало[4], некоторые из них посвящены

---

[1] *Вальдес Одриосола М. С.* Эволюция социологических теорий города XIX – XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 322; *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 251-255.

[2] *Кравченко А. И.* Теория М. Грановеттера для социологии города // Социология. 2021. №4; *Рахманов А. Б.* Четыре колеса Апокалипсиса: причины автомобильных пробок в крупных городах мира // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58; *Рахманов А. Б.* Туризм и структура привлекательности городов Латинской Америки // Латинская Америка. 2018. № 11; *Смакотина Н. Л., Гусарова З. В.* Субъективная оценка москвичами изменения качества жизни в условиях санкций // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 2; *Штомпель Л. А.* Города, создающие нас: трансформация «культуры участия» // Градостроительное право. 2020. № 3; *Гриценко В. С., Штомпель Л. А.* Модели выхода из современного урбанизационного кризиса. Возможна ли «иная метрополизация»? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 1.

[3] См., напр.: № 12 за 2019 год № 12 за 2021 год, № 2 за 2018 год, № 12 за 2017 год, № 3 за 2016 год, № 12 за 2015 год, № 6 за 2014 год, №1 за 2012 год, № 8 и № 9 за 2010 год и т. д.

[4] *Замятин Д. Н.* Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологические исследования. 2012. № 2; *Замятин Д. Н.* Постгеография: капитал(изм) географических образов // Социологические исследования. 2014. № 10; *Замятин Д. Н.* Пространство и движение // Социологические исследования. 2014. № 4; *Лыска А. Г.* Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. № 7; *Пациорковский В. В.* Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2012. № 4.

социальным аспектам архитектуры[1] (причем многие из них принадлежат зарубежным авторам[2]), а не социологическим концепциям города и урбанизации, соответственно, большинство статей имеет преимущественно прикладной характер[3].

В отечественной социологии можно констатировать дефицит теоретических исследований города и урбанизации, наметившийся еще в советский период и сохраняющийся до настоящего времени. Е. Г. Трубина в одной из немногих теоретических работ[4] выделяет основные направления исследований, но не ставит задачу систематизации существующих концепций. Незначительный интерес к современным концепциям и теориям находит свое отражение и в том, что диссертации по социологии, защищенные в последние годы по урбанистической проблематике, выполнены преимущественно по специальностям «Социальная

---

[1] *Кияненко К. В*. Парадигмы социального знания и обоснования в архитектуре // Социологические исследования. 2018. № 9; *Мулеев Е. Ю.* Архитектура и социология в СССР: опыт взаимодействия // Социологические исследования. 2014. № 12.

[2] *Бодрийяр Ж*. Архитектура: правда или радикальность? // Социологические исследования. 2011. № 5; *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10; *Смит Р., Бани В.* Теория символического интеракционизма и архитектура // Социологические исследования. 2010. № 9.

[3] *Белова Т. П*. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений // Социологические исследования. 2010. № 12; *Белоножко М. Л., Крысин Н. И*. Специфика управления монопрофильными городами тюменского севера // Социологические исследования. 2002. № 7; *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н*. Собирательный образ городов будущего // Социологические исследования. 2021. № 11; *Заборова Е. Н*. Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 2; *Заборова Е. Н., Исламова А. Ф.* Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. № 2; *Климова С. Г., Климов И. А*. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4; *Королева М. Н., Чернова М. А.* Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9; *Криничанский К. В.* Российский город в условиях социально-экономической трансформации // Социологические исследования. 2008. № 10; *Наберушкина Э. К*. Доступность городской среды для инвалидов // Социологические исследования. 2010. № 9; *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И*. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12; *Слюсарянский М. А., Разинский Г. В*. Стратегии поведения городского населения // Социологические исследования. 2010. № 10; *Тхакахов В. Х*. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5; *Федулов С. П*. Социальная инфраструктура современного российского города // Социологические исследования. 2000. № 4; *Чэ Юйлинь*. Расширение городов и порождаемые этим ограничения для производства пространства // Социологические исследования. 2017. № 7.

[4] *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

структура, социальные институты и процессы» и «Социология управления», что свидетельствует о двух основных направлениях исследований отечественных авторов: изучение жизнедеятельности человека в урбанистической среде, а также управленческие подходы к развитию города[1].

Вместе с тем необходимо отметить, что на социологическом факультете МГУ прошла защита двух кандидатских диссертаций, в которых рассматриваются современные концепции города и урбанизации, однако в первой из них в центре внимания находится специфика урбанизации в постиндустриальном обществе[2], а во второй – вопросы, связанные с интеграцией индивидов в урбанистические сообщества[3]. Тем самым они не отражают всего многообразия западных концепций и не ставят своей задачей их систематизацию.

Таким образом, можно констатировать потребность в обобщающих трудах по современным концепциям города и урбанизации как в западной, так и в отечественной социологии, поскольку сами концепции многочисленны и разнообразны. Вместе с тем систематизация и осмысление современных западных концепций города и урбанизации позволят создать теоретико-методологические основы для последующего изучения этой актуальной, теоретически и практически значимой темы, а потому данные задачи должны быть решены в отечественной социологии. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предложив теоретическую схему, которая демонстрирует многообразие предметного поля социологии города и урбанизации во второй половине XX – начале XXI века и позволяет его упорядочить, систематизировав современные западные концепции в рамках единого эпистемологического пространства.

---

[1] *Попов Е. А., Замятина О. Н., Воронина С. А.* Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 126.

[2] *Савченкова В.М.* Концепции города и урбанизации в западной социологии (теоретико-методологический анализ). Дис… кандидата социологических наук: 22.00.01 / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2005.

[3] *Абагеро Д. Д.* Социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство современного мегаполиса: теоретико-методологический анализ. Дис… кандидата социологических наук: 22.00.01 / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2020.

Объект и предмет диссертационного исследования

Объектом диссертационного исследования выступают урбанизация и связанные с нею социальные трансформации социальной жизни урбанистических сообществ второй половины XX – начала XXI столетия. **Предметом** диссертационного исследования является совокупность концепций города и урбанизации, разработанных в западной социологии во второй половине XX – начале XXI века и отражающих изменения урбанистического пространства.

Цель и задачи диссертационного исследования

Цель диссертационного исследования – на базе комплексного анализа теоретического наследия современной социологической урбанистики выделить теоретико-методологические основания концепций города и урбанизации в западной социологии второй половины XX – начала XXI столетия, разработать критерии для их типологизации, критически оценить возможности данных концепций в осмыслении современных социальных проблем различных урбанистических образований (городов, агломераций и так далее), а также определить границы их практического применения и эвристический потенциал.

Цель диссертационного исследования конкретизировалась в следующих **задачах**:

– выявить основные этапы изучения города и урбанизации в зарубежной социологии и определить специфику каждого из них;

– раскрыть теоретико-методологические принципы построения западных концепций города и урбанизации второй половины XX – начала XXI века;

– представить основные подходы к систематизации концепций города и урбанизации в современной западной социологии и обосновать их авторскую типологию;

– рассмотреть концептуальные основания историко-культурного подхода к изучению урбанистических сообществ (А. Лефевр, Р. Сеннет, Й. Терборн);

– выделить особенности интеракционистских концепций, рассматривающих города как пространства взаимодействия и интеграции сообществ (Л. Мамфорд, Дж. Джекобс, Я. Гейл);

– обозначить специфику функционирования урбанистических сообществ в условиях глобализации (М. Кастельс, Д. Харви, С. Сассен);

– обосновать необходимость анализа не только городов, но и более сложных урбанистических образований, учитывая основные тенденции современной урбанизации (Ж. Готтман, Э. Сойя, П. Ханна);

– продемонстрировать эвристическую ценность западных концепций города и урбанизации для отечественной социологии и изучения особенностей урбанизации в современной России;

– доказать значимость современных западных концепций города и урбанизации для управления социальными процессами на урбанизированном пространстве.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретической базой диссертации выступают классические социологические концепции[1], труды представителей Чикагской школы[2] и

[1] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996; *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2; *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1978; *Simmel G.* The Sociology of Space // Simmel on Culture: Selected Writings / ed. by D. Frisby and M. Featherstone. London – Thousand Oaks: Sage, 1997. P. 137-169; *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002; *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018.

[2] *Park R. E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment // American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5. P. 577-612; *Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925; *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. New York: Knopf, 1918; *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1.

современных исследователей[1], в центре внимания которых находится анализ урбанизации и связанных с ней социальных процессов и изменений. Ключевыми для диссертационного исследования являются работы современных ученых, описывающих специфику урбанистических образований второй половины XX – начала XXI века: А. Лефевра, М. Кастельса, Р. Сеннета, С. Сассен, Д. Харви, Э. Сойи и других[2].

Автор опирался на теоретико-методологические принципы анализа урбанистических реалий, разработанные как зарубежными социологами (Ч. Тилли, Г. Гансом, А. Лефевром, М. Кастельсом, С. Сассен, Й. Терборном и

---

[1] *Amin A., Thrift N.* Cities: Re-Imagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002; *Brenner N., Theodore N.* Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe. Oxford, Malden: Blackwell, 2002; *Clarke S. E., Gaile G. L.* The Work of Cities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998; *Dear M.* Los Angeles and the Chicago School: Invitation to a Debate // City and Community. 2002. Vol. 1. № 1. P. 5-32; *Eade J., Mele C.* Understanding the City. Oxford: Blackwell, 2002; *Florida R.* The Rise of the Creative Class. New York: Basic, 2002; *Florida R.* The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class-and What We Can Do About It. London: Routledge, 2017; *Gandy M.* Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. Vol. 29. № 1. P. 26-49; *Gottdiener M.* The Social Production of Urban Space. Austin: University of Texas Press, 1985; *Gugler J.* World Cities Beyond the West. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; *Katz B., Nowak J.* The New Localism: How Cities Can Thrive in the Age of Populism. Washington: Brookings Institution Press, 2017; *King A. D.* Urbanism, Colonialism, and the World Economy. Culture and Spatial Foundations of the World Urban System. The International Library of Sociology. London and New York: Routledge, 1990; *Molotch H. L.* Los Angeles as Design Product: How Art Works in a Regional Economy // The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century / ed. by A. J. Scott and E. J. Soja. Berkeley: University of California Press, 1996; *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. London: Sage publications, 1994; *Savage M., Warde A., Ward K.* Urban Sociology, Capitalism and Modernity. Basingstoke: Macmillan, 2003; *Short J. R., Kim Y.-H.* Globalization and the City, Essex: Longman, 1999; *Srinivas S.* Landscapes of Urban Memory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001; Urban Tourism / ed. by S. Fainstein and D. Judd. New Haven, Conn: Yale University Press, 1999; *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007; Mobile technologies of the city / ed. by M. Sheller and J. Urry. New York: Routledge, 2006; *Wacquant L.* Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Malden: Polity Press, 2008; *Zukin S.* Landscapes of Power. Berkeley: California University Press, 1991 etc.

[2] *Lefebvre H.* La production de l'espace. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000; *Castells M.* The Informational City. London: Blackwell, 1989; *Harvey D.* Social Justice and the City. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973; *Sassen S.* The Global City: New York, London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 1991; *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W. W. Norton Company, 1994; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018; *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford, Malden: Blackwell, 2000; *Soja E.* Taking Space Personally // The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008 etc.

другими)[1], так и отечественными исследователями (Н. Г. Осиповой, Н. Л. Поляковой, Н. А. Слукой, Е. Г. Трубиной и другие)[2].

В диссертации также были использованы представленные в социологии подходы к типологии концепций города и урбанизации Ч. Тилли, П. Маркузе, П. Ле Гале, Г. Ганса и других социологов[3].

Для выявления характера влияния глобализации на процесс урбанизации и особенности его изучения в современной социологии автор обращался к трудам таких современных ученых, как М. Кастельс, С. Сассен, Р. Сеннет, Й. Терборн, Л. Склэр и так далее[4].

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные методы (анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование, идеализация и обобщение), а также специальные методы теоретического познания. Ключевыми для данной работы являются сравнительно-исторический и генетический методы, сочетание которых

---

[1] *Castells M.* The Informational City. London: Blackwell, 1989; *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 211-219; *Lefebvre H.* La production de l'espace. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000; *Sassen S.* The Global City: New York, London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 1991; *Therborn G.* At the Birth of Second Century Sociology: Times of Reflexivity, Spaces of Identity, and Nodes of Knowledge // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1; *Tilly Ch.* Three Visions of History and Theory // History and Theory. 2007. Vol. 46. № 2; *Tilly Ch.* What Good is Urban History? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. № 6.

[2] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018; *Полякова Н. Л.* XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004; *Слука Н. А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005; *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

[3] *Bowen W. M., Dunn R. A., Kasdan D. O.* What is "Urban Studies"? Context, Internal Structure, and Content // Journal of Urban Affairs. 2010. Vol. 32. № 2; *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3; *Marcuse P.* The Forms of Power and the Forms of Cities: Building on Charles Tilly // Theory and Society. 2010. Vol. 39. № 3/4. Special Issue in Memory of Charles Tilly (1929–2008): Cities, States, Trust, and Rule; *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2; *Tilly Ch.* The State of Urbanization // Comparative Studies in Society and History. 1967. Vol. 10. № 1.

[4] *Castells M.* The Informational City. London: Blackwell, 1989; *Sassen S.* The Global City: New York, London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 1991; *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W. W. Norton Company, 1994; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018; *Sklair L.* The Icon Project: Architecture, Cities, and Capitalist Globalization. New York and Oxford: Oxford University Press, 2017.

сделало возможным выявление теоретических оснований современных западных социологических концепций города и урбанизации для последующей их кластеризации и типологизации. Применение вышеперечисленных методов позволило осуществить комплексный анализ современных западных социологических концепций города и урбанизации, разработать основания для их типологизации и оценить их эвристический потенциал для современной социологии.

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена исходными непротиворечивыми теоретико-методологическими посылками, корректным применением основ современной социологической теории, обоснованностью и согласованностью представленных положений и приведенных выводов о социальной трансформации урбанистического пространства, анализом значительного объема современной научной литературы, использованием стандартных методов социологического анализа и процедур проведения социологических исследований, адекватных предмету и задачам исследования.

Научная новизна диссертационного исследования

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе историко-социологического анализа концепций города и урбанизации, разработанных в западной социологии второй половины XX – начала XXI столетия, выявлена предметная область современной социологической урбанистики, раскрыты особенности и ключевые характеристики современных концепций, доказана их эвристическая ценность и показаны возможности их практического использования для экспертной оценки социальных процессов в городском пространстве, сконструированы теоретико-методологические основы исследования города

и урбанизации для отечественной социологии. В диссертационном исследовании:

– конкретизированы основные этапы изучения городов и урбанизации в западной социологии и выявлена специфика каждого из них, выделены и раскрыты основные методологические проблемы, стоящие перед современной социологической теорией в исследовании городов и основных тенденций урбанизации;

– на основе функционального подхода разработана авторская типология западных концепций города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века;

– введены в научный оборот новые для российской социологии понятия («мультискалярная урбанизация», «постурбия», «метрополярность», «коннектография», «городские архипелаги», «региональная иконография», «принцип минимума жизни» и другие);

– на базе новых теоретических источников, не переведенных на русский язык, критически проанализированы концепции современных западных авторов (А. Лефевра, Р. Сеннета, Й. Терборна, М. Кастельса, Д. Харви, С. Сассен, Ж. Готтмана, Э. Сойи, П. Ханны, Л. Мамфорда, Дж. Джекобс и Я. Гейла), представляющие эвристическую ценность для отечественной социологии;

– продемонстрирована практическая значимость западных концепций города и урбанизации, которые могут стать основой для управления современными городами и агломерациями, в том числе и в России;

– доказана обоснованность гуманистического подхода к городскому планированию, способствующего улучшению качества жизни горожан вследствие изменения пространства, влекущего за собой трансформацию повседневных социальных практик.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В западной социологии можно выделить два этапа изучения городов и урбанизации: классический, охватывающий XIX – первую половину

XX века, и современный, начинающийся во второй половине XX века и продолжающийся до сих пор. Первый этап можно охарактеризовать как социологию города, поскольку в центре внимания социологов находится именно город, который рассматривается как сообщество. Современный этап исследований представляет собой социологию города и урбанизации, или социологическую урбанистику, поскольку имеет дело не только с городами, но и более сложными пространственными формами.

Современные западные концепции города и урбанизации продолжают классические традиции исследования города, но одновременно отражают специфику современного этапа урбанизации. Эти концепции формируют устойчивую теоретико-методологическую основу социологического изучения урбанистического пространства в XXI столетии и обогащают современную социологическую теорию новыми подходами, которые обусловлены глобализацией и новой пространственной морфологией.

2. Противоречивый характер урбанизации порождает многообразие концепций, в которых происходит ее осмысление. Современные исследования города и урбанизации являются чрезвычайно широкими по своей предметной сфере и опираются на разработки не только социологии, но и других наук, что позволяет рассматривать их как междисциплинарные.

Новые социологические концепции города и урбанизации отражают социальные, политические и экономические изменения конца XX – начала XXI века и демонстрируют их влияние на функционирование урбанистических сообществ. Исследователи концентрируют свое внимание не только на различных факторах, детерминирующих данный процесс сегодня (глобализация, развитие информационно-коммуникативных технологий и так далее), но и на его социальных последствиях (рост социального неравенства, обострение социальных конфликтов, изменение роли сообществ и других). Предметное поле социологии города и урбанизации оказывается широким как никогда прежде, поэтому оно нуждается в систематизации и требует упорядочивания существующих концепций.

3. Авторская типология современных западных концепций города и урбанизации демонстрирует состояние предметного поля современной социологической урбанистики и основные векторы ее развития. На основании функционального подхода выделены четыре группы концепций: культурно-исторические, интеракционистские, глобалистские и морфологические.

Первую группу составляют культурно-исторические концепции А. Лефевра, Р. Сеннета и Й. Терборна, в центре внимания которых находятся урбанистические сообщества как хранители культуры, поскольку город рассматривается как социальное пространство, где создается, поддерживается и воспроизводится символический порядок. Вторая группа – интеракционистские концепции, разработанные Л. Мамфордом, Дж. Джекобс и Я. Гейлом. В них предлагаются стратегии социального проектирования городского пространства, ориентированные на решение социальных проблем и повышение качества жизни горожан на основе активизации взаимодействий между ними. Третья группа – глобалистские концепции, представленные в трудах М. Кастельса, Д. Харви и С. Сассен. Их авторы уделяют особое внимание влиянию глобализации на функционирование городов, объединяющихся в сети, альтернативные национально-государственному порядку. В четвертую группу входят так называемые морфологические концепции Ж. Готтмана, Э. Сойи и П. Ханны, демонстрирующие социальные последствия появления новых урбанистических форм (агломераций, мегалополисов и других).

Данная типология, разработанная автором, позволяет систематизировать современные концепции города и урбанизации и может послужить теоретико-методологической основой для дальнейшего изучения данной проблематики в отечественной социологической науке.

4. Выявленная эвристическая ценность концепций города и урбанизации, разработанных в западной социологии второй половины XX – начала XXI столетия, заключается в разработке новых направлений и перспектив исследования социальных проблем, связанных с тенденциями

развития урбанизации в целом и городов в частности. Например, рост значения человеческого капитала для социального развития превращает высокое качество городское среды в серьезное конкурентное преимущество, способствующее привлечению высококвалифицированных специалистов. Это ведет не только к необходимости разработки соответствующей градостроительной политики, но и требует своего осмысления и концептуализации. Представленные в диссертационном исследовании концепции позволяют выявить ключевые факторы трансформации урбанистического пространства во второй половине XX – начале XXI века (деиндустриализация, глобализация, сетевизация, цифровизация и так далее), а также понять причины появления новых урбанистических образований (агломераций, мегалополисов и других) и уточнить их роль в современном мире. Становление постиндустриального общества с новой структурой занятости и появление новых коммуникационных технологий меняют пространственные формы организации сообществ. Это требует ревизии прежних концепций и разработки новых, тем более что в условиях глобализации необходимо изучать не столько отдельные города и агломерации, сколько урбанистические сети, в которые они включены. Современные западные концепции города и урбанизации предлагают анализ пространственных изменений второй половины XX – начала XXI столетия и позволяют зафиксировать наиболее значимые социальные трансформации данного периода.

Научная значимость и практическая ценность результатов диссертационного исследования

Научная значимость диссертационного исследования заключается в обогащении современной теоретической социологии за счет систематизации и типологизации основных западных концепций города и урбанизации второй половины XX – начала XXI века, что позволяет упорядочить предметное поле

социологической урбанистики. Выводы автора способствуют расширению и углублению имеющихся в современной отечественной социологии представлений о социальных процессах и явлениях в урбанистическом пространстве. Систематизация и операционализация понятийного аппарата углубляют понимание специфики социологического подхода к изучению городов и формируют теоретико-методологические основы для изучения урбанизации и связанных с ней социальных изменений в современных обществах, включая и российское. Тем самым, на основе западных концепций автором реконструируется и структурируется предметное поле современных исследований города и урбанизации, что формирует новую область исследований в отечественной социологии.

Практическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в учебном процессе в рамках дисциплин вариативного блока по социологии города и урбанизации, а также при подготовке и чтении лекций по общей социологической теории, современной теории социологии, теориям глобализации, теориям социального неравенства, социологии конфликта и другим дисциплинам. Положения диссертации могут стать основой для учебно-методической работы, включающей в себя разработку учебно-методических пособий, учебных и исследовательских программ для курсов, в которых рассматриваются вопросы урбанизации, глобализации, социального неравенства, социальных конфликтов, социальных движений и другие. Диссертационное исследование также может быть использовано в научной деятельности – при подготовке научных отчетов, статей, докладов и выступлений на международных и российских конференциях. Отдельные положения диссертации могут стать основой для разработки стратегии развития урбанистического пространства и принятия решений в сфере градостроительства.

Апробация результатов диссертационного исследования

Диссертация была обсуждена на кафедре современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите. Основные положения работы были представлены в виде докладов на более чем 40 научных конференциях, в числе которых: «Ломоносовские чтения»[1], «Сорокинские чтения»[2], «Грушинская социологическая конференция»[3], «Ковалевские чтения»[4], «Колосницынские чтения»[5], «Современные проблемы истории и теории архитектуры»[6], «Культура больших городов и агломераций»[7], «Социологические чтения памяти

[1] Вершинина И. А. «Умные города»: возможности сокращения пространственного неравенства. Доклад на конференции «Ломоносовские чтения 2020». Москва, 27 октября 2020; Вершинина И. А. Льюис Мамфорд: этапы развития городов. Доклад на конференции «Ломоносовские чтения 2017». Москва, 25 апреля 2017; Вершинина И. А. Москва в рейтингах городов мира. Доклад на научной конференции «Ломоносовские чтения 2016». Москва, 21 апреля 2016.

[2] Вершинина И. А. Университет и город: взаимодействие в глобальном образовательном пространстве. Доклад на XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения» «Университет в глобальном мире: новый статус и миссия». Москва, 21 февраля 2017.

[3] Вершинина И. А. Векторы трансформации глобальных городов. Доклад на VII Грушинской социологической конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». Москва, 15 марта 2017.

[4] Вершинина И. А. Социологические исследования города и урбанизации: современное состояние и новые тренды. Доклад на Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения «Социолог: образование и профессиональные траектории». Санкт-Петербург, 25-27 ноября 2021; Вершинина И. А. Города в цифровом обществе: возможности преодоления пространственного неравенства в России. Доклад на Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения «Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития». Санкт-Петербург, 12-14 ноября 2020; Вершинина И. А. Будущее мегаполисов: от глобальных городов Саскии Сассен к новой «коннектографии» Парага Ханны. Доклад на Всероссийской научной конференции XI Ковалевские чтения «Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв.», Санкт-Петербург, 9-11 ноября 2017.

[5] Вершинина И.А., Курбанов А.Р. Социально-политические трансформации в контексте урбанистики: символические функции городского пространства. Доклад на Всероссийской с международным участием научной конференции «Революция и культура. XX век (XII Колосницынские чтения)». Екатеринбург, 21 апреля 2017.

[6] Вершинина И. А., Курбанов А. Р. Историческая городская среда: наследие или помеха? Доклад на III Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы истории и теории архитектуры». Санкт-Петербург, 26 апреля 2017.

[7] Вершинина И. А. «Эффект Бильбао»: культура как драйвер развития городов. Доклад на Международной научной конференции «Культура больших городов и агломераций». Москва, 11-13 декабря 2019.

В. Б. Голофаста»[1], «Цифровой бренд-менеджмент территорий: глобальный и локальный аспекты»[2], «Экономическая культура мегаполиса»[3], «Гуманитарные Губкинские чтения»[4], «Социальная динамика населения и устойчивое развитие»[5], «Управление социальными изменениями в нестабильных условиях»[6], «15th ESA Conference 2021»[7], «Inequality and uncertainty: current challenges for cities»[8], «Salzburg Conference in Interdisciplinary Poverty Research»[9], «8th LUMEN International Conference – Rethinking Social Action»[10], «Cultural Representations of the City»[11], «International Competitiveness and Urbanization»[12], и опубликованы в их сборниках.

---

[1] Вершинина И. А. Социальное неравенство в глобальных городах. Доклад на конференции «IX Социологические чтения памяти В. Б. Голофаста». Санкт-Петербург, 4 апреля 2017.

[2] Вершинина И. А. Значение Московского урбанистического форума для продвижения бренда Москвы. Доклад на IV Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции «Connect-Universum – 2018» «Цифровой бренд-менеджмент территорий: глобальный и локальный аспекты». Томск, 29-30 ноября 2018.

[3] Вершинина И. А. Идеальный советский город: попытка конструирования утопии. Доклад на Международной научной конференции «Экономическая культура мегаполиса». Санкт-Петербург, 20 мая 2016.

[4] Вершинина И. А. Джентрификация как проявление пространственного неравенства. Доклад на III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения «Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи», Москва, 5 апреля 2018.

[5] Вершинина И. А. Миграция и неравенство – глобальные проблемы эпохи цифровой урбанизации. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социальная динамика населения и устойчивое развитие». Москва, 4 октября 2018.

[6] Вершинина И. А. Социальные изменения в городах Европы в контексте миграционных процессов. Доклад на Всероссийской научной конференции «Управление социальными изменениями в нестабильных условиях». Москва, 24 мая 2016.

[7] Vershinina I., Martynenko T., Khomyakova K., Dobrinskaya D. Transforming Cities in a (Post)Pandemic World (the Case of Moscow). 15th ESA Conference 2021. Barcelona (online), Spain, 31.08-03.09.2021.

[8] Vershinina I., Martynenko T. Spatial Inequality in modern Russia (the case of Moscow). III Midterm Conference «Inequality and uncertainty: current challenges for cities». Madrid, Spain, 27-29 June 2018.

[9] Vershinina I. A. Labor migrants in Russia: better life or poverty? 2019 Salzburg Conference in Interdisciplinary Poverty Research: Migration and Poverty. Salzburg, Austria, 19-20 September 2019; Vershinina I. The Economic Dimension of Spatial Poverty in Russia. 2018 Salzburg Conference in Interdisciplinary Poverty Research: Space and Poverty. Salzburg, Austria, 13-14 September 2018.

[10] Vershinina I. A. The symbolic significance of architecture. 8th LUMEN International Conference – Rethinking Social Action. Core Values in Practice – RSACVP2017. Suceava, Romania, April 6-9, 2017.

[11] Vershinina I. Soviet Architecture: An Attempt to Realize the Ideals in Practice (the case of Moscow). The 18th Annual Conference of the English Department «Cultural Representations of the City». Bucharest, Romania, 2-4 June 2016.

[12] Dobrinskaya D., Kurbanov A., Liadova A., Martynenko T., Vershinina I. The Russian Cities and the New Trends of Urbanization. 13th Annual Conference on Innovation and Competitiveness “International Competitiveness and Urbanization”. Warshava, Poland, 15 June 2018.

По теме диссертации автором опубликовано более 50 печатных работ общим объемом около 50 авторских листов, в том числе две монографии[1], главы в пяти коллективных монографиях[2], а также 31 статья[3] в ведущих

[1] Вершинина И. А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2019; Вершинина И. А. Города в эпоху глобализации: социологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2012.

[2] Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Пространственное неравенство: характерные параметры и новые измерения // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / Под общей редакцией доктора социологических наук, профессора Н. Г. Осиповой. М.: Перспектива, 2021; Самсонова Т. Н., Вершинина И. А. Глобальные города vs государства? К вопросу о роли глобальных городов в условиях глобализации // Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2019; Вершинина И. А. Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под ред. Н.Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2018; Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы) / Е. Н. Алексеева, В. П. Бондарев, И. А. Вершинина и др. М.: МАКС Пресс, 2015; Развивающийся мегаполис: современные адаптационные механизмы (на примере города Москвы) / И. А. Вершинина, Т. В. Кашкабаш, Э. Д. Коркия и др. М.: МАКС Пресс, 2015.

[3] Вершинина И. А. Исследования города и урбанизации в современной социологии // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11; Вершинина И. А. Современная социологическая урбанистика: основные направления исследований // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10; Вершинина И. А. Концепция гуманистического планирования городов Яна Гейла // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 1; Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Современные подходы к изучению пространственного неравенства // Социология. 2020. № 5; Вершинина И. А. Особенности социальных отношений в больших городах // Социология города. 2019. № 3; Вершинина И. А. Концепция мегалополиса Жана Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 3; Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1; Вершинина И. А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1; Вершинина И. А., Добринская Д. Е. Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1; Вершинина И. А. Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2018. № 2; Вершинина И. А., Курбанов А. Р. Социально-политические изменения и трансформация городского пространства (на примере городов Восточной Европы) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 1; Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2; Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Бразильская мозаика. Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Бразилиа в зеркале современной урбанистики // Латинская Америка. 2018. № 7; Вершинина И. А. Коннектография Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44; Вершинина И. А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3; Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической

научных журналах, индексируемых в международных базах цитирования или включенных в список рецензируемых научных изданий из перечня, рекомендованного Министерством науки и высшего образования РФ, утвержденный Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата социологических наук.

Структура и объем диссертационного исследования

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения и списка литературы. Объем диссертации составляет 437 страниц (без списка литературы), список литературы содержит 787 наименований, из которых 553 на иностранных языках.

революции // Социология города. 2017. № 2; Вершинина И. А., Курбанов А. Р. Трансформация зоопространств современных городов и возможности их использования в экологическом просвещении населения // Экология и промышленность России. 2017. № 1; Вершинина И. А. “Умные” города: перспективы появления и развития в России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 2; Вершинина И. А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2; Вершинина И. А., Маркеева А. В. Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2015. № 14; Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4; Вершинина И. А. Социальные проблемы мегаполисов мира: сравнительный анализ // Социология. 2014. № 2; Вершинина И. А. Развитие городских агломераций в современном мире // Социология. 2013. № 2; Вершинина И. А. Город в пространстве социального неравенства // Социология. 2012. № 2; Вершинина И. А. Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1; Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4; Вершинина И. А. Трансформация социальной структуры в информациональном городе // Социология города. 2013. № 3; Вершинина И. А. Города в эпоху неолиберальной глобализации: современные социологические подходы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2; Вершинина И. А. Социология города Ричарда Сеннета: трансформация публичной сферы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4; Вершинина И. А. Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1; Dobrinskaya D., Vershinina I. New Connectography: Networks of Cities in the Global World // Espacios. 2018. Vol. 39. № 16.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ[1]

§ 1. Методологические основы исследования города и урбанизации в социологии XIX – первой половины XX века

Урбанизация и разнообразные формы пространственной организации, среди которых самой распространенной является город, анализируются в социологии с момента ее оформления как самостоятельной науки, и именно

[1] Материалы данной главы диссертации нашли отражение в следующих публикациях, выполненных автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Вершинина И. А. Исследования города и урбанизации в современной социологии // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 26-30; Вершинина И. А. Современная социологическая урбанистика: основные направления исследований // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 35-39; Вершинина И. А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 75-85; Полякова Н. Л., Вершинина И. А. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 122-137 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 60-84 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Развитие городских агломераций в современном мире // Социология. 2013. № 2. С. 144-151; Вершинина И. А. Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1. С. 195-206; Вершинина И. А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2019; Вершинина И. А. Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2018; Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы) / Е. Н. Алексеева, В. П. Бондарев, И. А. Вершинина и др. М.: МАКС Пресс, 2015 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 23% общего объема текста); Вершинина И. А. Анализ проблем урбанизации классиками социологии и его значение для современной социологии города // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С. 5303-5309; Вершинина И. А. Пространственное неравенство и социальная несправедливость в современной России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018». Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 21-23.

классическая социология задает методологические основы и ключевые направления исследований, которые не утратили своей актуальности и сегодня. В XIX – начале XX века в социологических теориях классиков (К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, Г. Зиммеля и других) выявляются основные темы исследования городов, что создает условия для формирования социологии города как специальной социологической теории в 1920-х годах, в первую очередь, благодаря представителям Чикагской школы. Однако в середине XX столетия становится ясно, что пространственные формы усложняются, и описать их при помощи только термина «город» уже невозможно, что ведет к расширению социологии города до социологии города и урбанизации. Тем самым, в социологических исследованиях города и урбанизации следует выделить два основных этапа:

– классический, продолжающийся с момента возникновения социологии в качестве самостоятельной науки до середины XX века, когда в центре внимания исследователей находятся преимущественно города;

– современный, начинающийся с 1960-х годов и предлагающий большое многообразие теоретических построений, отражающих трансформацию урбанистического пространства второй половины XX – начала XXI столетия, что требует анализа не только городов, но также агломераций, мегалополисов и других пространственных форм.

Фактически, на современном этапе осуществляется переход от социологии города к социологии города и урбанизации, что по времени совпадает с оформлением постиндустриального общества. В результате изменения социальной жизни урбанистического пространства в социологическую теорию не только включаются новые понятия (агломерация, мегалополис, постметрополис и другие), но происходит также институционализация данной новой исследовательской области. В частности, в 1970 году появляется 21-й комитет Международной социологической

ассоциации – «Городское и региональное развитие»[1], название которого подчеркивает, что в сфере интересов социологии оказывается уже не только город, но и процесс урбанизации в целом. Далее это находит свое продолжение и в Европейской социологической ассоциации, где 37-й комитет занимается вопросами города и урбанизации[2], что в английском языке именуется как *urban sociology*, и что переводить на русский язык как социологию города неверно. По-русски это следует называть социологической урбанистикой, или социологией города и урбанизации, но не социологией города.

В связи с этим и представляется необходимым выделение в развитии социологических исследований города и урбанизации двух основных этапов, обозначенных выше: классического и современного. Данная периодизация является методологически оправданной, поскольку позволяет отразить особенности развития социологического знания с учетом изменения характера урбанизации. Первый этап берет свое начало в XIX веке и продолжается вплоть середины XX столетия, когда в центре внимания большинства социологов находится город в своем традиционном понимании. Однако в середине XX – начале XXI столетия процесс урбанизации приобретает новое социологическое содержание вследствие становления постиндустриального общества, появления более сложных пространственных форм, а также на фоне общих процессов глобализации. Соответственно, с 1960-х годов речь идет уже о социологии города и урбанизации, ключевые теоретические разработки которой находятся в центре внимания в данной работе.

Тем не менее, представляется необходимым дать краткую характеристику классического этапа, который принято называть социологией города, поскольку ряд теоретических положений того времени находит свое продолжение в современных западных социологических концепциях города и

[1] RC21 Urban and Regional Development. URL: https://www.isa-sociology.org/en/research-networks/research-committees/rc21-urban-and-regional-development/ (accessed: 07.11.2021).

[2] RN37 – Urban Sociology. URL: https://www.europeansociology.org/research-networks/rn37-urban-sociology (accessed: 07.11.2021).

урбанизации. Более того, именно классический период характеризуется формированием теоретико-методологических основ изучения города и урбанизации, поскольку в социологии оформляется понимание города как специфической формы сообщества.

Необходимо отметить, что исследования города имеют особое значение для западной социологии, поскольку «в рамках истории развития европейских обществ развивался процесс урбанизации и становления развитой системы европейских городов, существующих в форме корпоративным образом организованных многонациональных сообществ, в которых оформлялись свои структуры неравенства и свои практики их производства и воспроизводства»[1]. Подобная схема рассмотрения городов в качестве сообществ довольно широко используется в современных исследованиях города и урбанизации, но изначально предложена и довольно детально разработана представителями классической социологии, в частности, Ф. Теннисом, М. Вебером и Г. Зиммелем.

Для них город – это особая форма организации пространства и социальной жизни, которая имеет довольно долгую историю, социологическую перспективу которой предлагает М. Вебер в своем произведении «Город»[2]. Немецкий социолог указывает на специфику западных городов, которая как раз и заключается в их функционировании в качестве сообщества. С его точки зрения, западные города характеризуются «наличием 1) укрепления, 2) рынка, 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права, 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономии и автокефалии, то есть управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане»[3]. Подобная характеристика города М. Вебером позволяет утверждать, что он понимает город как консолидированное политико-экономическое

---

[1] *Полякова Н. Л.* Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4. С. 14.

[2] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018.

[3] Там же. С. 34-35.

образование, или сообщество, со своей специфической хозяйственной деятельностью и представлением о гражданственности.

Это сообщество адаптируется к меняющимся условиям и эволюционирует в соответствии с тремя основными историческими типами городов, среди которых немецкий социолог выделяет античный, средневековый и промышленный[1], что находит свое продолжение в теоретических построениях, предложенных позднее А. Лефевром и Э. Сойей[2]. Более того, согласно М. Веберу, «античный и средневековый город был прежде всего ассоциацией, конституированной и интерпретированной как братство»[3], то есть городское сообщество характеризуется особым типом социальных отношений.

Немецкий социолог указывает, что с социологической точки зрения, город – это «населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом»[4]. Тем самым М. Вебер не только соглашается с идеями своих современников, Г. Зиммеля и Ф. Тенниса, но и указывает на те же социальные явления, которые позднее подробно анализируются социологами из Чикагской школы.

Необходимо отметить, что одним из первых обращает внимание на трансформацию социальных связей в условиях растущей урбанизации Ф. Теннис. С его точки зрения, становление общества связано с появлением больших городов: «В более раннюю эру основной тон задает семейная жизнь и домохозяйство, в более позднюю торговля и крупногородская жизнь… Вторая эпоха начинается, когда деревни развиваются в города»[5]. Тем самым,

---

[1] Подробнее см.: *Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 124.

[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 69-71; *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 4-7.

[3] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 56.

[4] Там же. С. 9.

[5] *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002. С. 380.

для Ф. Тенниса, город – это наивысшая и потому наиболее сложная форма человеческого сосуществования, социальные взаимодействия в котором во многом определяются его размерами.

Небольшой город характеризуется общинным взаимодействием, с деревней его роднит местная структура, противополагаемая семейной структуре дома, хотя и город, и деревня сохраняют многие признаки семьи, но у деревни их больше, чем у города. Смена общины обществом происходит в крупных городах, в которых почти полностью утрачиваются общинные признаки, разрозненные личности или, опять-таки, семьи начинают противостоять друг другу, а общее всем им место оказывается лишь случайным и ими самими выбираемым местожительством: «Крупный город состоит исключительно из свободных личностей, которые поддерживают между собой постоянные сношения и контакты, обмениваются и взаимодействуют друг с другом, и при этом никакая общность и никакая общностная воля между ними не возникает – разве что спорадически, как пережиток прежнего, но все еще фундаментального состояния»[1].

Большие города характеризуются многими негативными явлениями: «В таком городе, а значит, и в общественном состоянии вообще подлинной влиятельностью и жизнеспособностью располагают только могущественные, богатые, образованные люди; это они задают ту меру**,** которой низшие слои ради обретения общественной власти должны руководствоваться и в своем стремлении потеснить их, и в своем старании им уподобиться»[2]. Таким образом, крупный город со своими многочисленными внешними связями, контрактами и контрактными отношениями способствует внутренней враждебности. Ф. Теннис так же, как до этого К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечает конфликтный потенциал городов, связанный с антагонистическими интересами, противоположностью между богатыми и бедными, между

[1] *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002. С. 370-371.

[2] Там же. С. 370.

господствующим и подчиненным классами, которые стремятся помешать и навредить друг другу[1], что указывает на то, что отношения внутри сообщества характеризуются не только интеграцией и кооперацией, но демонстрируют социальные отношения во всем их многообразии. Однако для Ф. Тенниса самым важным моментом оказывается специфика социальных отношений, формирующихся в крупных поселениях и то, как они меняются по мере становления промышленного общества.

Необходимо отметить, что на трансформацию социальных отношений в промышленных городах указывает и Э. Дюркгейм. В работе «О разделении общественного труда»[2] он рассматривает вопросы, схожие с теми, которые подробно изучает Ф. Теннис. Специфику социальных отношений, формирующихся в больших городах, Э. Дюркгейм характеризует, противопоставляя механическую солидарность органической.

В доиндустриальную эпоху сообщество основывается на механической солидарности, которая обеспечивается общностью места проживания. В индустриальном городе с большой численностью населения ситуация меняется, «города всегда формировались и пополнялись главным образом за счет иммигрантов, т. е. индивидов, покинувших родную среду»[3], на смену механической солидарности приходит органическая, связанная с разделением труда. Между городами, как и внутри них возникает разделение труда: «Различные города все более стремятся к определенным специальностям, так что мы теперь различаем города университетские, чиновничьи, фабричные, торговые, города с минеральными водами, города-рантье»[4]. В каждом городе формируются сложные системы социальных отношений, в том числе, внутри профессиональных сообществ и между ними.

---

[1] *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002. С. 371.

[2] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

[3] Там же. С. 23.

[4] Там же. С. 197.

Э. Дюркгейм прогнозирует, что «мы увидим, как по мере исторического развития организация, имеющая основой территориальные группы (деревня или город, округ, провинция и т. д.), все более теряет свое значение»[1] вследствие того, что индустриализация меняет не только формы пространственной организации, но и социальные отношения. Вместе с тем он обращает внимание и на негативные социальные явления, которые получают все большее распространение вместе с урбанизацией. Одним из них французский социолог называет самоубийства, рост числа которых он связывает с интенсивной экономической деятельностью: «Внутри каждой страны мы констатируем ту же связь. Повсюду самоубийство свирепствует в городах сильнее, чем в деревнях. Цивилизация концентрируется в больших городах; самоубийство тоже»[2]. Необходимо отметить, что Э. Дюркгейм не только описывает происходящие изменения, но и предлагает пути преодоления возникающих проблем[3], что свойственно для многих представителей французской социологии, изначально ориентированной на решение практических задач активно развивающегося капиталистического общества. При этом для французского социолога также характерно понимание города как сообщества, поскольку несмотря на безличность, отчуждение и конфликты, органическая солидарность может быть основой социальной сплоченности.

Но наиболее полно вопросы функционирования промышленного капиталистического города представлены в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, в центре внимания которых оказывается «бедственное положение рабочего класса в европейских городах»[4]. Город предстает в теории этих немецких

---

[1] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 34.

[2] Там же. С. 253.

[3] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

[4] *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 251-252.

социологов, в первую очередь, в качестве того пространства, где ярче всего проявляют себя противоречия капиталистического общества.

Вследствие этого некоторые исследователи (например, М. Маккуарри, Н. П. Марвелл)[1] полагают, что в основе подхода К. Маркса и Ф. Энгельса к пониманию города находится идея конфликта, выделяющая его среди других социологов, которые рассматривают город как сообщество, ключевой характеристикой которого является интеграция. Однако это представляется не совсем верным, поскольку сообщества демонстрируют всю палитру социальных отношений, в том числе и конфликты. В частности, Парижская Коммуна во многом рассматривается К. Марксом как сообщество, стремящееся преодолеть свои внутренние противоречия на основе революционных изменений. С его точки зрения, «Парижская Коммуна должна была служить естественным образцом всем большим промышленным центрам Франции»[2], а также «политической формой самых маленьких деревушек»[3]. Тем самым, Париж предстает как сообщество, которому «предстояло самоотверженно бороться за дело Франции»[4] и продемонстрировать пример новой формы политической организации для всех населенных пунктов страны.

Поэтому анализ промышленных городов К. Марксом и Ф. Энгельсом не следует противопоставлять подходу, в рамках которого город понимается как сообщество. Немецкие социологи также во многом понимают город как сообщество, но делают акцент на тех конфликтах и противоречиях, которые характерны для промышленного города, социальных проблемах, требующих своего решения.

По словам К. Маркса, «чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на одной и той

---

[1] *McQuarrie M., Marwell N. P.* The Missing Organizational Dimension in Urban Sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 249-255.

[2] *Маркс К.* Гражданская война во Франции (1870-71 г.). М.: Государственное издательство, 1919. С. 49.

[3] Там же. С. 50.

[4] Там же. С. 39.

же площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие рост богатства “улучшения” (*improvements*) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством расширения улиц для деловых сношений и для роскошных экипажей, путем постройки конок и т. д. быстро вытесняют бедноту во все худшие и худшие и все более переполненные трущобы»[1]. Тем самым, жилищный вопрос, вернее, нежелание властей заниматься его решением, несмотря на распространение эпидемий, становится одним из самых острых для ранних промышленных городов, которые можно описать как пространство вопиющей социальной несправедливости, бедности и конфликтов.

В частности, Ф. Энгельс указывает на то, что во всех английских городах середины XIX века наблюдается схожая картина: «Варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной стороны, и неописуемая нищета – с другой, везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабёж под охраной закона, и всё это делается с такой бесстыдной откровенностью, что приходишь в ужас от последствий нашего общественного строя, которые выступают здесь столь обнажённо, и уже ничему не удивляешься, разве только тому, что в этом безумном круговороте всё до сих пор ещё не разлетелось прахом»[2]. Причем, главным оружием в этой социальной войне, охватившей ранние промышленные города, является капитал, обладатели которого не стремятся к улучшению жилищных условий бедняков. Более того, К. Маркс не исключает, что «сегодня сносные жилищные условия какого-нибудь промышленного города завтра могут сделаться отвратительными»[3]. И, действительно, на протяжении всего

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1978. Т. 1. С. 672.

[2] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2. С. 264.

[3] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1978. Т. 1. С. 676.

XIX столетия можно говорить скорее об ухудшении качества жизни в больших городах, чем об их улучшении. Л. Мамфорд полагает, что одним из доказательств этого служит динамика детской смертности в Нью-Йорке, которая росла в XIX веке[1], несмотря на развитие медицины.

Итак, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают город как концентрацию населения, орудий производства, капитала, наслаждений и потребностей, характерную для капиталистического общества: «Города <…> были настоящими “союзами”, порожденными непосредственными потребностями, заботой об охране собственности и стремлением умножить имевшиеся у отдельных членов средства производства и средства защиты»[2]. Согласно немецким социологам, условия жизни в городе представляют собой продукт капитализма, что заставляет их сосредоточить свое внимание на социальном неравенстве и конфликтах, как неизбежных спутниках урбанизации.

Э. Сойя высоко оценивает вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в разработку этих проблем: «Энгельс был первым, кто заметил и описал, как тесная агломерация рабочих в таких городах, как Манчестер, способствовала зарождению классового сознания и классовой борьбы, вызвав существенную реорганизацию городского пространства для ответа на городские волнения и поиски новых путей к национальному экономическому возрождению и росту, к которым изначально относились стратегии растущей глобализации, распространения городской деятельности и национальных капитализмов на глобальном уровне»[3]. Необходимо отметить, что рассмотренные выше представители немецкой классической социологии не только предлагают подробный анализ социальных процессов в ранних промышленных городах, но и формулируют те идеи, которые до сих пор оказывают значительное влияние на современные исследования города и урбанизации. Фактически,

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 171.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К. Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 375.

[3] *Сойя Э.* Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. С. 39.

они предлагают одну из традиционных схем рассмотрения городов, в частности, Д. Харви на примере современных городов демонстрирует, как промышленный капитализм перестраивает городское пространство на основе своих интересов[1], продуцируя социальные конфликты и усугубляя неравенство.

Следует отметить, что английские города не случайно становятся модельными объектами для рассмотрения проблем промышленного капиталистического города в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса. Темпы урбанизации в Великобритании были выше, чем в других странах, поэтому неудивительно, что крупнейшим городом мира в XIX – начале XX века был Лондон[2], и английские города раньше других продемонстрировали социальные проблемы, характерные для промышленного капиталистического города.

Соответственно, вопросы, обозначенные К. Марксом и Ф. Энгельсом, привлекают внимание и в самой Великобритании, где появляется школа «проектировщиков городского пространства»[3], чьи представители (Ч. Бут, П. Геддес, Э. Говард и другие) уделяют значительное внимание решению социальных проблем растущих индустриальных городов, считая это одним из главных направлений социологических исследований.

Британские социологи концентрируют свое внимание на возможностях преодоления бедности и нищеты, то есть создании достойных условий жизни для представителей самых разных социальных групп. Особо стоит отметить многотомное исследование Ч. Бута и его коллег «Жизнь и труд населения Лондона»[4], которое становится основой для разработки ряда законодательных

---

[1] *Harvey D.* Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburgh: Edinburgh University Press; Berkeley: University of California Press, 2001; *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006; *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012 etc.

[2] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 529.

[3] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 38.

[4] *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London. 3rd ed., 17 vols. London: Macmillan & Co., 1902-1903.

инициатив и тем самым демонстрирует прикладную значимость проведенных исследований.

Работа другого представителя данной школы П. Геддеса «Эволюция городов»[1] также представляет собой подробный анализ того, как можно решить социальные проблемы городов и окружающих их территорий. В этом произведении он также вводит новый термин – «конурбация», под которой понимает скопление городов, и тем самым одним из первых фиксирует агломерационные эффекты, получившие широкое распространение уже во второй половине XX века. Необходимо отметить, что крупные городские образования, согласно П. Геддесу, не могут быть комфортными для проживания, поскольку редко ориентированы на потребности их жителей. С его точки зрения, человек должен находиться в гармонии с природой, что требует довольно низкой плотности населения и ограничения размеров крупных городов и конурбаций, то есть фактически он уже в начале XX столетия предпринимает попытку сформулировать концепцию устойчивой урбанизации, набирающей популярность сегодня[2].

Идеи П. Геддеса о гармоничном сочетании природы и городской среды оказываются близки Э. Говарду, который предлагает свою концепцию «города-сада»[3], предполагающую создание множества небольших населенных пунктов с зелеными зонами. Он указывает на необходимость ограничения численности населения в крупных городах, где фиксируется высокая смертность вследствие неблагоприятных условий жизни. Согласно Э. Говарду, децентрализация может способствовать не только улучшению физического здоровья, но и решению ряда социальных проблем капиталистического общества, во многом ставших результатом промышленной революции.

---

[1] *Geddes P.* Cities in Evolution. London: Williams & Norgate, 1915.

[2] World Cities Report 2020: The Value of Sustainable Urbanization. UN-Habitat, 2020. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf (accessed: 25.11.2021).

[3] *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: Swan Sonnenschein & Co., Ltd. Paternoster Square, 1902.

Так, представители школы «проектировщиков городского пространства» предлагают проекты реконструкции промышленных городов, которые могут способствовать повышению качества жизни. При этом, они инициируют рассмотрение тех вопросов, которые приобретают высокую значимость уже во второй половине XX столетия. В частности, речь идет о формировании более сложных урбанизированных образований, нежели города, и проектах устойчивой урбанизации, учитывающей требования бережного отношения к окружающей среде. Тем не менее, в центре их внимания оказывается именно промышленный город, пути преобразования которого они и предлагают.

Среди представителей классической социологии особо стоит отметить немецкого социолога Г. Зиммеля, чей вклад в развитие пространственной проблематики на рубеже XIX – XX веков отечественный исследователь А.Ф. Филиппов считает наиболее значимым[1]. В центре внимания Г. Зиммеля оказывается пространство, которое понимается как основа «формообразования совместной жизни»[2], то есть сообщества. И одной из форм организации социальной жизни является город, который понимается немецким социологом как «локальная форма коллективной жизни»[3]. При этом Г. Зиммель не только рассматривает город как сообщество и одну из форм социальной жизни, но и полагает, что сфера его влияния не заканчивается его географическими границами, а распространяется на интеллектуальные, экономические и политические силы по всей стране.

Таким образом, городское сообщество функционально расширяется за пределы своих территориальных границ и становится общей областью действия и для других сообществ[4]. Городское сообщество для Г. Зиммеля – это

---

[1] *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. С. 64.

[2] *Simmel G.* Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2009. P. 545.

[3] Ibid. P. 547.

[4] *Simmel G.* The Sociology of Space // Simmel on Culture: Selected Writings / ed. by D. Frisby and M. Featherstone. London – Thousand Oaks: Sage, 1997. P. 139.

локальная форма групповой жизни, влияние которой может преодолевать не только ее непосредственные территориальные границы, но и оказывать существенное влияние на разные стороны общественной жизни: «Город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие»[1]. В чем-то эти идеи находят свое продолжение в трудах современного американского социолога С. Сассен, которая полагает, что глобальные города – это ключевые центры современного мира, влияние которых выходит далеко за их территориальные границы[2]. Для Г. Зиммеля уже в начале XX столетия было очевидно, что большие города начинают играть значимую роль в обществе, формируя новые модели поведения, получающие все большее распространение по мере развития урбанизации, поэтому именно большим городам немецкий социолог уделяет особое внимание.

Он отмечает, что контраст существует не только между городом и деревней, но также между большим и маленьким городом, жизнь в котором, как и в деревне, отличается медленным, привычным и равномерным ритмом[3]. Большой город предоставляет человеку индивидуальную и социальную свободу: «Сейчас житель большого города “свободен” (в духовном, утонченном смысле) сравнительно с мелочностью и предрассудками, связывающими жителя маленького города»[4]. Однако свобода и независимость в большом городе – результат взаимной замкнутости и безразличия. Физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность, поэтому, согласно Г. Зиммелю, нигде человек не чувствует себя таким одиноким и покинутым, как среди общей давки больших городов. Немецкий социолог описывает горожанина как чужака, каковым он является

---

[1] *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 31.

[2] *Sassen S.* The Global City: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.

[3] *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 24.

[4] Там же. С. 30.

вследствие своей инаковости и непохожести на других, что делает его носителем новой свободы.

По словам Р. Сеннета, «инаковость» в начале XX столетия составляет материальное условие городской жизни[1]. Берлин на рубеже XIX-XX веков становится центром притяжения мигрантов из Польши, Венгрии и с Балкан, переселявшихся из деревни в город. Они не только не знают немецкого языка, но и приносят с собой элементы крестьянской культуры, поэтому тема «чужака», нашедшая отражение в образе странника[2], имеет довольно важное значение для Г. Зиммеля. Но несмотря на все социальное и культурное разнообразие горожане демонстрируют «солидарность с пространством»[3], которая позволяет им функционировать в качестве сообщества.

Вопросы, обозначенные Г. Зиммелем в самом начале XX столетия, активно продолжают обсуждаться и в современной социологии. В частности, З. Бауман обращает внимание на то, что чувство одиночества является одной из главных характеристик жизни в городе. Это то свойство города, на котором он выстраивает свое определение, в чем-то повторяющее сформулированное в начале XX столетия М. Вебером. Согласно З. Бауману, города – это места, «где встречаются незнакомцы, где они остаются вблизи друг друга и где они взаимодействуют друг с другом на протяжении долгого времени, не переставая при этом оставаться незнакомцами»[4]. Тем самым, город для З. Баумана – это сообщество чужих друг другу людей, каждый из которых живет своей жизнью, мало интересуясь тем, что происходит в непосредственной близости от него. Так, тема «чужака», подробно рассмотренная Г. Зиммелем[5], остается актуальной и в современной социологии.

---

[1] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3. С. 96.

[2] *Simmel G.* Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2009. P. 601-620.

[3] Ibid. P. 548.

[4] *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 26.

[5] *Simmel G.* Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2009. P. 601-620.

Итак, представители классической социологии создают теоретико-методологические основы рассмотрения города как сообщества, что далее находит свое продолжение в трудах представителей Чикагской школы. Более того, в США происходит институционализация исследований города и урбанизации. По словам американского социолога Р. Сеннета, «“берлинская школа” [в первую очередь, М. Вебер и Г. Зиммель] на рубеже веков вдохновила некоторых ее американских учеников на совместную работу в данном направлении, и соответствующая деятельность велась в Чикагском университете в 1910-1940-х годах»[1]. Одним из самых ярких представителей Чикагской школы этого периода следует назвать американского социолога Р. Парка, в свое время прослушавшего курс по социологии в Берлине у Г. Зиммеля.

Ключевой работой, где подробно излагается специфика понимания города в качестве сообщества, является статья Р. Парка «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок»[2]. В ней американский социолог указывает на то, что важнейшим условием функционирования городов является разделение труда, которое вследствие связанной с ним индивидуализации и диверсификации задач обеспечивает основу для кооперации и образования сообщества, а поэтому «при прочих равных условиях в более крупном *сообществе (курсив – И.А. Вершинина)* разделение труда будет более широким»[3]. При этом неравенство для Р. Парка представляет собой естественный результат состязательной кооперации и «роста сообщества»[4], которые неизбежно ведут не только к социальному отбору, но и к сегрегации населения. Тем самым, город рассматривается не только как пространство особых социальных отношений, интеграции, но и конфликтов.

---

[1] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3. С. 95.

[2] *Park R. E.* The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // The Urban Community: Selected Papers from the Proceedings of the American Sociological Society, 1925 / ed. by E. W. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1926.

[3] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11.

[4] Там же. С. 13.

Более того, по мнению американского исследователя, именно город должен находится в центре внимания социолога, так как основные социальные проблемы – это проблемы городского развития, в том числе и социальные конфликты. Интерес к городам американский социолог объясняет следующим образом: «Город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями»[1]. Город – это мир, сотворенный человеком и определяющий социальное развитие на протяжении значительной части истории общества.

Многие социальные явления наиболее ярко проявляются в городе, поскольку он становится для Р. Парка «центром и средоточием социальных изменений, которые постепенно умножались и усложнялись до того, что сегодня каждый большой город является локальным центром мировой экономики и цивилизации, в котором локальные и племенные культуры, постоянно смешиваясь, вскоре вовсе исчезнут»[2]. Изучение города – наиболее простой и удобный путь для того, чтобы диагностировать наиболее острые социальные проблемы и предлагать их решение.

Для Р. Парка город – это сложное сообщество, которое требует детального изучения: «Современный город давно перестал быть той агломерацией индивидуальных жилищ, какой была крестьянская деревня. Скорее, он похож на цивилизацию, центром и средоточием которой является он сам, на некую обширную физическую и институциональную структуру, где люди живут, как пчелы в улье, в таких условиях, что их деятельности регулируются, регламентируются и обусловливаются гораздо больше, чем может показаться зрителю или самому его обитателю»[3]. При этом необходимо отметить, что лидер Чикагской школы делает акцент на естественном

---

[1] *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 4.

[2] Там же.

[3] *Парк Р.* Физика и общество // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 8-9.

развитии города, что не вносит ясность в вопрос о том, насколько сильно можно корректировать его траекторию принятием политических решений. Тем не менее, идеи Р. Парка оказывают серьезное влияние на последующие исследования города и урбанизации, в частности, на его ученика Л. Вирта. Именно он предлагает определение города, ставшее классическим для социологии и во многом продолжающее идеи Г. Зиммеля, Ф. Тенниса и М. Вебера о специфике урбанистического социального пространства.

Л. Вирт указывает на следующее: «Очевидно, что социологическое определение должно быть достаточно широким для того, чтобы охватить все существенные характеристики, объединяющие разные типы городов и отражающие их социальную сущность, но, вместе с тем, оно не может быть столь детальным, чтобы учесть все вариации, имплицитно присутствующие во всем множестве рассмотренных выше классов»[1]. Учитывая все вышесказанное, Л. Вирт полагает, что «для социологических целей город может быть определен как относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов»[2]. Данное определение подчеркивает специфику социальных отношений в городах, о которой ранее уже писали М. Вебер и Г. Зиммель.

Именно эти независимые величины – размер, плотность и гетерогенность – создают особый образ жизни, который Л. Вирт называет урбанизмом. Главная проблема, которая стоит перед исследователем при изучении города – «выявить те формы социального действия и организации, которые типичным образом проявляются в относительно постоянных и компактных поселениях большого числа гетерогенных индивидов»[3]. Изучение городского образа жизни, по мнению Л. Вирта, приобретает все большее значение по той причине, что «город все больше становится не просто местом,

---

[1] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 7.

[2] Ibid. P. 8.

[3] *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 101.

где современный человек живет и работает, но и стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные сообщества земного шара и соединяющим в единый космос разные территории, народы и виды деятельности»[1]. Таким образом, для Л. Вирта так же, как и для Р. Парка, город – центр общественной жизни, а следовательно, один из главных объектов изучения социологии.

В творчестве Л. Вирта также получает продолжение тема свободы и одиночества, звучавшая еще у Г. Зиммеля: «Поверхностность, анонимность и мимолетность городских социальных связей позволяют понять ту умственную изощренность (*sophistication*) и ту рациональность, которые обычно приписывают обитателям городов. Наши знакомые обычно связаны с нами отношениями полезности, в том смысле, что роль, играемая каждым из них в нашей жизни, рассматривается нами всецело как средство для достижения наших целей. Хотя индивид достигает некоторой степени эмансипации, или свободы, от личного и эмоционального контроля со стороны близких групп, одновременно он теряет спонтанность самовыражения, моральный дух и чувство участия, сопутствующее жизни в интегрированном обществе»[2]. Отличительными чертами городского образа жизни американский социолог называет замену первичных контактов вторичными, ослабление родственных уз, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства и подрыв традиционной основы социальной солидарности[3]: «Сегментарный характер и утилитарная тональность межличностных отношений в городе находят свое институциональное выражение в умножении специализированных задач, наиболее развитую форму которых мы видим в профессиях»[4].

---

[1] *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 93-94.

[2] Там же. С. 106.

[3] Там же. С. 115.

[4] Там же. С. 106.

Для Л. Вирта урбанизация – это не просто процесс, посредством которого люди стягиваются в место, называемое городом, и встраиваются в его систему жизни, это еще и «кумулятивное заострение характеристик, которые отличают связанный с ростом городов образ жизни; наконец, это также то движение к образам жизни, считающимся городскими, которое проявляется у людей везде, где они оказываются в радиусе чарующих влияний, исходящих от города по транспортным и коммуникационным каналам, в силу огромного могущества его институтов и личностей»[1]. Так, для него город – это сообщество, с особым образом жизни, который может распространяться по каналам коммуникации и за его пределы. И в этом можно проследить преемственность с идеями Г. Зиммеля относительно того, что влияние города выходит далеко за его административные границы[2], несмотря на преимущественно поверхностные социальные отношения и взаимодействия, в первую очередь, с незнакомцами.

С. Сассен полагает, что Чикаго был для Р. Парка и его коллег не только лабораторией, но и эвристическим пространством, позволившим понять динамику промышленно-капиталистических обществ[3]. В тот период массовой иммиграции, быстрой индустриализации и урбанизации исследования Чикагской школы демонстрируют, как городские жители создают или не могут создать различные формы социальной организации, обеспечивающие социальную интеграцию, социальный порядок и социальный контроль[4]. По

---

[1] *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 97.

[2] *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 31.

[3] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 353.

[4] *Park R. E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment // American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5. P. 577-612; *Park R. E.* Human Ecology // Robert E. Park on Social Control and Collective Behavior: Selected Papers / ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967; *Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925; *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. New York: Knopf, 1918; *Wirth L.* The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928; *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 1-24.

мере роста численности населения и территории города становится очевидной сегментация как физического, так и социального пространства, которое дифференцируется вследствие деления на разнообразные районы. Определенные виды деятельности (деловая, криминальная и другие) сосредотачиваются в конкретных районах, между которыми возникают различия. Социологи из Чикагской школы на основании идей социальной экологии приходят к выводу, что район следует рассматривать как фундаментальную единицу общественной организации и социальной жизни, в основе которой находится сообщество. Социальными силами, лежащими в основе развития данного социального образования и поддерживающими социальный порядок, они называют религиозные общины, районные газеты, этнические объединения и школы.

Итак, для социологов Чикагской школы, города – это сообщества, которые, несмотря на все различия между ними, тяготеют «к некоторому образцу (*pattern*) и этот образец неизменно оказывается констелляцией типичных городских ареалов, которые могут быть географически локализованы и пространственно определены»[1]. Исследования американских социологов представляют собой попытку понять те социальные процессы, которые они фиксируют в новом «большом, плотном и неоднородном» городе[2]. Вслед за представителями классической социологии они рассматривают город как сообщество, функционирование которого является условием социального равновесия, нарушенного стремительной урбанизацией.

Социологи Чикагской школы пытаются описать многообразие «социальных миров», или сообществ, существующих даже в крупных городах. В частности, по словам Р. Парка, «сообщества, в которых рост населения достигается за счет преобладания рождаемости над смертностью, и

---

[1] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 15.

[2] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 1-24.

сообщества, население которых растет благодаря иммиграции, совершенно различны»[1], но это не мешает и тем, и другим оставаться именно сообществами. Для социологов из Чикагской школы местные сообщества представляют собой не пережитки прошлого, а социальную форму жизни, продолжающую существовать в условиях растущей урбанизации, имеющую собственный жизненный цикл и отражающую особенности функционирования разных социальных групп. Местное сообщество рассматривается как постоянная система социальных связей, в которую ассимилируются новые представители и новые поколения. Причем включение новичков в состав местных сообществ является длительным процессом, предполагающим развитие социальных отношений и формирование чувства солидарности.

В контексте анализа исследований города и урбанизации в первой половине XX столетия необходимо отметить работу, проведенную между мировыми войнами учеными из Колумбийского университета Робертом и Хелен Линд[2]. В центре их внимания оказываются типичные американские индустриальные города со свойственными им социальными проблемами, в том числе и вызванными Великой депрессией. Они рассматривают город «как представительный микрокосм всего американского общества»[3], то есть сообщество, также продолжая линию, заданную классической социологией.

Тем самым, американские социологи как в Чикагском, так и в Колумбийском университетах продолжают исследования города и урбанизации, начатые классиками, более того, выводят их на новый уровень, называя город своеобразной «лабораторией» для всего общества в целом. Это приводит к оформлению социологии города в одну из теорий среднего уровня

---

[1] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 13.

[2] *Lynd R. S., Lynd H. M.* Middletown: A Study in American Culture. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1929; *Lynd R. S., Lynd H. M.* Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1937.

[3] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 71.

и отрасль социологического знания[1]. Необходимо отметить, что в первой половине XX столетия речь идет преимущественно о городе, что и зафиксировано в названии ключевой для Чикагской школы работы «Город»[2], где формулируется и развивается тезис о том, что основные социальные проблемы концентрируются в городах, анализ которых чрезвычайно значимым для понимания общества в целом.

Подводя итоги анализу исследований города и урбанизации в XIX – первой половине XX века, следует отметить, что несмотря на то, что город оказывается в центре внимания социологии сразу после ее оформления как самостоятельной науки[3], в классических теориях XIX – начала XX века он занимает далеко не центральное место. Тем не менее, уже к концу XIX столетия оформляются теоретико-методологические подходы к пониманию города и основные направления его исследований. Согласно классической социологии, город представляет собой сообщество, которое эволюционирует и проходит разные этапы вместе с развитием общества. Это предполагает историко-социологический анализ различных его форм, среди которых особое место занимает промышленный город.

При этом, каждый из социологов предлагает собственную перспективу рассмотрения урбанистического сообщества. Г. Зиммель описывает пространство в целом как весьма значимый фактор формирования социальных отношений и оформления сообщества[4]. Э. Дюркгейм уделяет внимание, прежде всего, разделению труда: «Каждый город вместе с непосредственно прилегающими к нему окрестностями образует группу, внутри которой труд

---

[1] *Осипова Н. Г.* Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 2. С. 32.

[2] *Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

[3] *Eisenstadt S. N., Shachar A.* Society, Culture and Urbanization. Newbury Park: Sage, 1987. P. 50.

[4] *Simmel G.* The Sociology of Space // Simmel on Culture: Selected Writings / ed. by D. Frisby and M. Featherstone. London – Thousand Oaks: Sage, 1997. P. 147.

разделен, но которая стремится быть самодостаточной»[1]. Для М. Вебера город представляет собой особое сообщество, которое поощряет индивидуальность и инновации и, следовательно, является двигателем исторических перемен.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса город предстает, в первую очередь, как пространство социального неравенства и конфликтов между различными социальными группами, которые обостряются в процессе становления капиталистического общества. Немецкие социологи уделяют особое внимание пролетариату, поскольку положение рабочего класса считается «основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий»[2]. Тем самым, их интересует, в первую очередь, промышленный город, который возникает как результат процесса индустриализации, но который, тем не менее, вполне может быть рассмотрен в качестве сообщества.

Окончательно понимание города как сообщества фиксируется в первой половине XX столетия в исследованиях американских социологов. Они изучают механизмы интеграции социально и культурно различных групп населения[3], то есть сообществ, которые образуются и преобразуются в результате миграции и мобильности. Значение американской социологии этого времени для исследования города и урбанизации сложно переоценить: именно ее представители выдвигают город на первый план социологии и предлагают подробный анализ разнообразных социальных проблем индустриального города, который, тем не менее, рассматривается как сообщество. Более того, именно в США происходит вычленение социологии города в самостоятельное направление исследований.

---

[1] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 196.

[2] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2. С. 238.

[3] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 351.

Социология города закладывает методологическую основу социологии города и урбанизации, в основе которой находится понимание урбанистических образований как сообществ. Сообщество представляет собой одну из важнейших категорий социологической науки, которая имеет несколько значений, но традиционно связывается с пространственностью, то есть проживанием на одной территории, поскольку «людей обязательно объединяет факт проживания в непосредственной близости»[1]. В современной социологии сообщество может рассматриваться как объединение, не требующее совместного присутствия, поскольку в его основе могут быть общие интересами (например, профессиональное сообщество) или общая идентичность (например, религиозное сообщество). Однако это не отменяет того, что общность места жительства продолжает оставаться фактором образования сообщества, делая его ключевой категорией для социологического анализа города и урбанизации, поскольку пространственный контекст оказывает существенное значение на повседневную жизнь людей. При этом урбанистическое сообщество может характеризоваться как схожестью интересов и идентичности, так и отношениями конфликта[2], и обе эти позиции представлены в социологии.

Во второй половине XX века появляются новые социологические ракурсы рассмотрения города и урбанизации, что связано с оформлением постиндустриального общества. Более того, в последней трети XX столетия фиксируется так называемый «пространственный поворот (*spatial turn*)»[3], связанный с беспрецедентным распространением критического пространственного осмысления, что не остается без внимания социологии.

---

[1] *Crow G.* Community // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden, Oxford: Blackwell Publishing, 2009. P. 617.

[2] Ibid. P. 618.

[3] The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008; Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / ed. by J. Doring and T. Thielmann. Bielefeld: Transcript, 2008; Kommunikation-Gedachtnis-Raum: Kulturwissenschaften nach dem «spatial turn» / ed. by M. Csaky and Ch. Leitgeb. Bielefeld: Transcript, 2009.

Термин «пространственный поворот» предложен американским исследователем Э. Сойей[1], однако высказывается мнение, что его идеи являются развитием концепции французского социолога А. Лефевра, предложенной в работе «Производство пространства»[2], и также могут рассматриваться как логичное продолжение работ представителей Чикагской социологической школы[3]. Тем не менее, распространение пространственного мышления на разные академические дисциплины и предметные области отмечается в конце XX столетия, и как «пространственный поворот» обозначается именно Э. Сойей.

Для социологии пространственный поворот предполагает не только новую волну интереса к исследованиям города и урбанизации, но также анализ новых урбанистических реалий, связанных с переходом общества на новый этап своего развития, которые одни социологи характеризуют как постмодерн[4], а другие – как меняющийся (поздний, радикализированный, исчерпанный и так далее), но все еще модерн[5]. Современные исследования связаны со становлением постиндустриального города, который требует новых подходов к своему изучению, демонстрируя новую морфологию, усиленную процессами глобализации и цифровизации. И на этом этапе, который можно назвать современным, речь идет уже об изучении не только города, но и урбанизации в целом. Тем самым, в последней трети XX века происходит переход от социологии города к современному этапу – социологии города и урбанизации, в рамках которого существует множество

---

[1] *Soja E.* Taking Space Personally // The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008.

[2] *Lefebvre H.* La Production de l’espace. Paris: Anthropos, 1974.

[3] *Маяцкий М.* Место пространству! Этот очень special «spatial turn» // Пушкин. 2009. № 3. С. 80-85.

[4] См., напр.: *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008; *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М.: Издательство «Логос». 2002; *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998 и другие.

[5] См., напр.: *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; *Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001; *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011 и другие.

исследовательских направлений, некоторые из которых, тем не менее, продолжают развивать темы, возникшие в XIX – первой половине XX века. Новые направления исследований в социологии во многом следует рассматривать как результат современного этапа урбанизации, который кардинальным образом отличается от предыдущих.

§ 2. Основные этапы урбанизации и их осмысление в современной социологической теории

Любые теоретические разработки в области исследований города и урбанизации обусловлены признанием значительных изменений социальной, экономической и политической жизни. Следовательно, любые концепции города и урбанизации детерминированы, в первую очередь, историческим процессом, хотя и ведут к оформлению разнообразных подходов, которые предлагают авторы[1]. Но каждая из теорий и концепций объясняет те исторические условия, в которых она была изначально разработана, поэтому для понимания специфики современного этапа урбанизации и его отражения в социологических теориях необходимо проследить всю историю эволюции урбанистического пространства.

Как весьма образно указывает американский исследователь Л. Мамфорд, город долгое время символически был целым миром; а сейчас мы видим мир, который во многом превратился в город[2]. И именно происходящие социальные изменения дают «второе дыхание» исследованиям города и урбанизации в социологии, поскольку со второй половины XX столетия урбанистическое пространство претерпевает довольно серьезную трансформацию, что получает свою интерпретацию в современных социологических теориях.

Так, урбанизация представляет собой гораздо более сложное явление, нежели просто переселение людей из сельских районов в городские, поскольку формируется новый образ и стиль жизни. Американский социолог Ч. Тилли предлагает рассматривать урбанизацию как макропроцесс, связанный с повседневной жизнью, но вместе с тем позволяющий лучше понять социальную

---

[1] *McQuarrie M., Marwell N. P.* The Missing Organizational Dimension in Urban Sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 249.

[2] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. XI.

историю в целом[1]. С его точки зрения, изучение городов и процессов урбанизации является лучшим способом для того, чтобы проследить изменение общества, поскольку город – это базовая форма организации пространства и социальной жизни. Поэтому все этапы урбанизации находят свое отражение в социологической теории, позволяя увидеть трансформацию не только пространственных форм, но и общества в целом.

Города возникают нескольких тысячелетий назад, и за этот период они становятся, по словам Р. Парка, общепринятой «пространственной конфигурацией»[2], то есть фактически представляют собой историческую форму организации социальной жизни, существующую со времен цивилизационного перехода. Более того, сам термин «цивилизация» своими корнями уходит к латинскому *civis*, который трактуется многими авторами как «гражданин, проживающий в городе»[3]. На это указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, считая, что «противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации»[4]. Схожие идеи высказывает и уже упомянутый выше Р. Парк, для которого город представляет собой естественное обиталище цивилизованного человека, поскольку именно в городе человек создал философию и науку: «Именно в городской среде – в мире, который человек сам себе создал – человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей»[5]. Тем самым, урбанизация является одним из ключевых процессов, представляющих интерес для социологии, поскольку социальная, экономическая, политическая

---

[1] *Tilly Ch*. What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. № 6. P. 702-719.

[2] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11.

[3] *Palen J.J.* The Urban World. London: Paradigm Publishers, 2008. P. 3; *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 23.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К. Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 373.

[5] *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3.

и культурная жизнь общества концентрируется в городах, а с XX столетия и в более сложных урбанистических образованиях.

Социальная история – это во многом урбанистическая история, поскольку общества любой эпохи конституируются преимущественно теми же процессами, которые формируют их города[1], и поэтому неудивительно, что Р. Парк в названии одной из своих ключевых статей называет город «социальной лабораторией». Для него именно город является «предпочтительным местом для исследований социальной жизни»[2], поскольку он убежден, что города являются теми пространствами, где разворачиваются наиболее значимые социальные процессы. При этом численность жителей городов к началу XIX века составляла лишь 3% мирового населения[3], однако это не мешало относительно небольшим по современным меркам городам на протяжении многих столетий быть экономическими, политическими и культурными центрами всех великих древних цивилизаций, поскольку урбанистическое пространство во все времена характеризуется максимально разнообразными видами деятельности людей.

Французский социолог А. Лефевр предпринимает одну из попыток выделить основные этапы развития городов и урбанизации, значимые для социальной истории. По его словам, если попытаться представить процесс урбанизации как прямую, на которой точка отчета соответствует отсутствию городов, а с другой стороны находится полностью урбанизированное общество, в котором и сельская местность под влиянием городов превратилась в урбанизированные территории, то можно проследить, как развивался процесс урбанизации[4]. Близко к нулю появляется полис, то есть город как политический центр, который доминирует в окружающей его сельской

---

[1] *Read S.* Intensive Urbanisation: Levels, Networks and Central Places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 1. P. 2.

[2] *Парк Р.* Город как социальная лаборатория// Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 12.

[3] *Cohen R., Kennedy P.* Global Sociology. New York: New York University Press, 2007. P. 408.

[4] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 70.

местности. Чуть дальше на оси можно отметить торговый город, в основе развития которого оказались операции обмена, расширение связей, в том числе и с иностранцами, деньги и движимое имущество. Затем история городов представляет собой дуальное развитие индустриализации и урбанизации, когда сельское хозяйство становится менее значимым, нежели ремесла и промышленное производство, что открывает путь к развитию капитализма и становлению нового типа города.

Тем не менее, многие современные города уже не являются индустриальными центрами, что стало одним из результатов трансформации рынка труда при переходе к постиндустриальному обществу. Эти изменения находят свое отражение в концепции постметрополиса Э. Сойи, который предлагает свою логику развития «пространственности человеческой жизни»[1]. Он выстраивает свою версию урбанистической истории, следуя за идеями А. Лефевра о «производстве пространства»[2], которое, с одной стороны, детерминируется мыслями и действиями людей, с другой стороны, начинает формировать соответствующий ему образ жизни и мышления. Признание того, что пространственность является социально сконструированной, позволяет ему рассматривать все исторические и социальные процессы как своеобразное «сотворение географии», основой которой следует считать процесс урбанизации.

Э. Сойя предлагает данную концептуальную основу и «выстраивает типологизацию урбанистических форм жизни как историческую периодизацию, как “геоисторию” человеческих поселений, аккумулирующих в пространственных формах формы социальной жизни»[3], которые могут быть представлены через историю четырех урбанистических революций. Его

---

[1] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 6.

[2] *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.

[3] *Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 74.

версия «геоистории» во многом представляет собой обобщение и продолжение идей А. Лефевра и Л. Мамфорда о том, что является главными вехами процесса урбанизации.

Однако Э. Сойя включает в свою периодизацию новые процессы, практически отсутствующие у двух предыдущих авторов, и связывает современные изменения, характерные для городов, с четвертой урбанистической революцией. Это выделяет его концепцию среди остальных несмотря на то, что взгляд Э. Сойи на первые этапы урбанизации во многом является повторением тезисов, высказанных ранее другими авторами. Тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть все выделенные им урбанистические революции, чтобы, во-первых, не нарушать логику его рассуждений, позволяющую проследить урбанистическую историю от возникновения первых городов до наших дней, и, во-вторых, подробнее ь на специфике каждого из этапов.

Первая урбанистическая революция, согласно Э. Сойе, связана с так называемой «протоурбанизацией»[1], ставшей результатом перехода к оседлому образу жизни. Около 40 тысяч лет назад начинается строительство еще не городов, но поселений, которые при необходимости можно легко забросить или перестроить, что является значительным шагом вперед по сравнению с пещерными жилищами. Одомашнивание растений и животных примерно 10 тысяч лет назад, названное неолитической революцией, приближает человечество к полноценному земледелию и животноводству вместо охоты и собирательства, на территории юго-западной Азии происходит становление таких политических форм, как «вождизм» или «деревня-государство». Это сопровождается оформлением новых поселенческих форм, меняющих социальную жизнь и социальный порядок, посредством систематической планировки и упорядоченного распределения земли. Однако аграрные общества эпохи неолита, несмотря на все свои достижения (создание запасов

[1] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 23.

продовольствия, начало разделения труда, технологические решения, в частности, в сфере ирригации, появление письменности и другие атрибуты цивилизации), еще не создают того, что можно было бы именовать городом.

Необходимо отметить, что Л. Мамфорд также отмечает, что отправной точкой урбанизации следует считать не города, а «эополисы»[1], которые предстают как прототипы города, возникающие при переходе к оседлому образу жизни. Эти протогорода обеспечивают значительный экономический и культурный рост, поскольку сглаживают сезонные и циклические нарушения в сельском хозяйстве за счет избыточного производства.

Это самое начало урбанизации, которое редко попадает в сферу внимания социологов. Но именно этот период обеспечивает формирование основы для цивилизационного перехода и возвышения городов в качестве политических, экономических и культурных центров.

Результатом *второй урбанистической революции* становится оформление собственно городов, прежде всего, в Месопотамии, имевшее место около 6-7 тысяч лет назад и связанное с комплексом причин: усилением административной власти, развитием торговли, расширением религиозной и церемониальной деятельности, появлением новых технологий, ростом численности населения и так далее. Э. Сойя полагает, что необходимо также учитывать влияние синекизма[2], который в данном контексте он понимает как объединение нескольких деревень и поселений в одно большое и консолидированное урбанистическое образование.

Так, трансформация знания и власти ведет к изменению пространства и появлению города, среди которых одним из первых исследователь считает шумерский Ур[3]. Фактически, происходит практически одновременное создание двух новых пространственных форм социальной жизни – города и

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 285.

[2] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 23.

[3] Ibid. P. 60.

государства, иногда объединяющихся в город-государство, или полис, появление которого принято рассматривать как отправную точку цивилизации и письменной истории человечества. Ур представляет собой один из первых примеров подобного города-государства, хотя полис традиционно ассоциируется с Грецией. При этом Рим, по словам Э. Сойи, демонстрирует становление «города-империи»[1], где понятие гражданства относится уже не к жителю города, а к жителю государства. Тем не менее, даже в случае империи именно город, в данном случае Рим, рассматривается как основная пространственная форма и главная движущая сила истории.

Этот период урбанистического развития довольно подробно рассмотрен М. Вебером, который отмечает, что основой античных, а позднее и средневековых городов следует считать экономическое, политическое и культурное единство: «Античные города были в соответствии с представлениями их жителей (а эти представления имели на практике важное значение), прежде всего добровольными объединениями и конфедерациями, составленными из ассоциаций лиц отчасти преимущественно родового характера, а отчасти (как это было, вероятно, с фратриями) преимущественно военного»[2]. Однако в средневековых городах происходит ослабление рода в качестве конституирующего город элемента, поскольку города превращаются в «общественную ассоциацию, обладающую особыми и характерными органами, союз “бюргеров”, подчиненных в качестве таковых общему для всех них и только для них существующему праву»[3]. Более того, принадлежность жителей города к каким-либо другим сообществам, кроме городского, теряет свое значение.

Необходимо также отметить, что несмотря на социальную неоднородность городов они становятся уникальными пространствами, где «сословные различия исчезали, во всяком случае в той мере, в какой они означали отличие свободных

---

[1] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 24.

[2] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 58.

[3] Там же. С. 55.

(в традиционном смысле) от несвободных»[1], а свободным делал уже сам городской воздух. При этом М. Вебер оговаривается, что речь идет преимущественно о западном городе, который в Средние века «был скрепленной присягой “коммуной” и считался в правовом смысле “корпорацией”»[2]. Тем самым, западные средневековые города следует рассматривать как вполне автономные образования, определявшие правовое положение своих жителей как членов сообщества. Более того, в Средние века происходит формирование союзов городов, например, ганзейский, что демонстрирует довольно высокую степень их автономии и международное значение.

Так, города в качестве стратегических пространств существуют на протяжении нескольких тысячелетий, но доля их жителей в общей численности населения продолжает оставаться довольно низкой, пока не разворачивается *третья урбанистическая революция*, способствовавшая оформлению промышленного города, который Э. Сойя называет «модерновым метрополисом»[3]. Новая мощная «волна» урбанизации связана со становлением капитализма и оформлением общества модерна[4], поэтому исследователь и называет соответствующий данному периоду город модерновым. Французский историк Ф. Бродель указывает на важную роль городов в становлении капитализма в целом[5] и связывает этот процесс именно с городами. Хотя М. Вебер указывает, что средневековые города не следует рассматривать как основу современного капитализма или современного государства, это, тем не менее, не мешает им быть «одним из важнейших и непременных факторов их возникновения»[6].

---

[1] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 53.

[2] Там же. С. 68.

[3] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 76.

[4] *Palen J. J.* The Urban World. London: Paradigm Publishers, 2008. P. 3; *Cohen R., Kennedy P.* Global Sociology. New York: New York University Press, 2007. P. 246; *Tilly Ch.* The Forms of Urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / ed. by T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 75-76.

[5] *Braudel F.* The Perspective of The World: Civilization and Capitalism 15-18-th Century. Vol. III. London, 1984. P. 27.

[6] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 180.

При этом урбанизация на всех своих этапах принимает разнообразные «пестрые формы»[1], иначе говоря, торговые, колониальные, промышленные и другие города имеют свои особенности. Однако именно промышленные города рассматриваются как ключевые пространства становления урбанизированного капиталистического общества. Для Э. Сойи их классическими примерами являются Манчестер и Чикаго[2], которые можно назвать своеобразными социальными и пространственными «лабораториями» для теоретического осмысления данного этапа урбанизации и урбанизма как особого образа жизни.

Промышленная урбанизация во многом представляет собой «структурирование» окрестностей вокруг центров и новых транспортных сетей (железнодорожных, автомобильных и других), которые позволяют с высокой скоростью преодолевать значительно большие расстояния, чем это могли сделать пешеходы, лошади и повозки доиндустриальных времен[3]. Города становятся не только местом жизни все большего числа людей, но и важнейшими производственными центрами индустриального общества.

Тем самым, промышленный город и сопровождающий его городской образ жизни возникают совсем недавно, однако они становятся объектами изучения для многих представителей классической социологии, о чем уже было сказано в предыдущем параграфе. К ним относятся К. Маркс и Ф. Энгельс, которые предлагают свое прочтение третьей урбанистической революции, которое находит свое продолжение и в современной социологии, например, в работах А. Лефевра[4]. Промышленный город со своими конфликтами, но, тем не менее, рассматривающийся как сообщество,

---

[1] *Tilly Ch*. The Forms of Urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / ed. by T. Parsons. New York-London: Basic Books, 1968. P. 80.

[2] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 78-94.

[3] *Read S.* Intensive Urbanisation: Levels, Networks and Central Places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 1. P. 9.

[4] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968; *Lefebvre H.* La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970; *Lefebvre H.* La production de l’espace. Paris: Anthropos, 1974.

становится одним из основных объектов исследования в социологии XIX – первой половины XX столетия, поскольку является пространством ключевых социальных изменений, требующих своего осмысления.

По словам С. Сассен, «в первой половине XX века исследования города были сердцем социологии. Доказательством этого являются работы Зиммеля, Вебера, Беньямина, Лефевра, Чикагской школы, особенно Парка и Вирта, испытавших серьезное влияние немецкой социологии. Эти социологи столкнулись с массовыми процессами – индустриализацией, урбанизацией, отчуждением, новыми культурными формами, которые они назвали урбанистическими. Однако к 1950-м годам исследования города постепенно утратили свою привилегированную роль в социологии в качестве линзы для изучения социальных процессов и источника ключевых аналитических категорий»[1]. Это можно объяснить тем, что социологии требуется время для осмысления социальных изменений XX столетия, которые ставят перед ней новые вопросы, требующие ответов.

Современная социология города и урбанизации во многом представляет собой осмысление тех трансформаций, которые Э. Сойя называет *четвертой промышленной революцией.* Она разворачивается в конце XX столетия вследствие субурбанизации, деиндустриализации или реиндустриализации, глобализации и информатизации и приводит к появлению того, что Э. Сойя называет «постметрополисом»[2], который, по его мнению, является постиндустриальным, постмодерновым и посткапиталистическим. Если город, появившийся в результате второй и третьей урбанистических революций, можно охарактеризовать как «дискретную географическую, экономическую, политическую и социальную единицу, которую легко

[1] *Sassen S.* What Would Jane Jacobs See in the Global City? Place and Social Practices // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / ed. by S. Hirt, D. Zahm. New York: Routledge, 2012. P. 86.

[2] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 147.

идентифицировать по четкому отделению от сельского пространства»[1], то постметрополис утрачивает границы, «втягивая» в себя близлежащие территории и превращая их в зону своего экономического и символического влияния.

Формирование новых урбанистических образований позволяет итальянскому социологу Ф. Феррароттi сделать вывод о том, что «классический город исчерпывает себя»[2], поскольку грань между городом и сельской местностью постепенно стирается, создавая пространство, называемое Э. Соей постметрополисом. При этом границы постметрополиса становятся все более проницаемыми, не давая не только отделить город от того, что находится за его пределами, но и затрудняя установление границ между разными постметрополисами, поскольку формируются обширные урбанизированные территории, не имеющие четких очертаний.

Формирование агломераций и мегалополисов во многом обусловлено распространением личного автотранспорта, поскольку автомобили разрушили городские стены и уничтожили барьеры на своем пути. А. Лефевр даже призывал ограничить производство и использование автомобилей, поощрять людей пользоваться общественным транспортом, чтобы окончательно не утратить город, получив взамен аморфное образование[3]. Однако остановить процесс образования новой пространственной морфологии оказалось невозможно, тем более что формирование агломераций детерминировано еще и миграционными процессами, ставшими гораздо более интенсивными к концу XX столетия, нежели прежде. В XXI веке число мигрантов, как внутренних, так и внешних, растет с каждым годом, заставляя города расширять свои границы, превращаясь в крупные урбанизированные образования.

---

[1] *Chambers I.* Border Dialogues: Journeys in Postmodernity. London and New York: Routledge, 1990. P. 53.

[2] *Ferrarotti F.* Five Scenarios for the Year 2000. New York, Westport, London: Greenwood Press, 1986. P. 31.

[3] *Lefebvre H.* Right to the City. P. 167-168.

Важную роль в создании новой топографии также играют современные коммуникационные и информационные технологии, что позволяет назвать эту топографию «электронной»[1]. В ее основе оказываются не только физические пространства, но также сети виртуальной реальности, искусственный интеллект, киберреальность и цифровые сообщества. Можно сказать, что для постметрополиса характерна психастения, которая определяется как «нарушение отношений между собой и окружающей территорией, состояние, в котором пространство, определяемое координатами собственного тела, смешивается с представляемым пространством»[2]. Психастенический постметрополис отказывается от собственной идентичности и фактически поглощается окружающей средой, исчезая как дифференцированная сущность. Урбанизированное пространство становится все более похожим на глобальные географические регионы, нежели на привычные города.

Однако метрополисы продолжают существовать в новых пространственных реалиях параллельно с постметрополисами. В данной ситуации у метрополиса есть два основных пути: он может превратиться в заброшенный памятник предыдущей эпохи (например, Детройт) или же шагнуть в будущее, трансформировавшись в постметрополис, как это вполне успешно делает Лос-Анджелесс, являющийся для Э. Сойи главным примером новой пространственной организации[3]. С его точки зрения, именно Лос-Анджелес может служить модельным объектом для изучения специфики современного этапа урбанизации, где города утрачивают четкие границы.

Новый этап урбанизации также характеризуется изменением пригородных форм жизни, которые становятся все более густонаселенными и неоднородными, похожими на традиционные города со свойственными им проблемами. Для описания этих новых реалий появляются новые термины:

---

[1] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 151.

[2] *Olalquiaga C.* Megalopolis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992. P. 1-2.

[3] *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2007. P. 154.

окраинные города (*edge cities*), внешние города (*outer cities*), экзополис (*exopolis*), периферийная урбанизация (*peripheral urbanization*), постпригороды (*postsuburbia*)[1], технобурбы (*technoburbs*), метробурбия (*metroburbia*) и другие[2]. Они отражают фундаментальное изменение урбанистических форм социальной жизни, которая к концу XX столетия «не имеет никаких определенных границ, центра или периферии, а также четких различий между жилыми, промышленными или деловыми зонами»[3]. Кроме того, происходит формирование кластеров децентрализованной занятости, в которых наиболее значимым элементом является создание рабочих мест для сотрудников офисов[4]. Не менее важное значение имеет и строительство деловых и развлекательных центров за пределами городских границ, которое приводит к радикальным изменениям урбанистического пространства.

Кроме жилых пригородов (*suburbs*), характерных для середины XX столетия, во второй его половине появляются так называемые «города на краю» (*edge cities*)[5], которые представляют собой особый тип пригородов, возникающих вокруг деловых и торгово-развлекательных центров. Это большие многофункциональные кластеры, которые включают в себя офисные и торговые помещения, находящиеся за пределами центральных районов и привлекающие в свои рабочие часы множество людей.

Однако трансформация урбанистического пространства продолжается, в начале XXI столетия исследователи отмечают появление нового явления – «бескрайних городов» (*edgeless cities*)[6] и заявляют о том, что их роль в создании рабочих мест за пределами традиционных городских границ еще

---

[1] *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford and Malden: Blackwell, 2000. P. 260-262.

[2] *Soja E.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 684.

[3] *Fishman R.* Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia. New York: Basic, 1987. P. 189.

[4] *Lang R. E.* Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis. Washington: Brookings Institution Press, 2003.

[5] *Garreau J.* Edge City: Life on the New Frontier. New York: Doubleday, 1991.

[6] *Lang R. E.* Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis. Washington: Brookings Institution Press, 2003.

выше, чем у «городов на краю». Отличие «бескрайних городов» заключается в том, что их довольно сложно локализовать, поскольку они не отличаются такой высокой концентрацией коммерческих помещений, как «города на краю». Тем не менее, «бескрайние города» с огромным разнообразием коммерческих форм живут активной деловой жизнью, которую весьма сложно нанести на карту в силу ее рассредоточения по большим урбанизированным пространствам.

Так, «расколотый урбанизм»[1] постепенно вытесняет традиционные модели структурирования городского пространства, которые продолжительное время были главными элементами городской географии. Вокруг мега-городов формируются урбанизированные регионы, причем этот процесс можно наблюдать в Европе[2], Северной Америке[3] и на всех континентах, за исключением Антарктиды[4]. Следствием городской экспансии становится новая доминирующая форма урбанизации: образование полицентричных сетей, включающих в себя несколько десятков городов, разделенных административными границами, но функционально объединенных в одно целое. Различные населенные пункты группируются вокруг одного или нескольких крупных городов и получают экономические преимущества благодаря новому функциональному разделению труда, что требует серьезного социологического анализа.

Необходимо отметить, что первыми на тот факт, что границы городов становятся все более условными, указывают представители британской школы проектировщиков городского пространства. Так, помимо детального изучения бедности и нищеты в условиях растущего благосостояния, Ч. Бут фиксирует, что город и его окрестности постепенно превращаются в единую

---

[1] *Graham S., Marvin S.* Splintering Urbanism. London: Routledge, 2001.

[2] *Hall P., Pain K.* The Polycentric Metropolis. Learning from Mega-city Regions in Europe. London: Earthscan, 2006.

[3] *Carbonell A., Yaro R. D.* American Spatial Development and the New Megalopolis // Land Lines. 2005. Vol. 17. № 2. P. 1-4.

[4] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.

социально-экономическую систему, поэтому власти Лондона, принимая решения, должны учитывать непрерывный и довольно быстрый рост численности населения[1]. Другой представитель данной школы, П. Геддес, приходит к выводу о том, что необходимо рассматривать города как центры более крупных образований. Он предлагает концепцию регионального планирования, считая улучшение градостроительства главным практическим применением социологии[2]. Тем самым, они первыми отмечают изменение урбанистической морфологии в то время, когда эти процессы были еще не столь очевидны, как во второй половине XX века.

На различие между естественными и административными границами городов указывает и Р. Парк. По его словам, город «обычно является центром региона с очень высокоспециализированным производством, и вокруг него широко простирается соответствующая торговая зона. В этих условиях основные очертания современного города будут определяться (1) локальной географией и (2) маршрутами транспортных перевозок»[3]. Однако урбанистическая морфология второй половины XX столетия значительно сложнее и определяется гораздо большим количеством факторов, нежели 100 лет назад. В частности, современные постметрополисы функционируют в условиях глобализации, которая также способствует стиранию границ, причем не только между городами и окружающими их территориями, но и между обществами, что получает серьезное осмысление в социологической теории.

Глобализация не только способствует пересмотру пространственно-временных отношений, в частности, по словам У. Бека, требуя отказа от парадигмы обществ, организованных в рамках национальных государств[4].

---

[1] *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London. London: Macmillan & Co., 1903. Vol. 17. P. 179.

[2] *Munshi I.* Patrick Geddes: Sociologist, Environmentalist and Town Planner // Economic and Political Weekly. 2000. Vol. 35. № 6. P. 485-491.

[3] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 14.

[4] *Beck U.* The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 80.

Новые урбанистические формы вполне могут стать основой для изучения социальной жизни в условиях глобализации и цифровизации. Социологические исследования города и урбанизации конца XX – начала XXI века по-прежнему выстраиваются на основе изучения сообществ, которые рассматриваются как универсальные формы социальной жизни. При этом необходимо отметить, что появление новых средств коммуникации, делая возможным образование новых типов сообществ, существующих в киберпространстве, не снимает значимости для них локального компонента, являющегося результатом принадлежности к тем или иным урбанистическим сообществам с их культурой, системой ценностей и моделями поведения.

Тем самым, пространственно-временные изменения, ставшие результатом четвертой урбанистической революции, способствуют оформлению новой глобальной морфологии, которая оказывается в центре внимания многих социологов. Изучение пространства становится одной из основных интеллектуальных областей, в которой формулируются альтернативы национально-государственному порядку[1]. Особенно явно это происходит в рамках дискуссий по вопросам глобализации и формирования мировых и глобальных городов, которые рассматриваются как локализованные узлы в глобальной иерархии межгородских отношений, сменяющих межгосударственные[2] и напоминающих союзы средневековых городов. Формируется новое видение социальной реальности, конструирующейся в результате стремления транснационального капитала максимизировать свою способность перемещаться без препятствий, создающихся государственными границами или регулирующими органами.

[1] *Giddens A.* Beyond Left and Right. Cambridge: Polity Press, 1996; *Harvey D.* The Conditions of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989; *Lash S., Urry J.* Economics of Sign and Space. London: Sage, 1994; *Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture / ed. by M. Featherstone. London: Sage, 1990; *Albrow M.* The Global Age, Cambridge: Polity Press, 1996; *Adam B.* Timescapes of Modernity, London and New York: Rouledge, 1998.

[2] *Taylor P. J.* Embedded Statism and the Social Sciences: Opening up to New Spaces // Environment and Planning A. 1996. Vol. 28. № 11. P. 1917-1928.

При этом глобальный ракурс рассмотрения многих социальных процессов дополняется локальным[1], поскольку это естественная составляющая социологического анализа городов и урбанизации.

Американский социолог С. Сассен полагает, что многие проблемы, стоящие перед современной социологией вообще и городскими исследованиями в частности, связаны с глобальными трансформациями и следующими за ними изменениями пространственных моделей[2]. Можно сказать, что глобализация способствует смещению интересов социологии от национальных государств к городам и новым урбанистическим формам, которые снова рассматриваются не только как сообщества, но и как основные формы социальной жизни и главные экономические и политические центры современного мира.

Тем самым, пространство является одной из важнейших категорий современной социологической теории[3], которая позволяет характеризовать общества и сравнивать их друг с другом, и именно поэтому история социологии предлагает множество попыток концептуализации пространственного порядка. Современная социология так же, как и классическая, указывает на связь социальных форм с пространством и временем, подчеркивая, что изучение городов и урбанизации является фундаментальным компонентом социологической теории, поскольку

---

[1] *Friedmann J., Wolff G.* World City Formation: an Agenda for Research and Action // International Journal for Urban and Regional Research. 1982. № 6. P. 309-344; *Sayer A.* The Difference that Space Makes // Social Relations and Spatial Structures / ed. by D. Gregory and J. Urry. Basingstoke: Macmillan, 1985; *Friedmann J.* The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. № 1. P. 69-83; *Scott A. J.* Metropolis: from the Division of Labour to the Urban Form. Berkeley: University of California Press, 1988; *Storper M., Walker R.* The Capitalist Imperative: Territory, Technology and Industrial Growth. Oxford: Blackwell, 1989; *Sassen S.* The Global City: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991; *Amin A., Thrift N.* Globalisation, Institutions and Regional Development in Europe. Oxford: Oxford University Press, 1995.

[2] *Sassen S.* New Frontiers Facing Urban Sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 143.

[3] *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 110-119.

представляет собой осмысление пространственно-временных форм организации социальной жизни от протогородов до постметрополисов.

Тем не менее, середину XX века зачастую характеризуют как период кризисного состояния для исследований города и урбанизации в социологии. В частности, в 1968 году М. Кастельс задается провокационным вопросом о том, существует ли в социологии та область исследования, которая изучает процесс урбанизации[1]. Он указывает на разрушение интеллектуальной основы социологии города и связывает этот кризис науки с тем, что она не способна ответить на запросы, идущие со стороны общества. Очевидно, что серьезные социальные трансформации, вызванные четвертой урбанистической революцией, требуют времени для своего осмысления[2], поэтому М. Кастельс вполне справедливо отмечает, что социология города того времени не предлагает объяснения происходящим изменениям.

Кроме того, к концу 1960-х годов формируется ситуация, в которой заказчиком большинства исследований, проводимых в рамках социологии, выступают преимущественно представители органов власти, желающие получить подтверждение правильности выбранного политического курса. Как отмечает американский социолог Ш. Зукин, социология города того времени превращается в образование, «наделенное всеми конечностями, но лишенное головы»[3], поскольку ориентируется не столько на интересы общества, сколько на запросы власти. Тем самым, речь идет о кризисе именно социологии города, которая уступает место социологии города и урбанизации.

Французский социолог П. Ле Гале также указывает на новые вызовы, перед лицом которых оказываются социологические исследования города и урбанизации 1970-х годов[4], но, с его точки зрения, их причиной следует

---

[1] *Castells M.* Y a-t-il une sociologie urbaine? // Sociologie du travail. 1968. Vol. 10. № 1. P. 72-90.

[2] *Milicevic A. S.* Radical Intellectuals: What Happened to the New Urban Sociology? // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 4. P. 773.

[3] *Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 575.

[4] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 348.

считать не только социальные изменения, но также кризис самой социологии, подробно рассмотренный, например, А. Гоулднером[1]. Тем самым П. Ле Гале отмечает необходимостью комплексного анализа трансформации социологии города и ее фактического превращения в социологию города и урбанизации, с чем согласен и американский социолог Г. Сьоберг. С его точки зрения, фундаментальные проблемы социологии города в середине XX века – это, во-первых, сложности в определении значения ключевых понятий; во-вторых, неспособность разграничить различные уровни анализа; в-третьих, ограниченный взгляд на урбанизацию, которая выходит за административные границы городов вследствие разрастания пригородов[2]. Причем это далеко не первая попытка критики траектории развития исследований города и урбанизации в социологии.

Необходимо отметить, что еще в трудах Л. Вирта конца 1930-х годов можно встретить указание на незавершенный характер социологии города как самостоятельного направления исследований, несмотря на существовавшую у него надежду на то, что неупорядоченное скопление разнородной информации можно превратить в стройную и внутренне непротиворечивую систему знания: «Кстати говоря, только с помощью такой теории социолог сможет избежать бесплодной практики озвучивания от лица социологической науки многочисленных и часто ничем не подкрепленных суждений по таким техническим вопросам, как бедность, жилье, городское планирование, гигиена, муниципальное управление, полицейский контроль, маркетинг, транспорт и т. д. Хотя социолог не может решить ни одной из этих практических проблем – во всяком случае самостоятельно, – он может, если правильно найдет себе место, внести серьезный вклад в их понимание и решение. Наиболее блестящие перспективы в этом направлении открывает нам не рассмотрение проблем *ad hoc* [по особому случаю], а общий,

[1] *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.

[2] *Sjoberg G.* Comparative Urban Sociology // Sociology Today: Problems and Prospects / ed. by R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. New York: Basic Books, 1959. P. 334-359.

теоретический подход»[1]. Тем самым Л. Вирт не отрицает того, что вклад социологии в изучение города огромен, но указывает на необходимость систематизации и обобщения накопленных знаний.

Однако после расцвета исследований города в США в 1920 – 1930-е годы социология на несколько десятилетий утрачивает лидерство в данной области, в том числе и вследствие того, что в анализ процессов трансформации промышленного города во второй половине XX века активно включаются представители других наук. Тем не менее, следует рассматривать данное явление не столько как кризис, как это предлагают А. Милисевич, П. Ле Гале и другие социологи[2], сколько как расширение предметной области и постепенный переход от социологии города к социологии города и урбанизации.

Уже в 1970-е годы начинается новая волна социологических исследований[3], которая не только способствует углубленному изучению прежних тем (например, неравенство, конфликты, миграция и другие), но также обозначает новые вопросы, в частности связанные с оформлением новой глобальной урбанистической морфологии и соответствующим изменением социальной жизни. По словам Ш. Зукин, социальные движения 1968 года демонстрируют необходимость переосмысления теоретических положений социологии города, сформулированных в XIX – первой половине XX века, из-за их несоответствия тем реалиям второй половины XX столетия, которые заставляют власти увеличить финансирование городских исследований и способствуют повышению их значимости[4], в том числе и для социологической теории.

---

[1] *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005. С. 118.

[2] *Milicevic A. S.* Radical Intellectuals: What Happened to the New Urban Sociology? // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 4; *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2.

[3] *Savage M., Warde A., Ward K.* Urban Sociology, Capitalism and Modernity. Basingstoke: Macmillan, 2003. P. 27.

[4] *Zukin S.* A Decade of the New Urban Sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 577.

Неудивительно, что новый этап социологических исследований, в центре внимания которых находятся уже не только города, но и процесс урбанизации в целом, довольно громко заявляет о себе как в теоретической, так и в эмпирической социологии. Он фактически совпадает по времени со становлением постиндустриального общества, изменившего не только рынок труда, но и пространственную морфологию, заставив промышленные города искать новые векторы своего развития. На данном этапе урбанизация начинает рассматриваться более широко, а именно, как процесс, предполагающий образование высокоурбанизированных зон, способных включать в себя несколько городов, а также менее крупные поселения[1]. Тем самым, постиндустриальное общество диктует новую пространственную структуру, преодолевающую административные границы городов и выходящую за их пределы, что дает новый импульс для проведения социологических исследований города и урбанизации.

Вследствие социальных, экономических и политических проблем, с которыми сталкиваются города США и Европы, в 1970-е годы в западных странах формируется «новая социология города и урбанизации»[2], на которую значительное влияние оказывает теория К. Маркса. Она представлена в трудах таких исследователей, как А. Лефевр, М. Кастельс, Д. Харви, Дж. Логан, Х. Молоч и другие[3]. Несмотря на значительные различия теоретических построений вышеназванных авторов, их объединяет идея, согласно которой урбанизированные территории следует рассматривать как пространственное

---

[1] *Zukin S.* A Decade of the New Urban Sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 576.

[2] *Savage M., Warde A., Ward K.* Urban Sociology, Capitalism and Modernity. Basingstoke: Macmillan, 2003. P. 27; *McQuarrie M., Marwell N. P.* The Missing Organizational Dimension in Urban Sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 251.

[3] *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974; *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977; *Harvey D.* Social Justice and the City. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973; *Harvey D.* The Limits to Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1982; *Logan J. R., Molotch H. L.* Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, 1987; *Walton J.* The New Urban Sociology // International Social Science Journal. 1981. Vol. 33. № 2. P. 374-390; *Zukin S.* A Decade of the New Urban Sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 575-601.

выражение капитализма. Тем самым, в новой социологии города и урбанизации важное место по-прежнему занимают вопросы социального неравенства, которое зачастую рассматривается как результат противоречивого развития капиталистического общества[1].

Тем не менее, на рубеже XX и XXI веков ряд исследователей (М. Диар, Э. Сойя, Д. Харви, С. Сассен и другие)[2] указывает на необходимость разработки новых подходов в исследовании города и урбанизации, не укорененных в схеме, предложенной К. Марксом. В частности, некоторые авторы (Р. Флорида, Х. Молоч, К. Линч, Ш. Зукин и другие)[3] обращают внимание на то, что происходит переход от экономических стимулов роста в городах и прилегающих к ним территориям к новым. Например, демонстрируется высокое значение культуры и образования, поскольку в постиндустриальном обществе города следует рассматривать уже не как промышленные центры, а как пространства инноваций в самых разных сферах общественной жизни, способных существенно изменить рынок труда.

---

[1] *Brenner N., Theodore N.* Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe. Oxford, Malden: Blackwell, 2002; *Peck J., Tickell A.* Searching for a New Institutional Fix: The After-Fordist Crisis and the Global-Local Disorder // Post-Fordism: A Reader / ed. by A. Amin. Oxford, Malden: Blackwell, 1994; P. 280-315; *Sites W.* Remaking New York: Primitive Globalization and the Politics of Urban Community. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

[2] *Dear M.* Los Angeles and the Chicago School: Invitation to a Debate // City and Community. 2002. Vol. 1. № 1. P. 5-32; *Graham S., Marvin S.* Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities, and the Urban Condition. New York: Routledge, 2001; *Harvey D.* From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation of Urban Governance in Late Capitalism // Geografiska Annaler. 1989. Series B. Human Geography. Vol. 71. № 1. P. 3-17; *Sassen S.* The Global City: New York, London and Tokyo. Princeton: Princeton University, 1991; *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford, Malden: Blackwell, 2000.

[3] *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960; *Zukin S.* The Cultures of Cities. Oxford, Malden: Blackwell, 1995; *Molotch H. L.* Los Angeles as Design Product: How Art Works in a Regional Economy // The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century / ed. by A. J. Scott and E. J. Soja. Berkeley: University of California Press, 1996; The City as an Entertainment Machine / ed. by T. N. Clark. London: JAI Press, 2003; *Florida R.* The Rise of the Creative Class. New York: Basic, 2002.

Такие авторы, как Л. Вакан, К. Аллен, Т. Батлер, П. Уотт, М. Сэвидж и другие[1] ставят вопрос о новых теоретико-методологических основаниях современной социологии города и урбанизации, поскольку речь идет уже не только о городе в классическом его понимании, но и о более сложных пространственных формах (например, агломерациях и мегалополисах). Кроме того, урбанизация, как и все остальные социальные процессы, начинает рассматриваться в контексте глобализации, что также требует разработки новых подходов к ее изучению.

Тем самым, современный этап социологических исследований города и урбанизации характеризуется появлением новых аналитических перспектив, позволяющих зафиксировать происходящие социальные изменения. В конце XX – начале XXI столетия урбанистические пространства концентрируют не только навыки и энергию людей, но и экспоненциально растущее число отношений между ними, что ведет к росту социальной и морфологической сложности и позволяет характеризовать современные города как качественно отличные от прежних, «совершенно новые социальные миры человеческого опыта»[2], которые получают осмысление в социологической теории.

При этом теоретико-методологические разработки, сформировавшиеся на классическом этапе, который можно характеризовать как социологию города, также находят свое продолжение в трудах современных исследователей. В современной социологии город, а также более сложные урбанистические формы по-прежнему рассматриваются как сообщества, которые адаптируются к социальным трансформациям второй половины XX –

---

[1] *Wacquant L.* Urban Outcasts. Cambridge: Polity Press, 2007; *Allen C.* Housing Market Renewal and Social Class. London: Routledge, 2008; *Allen C.* Gentrification Research and the Academic Nobility: a Different Class? // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32. № 1. P. 180-185; *Butler T., Watt P.* Understanding Social Inequality. London: Sage, 2007; *Sassen S.* New Frontiers Facing Urban Sociology // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 143-159; *Savage M.* The Lost Urban Sociology of Pierre Bourdieu // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2011 etc.

[2] *Taylor P. J.* Extraordinary Cities: Early “City-ness” and the Origins of Agriculture and States // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36. № 3. P. 418.

начала XXI века и функционируют в условиях глобализации[1] и новой организации пространства[2]. Тем самым, сообщества продолжают оставаться важнейшим аналитическим инструментом исследования городов и урбанизации. При этом урбанистические сообщества рассматриваются современными социологами, как и классиками, в различных перспективах. Одни исследователи акцентируют внимание на том, как они обеспечивают социальную интеграцию и социальный порядок[3]; другие концентрируются на конфликтах, возникающих вследствие того, что организация урбанистического пространства зачастую детерминирована интересами капитала, а не городских жителей[4], что негативно сказывается на их повседневной жизни.

Тем не менее, именно сообщества являются ключевыми элементами урбанистической структуры, участвующими в процессе как системной, так и социальной интеграции. Сообщества – это среда, благодаря которой «системные процессы достигают угла улицы; они предоставляют доступ к

---

[1] *Friedmann J.* The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. № 1. P. 69-83; *Savage M., Bagnall G., Longhurst B.* Globalisation and Belonging. London: Sage, 2005; *Sassen S.* The Global City: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991 etc.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961; *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000; *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016 etc.

[3] *Marwell N.* Privatizing theWelfare State: Nonprofit Community-Based Organizations as Political Actors // American Sociological Review. 2004. Vol. 69. № 2. P. 265-291; *Marwell N.* Bargaining for Brooklyn: Community Organizations in the Entrepreneurial City. Chicago: University of Chicago Press, 2007; *Pattillo M.* Black on the Block: The Politics of Race and Class in the City. Chicago: University of Chicago Press, 2007; *Sanchez-Jankowski M.* Cracks in the Pavement: Social Change and Resilience in Poor Neighborhoods. Berkeley: University of California Press, 2008; *Small M. L.* Villa Victoria: The Transformation of Social Capital in a Boston Barrio. Chicago: University of Chicago Press, 2004; *Venkatesh S.* American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto. Cambridge: Harvard University Press, 2000.

[4] *DeFilippis J.* Unmaking Goliath: Community Control in the Face of Global Capital. New York: Routledge, 2004; *Gotham K. F.* The Secondary Circuit of Capital Reconsidered: Globalization and the U.S. Real Estate Sector // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 112. № 1. P. 231-275; *Lloyd R.* Neo-Bohemia: Art and Commerce in the Postindustrial City. New York: Routledge, 2006; *Oldfield S., Stokke K.* Political Polemics and Local Practices of Community Organizing and Neoliberal Politics in South Africa // Contesting Neoliberalism: Urban Frontiers / ed. by H. Leitner, J. Peck, and E. S. Sheppard. New York: Guilford Press, 2007.

государственным и рыночным ресурсам, социализируют людей для жизни в обществе за пределами соседства и формируют социальную идентичность, которая имеет значение за пределами соседства»[1]. В магазинах, кофейнях, школах, церквях, клубах, общественных пространствах и на рабочих местах они взаимодействуют, создавая общие смыслы, практики и идентичности, которые конституируют и воспроизводят локальный опыт сообщества. Вместе с тем ресурсы, имеющие социетальное значение, например, деньги, играют чрезвычайно важную роль в жизни кварталов и районов вне зависимости от локальных характеристик культуры и повседневных практик жителей.

Так, американские социологи Дж. Касарда и М. Яновиц в 1970-е годы демонстрируют, что несмотря на усложнение урбанистической морфологии, город по-прежнему можно рассматривать как сообщество[2]. Они проводят исследование, согласно результатам которого, значение сообщества в городе с большой численностью населения оказывается даже выше, чем в небольших городах, а заинтересованность в сообществе даже превышает показатели, зафиксированные в сельской местности[3]. Вместо замены первичных связей вторичными они фиксируют рост количества локальных первичных контактов вместе с увеличениями размеров поселения. Исследователи приходят к выводу, что длительность совместного проживания гораздо более значима для местных социальных связей и настроений, чем совокупные эффекты численности населения и его плотности. Тем самым, они подчеркивают, что сообщество – это основа всех урбанистических форм, даже тех, которые выходят за пределы города.

Схожей точки зрения придерживается и американский социолог Г. Ганс, 78-й Президент Американской социологической ассоциации. Он утверждает, что любые населенные пункты следует рассматривать как сообщества:

---

[1] *McQuarrie M., Marwell N. P.* The Missing Organizational Dimension in Urban Sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 257.

[2] *Kasarda J. D., Janowitz M.* Community Attachment in Mass Society // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 3. P. 329.

[3] Ibid. P. 334.

«Сообщества, будь то крупные города или деревни, представляют собой чрезвычайно сложные агломерации первичных и вторичных групп и сетей, а также совокупность экономических, политических, религиозных, культурных и многих других связей, большинство из которых организованы иерархически. Они, кроме того, связаны экологически и другими способами с множеством других взаимосвязанных иерархий, которые часто выходят далеко за рамки официальных границ сообщества»[1]. Например, глобальные города – часть мировой экономической системы, которая имеет глобальный характер. Вместе с тем члены сообществ создают свои собственные границы в зависимости от того, где они работают и проводят свободное время, приобретают товары и услуги, являющиеся частью определенного стиля жизни и так далее.

Опора на понятие «сообщество» позволяет рассмотреть историю городов и урбанизации, начиная с трудов классиков социологической науки и заканчивая современными, проследить преемственность между ними. Как утверждает С. Сассен, сегодня урбанистические формы становятся стратегическими местами для понимания основных тенденций, которые реконфигурируют современный социальный порядок; их изучение может сыграть важную роль в развитии социологии, предоставив аналитические инструменты для понимания более обширных социальных трансформаций, нежели просто пространственные[2]. В частности, социологические исследования города и урбанизации вносят свой вклад в понимание глобализации как многоуровневого пространства сетевых взаимозависимостей.

Необходимо подчеркнуть, что современные исследования нуждаются как в новом понятийном аппарате, так и в объяснительных моделях, соответствующих нынешним реалиям. Однако в современных исследованиях города и урбанизации можно констатировать отсутствие согласия

---

[1] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 213.

[2] *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 143-144.

относительно того, что именно обозначают те или иные термины. Во многом это связано с тем, что с середины XX столетия в ряде стран начинается развитие пригородов, которые становятся столь же урбанизированными территориями, как и города, которые они окружают. Более того, наблюдается процесс слияния городов в единые образования, между которыми зачастую довольно сложно провести четкие границы. Именно эти новые урбанистические образования во многом и являются источниками сложностей с определением основных категорий, поскольку сегодня речь идет не только о городах. Соответственно, термин «город» перестает восприниматься многими исследователями как ключевой для данной области исследований именно вследствие того, что в фокусе социологов зачастую оказываются не только города, но и прилегающие к ним районы. И поэтому в современной социологии речь идет об исследованиях города и урбанизации в целом.

Изначально город представляет собой четко определенную, густонаселенную территорию, часто окруженную стенами, которые обозначают его границы[1]. Некоторое время назад город вырывается из таких жестких границ и начинает включать в себя внешние районы, находящиеся за пределами его стен. Совершенствование транспорта, строительство железных дорог и автомагистралей ведет к увеличению скорости передвижения и размеров городских образований. Французский исследователь Ж. Готтман называет итогом процесса урбанизации огромные регионы, в которых происходит смешение городских и сельских территорий, которые оказываются тесно взаимосвязаны между собой[2]. Именно эти изменения и способствуют пересмотру системы понятий в современных исследованиях города и урбанизации.

Более того, Г. Ганс предлагает отказаться от традиционной типологии населенных пунктов – крупные города, небольшие города, пригороды и

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 196.

[2] Ibid.

сельская местность (*cities, towns, suburbs, and rural areas*) – как от логически сомнительной и эмпирически устаревшей и рассматривать сообщества, которые могут стать основой единой унифицированной концепции[1]. Рассмотрение сообществ и поселений предполагает изучение и сравнение взаимодействий, рутинных и неординарных, мирных и конфликтных, а также конкурентоспособности и сотрудничества между всеми социальными группами и учреждениями без акцентирования внимания на том, являются ли они городами или нет, поскольку все они представляют собой населенные пункты.

Г. Ганс считает, что «в мире, охваченном нехваткой энергии и кризисом глобального потепления, различия, основанные на расстояниях, преодолеваемых людьми до их рабочих мест, гораздо более актуальны, чем то, живут ли они на той или иной стороне города»[2]. Неравенство и сегрегация являются гораздо более важными проблемами, нежели выявление тонких различий между существующими урбанистическими формами. Американский социолог считает целесообразным изучение всей совокупности сообществ, или поселений, считая, что для социологии первостепенное значение имеют социальные проблемы и особенности их проявления, а не классификация различных населенных пунктов и проведение границ между ними. Г. Ганс полагает, что для социологии изучение границ представляет интерес лишь в том случае, если позволяет определить, как отличаются официальные границы от неофициальных и неформальных, а также оценить последствия существования различных границ для людей и их интересов, социальных институтов и практик.

Американский урбанист Э. Сойя указывает на то, что для осознания социальных последствий формирования новых урбанистических форм требуется время, хотя исследователи уже фиксируют основные проблемы:

---

[1] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 212.

[2] Ibid. P. 214.

усиливаются неравенство и поляризация, происходит деградация окружающей среды и так далее[1]. Положительные и отрицательные последствия региональных агломерационных эффектов становятся одной из главных тем социологических исследований города и урбанизации конца XX – начала XXI века и рассматриваются в контексте реструктуризации пространства, глобализации и формирования новой экономики.

Итак, современный этап урбанизации кардинальным образом отличается от предыдущего, а потому ставит перед социологией новые вопросы и тем самым формирует новое предметное поле. Во второй половине XX столетия оформляется социология города и урбанизации, которая приходит на смену социологии города. Это новое направление социологических исследований включает в себя как традиционные, так и новые темы и не является единым в методологическом плане. В центре внимания современных социологов оказываются не только города, но и более сложные пространственные образования, которые, тем не менее, по-прежнему следует рассматривать как сообщества.

Американский социолог Ш. Зукин отмечает, что «урбанистическое пространство 1968 года было простым»[2] и сводилось к городу, однако это не вполне верно, поскольку М. Кастельсу уже тогда удается увидеть начало глобальной урбанизации[3], результаты которой становятся очевидны ближе к концу XX века. Современные урбанистические образования представляют собой сложные пространства переплетения всех вообразимых сфер человеческой деятельности, включающих природу, технологии, виртуальный, а также физический и символический миры. Глобальная урбанизация создает ситуацию, в которой города и сообщества все чаще зависят от действия

[1] *Soja E.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 688.

[2] *Zukin S.* Is There an Urban Sociology? Questions on a field and a vision // Sociologica: Italian journal of sociology on line. 2011. Vol. V. № 3. P. 14.

[3] *Castells M.* Y a-t-il une sociologie urbaine? // Sociologie du travail. 1968. Vol. 10. № 1. P. 72.

различных сил и событий, выходящих за пределы их географических границ, что ставит новые вопросы, не входившие в сферу внимания классической социологии города. Более того, города в новых условиях довольно сложно рассматривать как автономные образования, тем более что и новая пространственная морфология далеко не всегда позволяет определить, где именно проходят их границы.

Современность бросает вызов территориальным границам и предлагает широкий диапазон новых урбанистических образований, в том числе и в развивающихся странах. Местные традиции трансформируются глобализационными процессами, обостряя социальные проблемы, которые требуют поиска решений объединенными усилиями представителей таких наук, как экономика, география, политология, социология и других. Особенно беспокоит ученых усиление экономического и социального неравенства, появление новых его форм, в частности, экологического и пространственного, во многом связанных с неолиберальной глобализацией. Современные архитекторы и градостроители должны предлагать гибкие модели развития территорий не только на основе их функциональности, но и учитывая возможности если не решения, то хотя бы сокращения числа существующих социальных проблем.

Современные авторы указывают на формирование новых пространственных форм и даже урбанистической цивилизации, определяемой процессами общего переструктурирования экономической и социальной жизни на фоне процессов глобализации, сетевизации и цифровизации, которые меняют сообщества, что требует своего социологического анализа. Тем самым, исследования города и урбанизации в современной социологии выходят с локального уровня, характерного для Чикагской школы, на глобальный, поскольку многие новые вопросы требуют своего изучения в международном масштабе. Например, все большее внимание уделяется проблемам, связанным со взаимозависимостью и необходимостью устойчивого развития, поскольку тема экологии приобретает все более

серьезное звучание в социологии, и она не может рассматриваться исключительно в локальном контексте.

Тем самым, социология на рубеже XX-XXI столетий демонстрирует готовность адаптироваться к новым для науки вызовам, постоянно включая в сферу своего внимания перспективные направления исследований. В частности, современная социология города и урбанизации предлагает анализ того, как глобальные сети урбанистических образований участвуют в изменении пространства государственной власти и городского управления[1]. Соответственно, урбанистическое пространство в современной социологии, как и в начале прошлого столетия, становится «лабораторией» для изучения многих вопросов, стоящих перед обществом и социологией.

Таким образом, социология может и должна играть важную роль в преобразовании урбанизированных регионов, вернув себе ведущую роль в исследованиях города и урбанизации, которые все чаще становятся междисциплинарными. Вместе с тем можно констатировать оформление контуров новых урбанистических дискурсов, которые отражают ключевые характеристики современного этапа урбанизации. Это позволяет надеяться на формирование единого пространства смыслов и концептов и универсального понятийно-категориального аппарата исследований города и урбанизации в ближайшие годы. Одним из важных шагов должна быть систематизация и типологизация существующих концепций города и урбанизации, оказывающих значительное влияние на современную социологию.

[1] *Le Galès P., Harding A.* Cities and states in Europe // West European Politics. 1998. Vol. 21. № 3. P. 120-145.

§ 3. Предметное поле современной социологии города и урбанизации: типология основных концепций

Американский социолог Ш. Зукин отмечает, что ученые, занимающиеся исследованиями города и урбанизации, чувствуют себя гораздо менее уверенно, нежели те, кто изучает семью, государство или экономические организации. По ее словам, «это является ответом на наш мучительный страх, что мы, урбанисты, как коллективное интеллектуальное предприятие, не только потеряли свое место в ядре социологии, но и наше видение того, чего мы хотим достичь»[1]. Она связывает это с большим числом эмпирических исследований города и урбанизации, которые далеко не всегда получают необходимое теоретическое осмысление и выходят на уровень обобщения.

Это становится причиной фрагментации социологии города и урбанизации, которая утрачивает внутреннее единство и превращается в серию отдельных исследований (в области жилья, образования, политики и культуры, гендера и сексуальности, преступности, этнической принадлежности и так далее)[2]. В частности, американский социолог Г. Ганс называет современную социологию города и урбанизации проблемно ориентированной[3], причем в центре ее внимания находятся традиционные темы – социальное неравенство, миграционные процессы, приватизация и следующее за ней исчезновение общественных пространств[4]. Однако это не позволяет сделать вывод о том, что новые направления не разрабатываются, а лишь свидетельствует о большей популярности среди исследователей тех вопросов, по которым уже накоплен значительный материал.

---

[1] *Zukin S.* Is There an Urban Sociology? Questions on a field and a vision // Sociologica: Italian journal of sociology on line. 2011. Vol. V. № 3. P. 4.

[2] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 344.

[3] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 212.

[4] *Mitchell D.* The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guilford Press, 2003; *Kohn M.* Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. New York: Routledge, 2004.

Тем не менее, одна из главных задач для социологии города и урбанизации, а именно систематизация исследовательского поля, до сих пор не решена. Как полагает Г. Ганс, «ответом социологии на новые вызовы, должно быть, в первую очередь, построение новых типологий существующих концепций»[1], которые могут обозначить основные проблемы, требующие наибольшего внимания и детального изучения. Однако в современной западной социологии речь идет скорее о выделении основных направлений исследований, нежели о попытках типологизации существующих концепций города и урбанизации.

Систематизация разнообразных концепций города и урбанизации представляет собой непростую задачу, в том числе и по той причине, что вопрос о предметной области современной социологической урбанистики является весьма дискуссионным. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что он становится ключевым на совместных сессиях Британской и Американской социологических ассоциаций, организованных в 2001 году для обсуждения современного состояния исследований города и урбанизации в социологии и перспективам их будущего развития[2]. Выступая на одной из сессий, британский социолог Г. Бридж выделяет три наиболее перспективных вектора исследований города и урбанизации в современной социологии[3]:

Во-первых, следует продолжить изучение взаимодействия между обществом и пространством и их взаимовлияние друг на друга. К наиболее известным представителям данного направления Г. Бридж относит А. Лефевра с его концепцией социального производства пространства[4]. В подобных исследованиях пространство рассматривается не только как

---

[1] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 216.

[2] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4. P. 844-853.

[3] Ibid. P. 846.

[4] *Lefebvre H.* The production of space. Oxford: Blackwell, 1991.

результат социальных отношений, но одновременно и как фактор, определяющий их развитие. Соответственно, участие социологов в проектировании городского пространства может способствовать повышению качества жизни в городах, в том числе и за счет сокращения числа социальных конфликтов.

Во-вторых, для социологии большое значение имеют исследования, которые можно рассматривать как результат «культурного поворота»[1] в изучении города и урбанизации. В современной социологии все чаще речь идет не только об экономических аспектах городской жизни, но также о ее измерениях, связанных с культурой и идентичностью. В частности, особое внимание уделяется коллективной памяти[2], которая может быть основой городской идентичности. Эти исследования во многом выстраиваются с опорой на работу К. Линча[3], описавшего механизмы формирования «образа города», хотя в современной социологии они дополняются также изучением общественных пространств[4], которые осмысливаются с точки зрения их социальной значимости. Среди функций, которые они выполняют, особое внимание уделяется интеграции сообществ и формированию особой идентичности. Большой интерес также вызывают работы, в которых рассматривается влияние архитектурного облика города на его жителей[5] и их ментальное здоровье, что приобрело особую значимость в период пандемии и стало предметом ряда социологических исследований.

Третье перспективное направление исследований города и урбанизации, с точки зрения Г. Бриджа, концентрирует внимание на экологической проблематике. Приходит осознание необходимости изучения процесса

---

[1] A companion to the city / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Blackwell, 2000.

[2] *Srinivas S.* Landscapes of Urban Memory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001; *Walton J.* Storied land: community and memory in Monterey. Berkeley: University of California Press, 2001 etc.

[3] *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960.

[4] *Zukin S.* The Cultures of Cities. Oxford, Malden: Blackwell, 1995; *Zukin S.* Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. New York: Oxford University Press, 2010 etc.

[5] *Sennett R.* The Conscience of the Eye. The Design of Social Life of Cities. New York, London: W. W. Norton Company, 1990 etc.

социализации природы и рассмотрения городов как субъектов и результатов социально-экологических процессов[1]. Однако следует отметить, что в социологии город зачастую рассматривается не столько как пространство взаимодействия человека с природой, сколько как продукт использования человеком техники для конструирования искусственной среды обитания. И именно технический прогресс, связанные с ним риски, а также новые возможности, становятся предметом ряда социологических исследований[2] в том числе и в контексте обсуждения экологической проблематики.

Тем не менее, Г. Бридж, выделив эти три наиболее перспективных, по его мнению, направления исследований города и урбанизации, не отрицает, что для социологии по-прежнему имеют важное значения вопросы о неравенстве и власти, а культурные аспекты функционирования городов во многом взаимосвязаны с экономическими[3]. Однако очевидно, что британский социолог недооценивает проблематику, связанную с глобализационными процессами и функционированием глобальных городов, которые оказываются в центре внимания ряда других ученых[4], поэтому выделенные им основные направления исследований не отражают все многообразие современной социологии города и урбанизации.

Тем не менее, некоторые авторы, в частности, американский социолог Дж. Уолтон, предлагают еще более узкое видение того, что может составлять предметное поле социологии города и урбанизации. Дж. Уолтон выделяет четыре основных направления исследований, которые являются результатом

---

[1] *Harvey D.* Justice, Nature and the Geography of Differences. London and New York: Blackwell, 1996; Remaking Reality: Nature at the Millennium / ed. by B. Braun and N. Castree. London and New York: Routledge, 1998; Social Nature: Theory, Practice and Politics / ed. by N. Castree and B. Braun. New York and London: Blackwell, 2001.

[2] *Aurigi A., Graham S.* Cyberspace and the City: the Virtual City in Europe // A Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Blackwell, 2000.

[3] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4. P. 846.

[4] *Sassen S.* The Global City: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.

дихотомии локального и глобального[1]. Он предлагает социологам сосредоточить свое внимание на следующих темах:

1. Города третьего мира и особенности их участия в процессе глобализации. Данная проблематика имеет большое значение для развивающихся стран, где города продолжают стремительно расти, однако, как правило, оказывается вне сферы внимания западной социологии. По мнению Дж. Уолтона, следует проанализировать социальные последствия неолиберальной глобализации не только в западных странах, в том числе и возможные социальные последствия все более широкого распространения неформальной занятости в городах[2]. При этом американским социологом подчеркивается растущая роль социальных движений, которые рассматриваются им как ответные коллективные действия на социальную несправедливость, вследствие их попыток противодействовать негативному воздействию неолиберальной глобализации.

2. Мировые и глобальные города. Данный дискурс предполагает обсуждение различных измерений и форм глобализации, конкуренции между мировыми или глобальными городами, характерных для них социальных проблем и возможностей их преодоления. Это один из наиболее дискуссионных и одновременно востребованных ракурсов рассмотрения городов, который подробно анализируется, например, в работах С. Сассен[3], и предполагает изучение локализации мировой экономики в урбанистическом пространстве.

3. Место и локальность (*place and locality*). Дж. Уолтон отмечает, что по этому вопросу ведется множество интересных исследований, в которых рассматривается реакция различных мест (городов, регионов и других) на

---

[1] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4. P. 849-850.

[2] *Walton J., Seddon D.* Free markets and food riots. Oxford: Blackwell, 1994.

[3] *Sassen S.* The global city: London, New York, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991; *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, 2000.

глобализацию[1]. Анализируется сопротивление глобальному корпоративному вторжению в локальную экономику, особенно в США, обсуждается тезис о том, что локальное становится основой для сопротивления глобальному.

4. Память и ее репрезентации в городском пространстве. Дж. Уолтон связывает данное направление, прежде всего, с собственными исследованиями[2], в которых приходит к выводу о том, что понятие коллективной памяти дает возможность разработки новых методов изучения городов и сообществ. Проблематика памяти позволяет одновременно рассматривать вопросы культуры и политики, анализируя, как создается история городов, и как она становится фактором, определяющим планирование настоящего и будущего урбанистического пространства.

Дж. Уолтон утверждает, что на основе противопоставления локального и глобального может быть описана и систематизирована значительная часть предметного поля социологии города и урбанизации[3]. Он не рассматривает локальное и глобальное как две крайности, а предполагает, что между ними существует взаимосвязь в самых разных сферах. Тем самым, он продолжает идеи Р. Робертсона[4] и предлагает изучать глокализацию как противоречивый, но единый процесс. Более того, «локально-глобальная проблематика» рассматривается им как сфера новых, возможно, междисциплинарных исследовательских возможностей, которая позволяет анализировать способы взаимодействия на глобальном, государственном и местном уровнях. Американский социолог также высказывает предположение, что изучение локального и глобального может не только стать основой для объединения

---

[1] *Klein N.* No logo: No Space, No Choice, No Jobs. London: Flamingo, 2000; *Hertz N.* The silent takeover: global capitalism and the death of democracy. London: Heinemann Publishing, 2001.

[2] *Walton J.* Storied land: community and memory in Monterey. Berkeley: University of California Press, 2001.

[3] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4. P. 850.

[4] *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992; *Robertson R.* Globalization or glocalization? // Journal of International Communication. 1994. Vol. 1. № 1. P. 33-52.

социологии города и урбанизации с другими направлениями исследований, но и способствовать более интенсивному взаимодействию ученых из разных стран.

Однако очевидно, что схема, предложенная Дж. Уолтоном, не позволяет упорядочить предметное поле и систематизировать существующие концепции города и урбанизации, поскольку их спектр значительно шире, чем дает возможность описать дихотомия локального и глобального. Тем не менее, стоит отметить, что американский социолог, как и Г. Бридж, считает необходимым отдельно подчеркнуть растущее значение исследования «мест памяти»[1] в современных городах, хотя данный процесс далеко не всегда рассматривается в контексте глобализации, как это пытается представить Дж. Уолтон.

Еще один взгляд на современную социологическую урбанистику предлагает французский социолог П. Ле Гале, который также выделяет несколько направлений исследований города и урбанизации. С его точки зрения, эти направления существуют продолжительное время, тесно взаимосвязаны между собой, что, тем не менее, не мешает им порой конкурировать между собой[2]. Фактически, П. Ле Гале выделяет основные сферы жизни в городе, которые требуют внимания со стороны социологии. По его мнению, объектом изучения современной социологии являются следующие элементы урбанистического пространства:

– материальный (стены, площади, здания, инфраструктура и так далее);

– культурный (идеи, символы, искусство, тексты и так далее);

– политический (власть, правительство, способы мобилизации, государственная политика, социальное обеспечение и так далее);

---

[1] *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

[2] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 349.

– социальный (экономическое, этническое, гендерное и другие формы неравенства, конфликты, социальные движения и так далее);

– экономический (производство, потребление, разделение труда, торговля и так далее)[1].

Однако те составляющие жизни городов, которые он выделяет, настолько широки, что не позволяют ни упорядочить предметное поле социологии города и урбанизации, ни систематизировать существующие концепции, поскольку многие из них включают в себя одновременно несколько аспектов. Более того, материальный компонент, с которого начинает французский социолог, не представляет интереса для социологии, если не демонстрируется его влияние на социальную жизнь горожан, и рассматривается, как правило, либо в контексте памяти, либо как пространственное отражение социальных отношений.

Американский социолог Г. Ганс также предлагает свое видение исследований города и урбанизации. Он полагает, что в предметном поле социологии можно выделить четыре основных направления исследований[2]:

1. Социология города (*sociology of the city*), чей интерес ограничен именно городами, преимущественно крупными. Поэтому Г. Ганс считает необходимым уточнить название данного направления, так как речь идет именно о социологии города. Необходимо отметить, что предложения обратиться к социологии города вместо социологии города и урбанизации звучат не только со стороны Г. Ганса[3], однако для него это не столько возвращение к классике, сколько обращение к городам как отдельным объектам исследования в рамках одного из направлений современной урбанистики.

---

[1] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 349-350.

[2] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 216.

[3] *Wu C.* Moving from Urban Sociology to the Sociology of the City // American Sociologist. 2016. Vol. 47. № 1. P. 102-114.

2. Социология поселений (*sociology of settlements*) должна сосредоточиться на изучении небольших городов, пригородов и сельской местности, то есть всех населенных пунктов, кроме крупных городов, которые составляют предмет социологии города. При этом не вполне понятно, какое именно направление предполагает рассмотрение агломераций, мегалополисов и других крупных урбанистических образований, которые, как правило, формируются вокруг больших городов, но включают в себя и населенные пункты меньшего размера.

3. Изучение сообществ (*community studies*) концентрирует внимание на качественных исследованиях, что позволит оценить многообразие социальных процессов, структур и практик в городах и поможет составить представление о повседневной жизни людей, социальных групп и организаций. Хотя не вполне очевидно, в чем именно должна состоять специфика данного направления, за исключением использования качественных методов исследования, поскольку сообщество – это ключевая категория для изучения города и урбанизации в социологии. Причем на это указывает и сам Г. Ганс в более поздней работе[1], а потому изучение урбанистических сообществ вряд ли целесообразно выделять в отдельное направление исследований. Речь идет скорее о необходимости отдельного внимания к качественным методам изучения урбанистического пространства, которые позволяют получить более глубокую информацию о повседневной жизни сообществ, нежели количественные методы.

4. Социология пространства (*spatial sociology*) является последним направлением исследований, выделенным Г. Гансом. Ее необходимо отличать от социологии города, потому что пространственная социология сосредотачивает внимание не столько на социальном пространстве, сколько на физическом, которое рассматривается как результат определенных социальных отношений. Люди занимают «естественное», или «физическое»,

[1] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 213.

пространство, используя имеющиеся у них социальные и культурные инструменты, и преобразуют его в соответствии со своими целями и задачами. Пространство, в свою очередь, оказывает влияние на формирование социальных отношений, кроме того, может стать источником эксклюзии и сегрегации. Эти «пространственные эффекты» должны быть выявлены и подробно рассмотрены[1].

Однако выделение данных четырех направлений Г. Гансом представляется спорным и не вполне целесообразным, поскольку все они имеют множество точек соприкосновения и пересечения. Тем самым, дискуссия о предметном поле социологии города и урбанизации, состоявшаяся в начале XXI века, демонстрирует отсутствие единой методологии и фрагментацию современных исследований и не помогает выявить основания для типологизации существующих концепций.

Более того, предметное поле исследований города и урбанизации в социологии по-прежнему продолжает оставаться весьма дискуссионной темой, обсуждаемой представителями профессионального сообщества на международном уровне[2]. При этом задача по систематизации современных концепций до сих пор не решена и сохраняет свою актуальность, поскольку очевидно, что социологию города и урбанизации следует рассматривать как единое исследовательское поле.

Представляется, что основой для систематизации и типологизации разнообразных концепций города и урбанизации может стать функциональный подход, суть которого «состоит в исследовании взаимосвязи элементов социального целого, с точки зрения тех функций, которые они выполняют в нем и с помощью которых оно сохраняет свою

---

[1] *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 216.

[2] *Мартыненко Т.С., Хомякова К.Л.* Урбанистическая теория и практика: прошлое, настоящее и возможное будущее // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 150-152.

жизнеспособность»[1]. Очевидно, что современное урбанистическое пространство является весьма сложным образованием, которое характеризуется выполнением ряда функций по организации социальной жизни сообществ.

Фактически, попытка Г. Ганса упорядочить предметное поле социологии города и урбанизации на основе разведения социологии города и социологии поселений, которые дополняются изучением сообществ и социологией пространства, демонстрирует желание вычленить основные структурные элементы рассматриваемого объекта. Однако без функционального компонента его схема оказывается довольно спорной и противоречивой, поскольку выделение элементов современного урбанистического пространства является гораздо более сложной задачей, нежели его функциональный анализ. Последний отвечает задачам современной пространственной морфологии, поскольку позволяет описывать любые пространственные образования – от города до мегалополиса – и потому представляется наиболее адекватной основой для реструктуризации, систематизации и типологизации многочисленных концепций города и урбанизации.

Необходимо отметить, что в исследованиях города и урбанизации уже было несколько попыток обращения к функциональному анализу, которые, тем не менее, не завершились упорядочиванием предметного поля социологической урбанистики. В частности, одним из первых систематизировать различные точки зрения на урбанизацию пытается американский социолог Ч. Тилли, который в конце 1960-х годов выделяет четыре группы концепций, конкурирующих друг с другом:

- демографические;
- экономические;
- интеракционистские;

[1] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 89.

– нормативные[1].

Данная типологизация концепций урбанизации, которую предлагает Ч. Тилли, во многом основывается на функциональном анализе. Для того чтобы это продемонстрировать, рассмотрим подробнее все эти группы, где особняком стоят демографические концепции, являющиеся таковыми скорее «на словах»[2], чем по содержанию, на что указывает и сам американский социолог.

Демографические концепции рассматривают урбанизацию как растущую концентрацию населения в крупных плотных поселениях и связывают урбанизацию с количественными показателями. Одним из примеров подобного подхода Ч. Тилли называет работу Э. Лампарда об истории урбанизации[3]. Однако несмотря на то, что автор заявляет о «демографическом взгляде на урбанизацию», фактически у него речь идет о трансформации функциональной нагрузки городов вследствие перехода от традиционного общества к индустриальному. Это становится причиной стремительного роста урбанизированных территорий, и это может быть продемонстрировано на примере количественных показателей. Однако Э. Лампард не ограничивается ими и, по существу, связывает урбанизацию с миграцией, в основе которой находятся экономические причины, на что справедливо указывает Ч. Тилли[4]. Тем самым, для социологов характерен поиск причин демографических изменений, а не просто их констатация, поэтому демографические концепции урбанизации, по сути, оказываются значительно шире, чем следует из их названия, поскольку не могут не учитывать специфику социальных процессов в городах.

---

[1] *Tilly Ch*. The State of Urbanization // Comparative Studies in Society and History. 1967. Vol. 10. № 1. P. 102.

[2] Ibid. P. 103.

[3] *Lampard E. E*. Historical Aspects of Urbanization // The Study of Urbanization / ed. by Ph. M. Hauser and L. F. Schnore. New York: John Wiley & Sons, 1965. P. 519-554.

[4] *Tilly Ch*. The State of Urbanization // Comparative Studies in Society and History. 1967. Vol. 10. № 1. P. 103.

Необходимо отметить, что концепцию Э. Лампарда вполне можно было бы отнести ко второй группе, которую выделяет Ч. Тилли, – экономической, но сам он на это не решается вследствие вполне четко заявленной позиции Э. Лампарда, согласно которой урбанизация рассматривается им как демографический процесс. Поэтому фактически в социологии существуют три, а не четыре группы концепций – экономические, интеракционистские и нормативные, как их называет Ч. Тилли.

Экономические концепции весьма широко представлены в социологии в самых разных вариантах, которые объединяет анализ урбанизации как процесса территориальной концентрации скорее производственной деятельности, а не населения, как в случае демографических концепций. Тем самым приток населения в города рассматривается как результат концентрации производства и создания новых рабочих мест. При этом внимание акцентируется на экономических функциях городов как производственных центров, что восходит еще к работам К. Маркса[1] и М. Вебера[2], а в современной социологии рассматривается, например, С. Сассен[3], для которой глобальные города представляют собой постиндустриальные производственные площадки.

Интеракционистские концепции подчеркивают рост специализированных сетей социальных отношений, сгруппированных в городах, независимо от того, растет численность населения городов или нет. Социологи, которым ближе всего подобное понимание урбанизации, сосредотачиваются не на экономических функциях города, а на интеграционных процессах, которые являются основой функционирования урбанистических сообществ. В данном контексте урбанизацию рассматривает,

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1978. Т. 1.

[2] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018.

[3] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 97-108.

например, Р. Парк[1], то есть акцент на функции интеграции – также вполне привычная схема для социологии, которая сегодня получает продолжение, например, в работах Ш. Зукин[2].

Нормативные концепции характеризуют урбанизацию как процесс перехода от сельского образа жизни к городскому и распространения этого особого образа жизни, что своими корнями уходит к понятию «урбанизм» из классической работы Л. Вирта[3]. Тем самым, особый образ жизни в городах также можно считать традиционной темой социологической урбанистики, связанной с производством особых социальных практик. Эти социальные практики не только передаются последующим поколениям, но и воспринимаются новыми горожанами, которые стараются подражать стилю жизни, характерному для местного населения. Фактически речь идет не просто о формировании особого образа жизни, а о распространении влияния города за пределы его границ на основе трансляции культурных паттернов, что в современной социологии находит отражение, например, в работах Й. Терборна[4].

Тем самым Ч. Тилли демонстрирует, что социология трактует урбанизацию, прежде всего, на основе тех функций, которые выполняют города. Среди экономистов, политологов, географов и представителей других наук наиболее распространенным подходом к пониманию урбанизации является демографический, но в социологии ситуация обстоит иначе. С точки

---

[1] *Park R. E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment // American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5. P. 577-612; *Park R. E.* The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // The Urban Community: Selected papers from the proceedings of the American sociological society, 1925 / ed. by E. W. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1926; *Park R. E.* Human Ecology // Robert E. Park on Social Control and Collective Behavior: Selected Papers / ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967; *Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

[2] *Zukin S.* The Cultures of Cities. Oxford, Malden: Blackwell, 1995.

[3] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 1-24.

[4] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017.

зрения социологов, сводить урбанизацию исключительно к росту численности населения городов недопустимо, и социология предлагает разнообразные трактовки сущности данного процесса. Однако в последний трети XX века урбанизация становится значительно более сложным процессом, что получает свое отражение в современной социологической теории и требует уточнения и дополнения схемы его анализа, предложенной Ч. Тилли. Хотя несомненная ценность данной схемы для упорядочивания предметного поля социологии города и урбанизации заключается в том, что американский социолог одним из первых указывает на возможность использования функционального подхода. Именно на его основе он выделяет экономические, интеракционистские и нормативные концепции урбанизации. Тем самым, в социологии получают развитие те подходы к пониманию урбанизации, в центре внимания которых оказываются изменение производственной деятельности, социальных отношений, норм и моделей поведения.

Свой вклад в развитие функционального подхода к изучению урбанизации также вносит почетный профессор городского планирования П. Маркузе, сын одного из представителей Франкфуртской школы социологии Г. Маркузе. Этот ученый предлагает «расширенную версию ключевых категорий Чарльза Тилли, чтобы создать основу для понимания природы изменений морфологии городов с течением времени»[1]. Так, он выделяет ключевые аспекты урбанистической жизни, которые должны находиться в центре внимания социологов, а среди всего многообразия социальных измерений урбанизации наиболее значимыми считает: функциональное, культурное и положение в иерархии власти[2].

Функциональное измерение рассматривается им как результат экономической логики, согласно которой районы могут иметь разное предназначение (жилые, промышленные и другие). Зонирование становится

[1] *Marcuse P.* The forms of power and the forms of cities: building on Charles Tilly // Theory and Society. 2010. Vol. 39. № 3/4. Special Issue in Memory of Charles Tilly (1929–2008): Cities, States, Trust, and Rule. P. 471.

[2] Ibid. P. 477-478.

результатом экономических требований, например, логистических, согласно которым для некоторых объектов необходима близость к транспортным маршрутам (например, склады), а соседство отдельных профессиональных групп делает возможным их сотрудничество друг с другом. В основе этого деления находятся именно экономические причины, а не какие-либо другие, поэтому речь идет, в первую очередь, об экономических функциях города, которые становятся причиной зонирования его пространства. Соответственно, П. Маркузе вслед за Ч. Тилли указывает на значимость для социологии анализа экономических функций города, что отражено как в классических, так и современных концепциях.

Культурное измерение включает в себя различия, которые, как правило, очевидны: деление по этническому признаку, языку, одежде, религии или убеждениям, по образу жизни и так далее. Наиболее яркие их проявления можно встретить в этнических гетто. Эти различия не основаны ни на отношении к экономическому производству, ни на отношениях власти, и являются привычным явлением для многих городов, которые характеризуются культурным многообразием. Данный ракурс рассмотрения социальной жизни в городе во многом схож с концепциями урбанизации, которые Ч. Тилли называет нормативными, и где акцент делается на особом образе жизни. При этом, по словам Ч. Тилли, «стандартизация одних сторон жизни происходит с одновременным увеличением разнообразия других»[1], что, несомненно, предполагает выполнение городскими сообществами функции «воспроизводства образца»[2], как ее называет Т. Парсонс.

Властное измерение социальной жизни в городе отражает отношения господства и подчинения в разных сферах, а не только в политической. Сила может существовать во множестве вариантов – военном, экономическом, правовом и других, которые объединяет выполнение функции принятия

---

[1] *Тилли Ч.* Формы урбанизации // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

[2] *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 15.

решений. Показательными примерами репрезентации политической власти в городском пространстве являются правительственные кварталы, особенно в колониальных городах, что в современной социологии довольно подробно анализирует Й. Терборн[1]. Выделение П. Маркузе властного измерения города представляется чрезвычайно значимым, поскольку оно практически утеряно в тех концепциях урбанизации, которые предлагает Ч. Тилли, но довольно часто оказывается в сфере внимания социологов[2], поскольку урбанистическое пространство – это место принятия ключевых решений для самых разных сфер общественной жизни.

Очевидно, что три измерения урбанистической жизни, которые выделяет П. Маркузе, как накладываются друг на друга, так и противоречат друг другу, однако они доказывают, что пространство конструируется социально[3]. Тем самым, он вслед за Ч. Тилли демонстрирует, что именно функциональный анализ может стать основой для построения типологии существующих концепций города и урбанизации. При этом ни П. Маркузе, ни Ч. Тилли не называют его таковым, но фактически к нему обращаются.

Здесь вполне можно провести аналогию с ситуацией, когда Б. Малиновского «иногда ошибочно считают первооткрывателем функционального анализа»[4], хотя он сам отмечает, что если ему «и довелось внести какой-то скромный вклад в развитие этого метода, то он состоит в создании ярлыка функционализма для уже существующего корпуса научных идей, приемов и интересов»[5]. Поэтому то обстоятельство, что Ч. Тилли и П. Маркузе не называют свой подход функциональным, еще не значит, что его

---

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017.

[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968; *Castells M.* La Question Urbaine. Paris: François Maspero, 1972.

[3] *Marcuse P.* The forms of power and the forms of cities: building on Charles Tilly // Theory and Society. 2010. Vol. 39. № 3/4. Special Issue in Memory of Charles Tilly (1929–2008): Cities, States, Trust, and Rule. P. 478.

[4] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 93.

[5] *Малиновский Б.* Функциональная теория // *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М. ОГИ, 2005. С. 125.

не следует считать таковым. Более того, они практически доказывают, что функциональный анализ представляет собой единственную основу для систематизации предметного поля социологии города и урбанизации, хотя сами и не ставят перед собой подобной задачи. Но именно функциональный анализ позволяет отразить и зафиксировать социологический смысл городов, а также агломераций, мегалополисов и прочих урбанистических образований.

Представляется, что для решения задачи по реструктуризации, систематизации и типологизации существующих западных концепций города и урбанизации следует обратиться к схеме функционального анализа, предложенной Т. Парсонсом для элементов как общей системы действия, так и ее социальной подсистемы. Американский социолог выделяет четыре функции, характерные для элементов любой социальной системы: «воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации»[1]. Необходимо отметить, что в отечественной социологии «схема четырех основных функций, необходимых для сохранения структуры системы, получила название схемы AGIL («эйджил») <…> Однако сам Т. Парсонс не всегда задавал функциям ту последовательность, которая соответствует данной аббревиатуре»[2], поэтому порядок перечисления функций может различаться.

Любые урбанистические сообщества можно рассматривать в качестве социальных систем, поскольку они ограничены определенной территорией и обладают тем содержанием, которое дает возможность разграничить данные системы и их окружающую среду. Урбанистические образования представляют собой особые исторические типы локальных сообществ, которые обладают системными характеристиками. Они создают особый социальный и нормативный порядок, нуждаются в целеполагании и адаптируются к происходящим изменениям, оставаясь открытыми системами.

---

[1] *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 15.

[2] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 141.

Соответственно, урбанистические сообщества, как и другие социальные системы, выполняют функции, выделенные американским социологом. Социология «имеет дело с социальными системами, она занимается лишь одним, функциональным аспектом социальных систем»[1]. Поэтому именно функционирование современных урбанистических систем составляет социологическое содержание анализа урбанистического пространства и находится в центре внимания социологии города и урбанизации. Следовательно, типологизировать существующие разнообразные концепции города и урбанизации можно на основании того, выполнению какой именно функции уделяется наибольшее внимание тем или иным автором.

Необходимо учитывать, что любая типологизация представляет собой абстрактную модель, не способную учесть все многообразие существующих концепций, поэтому является идеально-типической конструкцией, поскольку, по словам М. Вебера «каждый индивидуальный идеальный тип составляется из понятийных элементов, родовых по своей природе и превращенных в идеальные типы»[2] и «конструкции такого рода обладают в ряде случаев большим эвристическим значением»[3]. Так, попытки типологизации помогают структурировать предметное поле современных исследований города и урбанизации в социологии и продемонстрировать эвристическую ценность и одновременно ограниченность существующих концепций.

Все социологические концепции являются частичными, поскольку не отражают проблемное поле социологии города и урбанизации в полной мере из-за того, что сосредоточены преимущественно на одной из функций, выполняемой урбанистическими сообществами. Тем не менее, это позволяет выстроить не хронологическую, а тематическую типологизацию концепций с опорой на функционализм в его варианте, предложенном Т. Парсонсом и

---

[1] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 148.

[2] *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Вебер М.* Избранные произведения. М. Прогресс, 1990. С. 401.

[3] Там же.

дополненном Р. Мертоном. В данной связи автор считает целесообразным предложить свою собственную типологию концепций города и урбанизации, предлагающую на основе функционального анализа комплексное видение основных направлений исследований в современной социологии и перспектив их развития.

При этом необходимо оговориться, что включить в единую схему абсолютно все существующие концепции не представляется возможным, среди них выбраны те, которые, с одной стороны, позволяют составить полную картину того, что из себя представляет предметное поле современной социологии города и урбанизации, с другой стороны, демонстрируют возможность построения типологии на основе функционализма. Соответственно, предлагаемая схема может уточняться и дополняться, что не снижает ее эвристической ценности, поскольку на ее основе конструируется новая предметная область в современной западной социологии и вычленяются основные вопросы, которые являются предметом обсуждения.

Проведенный анализ предметного поля социологии города и урбанизации позволяет выделить четыре группы концепций в соответствии с тем, какой именно функции урбанистических сообществ уделяют больше всего внимания те или иные авторы.

Первая группа концепций может быть названа *культурно-исторической,* поскольку представляющие ее авторы уделяют значительное внимание тому, как в урбанистическом пространстве происходит *воспроизводство образца* через его передачу последующим поколениям.

Теоретико-методологические особенности данной группы концепций заключаются в том, что авторы рассматривают городское пространство как символическое образование, репрезентирующее идеи, характерные для определенной эпохи. Соответственно, город предстает как пространство диалога, в том числе и с последующими поколениями, если они способны

«прочитать город»[1], по словам А. Лефевра, то есть понимают язык, которым он «написан». Исследователей, рассматривающих город в подобной перспективе, объединяет историко-социологический анализ городов, использование сравнительно-исторического и генетического методов, позволяющих проследить эволюцию урбанистического пространства и выделить специфику современного этапа урбанизации. К данным концепциям можно отнести разработки А. Лефевра, Р. Сеннета и Й. Терборна, в работах которых важное место занимают вопросы исторического наследия в городском пространстве и его значения для современной социальной жизни.

Необходимо отметить, что работы представителя французского неомарксизма А. Лефевра[2] становятся основой для обсуждения социальной несправедливости, социального неравенства, социальной структуры урбанистического пространства и социальных конфликтов между различными социальными группами, каждая из которых располагает своим «правом на город». Тем не менее, для французского социолога город представляет собой в многом символическое образование, продукт «творения»[3] его жителей, который имеет высокую культурную ценность. И его критика капиталистического общества включает в себя не только экономико-политические аспекты, но также сожаление относительно стандартизации городского пространства, которое утрачивает свою творческую составляющую, а вместе с ней и индивидуальность, что ведет к обнищанию повседневной жизни, подробно рассмотренному в его трехтомной работе «Критика повседневности»[4].

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 53.

[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968; *Lefebvre H.* La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970; *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 44.

[4] *Lefebvre H.* Critique de la Vie Quotidienne. Paris: Grasser, 1947; *Lefebvre H.* Critique de la Vie Quotidienne II: Fondements d'une Sociologie de la Quotidienneté. Paris: L'Arche, 1961; *Lefebvre H.* Critique de la Vie Quotidienne III: De la Modernité au Modernisme. Paris: L'Arche, 1981.

Американский социолог Р. Сеннет предлагает подробный исторический экскурс и демонстрирует то, как урбанистическое пространство традиционно выстраивалось в соответствии с ценностями, свойственными определенному обществу и эпохе[1], то есть фактически предлагает свое авторское прочтение идеи А. Лефевра о творении города. Р. Сеннет указывает на то, что городское планирование отражает идеалы своего времени и конструируется в соответствии с ними, поэтому урбанистическое пространство хранит память о прошлых эпохах и «рассказывает» о них последующим поколениям. Однако сегодня американский социолог наблюдает растворение уникального локального в безликом глобальном капитализме, унифицирующим городскую среду[2], тем самым создавая глобальные образцы, которые воспроизводятся по всему миру.

Шведский социолог Й. Терборн также указывает на кардинальную трансформацию городов в условиях глобализации, которая способствует воспроизводству единых образцов в разных городах. Тем не менее, он предлагает свой оригинальный ракурс рассмотрения символического пространства городов и делает акцент на том, как происходит репрезентация власти в столицах. Й. Терборн демонстрирует, что смена власти практически всегда влечет за собой преобразование столицы, поскольку смена политических идеалов требует новых репрезентаций и уничтожения прежних. Однако и он приходит к выводу о том, что сегодня транснациональные корпорации оказывают не меньшее влияние на облик столичных городов, чем политическая власть, и называет небоскребы символами нынешней эпохи, распространившимися по всему миру и воспроизводящими те образцы, которые отражают, прежде всего, конкуренцию между транснациональными корпорациями[3]. Тем самым, Р. Сеннет и Й. Терборн прослеживают эволюцию

---

[1] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W. W. Norton & Company, 1994.

[2] *Sennett R.* Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference// Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion / ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 109-122.

[3] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017. P. 288, 316-317.

городов вплоть до начала XXI столетия и дают свою оценку влияния глобализации на урбанистическое пространство.

Вторая группа концепций рассматривает городское планирование как возможность для конструирования пространства, располагающего к *интеграции* жителей города, благодаря формированию условий для социальных взаимодействий между ними. Данные концепции можно назвать *интеракционистскими,* поскольку в центре внимания авторов находится поиск тех архитектурных решений, которые способствуют формированию механизмов *интеграции* урбанистических сообществ. Авторов данных концепций объединяет комплексность подхода, который они предлагают, а также широкий контекст интерпретации наблюдаемых процессов и явлений вследствие междисциплинарности их исследований социальной жизни городов. Внимание уделяется, прежде всего, современным городам, которые оформляются во многом под влиянием идей конструктивизма, способствовавшего распространению высокоэтажного строительства, приведшего к сокращению числа социальных контактов.

Главный вектор изменения городской среды, который просматривается во всех концепциях, предполагает создание условий для взаимодействия людей в городе, поскольку именно социальные взаимодействия рассматриваются как необходимые элементы интеграции местных сообществ, активное участие которых в конструировании городского пространства может способствовать существенному улучшению качества жизни.

Влияние урбанистической среды на социальные взаимодействия и качество жизни в городах находится в центре внимания таких исследователей как Л. Мамфорд, Дж. Джекобс и Я. Гейл. Главная задача, которую они пытаются решить, заключается в разработке конкретных рекомендаций по преобразованию городского пространства, для чего активно задействуется метод наблюдения. Преимущественно эмпирический характер исследований становится причиной того, что выводам зачастую не хватает теоретических обобщений, а некоторые из них носят весьма поверхностный характер,

вследствие отсутствия четкой понятийности и явного популизма, присущего исследователям. Однако это не мешает данным концепциям оказывать значительное влияние на современную социологию, а их эвристическая ценность состоит в практической ориентированности предложений, сформулированных авторами.

Социологи, начиная с К. Маркса и заканчивая представителями современной социологии (А. Лефевр, С. Сассен и другие) указывают на то, что городское проектирование может изменить формы взаимодействия между людьми и решить актуальные социальные проблемы. А. Лефевр утверждает, что изменить город – значит изменить жизнь и наоборот[1]. С. Сассен указывает на то, что город вносит свой вклад в устройство как семейной жизни, так и трудовой деятельности, поскольку предполагает определенную организацию пространства[2]. Поэтому Л. Мамфорд, Дж. Джекобс и Я. Гейл последовательно критикуют планирование промышленных городов, которое, с их точки зрения, негативно влияет на человека. Первых двух, несмотря на серьезные различия в их взглядах, также объединяет убежденность в том, что основой безопасного и комфортного города являются не широкие магистрали, а условия для консолидации местного сообщества.

Модель «города для людей»[3], ориентированного на их нужды и потребности, а также учитывающего интересы местных сообществ, предлагает Я. Гейл, который активно реализует свои проекты в разных уголках мира. Подобное социальное проектирование может помочь в решении актуальных проблем современного мира, где города и новые урбанистические образования становятся основной формой жизни.

Городское планирование предоставляет возможность практического применения теорий, концепций и существующих моделей развития. В городах живет большая часть людей на планете, процент городского населения в ряде

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 104.

[2] *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 154.

[3] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.

стран намного превышает среднемировые показатели, поэтому можно говорить о том, что именно городской образ жизни становится наиболее распространенным в мире. Изучение городов, как и в начале XX века, во многом является анализом социальных проблем общества, а изменение городского пространства представляет собой попытку изменения не только образа жизни, но и самого общества в целом.

Третья группа концепций рассматривает урбанизацию как пространственное воплощение капитализма, который концентрируется в крупных городах, в том числе и глобальных, представляющих собой влиятельные центры *целеполагания* и принятия решений. Эти концепции можно назвать *глобалистскими*, поскольку в центре внимания авторов оказывается процесс глобализации, который способствует тому, что различные ресурсы (экономические, человеческие и другие) концентрируются в городах.

У всех исследователей вызывает опасение то обстоятельство, что современные капиталистические города развиваются, в первую очередь, в интересах крупного бизнеса, а потому представляют собой пространства социального неравенства, социальной несправедливости и социальных конфликтов. Тем самым они демонстрируют, что проблематика, обозначенная классическим марксизмом, по-прежнему актуальна для современной социологии, хотя и начинает рассматриваться в контексте глобализации, которая требует принятия решений не только на национальном, но и на глобальном уровне.

В данных концепциях речь идет не только о критике социального развития урбанистического пространства, но также о выдвижении целей, к достижению которых следует стремиться тем, кто принимает решения. Соответственно, речь идет именно о целеполагании, поскольку предпринимаются попытки выстроить приоритеты дальнейшего развития, хотя конкретные рекомендации по возможному достижению поставленных целей предлагаются редко.

К авторам данных концепций можно отнести М. Кастельса, Д. Харви и С. Сассен, которые на основе классических социологических методов, среди которых генетический и сравнительно-исторический, рассматривают современные города как «постиндустриальные производственные площадки»[1], где принимаются стратегические решения, имеющие значения для всего глобального мира. При этом экономические интересы детерминируют многие решения, в том числе и относительно трансформации городского пространства, которое по-прежнему является пространством социального неравенства и социальных конфликтов, которые в современном мире приобретают глобальный характер. В рамках данных концепций города рассматриваются как сконструированные пространственные, социальные и экономические системы власти.

Предметом анализа вышеупомянутых авторов также становится технический прогресс, который создает беспрецедентные коммуникационные возможности, превращающие космополитичные города в места скопления новых идей, инноваций и изобретений[2]. При этом глобальные и мировые города функционируют как элементы международной сети городов, что способствует обсуждению меняющихся отношений между крупнейшими городами мира и национальными государствами, на территории которых они находятся.

Во время фордистского промышленного капитализма, характерного для большей части XX столетия, города имели скорее национальное значение, нежели какое-либо иное. Однако в условиях глобализации они приобретают наднациональное значение и позволяют социологам фиксировать базовые преобразования современности, являясь пространством апробации новых видов социальных, экономических и политических практик. На тот факт, что

---

[1] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.

[2] *Taylor P. J.* Extraordinary Cities II: Early “Cityness” and the Invention of States // GaWC Research Bulletin 360. 2010. URL: http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb360.html (accessed 27.11.2021).

экономика базируется в городах, указывал еще французский историк Ф. Бродель, рассматривавший «город, как логистическое сердце своей деятельности»[1]. Однако авторы, чьи концепции включены в эту группу, предлагают анализ глобализации и ее последствий для города и урбанизации, что можно увидеть, как в поздних произведениях М. Кастельса и Д. Харви[2] конца XX – начала XXI веков, так и практически во всех произведениях С. Сассен[3].

При этом указанные авторы уже рассматривают не только город в своем классическом понимании, они отмечают рост пригородов, которые экономически связаны с центром и становятся новыми пространствами типичных городских проблем, к которым следует отнести, в первую очередь, социальное неравенство. Однако наиболее полную разработку данный аспект урбанизации получает у других исследователей, чьи концепции объединены в четвертую группу.

Четвертая группа концепций, *морфологических,* указывает на утрату городом четких границ и появление новых пространственных единиц вследствие *адаптации* урбанистических форм к условиям постиндустриального общества. Современная социология имеет дело не только с городами, но и с более сложными урбанистическими образованиями – агломерациями, мегалополисами, урбанистическими регионами и другими. Их появление становится, в том числе и результатом адаптации городов к тенденции сверхконцентрации населения и ресурсов, что способствует росту миграции в крупнейшие экономические центры. Соответственно, данные концепции демонстрируют необходимость

---

[1] *Braudel F.* The Perspective of The World: Civilization and Capitalism 15-18-th Century. Vol. III. London: Collins, 1984. P. 27.

[2] *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996; *Castells M.* The Informational City. London: Blackwell, 1989; *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006; *Harvey D.* The Ways of the World. London: Profile Books Ltd, 2016.

[3] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991; *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006; *Sassen S.* Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014.

пересмотра предметного поля исследований города и урбанизации в соответствии с происходящими трансформациями урбанистического пространства, влекущими за собой изменение социальных связей и отношений.

Пристальное внимание новым урбанистическим формам уделяет не только социология, но и социальная география, которая становится основанием для построения новых социологических концепций, рассматривающих влияние морфологии на социальную жизнь, поэтому данные концепции отличаются междисциплинарностью и комплексностью подхода к изучению урбанизации, как и те, что выделены во вторую группу. Необходимо также отметить скорее описательный характер данных концепций, что можно объяснить новизной многих изучаемых процессов и явлений.

Следует указать на то, что предложение рассматривать города не только в их административных границах можно найти уже в работе Р. Парка: «Сам город отождествлялся с административной территориальной единицей, населенным пунктом; но город, который нас интересует, – это не официальная административная единица. Скорее, это продукт естественных сил, расширяющий свои границы более или менее независимо от тех пределов, которые навязываются ему политическими и административными задачами. Сейчас это общепризнанный факт, и в любом основательном исследовании города, рассматривается ли он как экономическая или как социальная единица, считается необходимым ориентироваться на естественные, а не официальные, городские границы»[1]. Соответственно, можно утверждать, что необходимость рассмотрения урбанистических образований, выходящих за пределы административных границ города, осознается в социологии уже довольно давно, хотя те концепции, в которых этот вопрос является центральным, появляются только во второй половине XX столетия и представляют собой продолжение идей социальной экологии.

[1] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 12.

Авторов данных концепций объединяет особый подход к пониманию границ (административных, государственных и любых других), поскольку они рассматриваются, скорее, как препятствия для взаимодействия и установления связей. Как следствие, предметом детального анализа становятся различные сети, в том числе и значение инфраструктуры (транспортной, коммуникационной и другой) которая обеспечивает связанность внутри крупных урбанистических образований и между ними. Среди данных концепций особо необходимо выделить разработки таких авторов, как Ж. Готтман, Э. Сойя и П. Ханна.

В частности, французский исследователь Ж. Готтман во время своего пребывания с США обращает внимание на то, что довольно обширная территория между Бостоном и Вашингтоном является единым экономическим образованием, внутри которого нецелесообразно проводить границы, поскольку они лишь исказят получаемую информацию. Он называет эту территорию мегалополисом[1], полагая, что новые урбанистические реалии требуют и введения новой понятийности. Тем самым Ж. Готтман одним из первых предлагает рассматривать не только города, но и более сложные пространственные образования, которые являются результатом оформления постиндустриального общества.

Его идеи получают продолжение в работах американского урбаниста Э. Сойи, который считает, что современные постфордисткие урбанистические образования требуют не только новых терминов для их обозначения, но и новой методологии их исследования. Он называет модели Чикагской школы устаревшими, поскольку они подходят лишь для описания моноцентрического индустриального города, который постепенно остается в прошлом. Э. Сойя называет современные полицентрические города постметрополисами[2], тем

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

[2] *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000.

самым фиксируя новый этап урбанизации и связанное с ним изменение социального пространства.

Американский исследователь П. Ханна предлагает кардинально пересмотреть приоритеты пространственного анализа: отказаться от традиционной политической географии, концентрирующей внимание на разделяющих мир границах, и заменить ее новой функциональной географией, или «коннектографией»[1], которая демонстрирует прозрачность границ и интенсивность связей внутри и между обширными урбанизированными территориями. Как и С. Сассен, он рассматривает урбанистические образования как ключевые центры глобальной экономики, однако считает их гораздо более крупными, нежели просто глобальные города. Поэтому П. Ханна анализирует не только агломерации и мегалополисы, но даже и «урбанистические архипелаги», пересекающие государственные границы в целях повышения конкурентоспособности и наращивания адаптивного потенциала.

Необходимо отметить, что любая типология представляет собой аналитический прием, призванный упорядочить предметное поле за счет систематизации многообразия существующих подходов и вычленения теоретико-методологических принципов, на которые опираются авторы. Одновременно это позволяет указать на ограниченные возможности каждой из рассмотренных концепций, поскольку они акцентируют свое внимание на отдельных сторонах процесса урбанизации, уделяя внимание далеко не всем функциям, характерным для современных городов и более сложных урбанистических образований.

Эвристическая ценность типологии западных концепций социологической урбанистики, предложенной автором, заключается в том, что она позволяет упорядочить многообразие исследований в данной области, характерное для начала XXI века, а также выявить методологические

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.

особенности и векторы развития современных западных концепций в области исследований города и урбанизации, которые дают возможность определить направления теоретической трансформации в социологии в целом.

Подводя итоги сказанному в данном параграфе, следует отметить, что предметное поле социологии города и урбанизации до сих пор остается дискуссионным вопросом. С конца XX столетия наметились две тенденции, потребовавшие ревизии существующих в социологии подходов к рассмотрению городов и урбанизации. С одной стороны, произошло расширение предметного поля, в том числе и вследствие размывания дисциплинарных границ, а с другой стороны, началась его фрагментация[1]. Тем не менее, для профессионального сообщества очевидно, что исследования города и урбанизации представляют собой самостоятельную отрасль социологического знания, а потому существующие концепции требуют своего упорядочивания и типологизации.

Дебаты о будущем социологии города и урбанизации во многом являются результатом серьезных социальных изменений в самых разных сферах общественной жизни, среди которых французский социолог П. Ле Гале главными считает новую волну капитализма, экологический кризис, эрозию национального государства, усиление индивидуализма и противоречивость процесса глобализации[2]. Эти социальные изменения следует рассматривать как одну из главных причин увеличения многообразия концепций, которые необходимо систематизировать, поскольку социологическая урбанистика представляет собой единое исследовательское поле.

---

[1] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4. P. 850-851.

[2] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 348.

Представляется, что основой для типологизации концепций города и урбанизации может стать функциональный подход, который позволяет упорядочить существующие концепции, выявив, какой именно функции, выполняемой урбанистическими образованиями, авторы уделяют больше всего внимания. Авторская типология современных социологических концепций города и урбанизации включает в себя четыре их группы, основой для выделения которых являются функции социальных систем Т. Парсонса.

Культурно-исторические концепции (А. Лефевр, Р. Сеннет, Й. Терборн), составляющие первую группу, демонстрируют, как создается, поддерживается и воспроизводится социальный порядок в урбанистическом пространстве, которое отражает интересы и идеи местного сообщества, а потому является символическим образованием. В центре внимания ученых, чьи концепции вошли во вторую группу – интеракционистскую (Л. Мамфорд, Дж. Джекобс, Я. Гейл), находятся механизмы интеграции сообществ, которые рассматриваются в качестве главных «заказчиков» преобразования городской среды. Концепции социологов из третьей группы – глобалистской (М. Кастельс, Д. Харви, С. Сассен) – указывают на то, что функция целеполагания в условиях глобализации не может осуществляться исключительно на уровне города и должна учитывать место и роль городов в международной экономике. Морфологические концепции (Ж. Готтман, Э. Сойя, П. Ханна), выделенные в четвертую группу, отмечают особенности современного этапа урбанизации, который характеризуется формированием крупных урбанистических образований вследствие разрастания городов и их выхода за пределы административных границ.

Предложенная типология является одной из возможных схем упорядочивания предметного поля социологии города и урбанизации и не исключает других вариантов систематизации существующих концепций. Однако именно функционализм представляется тем основанием для типологизации, которое позволяет создать системную теоретическую модель, объединяющую все существующие концепции.

Выводы по первой главе:

Социологические концепции города и урбанизации являются неотъемлемой частью социологической науки на протяжении всей истории ее развития. Классики социологии обращаются к изучению урбанизации, которая сопровождает становление капитализма и индустриализацию. Позднее представители Чикагской школы рассматривают город в качестве лаборатории для исследования социальных проблем всего общества в целом. Тем не менее, до середины XX столетия речь идет скорее о социологии города, нежели о социологическом анализе процесса урбанизации в целом. Вопрос о настоящем и будущем социологии города и урбанизации активно обсуждается научным сообществом с конца 1960-х годов, поскольку становится очевидным изменение предметного поля данной области социологического знания, что во многом связано с изменением самого урбанистического пространства.

При этом история становления и развития городов во многом представляет собой историю урбанистических сообществ, которая отражает основные изменения, ставшие предметом изучения для социологов, считающих именно сообщество одной из ключевых категорий. Для того, чтобы понять специфику современного этапа социологических исследований города и урбанизации, необходимо проследить историю развития городов и выявить факторы трансформации урбанистического пространства второй половины XX – начала XXI столетия.

Несмотря на то, что отдельные авторы призывают вернуться от социологии города и урбанизации к социологии города[1], очевидно, что этого уже не произойдет. Современный этап урбанизации демонстрирует настолько сложную морфологию, что сегодня не представляется возможным изучать исключительно города – речь должна идти о всех пространственных формах, социальная организация которых выстраивается на основе сообществ. В частности, Ш. Зукин отмечает, что «как это ни парадоксально, но

[1] *Wu C.* Moving from Urban Sociology to the Sociology of the City // American Sociologist. 2016. Vol. 47. № 1. P. 102-114.

социологическая урбанистика занимается не городом, а пространством и временем в более широком смысле»[1]. Однако Ш. Зукин предлагает принять за основную единицу анализа город, что представляется не лучшим решением. Очевидно, что социологическая традиция изучения города и урбанизации предполагает опору на сообщество как социальную организацию, которая может принимать весьма разнообразные пространственные формы со всем спектром существующих в них социальных отношений.

Понимание всех урбанистических форм как сообществ позволяет объединить социологию города, представленную исследователями XIX – первой половины XX века, и современную социологию города и урбанизации. В частности, М. Сэвидж указывает на то, что сообщество может стать отправной точкой в современных исследованиях города и урбанизации[2]. О возможности изучения урбанизации с опорой на сообщества также пишут М. Кастельс, Дж. Урри, А. Аппадураи[3], которые отмечают, что глобализация и новые технические возможности меняют их функционирование, что требует новых ракурсов анализа урбанизации. Таким образом, урбанизация по-прежнему предстает в социологических концепциях как процесс формирования городских сообществ, которые стремятся к реализации творческого потенциала жителей благодаря созданию благоприятной культурной среды[4], что, тем не менее, не исключает социальных конфликтов. Это традиционная схема анализа города и урбанизации, которая получает продолжение в современных социологических концепциях.

---

[1] *Zukin S.* Is There an Urban Sociology? Questions on a Field and a Vision // Sociologica: Italian Journal of Sociology on line. 2011. Vol. V. № 3. P. 15.

[2] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 358.

[3] *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; *Castells M.* The Network Society. Oxford: Blackwell, 1996; *Urry J.* Sociology Beyond Societies. London: Routledge, 2000; *Wellman B.* Physical Space and Cyberspace, The Rise of Personalised Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 2. P. 227-252.

[4] *Jacobs J.* The Economy of Cities. New York: Random House, 1969; *Zukin S.* The Cultures of Cities. Oxford: Blackwell, 1995.

Однако современный этап урбанизации рассматривается также в контексте новой пространственной морфологии, предполагающей создание урбанистических форм, выходящих далеко за пределы границ традиционного города. Кроме того, в современной социологии невозможно рассмотрение урбанизации без учета тех изменений, которые являются следствием глобализации. Глобальные потоки людей, товаров и информации формируют многочисленные сети в урбанизированном пространстве, где продолжается процесс беспрецедентной концентрации населения, спровоцированный развитием торговых связей и экономической специализацией[1], что также находит свое отражение в современных социологических концепциях.

Современная социология города и урбанизации представляет собой единое исследовательское поле, в котором можно выделить четыре группы концепций: культурно-исторические, интеракционистские, глобалистские и морфологические. Эти концепции включают в себя традиционную проблематику социологии города, которая дополняется глобальными аспектами и анализом новой пространственной морфологии. На современном этапе урбанизации особую значимость приобретают социальные аспекты городского планирования, предполагающего ориентацию на активизацию взаимодействий, что повышает значимость социологических концепций города и урбанизации и позволяет им получить практическую реализацию. Это те вопросы, которые находятся в центре внимания современной социологии города и урбанизации, для которой сообщество по-прежнему является одной из центральных категорий анализа социальной жизни на урбанистическом пространстве, что и демонстрируют современные западные концепции.

[1] *Taylor P. J.* Extraordinary Cities: Early “City-ness” and the Origins of Agriculture and States // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36. № 3. P. 419.

ВТОРАЯ ГЛАВА. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ[1]

§ 1. Концепция «производства» города и городского пространства Анри Лефевра

Французского мыслителя Анри Лефевра (1901-1991) чаще всего называют философом или социологом, однако, он сам не считал себя ни первым, ни вторым[2]. А. Лефевр не видел необходимости в четком разделении общественных наук и предпочитал, чтобы его характеризовали как представителя марксизма, поскольку это отражало его мировоззренческие

[1] Материалы данной главы диссертации нашли отражение в следующих публикациях, выполненных автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48-60; Вершинина И. А. Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2018. № 2. С. 226-237; Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5-19; Вершинина И. А. Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 172-183; Вершинина И. А. Социология города Ричарда Сеннета: трансформация публичной сферы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 154-161; Вершинина И. А., Курбанов А. Р. Социально-политические изменения и трансформация городского пространства (на примере городов Восточной Европы) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 1. С. 107-126 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2019; Самсонова Т. Н., Вершинина И. А. Глобальные города vs государства? К вопросу о роли глобальных городов в условиях глобализации // Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2019 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2018; Вершинина И. А. Проблема идентичности в капиталистическом городе // Материалы научно-практической конференции VII Ковалевские чтения / Отв. ред. Ю. В. Асочакова. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С. 695-698.

[2] *Elden S.* Understanding Henri Lefebvre: Theory and the Possible. London – New York, 2004. P. 4.

установки и позволяло понять суть основных идей вне зависимости от того, к какой области их отнести – к философии или к социологии. В некрологе, опубликованном в журнале «Радикальная философия» (*Radical Philosophy*), были учтены пожелания А. Лефевра. Его не стали относить к какой-либо науке, указав, что скончался французский интеллектуал-марксист, оказавший влияние на развитие не только философии, но и социологии, географии, политологии и литературной критики[1].

При жизни А. Лефевром было опубликовано 70 книг, еще две были изданы после его смерти[2]. Их тематика весьма широка и разнообразна. Одно из наиболее известных направлений его творчества связано с переосмыслением идей классического марксизма. Анализ марксизма, а позднее и его критика – центральные темы таких произведений А. Лефевра, как «Диалектический материализм»[3], «Маркс и свобода»[4], «Марксизм»[5], «Современные проблемы марксизма»[6], «Маркс»[7], «Социология Маркса»[8], «Марксистская мысль и город»[9], «Гегель, Маркс, Ницше, или Царство теней»[10] и другие.

А. Лефевр был не только теоретиком марксизма, с 1928 года он состоял во Французской коммунистической партии, из которой его исключили за критику в 1958 году. Он активно участвовал в движении Сопротивления, в политической жизни Франции, поэтому неудивительно, что политический процесс – другое направление работ французского марксиста, среди которых

---

[1] *Kelly M.* Obituary. Henri Lefebvre, 1901-1991 // Radical Philosophy. 1992. № 60 (Spring). P. 62.

[2] *Elden S.* Understanding Henri Lefebvre: Theory and the Possible. London – New York, 2004. P. 4.

[3] *Lefebvre H.* Le Matérialisme Dialectique. Paris: Alcan, 1939.

[4] *Lefebvre H.* Marx et la liberte. Geneva: Trois Collines, 1947.

[5] *Lefebvre H.* Le marxisme. Paris: PUF, 1948.

[6] *Lefebvre H.* Problemes actuels du marxisme. Paris: PUF, 1958.

[7] *Lefebvre H.* Marx. Paris: PUF, 1964.

[8] *Lefebvre H.* Sociology of Marx. Paris: PUF, 1966.

[9] *Lefebvre H.* La pensée marxiste et la ville. Paris-Tournai: Casterman, 1972.

[10] *Lefebvre H.* Hegel, Marx, Nietzsche, ou le royaume des ombres. Paris-Tournai: Casterman, 1975.

«Национализм против народов»[1], «Гитлер у власти: обзор пяти лет фашизма в Германии»[2], «Конец истории»[3], «Пространство и политика»[4], «Время ошибок»[5], «Государство»[6] в четырех томах и другие.

Третье направление творчества А. Лефевра связано с критическим анализом повседневности: «Критика повседневной жизни»[7] в трех томах, «Введение в современность»[8], «Повседневная жизнь в современном мире»[9], «Три текста для театра»[10], «На пути к архитектуре развлечения»[11] и так далее.

Процесс урбанизации и социальные проблемы городов становятся одной из центральных тем творчества А. Лефевра во второй половине 1960-х годов, хотя ранее в сфере интересов этого ученого гораздо чаще оказывалась социология села. Например, была опубликована работа «Долина Кампань – исследование по сельской социологии»[12]. Некоторые исследователи полагают, что обращение к проблемам пространства было спровоцировано обретением независимости бывшими французскими колониями[13]. Это привело к изменениям не только географических карт, но и социального пространства, следствием чего стали существенные политические, экономические и социальные трансформации, которые, конечно же, гораздо более значимы для социологов, чем изменение государственных границ.

---

[1] *Lefebvre H.* Le nationalisme contre les nations. Paris: Editions Sociales Internationales, 1937.

[2] *Lefebvre H.* Hitler au pouvoir, bilan de cinq annees de fascisme en Allemagne. Paris: Bureau d'Editions, 1938.

[3] *Lefebvre H.* La fin de l'histoire. Paris: Minuit, 1970.

[4] *Lefebvre H.* Espace et politique. Paris, 1973.

[5] *Lefebvre H.* Le temps des meprises. Paris: Stock, 1975.

[6] *Lefebvre H.* De l'État. Paris: Union Generale d'Editions, 1976-1978.

[7] *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne. Paris: Grasser, L'Arche, 1947-1981.

[8] *Lefebvre H.* Introduction a la modernité. Paris: Minuit, 1962.

[9] *Lefebvre H.* La vie quotidienne dans le monde moderne. Paris: Gallimard, 1968.

[10] *Lefebvre H.* Trois textes pour le theatre. Paris: Anthropos, 1972.

[11] *Lefebvre H.* Toward an Architecture of Enjoyment. Minneapolis: University of Minnesota, 2014. Перевод работы 1973 года «Vers une architecture de la jouissance», опубликованной через 40 лет после ее написания.

[12] *Lefebvre H.* La vallée de Campan – Etude de sociologie rurale. Paris: PUF, 1963.

[13] *Kofman E., Lebas E.* Lost in Transposition – Time, Space and the City // Henri Lefebvre: Writings on Cities / ed. by E. Kofman and E. Lebas. Oxford: Blackwell, 1996. P. 14.

Как говорил сам французский ученый, его труды изменились, потому что изменился мир[1]. Хотя, возможно, что интерес к данной теме был связан с предложением А. Лефевру занять должность директора Института городской социологии (*Institut de Sociologie Urbaine*) в Нантере, неподалеку от Парижа, которое он принял в 1965 году[2]. Примерно с этого времени урбанизация, которая рассматривается французским социологом с опорой на марксизм, становится одной из главных тем в его творчестве.

Символично, что первая работа А. Лефевра, в название которой были вынесены проблемы городов – «Право на город»[3], была опубликована в 1968 году, когда в Париже имели место студенческие волнения, массовые беспорядки и всеобщая забастовка. Конечно же, работа была написана до этих событий (в 1967 году, как говорит сам автор, к столетию публикации «Капитала» К. Маркса), но своевременность заявления о том, что каждый из жителей обладает «правом на город» и может его отстаивать, по всей видимости, и способствовала появлению серии публикаций, посвященных данной теме. Наиболее значимыми работами А. Лефевра в данной области являются «Урбанистическая революция»[4] и «Производство пространства»[5]. В них французский социолог приходит к выводу, что основные социальные проблемы второй половины XX века концентрируются в городах и являются результатом капиталистической логики развития общества. Данный ракурс рассмотрения урбанизации позволяет ему во многом опираться на свои более ранние работы, посвященные марксистским идеям в социологии.

Исследователями творчества А. Лефевра, например, Н. Смитом, высказывается предположение, что «Урбанистическая революция» была написана во многом под влиянием политического кризиса 1968 года во

---

[1] *Elden S.* Understanding Henri Lefebvre: Theory and the Possible. London – New York, 2004. P. 3.

[2] *Kofman E., Lebas E.* Lost in Transposition – Time, Space and the City // Henri Lefebvre: Writings on Cities / ed. by E. Kofman and E. Lebas. Oxford: Blackwell, 1996. P. 16.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968.

[4] *Lefebvre H.* La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970.

[5] *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.

Франции и волнений, имевших место в разных странах мира, которые потребовали переосмысления социальных процессов и явлений. Н. Смит, написавший предисловие к англоязычному переводу данного произведения, считает, что термин «революция» также не случайно оказался вынесен в название и указывает нам на то, что именно города становятся аренами для разного рода революций[1]. Не исключено, что это также должно подчеркивать преемственность с идеями К. Маркса, призывавшего к революционным изменениям.

Позиционируя себя как последователя К. Маркса, А. Лефевр интерпретирует идеи немецкого классика и пытается понять, насколько они применимы к анализу социальной реальности второй половины XX века. Опираясь на исторический материализм, французский ученый активно оперирует терминологией классического марксизма, рассматривая процесс производства, производственные отношения, эксплуатацию, классы, капитализм, революции и так далее. Вместе с тем необходимо отметить, что многие понятия используются А. Лефевром метафорично, далеко не все четко им определяются, за что его критикуют другие исследователи, например, М. Кастельс[2].

В свою очередь, французский социолог также критически подходит к рассмотрению идей К. Маркса и его последователей. В частности, А. Лефевр считает, что К. Маркс, рассматривая процессы индустриализации, формирования и функционирования капиталистического общества, уделяет недостаточно внимания городскому вопросу: «Работы Маркса (особенно “Капитал”) содержат ценные указания относительно города и частично описывают исторические отношения между городом и сельской местностью. Однако они не акцентируют внимание на урбанистической проблеме»[3]. Лишь Ф. Энгельс, по словам французского социолога, обозначает «жилищную

[1] *Smith N.* Foreword // Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2003. P. VII.

[2] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 86.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 78.

проблему»[1], однако, городские проблемы гораздо шире, нежели просто жилищные.

А. Лефевр во многих вопросах следует за К. Марксом, который уделял особое внимание процессу производства. В частности, это находит свое отражение в том, что французский социолог рассматривает «город как творение (*oeuvre*), близкое к произведению искусства»[2], которое, тем не менее, является результатом процесса производства и воспроизводства социальных отношений. Тем не менее, А. Лефевр, в отличие от К. Маркса, уделяет значительное меньше внимания экономическим процессам, для него город – это не только результат определенного способа производства, но и символическое образование, отражающее культуру и «дух» своего времени, что и позволяет назвать его концепцию культурно-исторической.

В современной социологии данное понимание города можно также встретить у Р. Сеннета, который указывает на то, что город представляет собой «произведение искусства»[3], то есть результат творения, что продемонстрировали еще в Античности греки. Однако подход А. Лефевра является оригинальным, поскольку он предлагает связать процесс творения города с определенным историческим контекстом и социальными агентами, которые включены в процесс материального и нематериального производства. Соответственно, город предстает у французского социолога как продукт производства, которое понимается не только в экономическом, но в самом широком смысле «как производство знаний, культуры, произведений искусств и цивилизации, и, конечно же, как производство материальных благ и практико-ориентированных объектов»[4]. Тем самым он расширяет понимание творения, предложенное в Античности, дополняя его производственной составляющей.

---

[1] См., напр.: *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. М., 1955. Т. 2.

[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 44.

[3] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 100.

[4] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 45.

Французский социолог предлагает еще два определения города, которые, по его мнению, дополняют друг друга, хотя оба во многом являются метафоричными и не получают широкого распространения в современной социологии. Во-первых, город – это «проекция общества на земле, то есть не только определенное местоположение, но особое пространство, воспринимаемое и постигаемое с помощью мысли, которая определяет материальную и социальную составляющие»[1]. Во-вторых, город – это «совокупность различий между городами»[2]. А. Лефевр считает необходимым предложить второе определение, так как первое не учитывает особенностей городов, ставших результатом их исторического развития, последствий разделения труда между городами и взаимоотношений с близлежащими территориями, которые предполагают возможность существенных различий между паттернами городской жизни.

Можно сказать, что, предлагая данные дефиниции, французский социолог фактически уходит от конкретного определения города, поскольку не может определиться, какие из его характеристик являются наиболее значимыми. Поэтому неудивительно, что А. Лефевр не отвергает других определений и говорит о том, что возможно рассматривать город и с других позиций. Более того, он сам указывает на еще один вариант трактовки этого понятия, который в последующих произведениях будет проанализирован значительно подробнее: он пишет о городе как о «пространстве конфликта и конфронтации, о единстве противоречий»[3]. Тем самым, еще одной из характеристик города для французского социолога является его возможность стать ареной для борьбы (в первую очередь, классовой), и даже революций.

Для А. Лефевра очевидно, что город – это сложное образование, в котором можно выделить две составляющие: материальную реальность (*ville*), в том числе и архитектурную, и социальную (*urban*), произведенную в

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 54.

[2] Ibid.

[3] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 175.

условиях города, включающую в себя отношения между жителями, «конструируемую и реконструируемую»[1] с помощью их действий и мыслей. Социологию, конечно же, в первую очередь интересуют социальная жизнь города и урбанистические сообщества, которые являются главными акторами «творения» пространства. Пространство в его концепции является конститутивным элементом социального, а не просто фоном для социальных отношений[2]. Хотя конструирование города определяется не только интересами сообществ, но и безличными производственными отношениями, характерными для соответствующего этапа развития общества.

Так, французский социолог указывает на то, что изучение города должно основываться на знании истории, в том числе, и политической: «Город может быть прочитан, потому что он пишет, потому что он написан»[3]. Не зная истории, невозможно «прочитать» пространство и понять смыслы, которые его наполняют. Соответственно, «прочитать» город можно лишь зная тот язык, систему символов, на основе которой он создавался. Тем самым, город для А. Лефевра представляет собой именно символическое образование, где друг на друга наслаиваются разные эпохи, память о которых хранит урбанистическое пространство.

Творение пространства рассматривается как производственный процесс, у которого должна быть своя история, повествование о создании его «телесности»[4], его форм и репрезентаций. Следовательно, любой город имеет свою историю и одновременно сам является элементом исторического процесса, поскольку создается и совершенствуется своими жителями в определенное время, предполагающее свой событийный контекст. Поэтому неудивительно, что важным элементом концепции А. Лефевра становится история урбанизации и анализ роли городов на разных этапах исторического развития.

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 46.

[2] *Lyon D.* Rhythmanalysis: Research Methods. London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2021. P. 35.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 53.

[4] *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. С. 59.

Каждый тип общества и способ производства предполагают формирование особого типа города, «производят особый тип пространства»[1]. Изменение способа производства неминуемо должно привести к изменению пространства. С точки зрения А. Лефевра, политические изменения, как правило, сопровождающие изменение способа производства, влекут за собой трансформацию пространства, производство его нового типа[2]. Если не меняется пространство, то и жизнь его обитателей остается прежней, обновляются лишь идеологические надстройки, институты или политический аппарат, но не жизнь общества в целом. Так, французский социолог, опираясь на исторические факты, демонстрирует взаимосвязь городского планирования и способа производства.

Западный средневековый город был результатом творения торговцев и банкиров, которые, создав город, им и управляли. Французский социолог утверждает, что «торговцы из итальянских, фламандских, английских и французских городов любили города как произведения искусства и украшали их различными произведениями искусства»[3], превращая города, таким образом, в продукты своего производства. Однако желание украсить город сосуществовало с желанием получить прибыль, вследствие чего они управлялись «циничной властью золота»[4]. Подобная модель города, созданная несколько веков назад, по мнению французского социолога, сохранилась до сих пор. Город существует как совокупность нематериальных (знания, культура и т. п.) и материальных объектов, произведенных людьми. Соответственно, историю любого города можно рассматривать как своеобразную «книгу»[5], в которой находят свое отражение идеи и ценности тех людей, которые участвовали в его создании.

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 119-121.
[2] *Lefebvre H.* La production de l’espace. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000. P. 66.
[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 45.
[4] Ibid.
[5] Ibid. P. 44.

Тем не менее, наибольший интерес для А. Лефевра представляет капиталистический город, который французский социолог также называет индустриальным[1], поскольку именно в нем сосредоточены многие социальные проблемы современного ему общества. Капиталистический город, по его мнению, функционирует как центр не только производства, но и потребления, которое носит «двоякий характер»[2]: это не только пространство потребления, но и одновременно потребление пространства, которое также имеет свою цену. Приходя в центр города, в котором сосредоточены люксовые магазины, люди оплачивают не только стоимость товаров, но и стоимость аренды в историческом месте, которое является наиболее престижным, а потому – дорогим.

При этом влияние города может распространяться за его пределы, поскольку для А. Лефевра урбанизация предстает как глобальный процесс, который характеризуется чрезмерным расширением и экспансией урбанистического пространства по всему миру. Фактически речь идет об «урбанизации всего общества»[3], что французский социолог предлагает рассматривать как результат расширения промышленного производства, которое повсеместно сопровождается доминированием техники над природой.

Города, став центром принятия решений и аккумулируя капитал, превращаются в «желанные места», вследствие чего позволяют себе эксплуатировать все общество в целом, заставляя его работать на себя. Немного позднее эта мысль получает продолжение в концепции глобальных городов С. Сассен, которая рассматривает их как «постиндустриальные производственные площадки»[4]. С ее точки зрения, доминирование глобальных городов порождает новые формы пространственного

[1] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 13.
[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 120.
[3] Ibid. P. 71.
[4] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 127.

неравенства[1], то есть как раз те самые возможности для эксплуатации всего общества, о которых идет речь в произведениях А. Лефевра.

Необходимо отметить, что, по мнению французского социолога, процесс глобальной урбанизации сопровождается кардинальным преобразованием самих городов, которые низводятся до уровня «девайса»[2], необходимого для организации производства и потребления. Превратившись в механизм для производства и потребления, инструмент организации этих процессов, города утрачивают свою социальную составляющую, являющуюся результатом творения, которая полностью поглощается материальной, что ведет к стандартизации урбанистического пространства. Города становятся безликими, похожими друг на друга, утрачивают творческую составляющую, которая была присуща им прежде и придавала индивидуальность.

Это результат, с одной стороны, кризиса соседства, с другой стороны, следствие механизма принятия решения, в который местные сообщества далеко не всегда включены. Принятие многих решений относительно стратегии развития городов происходит не на муниципальном, а на более высоких уровнях – национальном и региональном, то есть города воспринимаются как инструменты и средства достижения целей. Город зачастую управляется издалека, людьми, не принадлежащими к городскому сообществу и не понимающими особенностей его функционирования: город, или то, что от него осталось, строится или перестраивается, реконструируется как простая «комбинация безличных функциональных элементов»[3], что и способствует стандартизации пространства.

Утрата городами индивидуальности происходит также и вследствие того, что местные сообщества не обладают достаточными ресурсами для отстаивания своего права на «творение города». Более того, в современных городах сообщества зачастую являются разобщенными, поскольку такое

---

[1] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 33.
[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 74.
[3] Ibid. P. 75.

явление, как соседство, уходит в прошлое. Жители города, не чувствуя привязанности к месту (поскольку пребывание может оказаться мимолетным), становятся безразличнее и к пространству, и к окружающим их людям, связи с которыми уже не воспринимаются как значимые. Этому способствуют возросшая мобильность, распространение автомобильного транспорта и влияние средств массовой информации, которые с легкостью переносят аудиторию в отдаленные уголки планеты.

Капиталистическое общество предпочитает экономическую целесообразность творческой продуктивности, что способствует постепенному отдалению жителей от города, ослаблению эмоциональной связи с ним, в том числе и вследствие утраты пространством своей символической составляющей или ее ослабления. Это происходит почти со всеми районами, кроме туристических, которые из экономических соображений продолжают сохранять свой культурно-исторический облик, приносящий прибыль за счет их привлекательности для гостей города.

Для жителей городов доминирование капиталистической логики их развития ведет к обнищанию повседневной жизни, которая «колонизируется»[1] капитализмом, в первую очередь, в сфере потребления. Этот вопрос французский социолог подробно рассматривает в своей трехтомной работе «Критика повседневности»[2]. Повседневная жизнь горожан оказалась разделена на множество отдельных частей: работа, транспорт, частная жизнь, досуг. Перед нами предстают «разобщенные и инертные элементы социальной жизни»[3]. Синтез, который мы пытаемся производить в повседневной жизни, представляет собой лишь комбинацию этих отдельных элементов. А комбинация не является

[1] *Lefebvre H.* Critique of Everyday Life (The One-Volume Edition). London and New York: Verso, 2014. P. 305.

[2] *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne. Paris: Grasser, 1947; *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne II: Fondements d'une sociologie de la quotidienneté. Paris: L'Arche, 1961; *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne III: De la modernité au modernisme. Paris: L'Arche, 1981.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 91.

и никогда не сможет стать синтезом. «Ностальгию по прошлому»[1] пытаются излечить путешествиями, во время которых «фрагментированные руины древних городов»[2] потребляются туристами, но это не решает проблемы, а лишь снимает некоторые симптомы «социальной болезни».

Социальные проблемы городов середины XX века (социальное неравенство, сегрегация, обнищание повседневной жизни и другие) А. Лефевр связывает именно со спецификой функционирования капитализма, когда потребности жителей приносятся в жертву интересам владельцев предприятий. Хотя кризис городов – это, во многом, кризис местных (муниципальных) институтов, которые оказались подвержены воздействию двух мощных сил: государства и промышленных предприятий. Подобное деструктивное воздействие неизбежно рождает противодействие со стороны городского сообщества. Государство и частные корпорации присваивают себе функции города, узурпируют их и, тем самым, разрушают его, не считаясь с интересами городских сообществ. В этом и заключается, с точки зрения французского социолога, институциональный глобальный кризис городов и муниципального управления.

Капиталистические города, по мнению А. Лефевра, объединяет конфликтная природа социальных взаимоотношений[3], ведущая к исчезновению как традиционной деревни, так и традиционного города. На их обломках может состояться оформление урбанизированного общества, переход к которому и будет обозначать преодоление критической, или кризисной, точки в развитии городов. А. Лефевр задается вопросом, может ли городская жизнь быть восстановлена через усиление способностей городских сообществ к интеграции и участию, которые оказались практически полностью утеряны. Он предлагает рассмотреть город как объект, будущее которого открыто, и предпринимает попытку его смоделировать.

---

[1] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 143.

[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 91.

[3] Ibid. P. 72-73.

Французский социолог утверждает, что социальные проблемы капиталистических городов могут быть решены только кардинальным образом – изменением общественного устройства вследствие «урбанистической революции»[1]. Следует отметить, что данный термин в интерпретации А. Лефевра не обязательно подразумевает насильственные действия, хотя их вероятность не исключается. Урбанистическая революция понимается им как «трансформации, которые влияют на современное общество, начиная с того времени, когда преобладают вопросы роста и индустриализации (модели, планы, программы), до периода, когда все большее значение приобретают проблемы городов и главным становится поиск решений и методов, подходящих для урбанистического общества»[2]. Таким образом, революционность состоит в переходе к новому этапу общественного развития.

В свою очередь, урбанистическое общество для французского социолога – это «термин, который относится к тенденциям, ориентациям и виртуальности, а не к какой-либо предопределенной реальности»[3]. То есть он характеризует некую утопию, это результат его попытки представить будущее, идущее на смену индустриальному обществу. Главная черта нового типа общества, судя по прогнозу А. Лефевра, – рост масштабов урбанизации и становление нового типа города – неокапиталистического.

Неокапиталистический город вновь должен стать продуктом совместного творения, то есть отражать интересы местных сообществ. При этом французский социолог указывает, что существует спектр возможностей, которые могут быть реализованы при наличии силы, которая сможет этому способствовать. В качестве подобной силы А. Лефевр рассматривает социальные группы, а именно, классы, способные на революционную инициативу и реализацию тех проектов, которые помогут решить проблемы

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 134.
[2] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 5.
[3] Ibid. P. 2.

городов. Это те социальные и политические силы, которые будут способствовать обновлению города и превращению его вновь в творение. Единственной силой, которая может способствовать обновлению города и помочь ему выйти из кризиса, А. Лефевр называет рабочий класс[1].

Таким образом, французский социолог, с одной стороны, как и К. Маркс, возлагает большие надежды на пролетариат, полагая, что ему уготована историческая миссия, но, с другой стороны, как указывает М. Кастельс, фактически провозглашает «конец пролетариата»[2], считая, что рабочий класс утратил политический вес и не может ничего предложить для урбанистического общества. Тем самым А. Лефевр фактически начинает дискурс о кризисе рабочего класса, который получает продолжение во французской социологии уже в 1980-е годы, в частности, в произведениях А. Горца[3]. Тем не менее, на рубеже 1960-1970-х годов А. Лефевр не видит других социальных сил, которые могли бы способствовать преобразованию не только города, но и общества в целом, поэтому и связывает надежды на преодоление кризиса с пролетариатом.

Именно на рабочий класс французский социолог возлагает историческую миссию – отстоять свое «право на город»[4] и преобразовать общество. «Право на город» – одно из ключевых понятий концепции А. Лефевра, поскольку борьба за «право на город» представляет собой один из главных элементов урбанистической революции.

Тем не менее, несмотря на значимость данного понятия, вынесенного даже в название одной из работ[5], А. Лефевр не дает его четкого определения. Он лишь указывает на то, что право на город включает в себя «совокупность прав»[6]: на свободу, на творение, на участие и так далее. Это свобода от каких-

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 103.

[2] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 91-92.

[3] *Gorz A.* Adieux au proletariat: au dela du socialisme. Paris: Editions Galilee, 1980.

[4] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 95.

[5] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015.

[6] Ibid. P. 125.

либо репрессий, предоставляющая возможности для творчества и созидания. По словам А. Лефевра, право на город – это «лозунг и требование»[1], которые «бродят окольными путями ностальгии и путешествий»[2]. Таким образом, одно из главных понятий в концепции города французского социолога может трактоваться по-разному, и является довольно противоречивым.

«Право на город» – это обновленное право на городскую жизнь, на борьбу за формирование урбанистического общества на основе синтеза науки и искусства, право, которое должен реализовать рабочий класс. А. Лефевр призывает рабочий класс, как и столетие назад, «вспомнить о своих интересах»[3] и бороться за построение общества и городов для своих жителей. Однако каких-либо подтверждений того, что рабочий класс обладает всеми необходимыми ресурсами для выполнения этой исторической миссии, французский социолог не приводит. Как и не раскрывает в полной мере того, что стоит за ключевыми для него понятиями: «право на город», «урбанистическая революция», «урбанистическое общество». За это французского социолога критикуют другие исследователи, например, Э. Сойя указывает на то, что А. Лефевр не раскрывает чрезвычайно важные моменты, включая их в обобщающее, а потому утопическое обещание «урбанистической революции»[4]. Таким образом, концепция А. Лефевра представляет собой скорее призыв к преобразованию общества, нежели обоснованную и подтвержденную фактами модель социального развития.

Французский социолог верит в то, что кризис капиталистических городов должен способствовать тому, что «право на город» предъявят те, для кого он является частью их повседневной жизни: молодежь, студенты, интеллектуалы, армии рабочих, возможно, включающие «белых воротничков», жители пригородов, то есть все, кого в той или иной мере

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 125.
[2] Ibid. P. 107.
[3] Ibid. P. 108.
[4] *Soja E.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 207-208.

поработила буржуазия. А. Лефевр считает необходимым открыть глаза на бедность своего существования всем «собратьям по несчастью»[1], которые ежедневно покидают свои жилища, устремляясь к станциям переполненного метро, чтобы добраться до места работы, а вечером проделать тот же путь в обратном направлении, восстановить свои силы и повторить все то же самое на следующий день. Именно они являются настоящими жителями города и должны предъявить право на него, и своими произведениями французский социолог надеется их на это вдохновить, выполнить просветительскую миссию.

При этом А. Лефевр не исключает и возможности реализации негативных сценариев, поскольку ученые и интеллектуалы соперничают друг с другом в погоне за славой и другими ценностями, а не сотрудничают между собой для достижения общих целей. Живя в интеллектуальных гетто – наукоградах и университетских кампусах, они оказались далеки от масс. Однако французский социолог призывает их объединиться для разработки программы построения нового города и «урбанистического общества»[2]. А. Лефевр предлагает быть смелее и не бояться творить, поскольку стремительное развитие науки способно привести даже к реализации утопии: цели могут быть возможными и невозможными; и те, и другие имеют право на существование, потому что то, что сегодня кажется недостижимым, завтра может оказаться вполне реальным[3]. Он считает возможным даже создание новой науки о городе, которая сочетала бы реальные проекты с утопическими.

Эту новую науку французский социолог предлагает назвать «спациоанализом» или «спациологией», чьим «предметом служит не пространство как таковое, но *производство пространства.* Наука о пространстве (спациоанализ) выдвигает на передний план *использование* пространства, его качественные свойства. Критический момент (критика

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 108.

[2] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 165.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 113-114.

знания) является для такого познания основным. Познание пространства предполагает критику пространства»[1]. Спациология, как ее видит А. Лефевр, могла бы демистифицировать и декодировать капиталистическое пространство через анализ его структуры, а также тех норм и ценностей, благодаря которым эта структура создается и воспроизводится.

А. Лефевр считает, что данная наука о городе не сможет решить всех существующих проблем, поскольку возможности любой теории являются ограниченными: «Эта наука необходима, но не достаточна. Мы должны осознавать ее пределы одновременно с ее необходимостью»[2]. По его мнению, наиболее разумным было бы формирование данной науки на основе, во-первых, городского планирования, которое поможет выстроить структуру урбанистического пространства, и социологии, во-вторых. Социологическая наука будет способствовать пониманию и конструированию возможностей для интеграции городских сообществ, изучать условия появления новых социальных практик и изменения социальной жизни в урбанистическом пространстве.

Таким образом, французский социолог фактически говорит о том, что городское планирование – это путь к построению «утопии»[3], созданию идеальных условий для социальной жизни. Для того чтобы избежать пропасти между теориями и их практической реализацией, он предлагает осуществлять постоянный мониторинг социальных последствий преобразований пространства. Учитывая фрагментированный, а, следовательно, частичный характер знания, которым будет обладать наука о городе, необходимо прислушиваться к критике и анализировать результаты практической реализации проектов, поскольку наука создает лишь модели, которые могут оказаться ошибочными.

---

[1] *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. С. 394.
[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 102.
[3] Ibid. P. 100.

Теория города должна быть междисциплинарной, синтезировать знание разных наук, рассматривающих разные поля, и тем самым обеспечить теоретическое единство. А. Лефевр выделяет «три основных поля»[1], которые необходимо анализировать, учитывая их взаимосвязь: физическое, ментальное и социальное. Как считает французский социолог, каждая из наук рассматривает лишь один из аспектов. В сферу интересов архитектуры входят различные виды жилища, жилищное строительство, то есть то, что можно назвать средой обитания человека. Урбанистика занимается городами разного размера и городским пространством. Более масштабные пространственные объекты – региональные, национальные, континентальные и мировые – являются сферой интересов экономистов и проектировщиков. Эти области знания могут пересекаться под чутким руководством политиков, но теоретическое единство между ними отсутствует. А. Лефевр пытается понять, как именно можно объединить знания о происхождении «различных пространственных полей»[2] в единую теорию. Если пространство представляет собой продукт, то знание о нем поможет реконструировать и понять процесс его производства.

Однако для реализации масштабного проекта построения урбанистического общества, кроме науки о городе необходима помощь искусства, которое восстанавливает в правах идею творения. А. Лефевр утверждает, что именно союз науки и искусства должен породить новое урбанистическое общество, которое будет способно «объединить максимальный утопизм с оптимальным реализмом»[3]. И этот тезис еще раз подчеркивает значимость культурного компонента для концепции французского социолога.

---

[1] *Lefebvre H.* La production de l’espace. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000. P. 19.
[2] Ibid. P. 24.
[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 106.

Подводя итоги данному параграфу, необходимо отметить, что А. Лефевр фактически начинает те дискурсы, которые впоследствии получают свое продолжение и становятся основой современной социологии города и урбанизации. Он рассматривает не только символическую природу городского пространства, но также поднимает вопросы о кризисе соседства, новых формах неравенства и многие другие.

Произведения французского социолога по городской тематике были высоко оценены его современниками, хотя подвергались и критике, в том числе со стороны М. Кастельса[1] и Э. Сойи. В частности, последний полагает, что А. Лефевр, несмотря на кажущуюся эклектичность его идей, последовательно проводит следующую мысль: капитализм оказался способным смягчить (если не решить) свои внутренние противоречия на протяжении столетия, а, следовательно, через сотню лет со времени написания «Капитала», ему удалось добиться «роста»[2]. Производство развитого капиталистического пространства напрямую связывается с воспроизводством социальных производственных отношений, то есть средствами, посредством которых капиталистическая система способна меняться, сохраняя при этом свою определяющую структуру.

А. Лефевру удается выстроить критическую теорию пространства и обосновать, что социальное пространство (преимущественно урбанизированное в передовых капиталистических странах) – это то место, где воспроизводятся доминирующие производственные отношения. Классовая борьба должна фокусироваться на уязвимых моментах, которыми являются производство пространства, территориальная структура эксплуатации и контролируемое воспроизведение системы в целом. В развитых капиталистических странах борьба будет проходить в форме урбанистической революции, которая будет представлять собой борьбу за «право на город» и

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 86.

[2] *Soja E.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 214.

контроль над повседневной жизнью в территориальных рамках капиталистического государства. В менее развитых странах она будет сосредоточена на территориальном освобождении (бывших колоний, например) и восстановлении в глобальной структуре капитализма.

В целом французский социолог рассматривает пространственную проблематику как важную составляющую классовой борьбы, встраивая классовые отношения в структуры и противоречия социально организованного пространства. Повышение роли пространственной проблематики, с его точки зрения, отражает прогрессивное развитие сил производства, особенно в связи с растущей необходимостью контролировать воспроизводство капиталистических общественных отношений. Вместе с тем он не представляет пространственную борьбу как замену классовой. Вместо этого он утверждает, что никакая социальная революция не может преуспеть, не будучи в то же время пространственной революцией. Поэтому пространственная практика необходима, но всегда как часть всеобъемлющей социально-пространственной практики.

Десятилетия, последовавшие за написанием основных работ А. Лефевра по городской проблематике, демонстрируют, что конкурентоспособный промышленный капитализм смог расширить и трансформировать себя через ряд структурных изменений, связанных с увеличением централизации и концентрации капитала, резким увеличением роли государства в качестве средства социального контроля, и развитием накопления в глобальном масштабе. Но он сделал это, не устраняя своих фундаментальных противоречий. Глобализационные процессы снизили возможности государства по регулированию капитализма, тем самым, вновь обострив многие из них.

Концепция А. Лефевра не лишена недостатков, в частности, он не прописывает чрезвычайно важные для своей концепции моменты: что включает в себя «право на город», каков механизм формирования «урбанистического общества» и принципы его функционирования и так далее.

Это позволяет рассматривать его идеи как некий утопический проект, реализацию которого французский социолог возлагает на рабочий класс. Необходимо также отметить, что исследователь недооценил глобализационные процессы, контуры которых просматриваются у него при описании «галактической империи»[1]. Однако эвристическая ценность концепции А. Лефевра несомненна. Он не только способствует появлению новых исследований города и урбанизации, но и пытается продемонстрировать, что, изменив город, можно изменить жизнь и наоборот. Таким образом, он указывает на важность городского планирования для социальной жизни, возможность ее изменения через изменение городского пространства. Деструктивные аспекты функционирования капиталистического города заставляют А. Лефевра мечтать об «урбанистической революции», которая не только вернет жителям «право на город», но и поможет выстроить новую социальность.

Однако при концептуализации урбанистической революции А. Лефевр заменяет пространственно-территориальный конфликт классовым, рассматривая его как движущую силу радикальных социальных преобразований. Кроме того, А. Лефевр недостаточно четко объясняет свое понимание фундаментальной роли производства, акцентируя свое внимание на потреблении, социальных отношениях, подробно рассматривая пространственное измерение и так далее.

Необходимо отметить, что призывы французского социолога к урбанистической революции вызывают обеспокоенность некоторых исследователей, поскольку рассматриваются как возможная основа для радикальной пространственной практики. В частности, высказываются опасения, что идеи А. Лефевра могут способствовать росту числа социальных протестов[2] и дестабилизировать ситуацию в обществе. Однако эти идеи можно

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 109.

[2] *Purcell M.* Excavating Lefebvre: the Right to the City and its Urban Politics of the Inhabitant // GeoJournal. 2002. Vol. 58. № 2-3.

рассматривать и как своего рода напоминание о том, что в современном мире именно города представляют собой главные арены социальных конфликтов, которые усиливаются в случае значительного пространственного неравенства. В частности, необходимо это учитывать при разработке пространственной стратегии развития России, поскольку французским социологом обозначены основные социальные проблемы, которые могут спровоцировать массовые волнения и желание отстоять «право на город». В этом состоит практическая значимость концепции А. Лефевра, которая может стать источником вдохновения для разработки сбалансированной пространственной политики, не позволяющей накапливаться противоречиям, способным привести к протестам и потрясениям.

Сегодня вклад французского исследователя в изучение города и урбанизации ни у кого не вызывает сомнений. Фактически он конструирует один из современных ракурсов анализа города и задает основные направления социологии города и урбанизации, что свидетельствует о высоком значении его концепции несмотря на ее метафоричность и утопичность. А. Лефевр предлагает критическое осмысление процесса урбанизации, на протяжении которого жители были творцами пространства как места социальной жизни. То есть город в его концепции предстает как мини-общество, как сообщество, изучение которого требует знания истории, особенно, политической, поскольку это символическое пространство, требующее декодирования, или «прочтения». Он отмечает, что пространство современных городов «колонизировано»[1], то есть наполнено различными образами и символами, отражающими интересы не горожан, а крупного бизнеса, в интересах которого меняется урбанистическое пространство. Поэтому он призывает местные сообщества требовать заключения нового социального договора, которые в его концепции предстает как «право на город».

[1] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 21.

Долгое время познакомиться с произведениями А. Лефевра можно было лишь на французском языке, но перевод «Производства пространства», а затем «Урбанистической революции» и «Права на город» на английский язык привели к ренессансу идей А. Лефевра, которые востребованы и в XXI веке. В 2003 году была опубликована работа американского исследователя Д. Митчелла «Право на город: социальная справедливость и борьба за общественное пространство»[1], название которой отсылает читателя к одной из самых известных работ А. Лефевра. Д. Митчелл доказывает, что проблемы, поднятые А. Лефевром, не утратили своей актуальности и сегодня, темы, обозначенные французским социологом, до сих пор находятся в центре внимания, что подтверждается соответствующими публикациями[2]. В 2014 году вышла коллективная монография «Урбанистическая революция сегодня»[3], также заставляющая вспомнить об одном из произведений А. Лефевра и отсылающая к его творчеству. Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Лефевр оказал серьезное влияние на последующее развитие социологии города и урбанизации, к его работам по-прежнему обращаются современные исследователи.

[1] *Mitchell D.* The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guilford Press, 2003.

[2] *Biagi F*. Henri Lefebvre's Urban Critical Theory: Rethinking the City against Capitalism // International Critical Thought. 2020. Vol. 10. № 2; *Deppisch S., Yilmaz M. C*. The Impacts of Urbanization Processes on Human Rights // Current Urban Studies. 2021. Vol. 9. № 3.

[3] Urban Revolution Now: Henri Lefebvre in Social Research and Architecture / ed. by Ł. Stanek, C. Schmid, A. Moravánszky. Ashgate, 2014.

§ 2. Эволюция городов и социальной жизни в концепции Ричарда Сеннета

Одним из наиболее известных современных социологов, занимающихся изучением города, является Ричард Сеннет (род. в 1943 году), который не только сотрудничает с ведущими университетами мира, но и является консультантом программы по городам и изменению климата Организации Объединенных Наций. Круг его интересов определился в самом начале карьеры – это социология города и социология культуры, которыми он продолжает заниматься и сегодня. Уже в 1969 году под его редакцией публикуется работа по соответствующей теме: «Классические очерки по культуре городов»[1]. Затем выходит серия публикаций, в которых Р. Сеннет рассматривает эволюцию городов, в том числе, изменение соотношения публичного и приватного в жизни людей. В их числе «Семьи против города: дома среднего класса в промышленном Чикаго»[2], «Польза беспорядка: личная идентичность и городская жизнь»[3], «Падение публичного человека»[4], «Совесть взгляда: дизайн социальной жизни городов»[5], «Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации»[6]. Необходимо также упомянуть о работе, изданной в соавторстве с Р. Сендрой, – «Проектирование беспорядка:

---

[1] Classic Essays on the Culture of Cities / ed. by R. Sennett. New York: Prentice-Hall, 1969.

[2] *Sennett R.* Families Against the City: Middle Class Homes of Industrial Chicago, 1872-1890. New York: Vintage Books, 1974.

[3] *Sennett R.* The Uses of Disorder. Personal Identity and City Life. New York: Knopf, 1970.

[4] *Sennett R.* The Fall of Public Man. New York: Knopf, 1977.

[5] *Sennett R.* The Conscience of the Eye. The Design of Social Life of Cities. New York, London: W.W. Norton & Company, 1992 [1990]. Название этой работы является парафразом заглавия книги М. Мелцера (*M. Meltzer*) и Б. Коула (*B. Cole*) «Взгляд совести: фотографы и социальные перемены» (*The Eye of Conscience: Photographers and Social Change*), впервые изданной в 1974 году в Чикаго. М. Мелцер (1915 – 2009) – американский историк, один из самых известных авторов исторической публицистики в США. В центре его внимания находились острые социальные проблемы (расовая дискриминация, бедность, рабство). В своих книгах М. Мелцер рассматривает такие сюжеты, связанные с борьбой за свободу, как Американская революция, движение против рабства США в XIX веке (аболиционизм), движение против антисемитизма.

[6] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W. W. Norton Company, 1994; *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016.

эксперименты и нарушения в городе»[1], которая не только свои содержанием, но и названием отсылает к одной из ранних книг Р. Сеннета «Польза беспорядка: личная идентичность и городская жизнь».

Чуть позже в работах социолога появляется еще одна тема – сфера труда и влияние капитализма на социальные отношения. Трансформация капитализма и сферы труда рассматривается Р. Сеннетом как процесс, разворачивающийся в городском пространстве. Эти проблемы подробно проанализированы в его произведениях «Коррозия характера: последствия работы для личности в условиях нового капитализма»[2] и «Культура нового капитализма»[3]. Р. Сеннет называет четыре последних своих произведения – «Мастер»[4], «Иностранец: два очерка об изгнании»[5], «Единство: ритуалы, удовольствия и политика сотрудничества»[6] и «Здание и жилище: этика для города»[7] – составляющими проекта «человек трудящийся» (*Homo Faber*), продолжающего данную тему.

Р. Сеннет хорошо знаком с социологическими исследованиями города и в своих произведениях опирается на труды классиков, прежде всего, представителей немецкой социологии – К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера и Г. Зиммеля[8]. Важной составляющей его теоретико-методологических основ являются также произведения британских исследователей – П. Геддеса и Э. Говарда[9]. Не менее значимо для американского социолога и наследие двух

---

[1] *Sendra P., Sennett R.* Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City. London: Verso, 2020.

[2] *Sennett R.* The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York, London: W.W. Norton Company, 1998.

[3] *Sennett R.* The Culture of the New Capitalism. New Haven: Yale University Press, 2006.

[4] *Sennett R.* The Craftsman. New Haven: Yale University Press, 2008; *Сеннет Р.* Мастер. М.: Strelka Press, 2018.

[5] *Sennett R.* The Foreigner: Two Essays on Exile. London: Notting Hill Editions Ltd, 2011.

[6] *Sennett R.* Together: The Rituals, Pleasures, and Politics of Cooperation. New Haven: Yale University Press, 2012.

[7] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018.

[8] *Sennett R.* Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference // Cities of Europe: changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion / ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 109-122; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 23-30, 44-47, 55-70 etc.

[9] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 84-86, 110-111 etc.

известных социологических школ – Чикагской и Франкфуртской, к которому он постоянно обращается. Среди представителей первой необходимо особо выделить Р. Парка, Э. Берджесса и Л. Вирта[1], чьи идеи переосмысливаются Р. Сеннетом применительно к современным городам. В свою очередь, Т. Адорно, Х. Арендт и В. Беньямин – наиболее значимые для него исследователи Франкфуртской школы[2].

Необходимо отметить, что наиболее серьезное влияние на взгляды Р. Сеннета оказали идеи Л. Вирта и В. Беньямина, поскольку в центре внимания американского социолога, прежде всего, проблемы формирования идентичности и свободы индивида в городе[3]. У Л. Вирта его, в первую очередь, интересует образ горожанина как внутреннего мигранта, путешествующего по экологической системе, а у В. Беньямина – идея субъекта, стоящего над своей средой, наиболее полно нашедшая свое воплощение в фигуре фланера. Однако Р. Сеннет формулирует свою собственную позицию, которая не во всем совпадает с представлениями о городе его предшественников. Например, Г. Зиммель, В. Беньямин и Г. Дебор считают, что жизнь в городе характеризуется отчуждением, и не видят шансов для установления осмысленных человеческих связей в этом пространстве[4]. У Р. Сеннета другая точка зрения, которую он пытается доказать, апеллируя к историческим фактам.

Следует отметить, что Р. Сеннет считает знание истории необходимым условием понимания современности, и это объединяет его с А. Лефевром.

---

[1] *Sennett R.* Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference // Cities of Europe: changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion / ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 109-122; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 64-88, 191-194, 224, 250 etc.

[2] *Sennett R.* Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference // Cities of Europe: changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion / ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 109-122; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 117-120, 128, 146, 280, 299-300 etc.

[3] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 97.

[4] *Дехаан Х.* Возвращение социального: российские и советские города как вызов для западной историографии // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 57.

Более того, это одно из основания для того, чтобы отнести концепции обоих авторов к культурно-историческим. При этом каждая из них имеет свои особенности и, если для французского социолога наибольшее значение имеет политическая история, то для американского – это скорее история повседневности и ее трансформация.

Одна из основных тем Р. Сеннета, которая звучит во многих его произведениях, – трансформация публичной и приватной сфер. Более того, по его мнению, постепенное поглощение публичного приватным является причиной многих кризисных явлений современности, которые наиболее ярко проявляются в городах. Эта тема довольно подробно рассматривается в его работе «Падение публичного человека»[1]. Согласно Р. Сеннету, сферы публичного и приватного, довольно четко разделенные между собой в XVIII веке, постепенно начинают сливаться в XIX веке, когда личность и ее права приобретают серьезный вес в западных обществах. Однако ко второй половине XX столетия наблюдается кризис общественной жизни, вызванный, по мнению американского социолога, утратой публичной сферы. И он обращается к истории, чтобы обосновать эти тезисы и продемонстрировать эволюцию городов, а вместе с ними и трансформацию публичной и приватной сфер в городских сообществах.

Р. Сеннет понимает город как «поселение людей, где встречаются, прежде всего, незнакомцы»[2]. Тем самым он демонстрирует преемственность с идеями представителей немецкой классической социологии – Ф. Тенниса, Г. Зиммеля и М. Вебера, указавшими на то, что город характеризуется особыми социальными отношениями, не свойственными для сельской местности[3], поскольку большинство людей не знакомы друг с другом.

---

[1] *Sennett R.* The Fall of Public Man. London: Penguin Books, 2002 [1977].

[2] *Sennett R.* The Fall of Public Man. London: Penguin Books, 2002. P. 39.

[3] *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002. С. 380; *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 30; *Вебер М.* Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309.

Р. Сеннет и сам признает то, что в его определении нет ничего принципиально нового, поскольку характерные черты города, его многообразие и потенциал социальных изменений уже представлены в произведениях М. Вебера[1]. Это еще раз подчеркивает преемственность между его идеями и немецкой классической социологией, оказавшей на него серьезное влияние.

Однако можно провести некоторые параллели и с пониманием города А. Лефевра, которое также пересекается с предложенным Р. Сеннетом. Для американского социолога город представляет собой живой организм, который имеет две составляющие – физическую (тело) и нематериальную (душу), вследствие чего, например, во французском языке есть два слова для обозначения города: *ville* и *cité*[2]. К ним и обращается Р. Сеннет для описания разных измерений города, и это перекликается с пониманием города А. Лефевром, для которого город представляет собой единство материального и социального[3]. Американский социолог критикует представителей Чикагской школы за то, что они сосредоточиваются на социальной жизни города, но игнорируют вторую ее сторону – материальную[4]. При этом материальная составляющая совершенно различно интерпретируется Р. Сеннетом и А. Лефевром, но для обоих авторов это важный компонент, который должен учитываться при анализе города и городского пространства. Если французский социолог связывает материальную составляющую, прежде всего, с процессом производства, то у Р. Сеннета эта тема получает другое прочтение, городское пространство рассматривается им как «тело» города, поэтому обращение к телесности довольно часто присутствует в его произведениях.

---

[1] Classic Essays on the Culture of Cities / ed. by R. Sennett. New York: Prentice-Hall, 1969. P. 6.

[2] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 1.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 46.

[4] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 63-89.

Более того, американский социолог высказывает предположение, что городские пространства, принимая ту или иную форму, в основном подчиняются тому, как населяющие их люди, в первую очередь, принимающие политические решения, *ощущают* собственную телесность: «В городском пространстве <…> репрезентации “тела” всегда выступали инструментом власти. К ним обращались как афиняне, так и римляне. По мере развития иудео-христианской традиции духовный скиталец вернулся домой, в городской центр, где его страждущее тело стало оправданием покорности и смирения – духовное тело, тем самым, превратилось в плоть и камень»[1]. Необходимо отметить, что восприятие физической телесности на ряде этапов исторического развития во многом определяется религией, поэтому ее роль в общественной жизни также довольно подробно рассматривается американским социологом.

В частности, Р. Сеннет прослеживает развитие европейских городов и пытается обосновать, что «тело» большинства из них отражает христианское отношение к земной жизни. Конечно, современный город далеко отошел от религиозных смыслов, но понять принципы организации его пространства можно только осознав, какими идеями руководствовались его создатели.

Необходимо отметить, что тема телесности – одна из основных составляющих христианской традиции, где осознание телесности происходит с момента грехопадения, за которое человечество вынужденно расплачиваться, мучаясь из-за «несовершенства плоти»[2]. Для христиан истинный город – «град Божий», который находится на небесах. На земле душа скитается, телесность является обузой для нее, поэтому строительство, благоустройство и украшение городов воспринимается чуть ли не как грех. Град земной – обитель зла, в книге Бытия указано, что первый город был построен Каином (Быт. IV, 17). Брат же его, Авель, олицетворение чистоты,

---

[1] *Сеннет Р.* Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 194-195.

[2] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W.W. Norton & Company, 1994. P. 373.

истинный представитель «града Божьего», по словам Блаженного Августина, был странником, городов не строил, так как «град святых есть град вышний, хотя он и здесь рождает своих граждан, в лице которых странствует, пока не наступит время его царства»[1].

Для христианина Бог находится повсюду, образ Христа – это образ странника, постоянно меняющего место своего пребывания. Поэтому привязанность к какому-либо конкретному месту греховна по своей сути. Чем безразличней человек относится к своему телу и окружающим его материальным вещам, тем ближе он оказывается к Богу[2]. Как результат, центры средневековых городов заняли храмы, строительство которых могло продолжаться десятилетиями и даже столетиями, в то время как благоустройству большей части районов внимание практически не уделялось.

Это диаметрально противоположно тому, как относились к городам в Античности, где и отношение к телесности было иным. Для греков и римлян тело представляло собой предмет гордости, над ним работали и не смущались его демонстрировать, в том числе и на Олимпийских играх. Античный город – это также предмет гордости, символ их славы и могущества, а потому к его планированию было весьма серьезное отношение. Но христианство эту ситуацию кардинально меняет: физическое тело вызывает чувство стыда, а город начинает восприниматься как временное пристанище и обитель зла, соответственно, довольно продолжительное время его планированию внимание практически не уделяется. Это создает хаос на средневековых улицах, поскольку отсутствие строительных норм создает ситуацию, в которой каждое здание оборудуется окнами и дверями исключительно по воле владельца. Как следствие, строители могли совершенно безнаказанно перекрыть вход в другое здание, что нередко становилось причиной конфликтов в средневековом городе.

---

[1] *Августин Блаженный*. О Граде Божием. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 708.

[2] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W.W. Norton & Company, 1994. P. 124.

Однако постепенно происходит смена приоритетов жителей городов, что Р. Сеннет связывает с началом развития капитализма. Его историю исследователь реконструирует, демонстрируя, как сказывается на городском пространстве столкновение между капитализмом и религией. Экономические интересы начинают доминировать у средневекового буржуа и ориентированы на достижения в земной жизни, а не небесной[1], что ведет к функциональному использованию пространства и утрате его сакрального значения.

Как результат, средневековые улицы превращаются в пространство конкуренции, а также борьбы за власть и влияние: «Улицы, здания на которых вырастали из агрессивного утверждения прав, и чье рыхлое пространство способствовало экономической конкуренции, были также знамениты своим насилием»[2]. Тем не менее, следует отметить, что насилие на средневековых улицах, как правило, было направлено против личности, а не против собственности. Причиной многих преступлений было пьянство – весьма распространенный способ обогрева в Средние века, следствием которого становились убийства и телесные повреждения.

Таким образом, город в период начала становления капитализма характеризуется разнообразными формами агрессии: сознательной экономической конкуренцией и неэкономическим импульсивным насилием, как правило, совершаемым в нетрезвом состоянии. Тем не менее, Р. Сеннет полагает, что низкий уровень преступности против собственности свидетельствует о том, что в городском пространстве царил эффективный, но своеобразный порядок, обеспечивавшийся сообществом[3]. Принципы функционирования этого порядка американский социолог рассматривает на примере ярмарок и рынков, то есть тех пространств, которые больше подчиненны гражданскому контролю, чем улицы.

---

[1] *Сеннет Р.* Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа // Логос. 2002. № 3 (34). С. 191.

[2] Там же. С. 196.

[3] Там же. С. 198.

Еженедельные уличные рынки служили продолжением ежегодных ярмарок, которые находились под контролем городских властей и способствовали интенсивному развитию городской экономики. Покупателей на ярмарки приезжало все больше, они преодолевали все большие расстояния, что способствовало возникновению естественного желания у продавцов торговать круглогодично, а не в определенные дни, назначаемые властями.

Экономические интересы заставляют продавцов организовывать постоянно действующие рынки. Необходимость постоянной торговли подрывает влияние церкви, так как рынки начинают функционировать в дни, не предназначенные для работы. Таким образом, появившиеся рынки преодолевают религиозные ограничения, действовавшие на ярмарках. Ограничения торговли утрачивают свою эффективность, тем более что продавцы в поиске наиболее благоприятных условий для своей деятельности могут поменять один рынок на другой. Соответственно, территориальная привязанность перестает мешать развитию экономической деятельности и закрепляет тенденцию к превращению сакрального места в функциональное пространство.

Сложности контроля и регулирования рыночной торговли приводят к тому, что рынки перестают подчиняться ряду правил, в том числе и христианских норм, которые приносятся в жертву экономическим интересам. По словам Р. Сеннета, рынок представляет собой гораздо более агрессивное экономическое пространство, чем ярмарка[1], поскольку на рынке прибыль оказывается важнее нравственности. Многие религиозные нормы нарушаются: торговля ведется в праздничные дни, заставляя прихожан пропускать богослужения. Во многом, именно поэтому французский священник Умбер де Роман и произнес фразу, которую Р. Сеннет сделал

[1] *Сеннет Р.* Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа // Логос. 2002. № 3 (34). С. 200.

названием главы о средневековом Париже в работе «Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации»: на рынке каждый сам себе дьявол[1].

Р. Сеннет задается вопросом о том, почему человек становится дьяволом не только для других, которых он пытается заставить действовать в своих интересах, но и для самого себя. Он предлагает два объяснения: религиозное и мирское. С точки зрения религии, нормы которой зачастую на рынке нарушаются, дьявол агрессивной конкуренции делает человека бесчувственным к лучшему, что в нем есть, то есть к состраданию. Другое объяснение не так очевидно, но не менее интересно: неограниченная экономическая конкуренция может привести к самоуничтожению. По Р. Сеннету, ранний капитализм обладает разрушительной силой вследствие того, что отказывается от многих христианских постулатов. Альтруизм, жертвенность и сострадание, бывшие нормой для средневекового человека, противоречат экономическому индивидуализму, получившему распространение в капиталистическом обществе.

Соответственно, средневековые города в период раннего капитализма характеризуются амбивалентностью, поскольку религиозные требования и экономическая логика противоречат друг другу: «Экономика города дарила людям индивидуальную свободу действий, немыслимую в других местах, религия создавала в городе места, где люди заботились друг о друге»[2]. Однако постепенно степень свободы растет, в то время как взаимопомощь превращается во все более редкое для городов явление. Важной вехой в их развитии становится Великая французская революция, которая стимулирует изменения в самых разных сферах.

---

[1] Глава из работы Р. Сеннета «Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации» была переведена и опубликована на русском языке под названием «Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа» в журнале «Логос»: *Сеннет Р.* Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа // Логос. 2002. № 3 (34).

[2] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 192.

Р. Сеннет полагает, что Французская революция снова, хотя и по-своему, разыгрывает христианскую драму телесности: физическая среда характеризуется страданиями, причиняемыми революцией, однако, революционеры пытаются восстановить в культе Марианны, схожем с Богородицей, материнский образ, вбирающий и исцеляющий их собственные мучения[1]. Тем не менее, страдающее тело оказывается в пустоте – в пространстве абстрактной свободы, лишенном всякой человечности. По словам американского социолога, «в этом заключалась одна из величайших драм Французской революции: хотя Революция смогла увидеть Марианну, она не смогла найти для нее места. Революция пыталась отыскать пространства, в которых граждане могли бы выразить свое освобождение, – городские пространства, где могли бы ожить присущие Марианне добродетели свободы, равенства и братства; но свобода, выражаемая в пространстве, противоречила свободе, выраженной в теле»[2]. Результатом этого становится торжество свободы над состраданием, характерным для христианства.

Необходимо также отметить, что происходит не только формирование нового гражданина и нового горожанина, но и вытеснение религии наукой, ведущее к пересмотру принципов организации пространства: «В эпоху модерна телесное движение начали трактовать в качестве ключевого принципа биологической активности. Медицинский анализ кровообращения, работы легких, а также электрических импульсов, передаваемых посредством нервных окончаний, сформировал новое представление о здоровом теле, свобода движений которого стимулирует весь организм. Из подобных медицинских представлений следовало, что пространство необходимо организовывать так, чтобы всемерно поощрялось телодвижение и связанное с ним дыхание. Именно к такой идеологии пространства пришли архитекторы эпохи Просвещения в XVIII веке. Человек, перемещающийся без ограничений

[1] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W.W. Norton & Company, 1994. P. 375.

[2] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 357.

и пользующийся физической свободой, казался уверенной в себе и самодостаточной индивидуальностью»[1]. В новом обществе, оформившемся после революции, центр города предстает в виде сердца-насоса, обеспечивающего его эффективное функционирование: «В результате медицинской революции мерилом счастья… стала уже не мораль, а здоровье, которое определялось движением и циркуляцией»[2]. Однако следствием подобного подхода становится этика безразличия к местам и другим людям, поскольку быстрое передвижение не позволяет вникать в детали и испытывать эмоциональную привязанность.

Р. Сеннет указывает на то, что подобное безразличие характерно и для современных городов, где пространство становится производным от движения: «Сегодня мы переживаем свободу движения неизвестную ни одной из прежде существовавших городских цивилизаций, хотя движение и стало одним из самых опасных повседневных дел. Опасность проистекает из того, что мы считаем неограниченное передвижение индивида его абсолютным правом… Технология современного движения заменяет пребывание на улице желанием стереть ограничения географии… когда публичное пространство становится функцией движения, оно теряет всякое независимое, основанное на опыте собственное значение»[3]. Распространение мертвого, то есть лишенного эмоциональной привязанности, пространства становится причиной формирования «новой капиталистической светской городской культуры»[4], поменявшей соотношение между публичной и приватной сферами в жизни людей.

Согласно Р. Сеннету, изначально термин «публичное», как в английском, так и во французском языке, отождествлялся с тем, что связано с

---

[1] *Сеннет Р.* Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 185.

[2] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 313.

[3] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 23.

[4] *Sennett R.* The Fall of Public Man. London: Penguin Books, 2002. P. 16.

общим благом; немного позже добавилось значение «публичного» как очевидного и открытого всеобщему обозрению[1]. Лишь к концу XVII века значение «публичного» и «приватного» постепенно приблизилась к современному: «публичное» стало обозначать открытое для всеобщего рассмотрения, тогда как «приватное» подразумевало укромную сторону жизни, ограниченную семьей и друзьями. Соответственно, эпицентрами публичной жизни в обществе становятся города, особенно европейские столицы, в которые постоянно стекаются потоки новых незнакомцев из близлежащих сел и деревень в поисках лучшей жизни.

Как следствие, в городах появляется все больше мест для встреч и общения малознакомых людей: «То была эпоха создания огромных городских парков, время первых попыток строить улицы, предназначенные для пешеходных прогулок как формы отдыха. Это было время, когда кофейни, кафе и постоялые дворы стали социальными центрами, когда театры и опера стали доступными для широкой публики, поскольку открытая продажа билетов вытеснила прежнюю практику, когда места распределялись покровителями-аристократами. Прелести городской жизни распространились из узкого круга элиты в более широкие слои населения, так что даже рабочий класс начал усваивать некоторые привычки социального общения, как, например, променады в парках, прежде бывшие сферой времяпрепровождения исключительно элиты, прогуливавшейся в частных садах или “дававшей” вечер в театре»[2]. Однако необходимо отметить, что публичное пространство постепенно превращается в место для передвижения, а не для пребывания в нем. Идет активное распространение «мертвого пространства», которое отражает нарушение равновесия между публичной и приватной сферами. Характерной чертой современного общества является безразличие, главная причина которого, согласно Р. Сеннету, – постепенное поглощение публичной сферы сферой приватной.

---

[1] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 23-24

[2] Там же. С. 25.

Исследователь демонстрирует изменения в соотношении публичной и приватной сфер на примере тех фундаментальных процессов, которые повлекли за собой революции и последовавший за ними подъем капитализма. Он довольно подробно описывает то, что происходило в Париже, Лондоне, Венеции и выделяет три основные движущие силы, которые сопровождали становление современного города: двойственное отношение к публичной жизни вследствие развития капитализма, секуляризацию и кризис публичности[1]. Современный капитализм демонстрирует диалектику гибкости и безразличия, которая проявляется в городском пространстве в трех формах:

– в отношениях между семьей и работой в городе;
– в утрате физической связи с городом;
– в стандартизации городской среды[2].

И все эти изменения Р. Сеннет во многом связывает с изменением публичной жизни, которое является результатом распространения моделей поведения, приносящих успех в капиталистическом обществе. Современный капитализм социолог характеризует, как, в первую очередь, гибкий, то есть адаптивный, способный быстро реагировать на изменения, но при этом безразличный, признающий только взаимовыгодное сотрудничество, то есть использование окружающих для достижения собственных целей[3]. Серьезные опасения у него вызывает то обстоятельство, что капиталистические принципы проникают из экономики в другие сферы общественных отношений. Индифферентность довольно быстро проникает в область межличностных взаимодействий и даже затрагивает институт семьи.

Согласно Р. Сеннету, двойственное отношение к публичной жизни в большом капиталистическом городе определяется тем, что постепенно «воля к контролю и формированию публичного порядка сходила на нет и люди стали

---

[1] *Sennett R.* The Fall of Public Man. London: Penguin Books, 2002. P. 19.

[2] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 101.

[3] Там же. С. 95-107.

уделять главное внимание защите от него»[1]. Одним из главных механизмов этой защиты стала семья. По мере того, как семья становилась убежищем от общественного террора, одновременно она становилась и моральным мерилом публичной сферы столичного города. Семейные отношения стали восприниматься как идеальная модель взаимоотношений, в то время как сфера публичного стала рассматриваться как низшая с моральной точки зрения.

При этом в городе меняются взаимоотношения в семье, возрастает значение труда, в жертву карьере зачастую приносятся межличностные отношения. Исследователь констатирует, что «в этом мире тесные взаимоотношения с другими людьми не имеют большого смысла»[2]. В частности, в современном капиталистическом городе люди не хотят иметь большого числа детей, поскольку это экономически затратно, кроме того, дети требуют слишком много времени, ограничивая мобильность своих родителей и возможность жить в свое удовольствие. Проблеме семьи в капиталистическом городе посвящена одна из первых работ Р. Сеннета «Семьи против города»[3], и эта тема получает продолжение и в более поздних его произведениях. Американский социолог полагает, что отношения между супругами превращаются во взаимовыгодное сотрудничество, часто подкрепленное брачным контрактом, что «дезориентирует семейную жизнь»[4]. Невыполнение условий соглашения или недовольство одной из сторон довольно быстро может привести к разводу, который уже давно стал чем-то привычным и обыденным. Стараясь минимизировать свои издержки, люди ставят собственные интересы выше интересов членов своей семьи.

Так, модели экономического поведения, свойственного капитализму, активно проникают в сферу межличностных отношений, повышая степень

---

[1] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 28.

[2] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 101.

[3] *Sennett R.* Families Against the City: Middle Class Homes of Industrial Chicago, 1872-1890. New York: Vintage Books, 1974.

[4] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 103.

отстраненности от происходящего. При этом безразличие, проникшее в сферу семейных отношений, распространяется на всех членов общества. Бомжи, нищие и другие обездоленные категории горожан больше не вызывают сочувствия, люди спокойно проходят мимо, торопясь по своим делам. Это как раз и свидетельствует о кризисе публичной жизни, которая, постепенно угасает под влиянием политических и социальных изменений.

Значительную роль в этом играет секуляризация, в результате которой постепенно формируется «главное и плодотворное противоречие XIX века; в той мере, в какой человек желал ускользнуть в сферу приватного, сферу более нравственную, и замкнуться там, он опасался, что ошибочное разделение своего опыта на, так сказать, публичный и приватный, может оказаться самоослеплением»[1]. Следствием становится кризис публичной жизни, который находит свое отражение и в городском пространстве.

Как указывает Р. Сеннет, пространство современных городов зачастую выстраивается на основе принципа «урбанистического индивидуализма»: «По мере того как в городах складывался современный индивидуализм, городской индивид становился все немногословнее. Улица, кафе, универсальный магазин, железная дорога, автобус, метро – все они стали пространством взгляда, а не разговора. Чем сложнее в современном мегаполисе добиться продолжительной устной коммуникации между незнакомцами, тем более мимолетными становятся порывы сопереживания, которые горожанин способен испытывать при наблюдении за окружающим миром и которые превращаются в секундную реакцию»[2]. Как следствие, горожане все больше замыкаются в себе, поскольку воспринимают незнакомцев как потенциальный источник опасности.

Взаимодействия, пронизанные безразличием к окружающим, выстраиваются в современных городах повсеместно: в сфере семейных и

---

[1] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 30.

[2] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 439-440.

трудовых отношений, а также между городскими властями и горожанами, между городами и корпорациями, обосновавшимися в нем. Результатом кризиса публичной жизни является то, что все пытаются друг друга использовать и заботятся, прежде всего, о своих интересах, а не об общественных. В частности, экономическая элита сосредоточена на реализации своих проектов, добивается возможных налоговых льгот, но не желает нести дополнительные расходы, участвуя в городской жизни. Корпорации хотят работать в городе, но не управлять им; они образуют, согласно Р. Сеннету, режим власти без ответственности[1]. Более того, если корпорацию не устраивают условия работы, она с легкостью перебирается в другой город и даже другую страну, не заботясь о социальных проблемах, которые оставляет в прежнем месте своего расположения. Неудивительно, что публичная жизнь оказывается в кризисе, вследствие чего города демонстрируют распространение аномии и утрату сообществ.

Р. Сеннет предлагает довольно мрачное описание современного города, по его словам, это «железная клетка, в которой заключены дезориентированные трудящиеся животные»[2]. Тем самым он еще раз подчеркивает, что многие социальные проблемы современного города уходят своими корнями в природу капитализма и тесно связаны с рынком труда. Одно из проявлений современного капитализма в сфере труда – расширение возможностей работы по гибкому графику, что дает возможность работодателю избежать долгосрочных обязательств по отношению к своим сотрудникам и оптимизировать издержки на заработную плату, которая также становится гибкой и зависит от объемов и качества выполненной работы. Гибкий капитализм оказывается гораздо жестче традиционного: «вместо выполнения своего ограниченного объема работы в определенной цепи инстанции, множество различных команд соперничает между собой за более

---

[1] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 104.

[2] *Sendra P., Sennett R.* Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City. London: Verso, 2020. P. 20.

быстрое и качественное выполнение одной и той же задачи»[1]. Соответственно, основанием для вознаграждения прежде было выполнение работы, закрепленной за каждым из сотрудников. Сегодня, в условиях конкуренции между командами, вознаграждение получают те, кому удается опередить других. В результате победитель получает все, а усилия проигравших участников больше не вознаграждаются.

Как следствие, стремительно растет неравенство в доходах и тает уверенность в завтрашнем дне. Это связано, в частности, с тем, что в условиях гибкого капитализма, сопровождающегося участившимися экономическими кризисами, многие компании действуют исключительно рационально, легко сокращая «лишних» сотрудников и перекладывая заботу о них на социальные службы.

При этом, по словам Р. Сеннета, «гибкий капитализм действует на город точно так же, как и на организацию труда. Точно так же, как гибкое производство создает более поверхностные, непродолжительные отношения на работе, этот капитализм создает режим поверхностных и отчужденных отношений в городе»[2]. Неудивительно, что происходит утрата физической связи с городом, которая, по мнению американского социолога, является, прежде всего, результатом трансформации взаимоотношений между работником и работодателем.

Гибкость трудовых отношений приводит к тому, что трудовые мигранты не всегда стараются интегрироваться в местные сообщества, поскольку рассматривают города, куда они приезжают, как места работы на пять-десять лет, а не как места своего постоянного пребывания[3]. Средний срок работы на одном месте непрерывно сокращается, в высокотехнологичном секторе

---

[1] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 99.

[2] Там же. С. 101.

[3] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 203-204.

Кремниевой долины он составляет около восьми месяцев[1]. Непостоянство в отношениях с работодателем приводит к равнодушному отношению к компании, на которую люди работают, и к городу, в котором они живут. Наличие возможности уехать из города в любой момент способствует тому, что люди стараются жить «налегке», не обременяя себя излишней эмоциональной привязанностью.

Офисные помещения также утрачивают свою индивидуальность, превращаясь в безликие стены. Дизайн современных офисов не отличается каким-либо разнообразием. Главная цель интерьера – функциональность. Типичный офис представляет собой совокупность столов, оборудованных компьютерами, количество которых зависит от размера фирмы. После перехода на работу в новую компанию сотруднику зачастую не требуется продолжительного времени, чтобы привыкнуть к новой обстановке, так как если внешне здания не лишены архитектурных изысков, то внутри они всегда нейтральны и стандартны. Соответственно, стандартизация касается не только сферы архитектуры, это одна из основных характеристик гибкого капитализма.

Однако необходимо отметить, что родиной нейтральности в интерьерах и архитектуре являются Соединенные Штаты Америки. Для этой страны нейтральность окружения свойственна с самого момента ее возникновения. По словам Р. Сеннета, еще А. де Токвиль указывал на гомогенность американских городов[2]. Отсутствие существенных различий между улицами, районами и даже городами облегчает передвижение, так как сглаживает дискомфорт от смены обстановки. При этом единое, стандартизированное пространство не объединяет людей, а наоборот, заставляет их отдалиться друг от друга, выстроить стену безразличия и избавиться от лишних эмоций.

---

[1] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 100.

[2] *Sennett R.* The Conscience of the Eye. The Design of Social Life of Cities. New York, London: W.W. Norton & Company, 1992. P. 65.

Стандартизацию городской среды следует также рассматривать как результат глобализации и широкого распространения транснациональных корпораций, проникающих со своими однотипными товарами и витринами в разные уголки земного шара. Стандартизация городской среды – это, в том числе, и стандартизация потребления[1]. Беньяминовский фланер, гуляющий по городу в поисках чего-то нового и неожиданного, уходит в прошлое. Общественные места стремительно теряют свой романтический ореол. На улицах мегаполиса все реже и реже можно встретить магазин или кафе, имеющие свой собственный стиль и не являющиеся частью большей сети однотипных заведений. Индивидуальность слишком дорого обходится владельцам, они не выдерживают конкуренции с большими компаниями, так как потребители не готовы переплачивать за особую атмосферу заведения. Наиболее рациональная модель потребления – приобретение стандартизированных товаров и услуг по минимальным ценам, которые могут предложить только большие компании с множеством филиалов.

Схожие идеи высказывает и Ф. Фукуяма, который указывает на то, что современное общество фрагментизируется, превращаясь в толпу одиночек, которые сожалеют об утрате семейных ценностей, но не хотят лишиться свободы развода, хотят приветливых семейных магазинов, но дорожат низкими ценами и широким выбором в торговых центрах[2]. Так, из-за вечного поиска выгоды и экономии всех видов ресурсов, в том числе предполагающих эмоциональную включенность в происходящее, постепенно ослабевают социальные связи, нарастает безразличие ко всем, что окружает горожанина: и к людям, и к пространству.

Гибкий капитализм характеризуется нехваткой отзывчивости в силу того, что все элементы легко заменяемы. Как следствие, происходит ослабление характера, его «коррозия»[3], поскольку характер понимается

---

[1] *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 102.

[2] *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2008. С. 130.

[3] *Сеннет Р.* Коррозия характера. Новосибирск – Москва: ФСПИ «Тренды», 2004. С. 248.

Р. Сеннетом как связь с внешним миром, которая заставляет нас чувствовать себя необходимыми другим. Соответственно, гибкому капитализму свойственно нежелание нести ответственность за что-либо, то есть взрослеть. Как результат, широкое распространение получает идеология вечной юности, порабощающая людей и обогащающая соответствующие индустрии.

Р. Сеннет отмечает, что «проблемы города не являются техническими, связанными с необходимостью улучшения транспортной ситуации, финансированием и тому подобным; они связаны с личностью и заключаются в необходимости создания условий для того, чтобы человек мог стать зрелой личностью и в этом качестве продолжать свое существование как подлинно социальное существо»[1]. Соответственно, он призывает к преодолению идеалов вечной юности и «взрослению» людей для ответа на современные вызовы. Одним из важнейших вызовов для современности социолог считает экологические проблемы[2], при этом изменение климата и загрязнение окружающей среды представляют особую опасность именно для городов. Р. Сеннет надеется, что нарушение стабильности общества и характерные для него болезненные процессы могут помочь заставить индивидов задуматься о происходящем, осознать необходимость нести ответственность за свои действия[3]. Так, социолог называет решением многих социальных проблем современных городов «взросление» их жителей, что должно выражаться в их способности принять на себя ответственность за происходящее, преодолев безразличие. Однако механизм этого «взросления» Р. Сеннетом не прописан.

Другой предложенный им путь решения – изменение внешнего облика городов для модификации поведения их жителей. Исследователь полагает, что с помощью градостроительных решений можно менять общество, а не просто

---

[1] *Sennett R.* The Uses of Disorder. Personal Identity and City Life. New York: Knopf, 1970. P. 129.

[2] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 268-291.

[3] *Sennett R.* The Uses of Disorder. Personal Identity and City Life. New York: Knopf, 1970. P. 132.

«представлять его таким, как оно есть»[1]. Данный тезис, тем не менее, также не воплощается в конкретных рекомендациях. Это позволяет усомниться в эффективности решений, предложенных американским социологом. Возможно, вследствие именно этого он и погружается в анализ исторических событий, пытаясь найти закономерности развития городов и обществ.

Эвристическая ценность концепции Р. Сеннета заключается, прежде всего, в тщательном и скрупулезном анализе деталей, мельчайших изменений в культуре, которые позволяют понять общество модерна, причины его формирования и патологии развития. Он рассматривает взаимосвязи между культурой и архитектурными решениями, которые доминируют в городском пространстве, а также изучении влияние архитектурного облика городов на поведение людей. Предположение американского социолога о том, что одной из причин безразличия, получающего все более широкое распространения, – это стандартизация городской среды, безусловно, заслуживает внимания современных исследователей.

Необходимо также отметить синтетический характер его концепции – он пытается объединить множество тем из произведений других авторов. Например, проблема телесности обозначается, хотя и не рассматривается подробно, А. Лефевром[2]; соотношение публичного и приватного анализируется Л. Мамфордом[3]; влияние на города глобализации – одна из центральных идей С. Сассен[4]. Р. Сеннет, рассматривая города, не концентрируется преимущественно на экономических, политических или культурно-исторических факторах, наоборот, старается продемонстрировать их взаимосвязь и взаимовлияние.

---

[1] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 4.

[2] См., напр.: *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. С. 59.

[3] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 114-118.

[4] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.

Однако нельзя не отметить, что далеко не все тезисы американского социолога Р. Сеннета подкрепляются фактами и примерами, которые позволили бы утверждать, что главными факторами эволюции городов стали именно те силы, которые он столь детально рассматривает. Р. Сеннет предлагает детальную реконструкцию истории городов и их культуры, но его произведения зачастую довольно метафоричны, а публицистический стиль изложения материала порождает возможность различных трактовок его идей. Данная проблема усугубляется пластичностью и слабостью проработанности терминологии, что также можно рассматривать как следствие отхода от научного стиля изложения материала.

Тем не менее, значимость его исследований не подвергается сомнению не только современным научным сообществом[1], но и международными организациями. В частности, как указывает сам Р. Сеннет, его монография 2018 года «Здание и жилище: этика для города» является результатом работы по заказу ООН[2], желающей получить компетентный и разносторонний взгляд на социальные проблемы современных городов. Тем самым, практическая значимость его концепции не подвергается сомнению не только научным сообществом, но и международными организациями.

Тем, кто принимает решения относительно стратегии развития российских городов, особо внимательно следует отнестись к двум моментам, на которые указывает Р. Сеннет. Во-первых, следует задуматься о том, возможно ли сохранить индивидуальность города, подчеркнуть его самобытность и конвертировать это в экономические преимущества (например, за счет развития туризма) в условиях жесткой конкуренции в глобальном мире, где стандартизация получает все большее распространение. Во-вторых, стоит уделять больше внимания экологической ситуации и

---

[1] *Beauregard R.* Richard Sennett 2018: Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Penguin Books // International Journal of Urban and Regional Research. 2019. Vol. 43. № 3. P. 605-606.

[2] Интервью Ричарда Сеннета Екатерине Шульман. URL: https://mosurbanforum.ru/program/2019/4821/ (дата обращения: 21.11.2021).

стремиться к ее улучшению, что может не только оказать положительное влияние на здоровье жителей и привести к снижению затрат на систему здравоохранения, но и стать конкурентным преимуществом города в борьбе за человеческий капитал.

§ 3. Концепция репрезентации власти в городском пространстве Йорана Терборна

Шведский социолог Йоран Терборн (*Göran Therborn*) (род. в 1941 году) называет себя «глобальным ученым в области социальных наук со шведскими корнями»[1], поскольку «имеет опыт работы на всех населенных континентах мира»[2], конечно, за исключением Антарктиды. Он является почетным профессором социологии в Кембриджском университете Великобритании и аффилированным профессором социологии в шведском Университете Линнеус (*Linnaeus University*). Сам Й. Терборн считает себя интеллектуалом с активной гражданской позицией – приверженностью всеобщей свободе и равенству, сторонником антиимпериалистических и эгалитарных общественных движений, а также писателем, в центре внимания которого находится радикальная теория.

Шведский социолог указывает, что его «теоретические взгляды сформировались в русле западного марксизма – инспирированной Марксом гуманистической традиции, идущей от Грамши и Лукача к Анри Лефевру и Сартру, твердо отстаиваемой и практикуемой Томпсоном, Андерсоном»[3]. Безусловно, он знаком с трудами и других авторов: «В социологии я учился анализу по трудам Роберта Мертона, критике по Ч.Р. Миллсу, а теоретическим построениям – по раннему шедевру Талкота Парсонса “Структура социального действия”. Из классики я читал, прежде всего, Маркса и “Экономику и общество” Макса Вебера, оба меня сильно впечатлили, но я чувствовал близость социально-политических взглядов с первым из них»[4]. Соответственно, сам исследователь полагает, что наибольшее влияние на его

---

[1] Göran Therborn is a global social scientist, of Swedish roots. URL: http://www.therborn.com/ (accessed: 09.12.2021).

[2] Ibid.

[3] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 7.

[4] Там же.

творчество оказали труды К. Маркса и его последователей. Однако сегодня круг его научных интересов чрезвычайно широк и выходит далеко за пределы тех тем, которые им рассматриваются на раннем этапе творчества. В частности, на исследование шведским социологом городов значительное влияние оказали идеи американского исследователя Л. Мамфорда[1], подробно рассмотревшего символические функции городов.

Основные направления научных интересов Й. Терборна представлены на странице шведского исследователя на сайте Департамента социологии Кембриджского университета следующим образом:

– глобальные социальные проблемы и процессы, среди которых особое внимание уделяется неравенству, однако подчеркивается и интерес ученого к анализу гендерно-семейных отношений в контексте данной проблематики;

– современная радикальная мысль и силы, с которыми связаны возможности изменения;

– пути обществ к модерну и траектории выхода из него;

– столичные города как центры власти[2].

Произведения Й. Терборна опубликованы не менее чем на двадцати четырех языках мира[3] и отражают осмысление им вышеназванных вопросов. Главной темой творчества шведского социолога является, прежде всего, анализ классовой структуры общества и социального неравенства. Эта проблематика находит отражение в таких работах, как «Классы и экономические системы»[4], «Какова ценность хороших ценностей?»[5], «Классовая структура Швеции в 1930-1980-е годы»[6], «Почему некоторые

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

[2] Göran Therborn. Academic Profile. URL: http://www.sociology.cam.ac.uk/contacts/staff/profiles/gtherborn.html (accessed: 09.10.2021).

[3] Göran Therborn is a global social scientist, of Swedish roots. URL: http://www.therborn.com/ (accessed: 09.12.2021).

[4] *Therborn G.* Klasser och ekonomiska system. Staffanstorp: Cavefors, l971.

[5] *Therborn G.* Vad är bra värderingar värda? Staffanstorp: Cavefors, l973.

[6] *Therborn G.* Klasstrukturen i Sverige l930-l980. Lund: Zenit, l981.

люди меньше заняты, чем другие: странный парадокс роста и безработицы»[1], «Гетто в Голландии?»[2] в соавторстве с П. Броэрти и «Буржуазия и бюрократия в Швеции: два исторических исследования»[3].

Шведский социолог на протяжении пяти десятилетий своей научной деятельности также анализирует функционирование государственного аппарата и влияние политических решений на социальные процессы, рассматривает разные идеологии и их воздействие на общество. Особенно значимыми для данного направления исследования является, как ее называет сам Й. Терборн, «трилогия по марксистской теории»[4]: «Наука, класс и общество: о формировании социологии и исторического материализма»[5], «Что делает правящий класс, когда он правит? Государственный аппарат и государственная власть при феодализме, капитализме и социализме»[6] и «Идеология власти и власть идеологии»[7]. С этой темой тесно связаны размышления о будущем марксистской традиции, траектории ее развития в XXI веке и особенностях постмарксизма: «Современные теории государства»[8] и «От марксизма к постмарксизму»[9]. Шведский социолог не считает, что марксизм может стать «жизнеспособной идентичностью в XXI веке»[10], но полагает, что теоретическое наследие К. Маркса по-прежнему сохраняет свою

---

[1] *Therborn G.* Why Some Peoples are More Unemployed than Others: the Strange Paradox of Growth and Unemployment. London: Verso, 1986.

[2] *Therborn G., Broertje P.* Ghetto's in Holland? Amsterdam: Uitgeverij Van Gennep, 1989.

[3] *Therborn G.* Borgarklass och byråkrati i Sverige. Lund: Arkiv, l989.

[4] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 7.

[5] *Therborn G.* Science, Class and Society: On the Formation of Sociology and Historical Materialism. London: Verso, 1976.

[6] *Therborn G.* What Does the Ruling Class do When it Rules? State Apparatuses and State Power under Feudalism, Capitalism and Socialism. London: Verso, 1978.

[7] *Therborn G.* The Ideology of Power and the Power of Ideology. London: Verso, 1980.

[8] *Therborn G.* Teorías Contemporáneas del Estado. Maracaibo: Vadell Hermanos and University of Zulia, l990.

[9] *Therborn G.* From Marxism to Post-Marxism? London: Verso, 2008.

[10] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 9.

актуальность, а потому к нему будут заново обращаться, критиковать и предлагать его новые интерпретации.

Анализируя марксизм, Й. Терборн много пишет о диалектике модерна, поэтому можно говорить о пересечении проблематики марксизма с историей модерна и его перспективами: «Перипетии современности»[1] и «Европейский модерн и его будущее: траектория европейских обществ в 1945-2000-е годы»[2]. Все эти темы шведский социолог связывает друг с другом в работах последних двух десятилетий.

В XXI веке в центре внимания Й. Терборна оказываются, как он говорит, глобальные исследования, представленные в четырех работах[3]: «Между полом и властью: семья в 1900-2000-е годы»[4], «Мир: руководство для начинающих»[5], «Убивающие поля неравенства»[6] и «Города власти: город, нация, народ, глобальность»[7]. Особое внимание уделяется вопросам пола, гендера и семьи. Й. Терборн отмечает, что две главные темы, которыми он занимается с начала XXI века, «обнаружили себя достаточно поздно: это семья и города»[8]. Семейная проблематика наиболее подробно рассмотрена в первых двух произведениях «глобальной тетралогии». Вместе с тем необходимо отметить, что работа «Мир: руководство для начинающих»[9] носит комплексный характер, в ней затронуты практически все темы, интересующие Й. Терборна сегодня.

---

[1] *Therborn G.* Peripecias de la modernidad. Buenos Aires: Imago Mundi, 1992.

[2] *Therborn G.* European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945-2000. London: Sage, 1995.

[3] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 4.

[4] *Therborn G.* Between Sex and Power: Family in the World, 1900-2000. London: Routledge, 2004.

[5] *Therborn G.* The World: A Beginner's Guide. Cambridge: Polity Press, 2011; *Терборн Й.* Мир: руководство для начинающих. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

[6] *Therborn G.* The Killing Fields of Inequality. Cambridge: Polity Press, 2013.

[7] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017; *Терборн Й.* Города власти: город, нация, народ, глобальность. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020.

[8] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 13.

[9] *Therborn G.* The World: A Beginner's Guide. Cambridge: Polity Press, 2011.

Для данного исследования наибольший интерес представляют работы Й. Терборна, в которых рассматриваются города. Он признается, что его давний туристский интерес к городам перерос в тему научного исследования во время семестра преподавания в Будапеште в 1996 году, после того, как он наткнулся на захватывающую историческую монографию о Площади Героев в столице Венгрии и ее драматической истории в XX веке[1]. Необходимо отметить, что шведского социолога, в первую очередь, интересуют именно столицы, которые рассматриваются им как те пространства, где происходит манифестация и репрезентация власти с помощью архитектурных решений. В 2017 году выходит в свет главное произведение по этой теме – «Города власти: город, нация, народ, глобальность»[2], ставшее результатом долгой работы по этой теме.

Шведским социологом опубликовано множество статей о городах: «Монументальная Европа: об иконографии европейских столиц»[3], «Восточная драма. Столицы Восточной Европы в 1830-е – 2006: предварительный обзор»[4], «Конец парадигмы: текущий кризис и идея городов без государства»[5], «Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания»[6] и «Столичные города и их спорная роль в жизни наций»[7] в соавторстве с К. Ч. Хо. Также изданы статьи в коллективных

---

[1] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 13.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017.

[3] *Therborn G.* Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // Housing, Theory and Society. 2002. Vol. 19, № 1. P. 26-47.

[4] *Therborn G.* Eastern Drama. Capitals of Eastern Europe 1830s-2006: An Introductory Overview // International Review of Sociology. July 2006. Vol. 16. № 2. P. 209-242.

[5] *Therborn G.* End of A Paradigm. The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43. № 2. P. 272-285; *Терборн Й.* Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 20-40.

[6] *Therborn G.* At the Birth of Second Century Sociology. Times of Reflexivity, Spaces of Identity, and Nodes of Knowledge // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 37-57.

[7] *Therborn G., Ho K. Ch.* Capital cities and their contested roles in the life of nations: Introduction // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2009. Vol. 13. № 1. P. 53-62.

монографиях «Европейские дороги к модерну и национальные столицы»[1], «Политика столиц: почему и как место имеет значение»[2], «Идентичность и столичные города: европейские нации и Европейский союз»[3], «“Глобальные города”, мировая власть и столицы “большой двадцатки”»[4], «Города»[5] с П. Ле Гале. Также с С. Беккером написаны предисловие и заключение к книге «Столичные города в Африке: власть и бессилие»[6]. Под редакцией Й. Терборна на русском языке с англоязычными главами в 2009 году публикуется работа, пока не переведенная на другие языки – «Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку»[7]. Это результат работы по проекту Европейского Союза о посткоммунистических столицах, в реализации которого шведский социолог принимает активное участие в 2000-е годы[8]. Поэтому можно утверждать, что городская проблематика присутствует в творчестве Й. Терборна уже около двадцати лет, а публикация монографии становится логичным продолжением серии статей.

Концепция репрезентации власти в городском пространстве столиц, предложенная шведским социологом, безусловно, может быть отнесена к культурно-историческим. Й. Терборн предлагает подробный анализ того, как меняются города в эпоху модерна, и описывает историю столиц с момента возникновения национальных государств, когда они становятся местами

---

[1] *Therborn G*. European Roads to Modernity and Their National Capitals // New Europe. Growth to Limits / ed. by S. Eliaeson and N. Georgieva.Oxford: Bardwell Press, 2010.

[2] *Therborn G*. Capital Politics: Why and How Place Matters // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / ed. by R. E. Goodin, Ch. Tilly. New York: Oxford University Press, 2006. P. 509-533.

[3] *Therborn G*. Identity and Capital Cities: European Nations and the European Union // The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union / ed. by F.Cerutti and S.Lucarelli. London and New York: Routledge, 2008. P. 59-74.

[4] *Therborn G*. “Global Cities”, World Power, and the G20 Capital Cities // Cities and Crisis: New Critical Urban Theory / ed. by K. Fujita. London: Sage, 2013. P. 52-83.

[5] *Galès P., Therborn G*. Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by Immerfall, G. Therborn. New York: Springer, 2010. P. 59-89.

[6] *Therborn G., Bekker S.* Introduction // Capital cities in Africa: Power and powerlessness / ed. by S. Bekker, G. Therborn. Dakar, Cape Town: CODESRIA, HSRC, 2011.

[7] Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку / под общ. ред. Й. Терборна. Минск: Издательский центр БГУ, 2009.

[8] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 14.

концентрации капитала и власти. Особое внимание им уделяется символическому значению архитектуры, поскольку города для него, как и для А. Лефевра, как и для Р. Сеннета, представляют собой пространства смыслов, а не только совокупность зданий. При этом необходимо отметить, что Й. Терборн, в отличие от названных выше социологов, уделяет внимание исключительно столицам. А. Лефевр также считал важным знание политической истории для понимания смыслов, которые содержит пространство[1], но не ограничивался исключительно столицами, реконструируя историю урбанизации.

Сам Й. Терборн считает, что его многолетнее детище «Города власти» – это книга «о том, как столичные города репрезентируют властные отношения в своей стране: в планировании, расположении зданий, архитектуре, монументальности, топонимике, размещении различных служб, а также роли столицы в национальной системе власти»[2]. Это сравнительное исследование, которое предлагает проследить эволюцию городов, их историю, которая находит свое отражение в урбанистическом пространстве.

В центре внимания Й. Терборна, по его словам, находится глобальная система культурных кодов, ценности и символические формы[3], что и сближает концепцию шведского социолога с разработками, предложенными А. Лефевром и Р. Сеннетом. Однако Й. Терборн указывает, что его идеи во многом являются результатом влияния работ Л. Мамфорда, для которого города – главные сосредоточения власти и культуры, одной из функций которых является осуществление символической коммуникации[4]. Очевидно, что его концепция вполне может быть отнесена к культурно-историческим,

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 53.

[2] Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 18.

[3] *Therborn G.* Europe and Asias: in the global political economy and in the world as a cultural system // Asia and Europe in globalization: continents, regions, and nations / ed. by G. Therborn and H. H. Khondker. Leiden, Boston: Brill, 2006. P. 276.

[4] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 3.

поскольку Й. Терборн понимает города как символические пространства. При этом он предлагает свой оригинальный взгляд на историю городов, которая выстраивается как история политических идей, нашедших отражение в урбанистическом пространстве, и поэтому наибольший интерес у него вызывают столицы как центры политической власти.

Несмотря на критику Л. Мамфорда, очевидно, что Й. Терборн высоко оценивает его творчество, в частности, по той причине, что он предлагает культурно-историческую перспективу рассмотрения городов, в то время как в современной науке доминирует иная – экономическая, представителем которой является, например С. Сассен[1], для которой города – это, в первую очередь, экономические центры. Шведский социолог сожалеет о том, что в современной социологии города предстают, в первую очередь, как экономические пространства, в то время как их политическая и культурная составляющие уходят на второй план.

Действительно, теоретической основой для анализа городов в конце XX – начале XXI века зачастую становятся понятие «глобальный город» и «мировой город»[2], однако, согласно Й. Терборну, время доминирования экономического подхода близится к завершению. Он предлагает посмотреть на города не только с точки зрения их функций в мировой экономике, но и как на символические образования, хранящие память о своей истории.

При этом он не предлагает полностью отказаться от анализа экономических функций городов, наоборот, согласно Й. Терборну, деление городских исследований на пространственно-экономические (С. Сассен) и историко-культурные (Л. Мамфорд) приводит к тому, что оба направления оказываются ограниченными[3]. Поэтому он пытается выработать новый

---

[1] *Терборн Й.* Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 21.

[2] *Hatherley O.* Comparing Capitals // New Left Review. May-June 2017. № 105. URL: https://newleftreview.org/II/105/owen-hatherley-comparing-capitals (accessed: 09.12.2021).

[3] *Therborn G.* End of a Paradigm. The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43. № 2. P. 283.

оригинальный подход к изучению городов, объединив пространственно-экономическую и историко-культурную перспективы.

Ключевым тезисом шведского социолога является утверждение о том, что в городах социальные процессы и явления детерминируют архитектуру, и тем самым приобретают форму зданий и пространств между ними. Согласно Й. Терборну, репрезентации политической власти в городском пространстве выполняют следующие функции:

– внушают уважение к власти, в основе которого может быть, как страх, так и восхищение;

– способствуют легитимации власти вне зависимости от ее происхождения;

– демонстрируют основное направление развития общества и его приоритеты;

– создают собственную систему безопасности, элементами которой становятся государственные здания[1].

Столичные города лучше, чем все остальные позволяют понять особенности политической истории страны и ее влияние на реорганизацию пространства, которая традиционно начинается с политических центров государств. Города, по словам Й. Терборна, – это «живая геология, сформированная историческими слоями амбиций и смысла»[2]. Изменение политического режима зачастую ведет к реконструкции столицы[3], вследствие которой новая власть манифестирует себя, устраняя репрезентации прежней власти, чтобы стереть память о ней. Соответственно, столицы – это многослойные образования, в которых можно увидеть историю архитектуры,

---

[1] *Therborn G.* “Global Cities”, World Power, and the G20 Capital Cities // Cities and Crisis: New Critical Urban Theory / ed. by K. Fujita. London: Sage, 2013. P. 61.

[2] *Therborn G., Bekker S.* Conclusion // Capital cities in Africa: Power and powerlessness / ed. by S. Bekker, G. Therborn. Dakar, Cape Town: CODESRIA, HSRC, 2011. P. 193.

[3] *Therborn G., Ho K. Ch.* Capital cities and their contested roles in the life of nations: Introduction // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2009. Vol. 13. № 1. P. 58.

экономическую историю, историю культуры и политическую историю[1]. Социолог выделяет пять основных переменных, с помощью которых могут быть проанализированы манифестации и репрезентации власти в городском пространстве:

1. Городское планирование, которое детерминирует центр(ы), ориентиры, транспортные связи и так далее.

2. Кластеры зданий, где размещаются представители власти (офисы, резиденции, системы безопасности, общественные учреждения).

3. Архитектура, стиль общественных и значимых частных зданий.

4. Монументальные сооружения (памятники и «места памяти»).

5. Топонимика (названия улиц, мест, учреждений)[2].

Все перечисленные переменные чрезвычайно важны для Й. Терборна, поскольку позволяют вычленить ключевые точки политической истории, на основе которой формируется идентичность наций. Соответственно, столицы рассматриваются им как главные хранители истории и носители национальной идентичности, вследствие чего их внешнему облику уделяется повышенное внимание.

Необходимо отметить, что особенно актуальной проблема реконструкции городского пространства становится в XIX столетии, когда начинается бурный рост городов вследствие индустриализации[3]. Этот процесс сопровождается политическими потрясениями, которые становятся привычными для европейских столиц XIX века и продолжаются в начале

---

[1] *Therborn G.* Identity and Capital Cities: European Nations and the European Union // The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union / ed. by F. Cerutti and S. Lucarelli. London and New York: Routledge, 2008. P. 59.

[2] *Therborn G.* “Global Cities”, World Power, and the G20 Capital Cities // Cities and Crisis: New Critical Urban Theory / ed. by K. Fujita. London: Sage, 2013. P. 61-62.

[3] Ex: *Harvey D.* Paris, capital of modernity. New York and London: Routledge, 2003; *Fraser B.* Ildefons Cerdà’s Scalpel: A Lefebvrian Perspective on Nineteenth-Century Urban Planning // Catalan Review. 2011. № 25; *Jordan D. P.* The City: Baron Haussmann and Modern Paris // The American Scholar. 1992. Vol. 61. № 1; *Kirkland S.* Paris reborn: Napoléon III, Baron Haussmann, and the quest to build a modern city. New York: St. Martin's Griffin, 2013; *Marshall T.* Transforming Barcelona: the renewal of a European metropolis. London: Routledge, 2004.

XX века. Одной из причин политических выступлений является необходимость решения жилищного вопроса.

Соответственно, социальные проблемы провоцируют политические изменения, за которыми следуют, в том числе, и реконструкции столиц. Главным инициатором изменений того времени выступает, как правило, рабочий класс, за счет которого стремительно растет численность населения городов и который борется за возможность жить в достойных условиях. Вместе с тем Й. Терборн указывает на то, что выступления рабочего класса зачастую проходят не в столицах, исключения составляют Париж в 1848 и 1871 годах и Санкт-Петербург в 1905 году[1]. Однако Первая мировая война меняет ситуацию, активизируя политическую жизнь в столичных городах. Революции, распады империй, образование новых государств и появление множества людей, лишившихся дома, обостряют жилищную проблему, вследствие чего в ряде европейских стран начинается формирование «муниципального социализма»[2], направленного на ее решение.

«Муниципальным социализмом» начинают называть проекты, ориентированные на улучшение жилья и инфраструктуры в бедных районах города, данный термин становится довольно распространенным в Великобритании с 1880-х годов[3], а затем становится довольно широко известным и за ее пределами. Особая роль в его оформлении принадлежит архитектурной школе Амстердама, в частности, Ари Кеплеру, мечтавшему о строительстве красивого жилья для рабочих, которое стало бы памятниками борьбе рабочего класса за свои права[4]. Жилищную программу начинают активно реализовывать в Амстердаме после окончания Первой мировой войны, что является одной из первых попыток реализации «муниципального

---

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 168.

[2] Ibid.

[3] *Kellett J. R.* Municipal Socialism, Enterprise and Trading in the Victorian City // Urban History. 1978. № 5. P. 36-45.

[4] *Searing H.* With red flags flying: Housing in Amsterdam // Art and Architecture in the Service of Politics / ed. by H. Millon and L. Nochlin. MA: MIT Press, 1978. P. 230.

социализма». Тем не менее, Й. Терборн, рассматривая муниципальный социализм[1], уделяет внимания не столько Амстердаму, сколько другой европейской столице – Вене.

«Красная Вена» (1918-1934) – период в истории этого города, характеризующийся массовым возведением жилых комплексов для рабочих и их семей, рядом с которыми располагается и вся необходимая инфраструктура (школы, медицинские центры и так далее). Рабочие кварталы окружают центр города, образуя «пролетарскую Рингштрассе»[2], где «флагманским» строением становится дом, носящий имя Карла Маркса (*Karl-Marx-Hof*), рассчитанный на проживание 5 000 человек в 1 400 квартирах. Подобные изменения в центре Вены связаны с тем, что после крушения Австро-Венгерской империи и установления в Австрии республики к власти приходят социал-демократы, пытающиеся построить «новый порядок» на обломках прежнего. Необходимо отметить, что впервые рабочая партия одержала победу на выборах в 1903 году в Берлине, однако в этом городе она не смогла способствовать реализации крупномасштабных проектов, поскольку Социал-демократическая партия Германии, получив больше голосов, чем другие политические силы, тем не менее, не стала самой большой фракцией в Рейхстаге[3]. То есть схожие процессы можно отметить в разных европейских столицах того времени, столкнувшихся с необходимостью обеспечить жильем растущий пролетариат, все громче заявляющий о своих правах.

Неудивительно, что в истории Берлина шведского социолога гораздо больше интересует другой период, связанный с самыми грандиозными планами преобразования городского пространства – 1930-е годы. Й. Терборн на этом примере демонстрирует, каково влияние государственной идеологии

---

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 168-169.

[2] Ibid.

[3] Elections to the German Reichstag: A Statistical Overview // German History in Documents and Images (GHDI). URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/docpage.cfm?docpage_id=3214 (accessed: 09.12.2021).

на преобразование городского пространства столицы. Он полагает, что диктаторы, желая продемонстрировать свои силу и амбиции, наиболее радикально подходят к реорганизации столиц, и как следствие, подробно разбирает пример Берлина 1930-х годов, отмечая, однако, что б*о*льшая часть планов его реконструкции осталась на бумаге.

Вместе с тем необходимо отметить, что если памятников эпохи Третьего рейха в столице Германии практически не осталось, то монументов, напоминающих о его преступлениях, существует довольно много. Политическая символика этой страны до сих хранит память о преступлениях Второй мировой войны[1]. Этим Берлин выделяется среди других столиц мира, поскольку ни в одной другой из них нет такого большого количества самокритичных монументов в память о жертвах, принесенных на алтарь титульной нации. В столице Германии они, напротив, занимают довольно значительную часть городского пространства (например, Еврейский музей Даниэля Либескинда или Мемориал жертвам холокоста Питера Айзенмана), создавая уникальное символической пространство, наполненное чувством вины за историю своей страны.

Не менее интересна для шведского социолога и судьба другой европейской столицы – Рима, где, как и в Берлине довольно долго у власти были фашисты. В 1931 году численность населения Рима достигло миллиона человек, и за двадцать лет фашизма более чем удвоилось, что Й. Терборн рассматривает как индикатор централизации власти и концентрации человеческих и других ресурсов в столице[2]. Это требовало изменений пространства, и Бенито Муссолини в 1924 году пообещал решить в столице Италии две основные задачи: обеспечить город необходимым жильем и

[1] *Galès P., Therborn G.* Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by Immerfall, G. Therborn. New York: Springer, 2010. P. 69.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 212.

коммуникациями, а также вернуть ему былое величие[1]. Успешно он справился только со второй задачей, решение которой демонстрирует значение истории страны и ее культуры для символического пространства городов.

В столице Италии было решено избавиться от пережитков Средневековья на улицах города и построить монументальный Рим XX столетия, в котором памятники Античности оказались бы на почетных местах, чтобы выгодно оттенить ореол «вечного города». Данная стратегия выбирается не случайно, именно Античность – период максимального могущества Рима, поэтому любая память о нем становится предметом гордости, а новые здания стилизуются под архитектуры того времени. Соответственно, наследие средневекового периода в истории города безжалостно уничтожается, чтобы лучше подчеркнуть величие античных построек. Улицы расширяются, на обломках прошлого (Средневековья) прокладываются новые проспекты, демонстрирующие преемственность с античным Римом.

Й. Терборн отмечает, что большинство градостроительных решений Б. Муссолини настолько рациональны, что созданные им улицы, площади и другие общественные пространства существуют до сих пор, поскольку «урбанистически Муссолини и его архитекторы, а также его политические советники, все были согласны с тем, что Рим был древним городом, который уважали и берегли, собираясь построить будущее империи и власти на основе древней славы»[2]. И даже сегодня, критикуя Б. Муссолини, итальянцы не решаются избавиться от его наследия в столице страны. Фигура политика до сих пор неоднозначно воспринимается в Италии, но обелиск Муссолини (*Mussolini-Obelisk, Mussolini-Monolith*) до сих пор располагается в центре Итальянского форума в Риме.

---

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 213.

[2] Ibid. P. 216.

Так, на примере Берлина и Рима Й. Терборн демонстрирует, что сильная политическая власть стремиться к масштабным реконструкциям городского пространства, чтобы укрепить идеологию при помощи архитектурных решений и оставить долгую память о себе. Еще один пример, который он подробно рассматривает, представляет собой манифестацию и репрезентацию коммунистической идеологии в городском пространстве Москвы.

Москва в 1920-е годы превращается в центр архитектурного модернизма и привлекает таких архитекторов с мировым именем, как Ле Корбюзье из Франции, Эрнест Май из Германии, Ханнес Мейер из Швейцарии и многие другие. При этом шведский социолог указывает на то, что единой концепции социалистического урбанизма не формируется, хотя монументальная пропаганда составляет важную часть политики советских властей[1]. Неудивительно, что вклад советского градостроения в мировую архитектуру оказывается значительно меньше, чем политическое значение СССР в XX веке.

Как отмечают отечественные исследователи, многие западные архитекторы того времени воспринимают СССР как страну архитектурного будущего, более того, «отмена частной собственности на землю воспринималась как освобождение градостроительства от оков капиталистического земельного права, как предпосылка реализации заветной мечты – возможности осуществлять градостроительные программы и строить новые города, не оглядываясь на границы частных участков»[2]. Одним из самых значимых результатов архитектурных преобразований становится реконструкция Москвы и ее репрезентация как столицы мирового пролетариата.

---

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 240-241.

[2] *Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С.* Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Мир истории (электронный журнал). 2006. № 1. URL: http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm (дата обращения 15.11.2021).

Вместе с тем необходимо отметить, что преобразование городского пространства Москвы осуществлялось неоднородно и непоследовательно[1]. Город возвращает себе столичный статус в 1918 году, Генеральный план реконструкции Москвы принимается лишь в 1935 году, однако его реализация приостанавливается с началом Отечественной войны, а после смерти И. В. Сталина происходит кардинальный пересмотр основных принципов развития города Н. С. Хрущевым.

Й. Терборн указывает на то, что власть советского урбанизма после Второй мировой войны распространяется на территорию всего социалистического лагеря[2]. Хотя речь идет не столько об архитектурных проектах, сколько о названиях, которые символизируют наступление новой эпохи в истории городов Восточной Европы. На семидесятилетие И. В. Сталина политические лидеры ряда стран социалистического лагеря делают ему монументальные подарки, называя в его честь улицы или устанавливая посвященные ему памятники. Статуи Сталина появляются в Праге, Будапеште и Бухаресте, более того, планируются во всех социалистических столицах[3]. Следует также отметить, что появляются аллея Сталина (Шталиналлея, *Stalinallee*) в Восточном Берлине, проспект Сталина в Будапеште, ряд городов Восточной Европы от Болгарии и Румынии до Восточной Германии получают имя Сталина[4]. Начинающееся интенсивное строительство социализма оставляет заметный след если не в архитектуре, то, по крайней мере, в топонимике.

Вместе с тем архитектурного единства на социалистическом пространстве не формируется, города отличаются друг от друга, что можно

---

[1] См.: *Полякова Н. Л., Вершинина И. А.* Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 253.

[3] *Galès P., Therborn G.* Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by Immerfall, G. Therborn. New York: Springer, 2010. P. 68.

[4] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 254.

рассматривать как следствие отсутствия общепринятой концепции урбанизма в СССР. Более того, столицы стран социалистического лагеря восстанавливают после Второй мировой войны с опорой на их историческое наследие и большим уважением к нему, что как раз и можно рассматривать как результат отсутствия единой концепции советского урбанизма. Восточная Европа идет преимущественно по пути реконструкции разрушенных городов (Варшава, Будапешт, Прага и др.)[1], в частности, многие объекты воспроизводятся по довоенным рисункам и фотографиям (например, мосты через Дунай в Будапеште).

Соответственно, архитектурный ансамбль столиц Восточной Европы получается чрезвычайно неоднородным, однако общей чертой всех городов можно назвать строительство дешевого и не слишком просторного жилья. Жилье явно не стоит на первом месте в списке приоритетов градостроительства социалистических стран. Однако шведский социолог отмечает, что при небольшой площади жилых помещений на человека (менее 20 м^2 в странах Восточной Европы даже в 2000 году против 36 м^2 в странах Западной Европы) затраты на коммунальные услуги составляют всего 6% от доходов в социалистических странах Европы в 1989 году, тогда как в капиталистических – от четверти до трети от дохода[2]. Эти данные свидетельствуют о том, что менее просторное и менее комфортное жилье в социалистических странах, тем не менее, обладало и своими преимуществами: его содержание не являлось таким серьезным экономическим бременем, как в западноевропейских государствах.

Крушение социалистических режимов в странах Восточной Европы представляет собой не только смену политического курса, но также дает начало новой эпохе урбанистических преобразований, поскольку посткоммунистические города стремятся стереть из памяти и пространства

---

[1] *Galès P., Therborn G.* Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by Immerfall, G. Therborn. New York: Springer, 2010. P. 66.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 276-277.

свое недавнее прошлое. Они включаются в глобальную капиталистическую систему, символом которой становятся огромные торговые центры, деловые районы с небоскребами, роскошные отели и т. п. По бывшим социалистическим странам прокатывается новая волна переименований улиц и других объектов[1], как правило, им возвращают прежние названия. Коммунистическая иконография, нашедшая отражение в топонимике и памятниках социалистических времен, тщательно вычищается из городского пространства. В некоторых странах создаются своеобразные «музеи террора» (например, в Будапеште), рассказывающие о коммунистическом прошлом.

Следует отметить, что распад социалистического лагеря по времени совпадает еще с одним процессом – превращением многих столиц в экономические звенья мировой капиталистической системы – глобальные города. Соответственно, Й. Терборн отмечает, что происходит глобализация национальных столиц[2]. Как следствие, появляются новые акторы, инициирующие кардинальные урбанистические перемены – транснациональные корпорации. Результатом этого становится переход от национальных приоритетов в городском пространстве к глобальным, поскольку столицы XXI века зачастую репрезентируют уже не только нации, но и международный капитал. Это может повлечь за собой серьезные изменения для жителей городов, поскольку их интересы имеют гораздо меньшее значение для глобальной капиталистической системы, чем для национального правительства. И это вызывает озабоченность не только у шведского исследователя, но и у других социологов (например, С. Сассен)[3], поскольку может способствовать серьезному росту социального неравенства.

---

[1] *Therborn G.* Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830-2006. International Review of Sociology. 2006. Vol. 16. № 2. P. 223.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 289, 291.

[3] *Sassen S.* Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all (accessed: 15.11.2021).

Сегодня глобальные города конкурируют между собой за инвестиции, вследствие чего в ряде городов создаются условия, благоприятные для функционирования транснациональных корпораций. В частности, строятся многоэтажные бизнес-центры, которые далеко не всегда гармонично сочетаются с исторической застройкой, не говоря уже о том, что они стандартизируют урбанистическое пространство, делая города похожими друг на друга. Согласно Й. Терборну, начинается процесс постепенного снижения роли национального государства в определении архитектурного облика городов, поскольку власть в глобальных городах, многие из которых являются столицами, переходит к владельцам транснационального капитала[1]. Формируется новая глобальная иконография, которая репрезентирует не историю государства и его ценности, а демонстративное потребление и стремление к роскоши. Главными характеристиками этого нового урбанистического стиля исследователь называет три следующие черты:

1. *Вертикальность*, олицетворением которой становятся небоскребы, символизирующие стремление к власти и демонстрирующие богатство и роскошь, поскольку, во-первых, их строительство обходится довольно дорого, а, во-вторых, они неизбежно превращаются в доминанты городского пространства. Поскольку лишь меньшая часть небоскребов предназначается для жилья, то можно говорить о том, что они отражают доминирование глобального капитала в национальных столицах, которое приобретает вертикальное измерение.

2. *Стремление к новому*, которое наиболее ярко проявляется в бизнес-центрах и торговых моллах. Й. Терборн отмечает, что города совершенно не обязательно должны быть инкубаторами инноваций, более того, как правило, не являются ими. Однако именно в городах наиболее отчетливо фиксируется стремление к различным новинкам, которые быстро становятся необходимыми или даже обязательными атрибутами определенного стиля

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 288.

жизни. Глобальные города превращаются в своеобразные «центры новизны» (*hubs of novelty*). Подобное стремление к новому может проявляться как в строительстве новых районов, и тогда оно тесно связано с вертикальностью, так и в приобретении новых товаров и услуг, то есть в безудержном потреблении.

3. *Эксклюзивность*, которая обеспечивается через ограничение доступа и с помощью других средств. В большинстве глобальных городов появляются если не элитные кварталы, то хотя бы улицы с дорогостоящими магазинами, покупки в которых недоступны большей части населения. Следовательно, доступ к эксклюзивным сегментам может быть ограничен как с помощью физических барьеров, так и с помощью высоких цен. Соответственно, речь не идет о закрытости города, поскольку он нуждается в многочисленном малооплачиваемом сервисном классе так же, как и в амбициозных талантливых генераторах новых идей. Эксклюзивность предполагает деление города на несколько сегментов, то есть пространственную сегрегацию и неравенство[1].

Согласно Й. Терборну, вертикальное измерение небоскребов постепенно вытесняет горизонтальное измерение в виде широких бульваров и авеню, которые социолог ассоциирует с периодом архитектурного доминирования национального государства, олицетворением чего является Париж XIX столетия[2]. Необходимо отметить, что исследователь рассматривает представителей политической власти как главных инициаторов реорганизации городского пространства в период расцвета национального государства, хотя это далеко не всегда соответствует действительности. Например, переустройство Парижа бароном Османом в третьей четверти XIX века осуществлялось во многом в интересах французской буржуазии, а не только политической власти, поэтому социолог не всегда отмечает

[1] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 288, 316-317.

[2] Ibid. P. 347.

экономические предпосылки реконструкции городского пространства, если речь идет не о современном этапе урбанизации.

Бульвары, организованные в Париже во второй половине XIX века, конечно, по-прежнему существуют. Однако специфика современного урбанистического стиля заключается в том, что сегодня именно небоскребы превращаются в доминанты городского пространства, которые видны издалека, а все остальное на их фоне теряется. Соответственно, шведский социолог демонстрирует, как в современных столицах вследствие глобализации происходит смена репрезентаций: репрезентации власти вытесняются репрезентациями транснациональных корпораций, то есть даже столицы, политические центры государств, превращаются в площадки для обеспечения интересов глобального капитала. Таким образом, урбанистическое пространство остается наполненным символами, но их природа меняется: репрезентации политической истории вытесняются экономическими символами, представленными, например, в виде логотипов брендов, известных во всем мире.

Задача объединения культурно-исторической перспективы анализа городов с экономической фактически решается Й. Терборном следующим образом: первая позволяет понять логику развития городского пространства в период расцвета национального государства, в то время как вторая объясняет те трансформации, которые являются результатом глобализации. И характеристика современно этапа преобразования урбанистического пространства во многом созвучна тому, на что указывает Р. Сеннет: в результате глобализации города стандартизируются и утрачивают свою индивидуальность.

Й. Терборн, как и многие другие исследователи, не предлагает решения рассматриваемых им социальных проблем современных городов. Тем не менее, эвристическая ценность его концепции заключается в том, что она предполагает синтез различных подходов, рассмотрение не только экономических аспектов функционирования городов в эпоху глобализации, но

и политических, а также историко-культурных. Хотя исследователь сосредотачивается преимущественно на одном факторе, детерминирующем трансформацию городского пространства, – политическом, что дает основания и для критики его концепции. Однако она представляет несомненный интерес для социологии и получает продолжение в современных исследованиях, в которых города рассматриваются, в первую очередь, как символические образования пространства смыслов. В частности, схожий взгляд на города предлагает Э. Вейцман[1], акцентирующий внимание на том, как архитектура отражает нарушения прав и свобод человека, военные конфликты и разрушения, которые они за собой влекут.

Тем не менее, решение Й. Терборна анализировать исключительно столицы, то есть около 200 городов из их огромного множества, обедняет концепцию. Подход, предложенный Й. Терборном, имеет свои ограничения, поскольку исключает рассмотрение не только глобальных городов, которые не являются столицами (Нью-Йорк, Шанхай, Барселона, Мумбаи, Рио-де-Жанейро, Сидней и др.), но и другие города мира. Следует указать и на тот факт, что исследование Й. Терборна является во многом европоцентричным, поскольку в нем рассматриваются преимущественно европейские столицы либо влияние европейской культуры на города в других регионах мира.

Исследователь ставит перед собой амбициозную задачу: объединить пространственно-экономический и историко-культурный подходы к изучению городов. Однако социолог решает ее не в полной мере уже в силу того обстоятельства, что ограничивает предметное поле своего исследования исключительно столицами, далеко не все из которых сочетают политические функции с экономическими. Социолог также неоднократно заявляет о том, что в современной науке при анализе городов переоценивается значение экономического фактора, однако сам делает вывод о возросшем влиянии транснациональных корпораций на облик современных столиц, тем самым

[1] *Weizman E.* Forensic Architecture: Violence at the Threshold of Detectability. New York: Zone Books, 2017.

признавая правомерность смещения акцентов в сторону экономической перспективы. Однако он практически не уделяет внимания влиянию урбанизации на неравенство, в том числе витальное, хотя и указывает на то, что неравенство, как и города, является одной из главных его тем.

Тем не менее, концепция социолога становится основой для научной дискуссии относительно того, какие объекты в городском пространстве представляют собой историческую ценность и требуют охраны со стороны государства, и это может рассматриваться как ее практическая значимость. Й. Терборн не только демонстрирует причины реконструкции городского пространства, которые зачастую укоренены в политической истории страны, но также предостерегает от скоропалительных решений относительно ценности или ее отсутствия у зданий, которые зачастую отражают дух своего времени. Вопрос о культурно-историческом наследии в российских городах является довольно сложным, поскольку зачастую отношение к архитектурным сооружениям определяется временем их постройки, и негативное отношение к советскому периоду у части общества может привести к утрате некоторых элементов городского пространства по причине политического решения об отсутствии у них исторической ценности. Концепция Й. Терборна предлагает анализ «пространственного измерения политической власти»[1] и позволяет вывести эту дискуссию на новый уровень и предотвратить возможные ошибки.

Выводы по второй главе:

Итак, с 1960-х годов начинается переосмысление урбанизации, которая рассматривается, в том числе и как пространственное выражение современного капитализма[2]. По словам Ш. Зукин, именно А. Лефевр

[1] *Grama E.* Socialist heritage: the politics of past and place in Romania. Bloomington: Indiana University Press, 2019. P. 91.

[2] *Lefebvre H.* The production of space. Oxford: Blackwell, 1991; *Castells M.* La question urbaine. Paris: Francois Maspero, 1972; *Castells M.* The city and the grassroots. London: Edward Arnold, 1983; *Harvey D.* Social justice and the city. London: Edward Arnold, 1973; *Harvey D.* The urbanisation of capital. Oxford: Blackwell, 1985; *Mollenkopf J. H.* The contested city. Princeton: Princeton University Press, 1983.

инициирует оформление «новой социологии города и урбанизации»[1], в центре внимания которой оказываются капиталистические города, с характерными для них социальным неравенством и социальными конфликтами, интерпретация которых получает новую перспективу[2]. Более того, Ш. Зукин полагает, что на базе именно французской социологии, опирающейся на труды классиков марксизма, оформляется одно из главных направлений современных социологических исследований города и урбанизации[3]. А. Лефевр как яркий представитель французской социологии концентрирует свое внимание на вопросе о том, как пространство связано с процессом общественного воспроизводства. Он также рассматривает повседневные механизмы городской сегрегации, неравенство доступа к преимуществам расширяющейся городской инфраструктуры и другие. Более того, он инициирует анализ не только городов, но процесса урбанизации в целом, поскольку полагает, что общества становятся урбанистическими, и должны изучаться как таковые. Соответственно, А. Лефевр представлен как одна из ключевых фигур в «новой социологии города и урбанизации», с которой связано не только возрождение интереса к данной области исследования, но также и выявление основных тем, получающих свое развитие и сегодня.

Однако в центре внимания данной работы находится понимание города как символического пространства, предложенное А. Лефевром и получившее развитие в работах Р. Сеннета и Й. Терборна. В культурно-исторических концепциях, представленных во второй главе, города предстают как пространства, где сообществами создается, поддерживается и воспроизводится символический порядок, то есть урбанистические сообщества выступают как хранители культуры. Исследователи проводят историко-социологический анализ городов с выделением особенностей каждого из этапов их развития, опираясь на сравнительно-исторический и

[1] *Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 579.

[2] *Fraser B.* Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

[3] *Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 582.

генетический методы. При этом каждый из авторов по-своему расставляет акценты. Если для А. Лефевра современный город – это, в первую очередь, пространственное выражение капитализма, то для Р. Сеннета он представляет собой публичное пространство, где протекает повседневная жизнь человека; в свою очередь, Й. Терборна интересуют, прежде всего, столицы, репрезентирующие политические идеи, которые находят свое отражение в архитектурных решениях. Несмотря на то, что социологи концентрируют внимание на разных сферах общественной жизни, многие выводы, к которым они приходят, довольно схожи.

Для Р. Сеннета особый интерес представляют религиозные и культурные детерминанты урбанистического пространства, он прослеживает его изменения вследствие индустриализации и становления капиталистического общества, а затем и в результате глобализации. Й. Терборн показывает на примере столичных городов, что сегодня наблюдается ослабление политической иконографии и замена ее на новую, глобальную. Тем самым, они оба указывают на глобализацию как тот процесс, который в XXI веке способствует стандартизации и унификации городов, их растворению в западной деловой культуре и привычном для нее архитектурном облике.

Все авторы, чьи концепции рассмотрены в данной главе, также призывают помнить о том, что город представляет собой единство материальной и социальной составляющих, которые взаимно влияют друг на друга. Если первая включает в себя физические объекты (здания, дороги и так далее), то вторая – это социальная жизнь сообществ, которая традиционно находится в центре внимания социологии. Однако Р. Сеннет критикует представителей Чикагской школы за недостаточный интерес к физическим объектам, конструирующим урбанистическое пространство. При этом А. Лефевр, Р. Сеннет и Й. Терборн предлагают помнить о тесной взаимосвязи материальной и социальной составляющих города, поскольку даже

физические объекты могут содержать смысл, который и превращает города в символические образования.

При этом для всех трех авторов, чьи концепции рассмотрены в данной главе, характерна критика современного этапа урбанизации вследствие стандартизации городов и утраты ими своей уникальности, что негативно сказывается как на самих городах, так и на их жителях. Происходящие изменения, которые далеко не всегда осуществляются в интересах горожан, связываются А. Лефевром, Р. Сеннетом и Й. Терборном, прежде всего, с особенностями современного капитализма, в том числе и обусловленными глобализацией. Социологи предлагают местным сообществам активизироваться для того, чтобы изменить вектор развития городов, вернуть себе «право на город», которое включает в себя множество компонентов, в том числе и право на идентичность, а также на разнообразную урбанистическую среду, учитывающую потребности и интересы самых разных социальных групп.

Соответственно, концепции, представленные в данной главе, не только предлагают историко-культурную перспективу рассмотрения городов, но также обозначают проблемы, связанные с неравенством, конфликтами и нестабильностью, характерными для современного урбанистического пространства. Так, А. Лефевр, Р. Сеннет и Й. Терборн указывают на право местных сообществ требовать устойчивого развития городов и активно участвовать в управлении ими, чтобы глобальная урбанизация осуществлялась, прежде всего, в интересах горожан.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. ИНТЕРАКЦИОНИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА[1]

§ 1. Критика техноцентричности урбанизации в концепции Льюиса Мамфорда

Льюис Мамфорд (1895-1990) – американский мыслитель и общественный деятель, заслуги которого признают представители несколько наук. На странице официального сайта Центра Льюиса Мамфорда, основанного в 1988 году и занимающегося междисциплинарными исследованиями, он назван специалистом в области городского планирования, истории, социологии, архитектуры, а также одним из величайших урбанистов XX века[2]. В словарях этот исследователь рассматривается как «социальный критик и писатель, чьи произведения порицают дегуманизирующие технологии и призывают к возвращению гуманитарных и нравственных ценностей»[3], как «один из американских социологов, чьи работы затрагивают проблему взаимоотношений между людьми и окружающей их средой»[4], то есть как весьма разносторонний ученый.

---

[1] Материалы данной главы диссертации нашли отражение в следующих публикациях, выполненных автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Вершинина И. А. Концепция гуманистического планирования городов Яна Гейла // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 1. С. 29-45; Вершинина И. А. Особенности социальных отношений в больших городах // Социология города. 2019. № 3. С. 17-29; Вершинина И. А. “Умные” города: перспективы появления и развития в России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 2. С. 163-175; Вершинина И. А. Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2018.

[2] About Lewis Mumford. Lewis Mumford Center. URL: http://mumford.albany.edu/mumford/About_LewisMumford.htm (accessed: 29.11.2021).

[3] Mumford // Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011.

[4] Mumford // Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition. HarperCollins Publishers, 2014.

Но вне зависимости от того, в какую науку считать более значимым вклад Л. Мамфорда, очевидно, что он многое сделал для развития исследований города и урбанизации, к ряду его произведений апеллируют современные исследователи[1], а потому он, как правило, упоминается в социологических словарях и энциклопедиях[2]. Подход Л. Мамфорда к анализу городов, несомненно, является социологическим, поскольку, по его утверждению, «города возникают из социальных потребностей людей»[3]. Именно так их рассматривает Л. Мамфорд – как музеи, хранящие память о разных этапах в истории человечества.

Многие идеи Л. Мамфорда стали следствием поездки в Великобританию в 1920-е годы, на него серьезное влияние оказала британская социология, которую «характеризовала тесная связь с биологией, образовавшаяся под влиянием теории естественного отбора Ч. Дарвина и эволюционной концепции Г. Спенсера»[4]. Особенно стоит отметить так называемых «проектировщиков городского пространства», среди которых сам исследователь выделяет П. Геддеса и В. Брэнфорда. Тем не менее, очевидно, что на него также произвели неизгладимое впечатление работы Чарльза Бута и Эбенизера Говарда[5], в которых не только описывались социальные проблемы английских городов, но и предлагались пути их решения.

---

[1] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003; *Tilly Ch.* What Good is Urban History? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. № 6; *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017; *Бабюх В. А., Кайсарова Ж. Е.* Понятие «Город» и типологизация городов: проблемы соотношения при определении даты возникновения городских поселений // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 20; *Квят А. Г.* История зарубежных городских коммуникативных исследований // Медиаскоп. 2014. № 4.

[2] Oxford Dictionary of Sociology / ed. by J. Scott and G. Marshall. Third edition revised. Oxford, 2009. P. 496.

[3] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 4.

[4] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления, школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 36.

[5] *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London: 17 vol. London: Macmillan, 1902-1903; *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1902.

Вернувшись из Великобритании в США, исследователь знакомится с американским социологом Торстейном Вебленом. Как и Т. Веблен, Л. Мамфорд критиковал демонстративное потребление, считая, что люди должны приобретать товары «не для того, чтобы покупать, а для того, чтобы жить»[1]. Увеличение числа товаров должно вести к улучшению жизни, а не к демонстративному потреблению.

Еще одной важной фигурой для творческого становления Л. Мамфорда стал американский историк, писатель, журналист и литературный критик Ван Вик Брукс. Они дружили более сорока лет, их отношения смогли выдержать даже конкуренцию, периодически возникавшую между ними. Л. Мамфорд считал, что именно В. В. Брукс был для него эталоном писателя, и на него он ориентировался, создавая свои произведения, в чем открыто признавался в своих письмах к В. В. Бруксу[2].

Таким образом, П. Геддес, В. Брэнфорд, Т. Веблен и В.В. Брукс стали для Л. Мамфорда главными образцами для подражания, пример которых вдохновлял его задаваться вопросами и искать свои собственные ответы на них. Каждый из этих ученых в своей области был оригиналом, не боявшимся нарушать традиции, критиковать предрассудки, выявлять широко распространенные мифы и заблуждения. Все они также были сторонниками междисциплинарных исследований, позволяющих объединять достижения разных наук. Подобный подход к работе был близок Л. Мамфорду, что доказывают его произведения. Хотя сам Л. Мамфорд, ретроспективно анализируя свое творчество, утверждал, что большинство важных тем его произведений «присутствовали в зачаточном состоянии на гораздо более раннем этапе его творчества, чем он предполагал»[3], а общение с П. Геддесом

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 464.

[2] The Van Wyck Brooks – Lewis Mumford Letters: The Record of a Literary friendship, 1921-1963 / ed. by R.E. Spiller. New York: Dutton, 1970. P. 416.

[3] The Letters of Lewis Mumford and Frederick J. Osborn: A Transatlantic Dialogue, 1938-70 / ed. by M. Hughes. New York: Praeger, 1972. P. 485.

и В. Брэнфордом лишь помогло ему более четко сформулировать его собственные идеи.

По словам его биографа Ф. Новака, Л. Мамфорд на протяжении всей своей карьеры позиционировал себя как индивидуалиста и независимого мыслителя[1], но, тем не менее, он никогда не отрицал влияния своих учителей на его творчество. В предисловии к своему первому произведению «История утопий»[2] Л. Мамфорд поблагодарил П. Геддеса, В. Брэнфорда и В.В. Брукса за их идеи, вдохновившие его на написание этой работы.

В творчестве Л. Мамфорда можно выделить несколько волновавших его проблем, начавших звучать еще на раннем этапе творчества исследователя: смысл литературы, искусства и архитектуры; опасность неконтролируемого технологического прогресса; необходимость органического единства культурного наследия человечества и окружающей среды; проблемы и возможности городской жизни. Несмотря на междисциплинарный характер большинства работ Л. Мамфорда, их можно разбить на несколько групп, хотя провести четкие границы между темами его произведений довольно сложно.

В самой известной группе работ рассматривается роль техники и технического прогресса в истории цивилизации. Л. Мамфорд выстраивает историю развития техники как важной составляющей культуры и старается проследить ее влияние на эволюцию общества. Наиболее подробно данная проблема анализируется в «Технике и цивилизации»[3] и в двухтомном «Мифе машины»[4]. Если в первой работе взгляды Л. Мамфорда довольно оптимистичны, он рассматривает человека в качестве силы, способной направить технический прогресс на благо общественного развития, то в более поздней работе он вводит понятие «мегамашины» и предупреждает об

---

[1] *Novak F. G.* The Autobiographical Writings of Lewis Mumford: A Study in Literary Audacity. Honolulu: University of Hawaii Press, 1988. P. 26.

[2] *Mumford L.* The Story of Utopias. New York: Boni and Liveright, 1922.

[3] *Mumford L.* Technics and Civilization. New York: Harcourt, Brace and Co., 1934.

[4] *Mumford L.* The myth of the machine. Vol. I. Technics and Human Development. New York: Harcourt, Brace and World, 1967; Vol. II. The Pentagon of Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

опасности ее существования. Своеобразные итоги по этой теме подводятся в «Будущем техники и цивилизации»[1]. Л. Мамфорд не только делает исторический обзор того, как технологии меняют жизнь людей, но и излагает свои предложения по рациональному использованию открытий и изобретений в качестве средства освобождения человека, а не его порабощения.

У Л. Мамфорда также есть работы, в которых поднимается проблема необходимости возвращения в повседневную жизнь нравственных ценностей, утерянных вследствие распространения дегуманизирующих технологий. К ним можно отнести следующие монографии: «Ценности для выживания: эссе, обращения и письма о политике и образовании»[2], «Поведение в жизни»[3], а также «Искусство и технику»[4], в которой подробно рассматривается вопрос влияния прогресса на искусство, в частности, анализируется процесс формирования массовой культуры вследствие развития техники. Особняком, но все-таки в этом блоке, стоят работы «Люди должны действовать»[5] и «Вера в жизнь»[6], в которых Л. Мамфорд призывает США отказаться от политики соблюдения нейтралитета и вступить во Вторую мировую войну для защиты общечеловеческих ценностей. В работе «Положение человека»[7] Л. Мамфорд пытается, как и Э. Фромм, понять, что значит «быть человеком» и каким должно быть «здоровое общество». Сам Э. Фромм в работе «Здоровое общество» (1955), характеризуя XX век, пишет, что его идеи во многом схожи с мыслями Л. Мамфорда[8]. Поиски ответа на вопрос о природе человека

---

[1] *Mumford L.* The Future of Technics and Civilization. London: Freedom Press, 1986.

[2] *Mumford L.* The Values for Survival: Essays, Addresses, and Letters on Politics and Education. New York: Harcourt, Brace and Co., 1946.

[3] *Mumford L.* The Conduct of Life. New York: Harcourt, Brace and Co., 1951.

[4] *Mumford L.* Art and technics. New York: Columbia University Press, 1952.

[5] *Mumford L.* Men Must Act. New York: Harcourt, Brace and Co., 1939.

[6] *Mumford L.* Faith for Living. New York: Harcourt, Brace and Co., 1940.

[7] *Mumford L.* The Condition of Man. New York: Harcourt, Brace and Co., 1944.

[8] *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 264.

Л. Мамфорд продолжает и в более поздних работах «Во имя разума»[1] и «Трансформации человека»[2].

Бесценными для исследователей творчества Л. Мамфорда являются его автобиографические произведения: «Толкования и предсказания: литературный сборник для автобиографии»[3], «Мои труды и дни: персональная хроника»[4], «Зарисовки с натуры: автобиография Льюиса Мамфорда (ранние годы)»[5]. Отдельно стоить отметить работу 1947 года «Зеленые воспоминания»[6] – это биография его сына Геддеса, погибшего 13 сентября 1944 года в Италии при штурме перевала Джиого (*Passo del Giogo*) между высотами Монтичелли и Монте Алтуццо и погребенного на Американском воинском кладбище во Флоренции.

Из всего множества работ Л. Мамфорда для данного исследования наиболее значимыми представляются те, в которых затрагивается городская проблематика. В них рассматриваются взаимоотношения между людьми и окружающей их средой, процесс урбанизации, а также социальные проблемы городов: «От бревенчатого дома до небоскреба: очерк истории американской архитектуры»[7], «Культура городов»[8], «Развитие города: исследования дезинтеграции и обновления»[9], «Город в истории: его происхождение,

---

[1] *Mumford L.* In the Name of Sanity. New York: Harcourt, Brace and Co., 1954.

[2] *Mumford L.* The Transformations of Man. New York: Harper and Row, 1956.

[3] *Mumford L.* Findings and Keepings: Analects for an Autobiography. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.

[4] *Mumford L.* My Works and Days: A Personal Chronicle. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1979.

[5] *Mumford L.* Sketches from Life: The Autobiography of Lewis Mumford: The Early Years. New York: The Dial Press, 1982.

[6] *Mumford L.* Green Memories: The Story of Geddes Mumford. New York: Harcourt, Brace and Co., 1947.

[7] *Mumford L.* Sticks and Stones: A Study of American Architecture and Civilization. New York: Boni and Liveright, 1924. На русском языке работа была опубликована с таким названием в 1936 году, фамилия автора была указана как Мумфорд: Мумфорд Л. От бревенчатого дома до небоскреба: очерк истории американской архитектуры. М: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936.

[8] *Mumford L.* The Culture of Cities. New York: Harcourt, Brace and Co., 1938.

[9] *Mumford L.* City Development: Studies in Disintegration and Renewal. New York: Harcourt, Brace and Co., 1945.

изменения и перспективы»[1], «Автострада и город»[2], «Урбанистические перспективы»[3].

Труды Л. Мамфорда чрезвычайно важны для современных социологических исследований урбанизации, поскольку город рассматривается им, прежде всего, как «социальное явление»[4], а не экономическое, хотя он не пытается игнорировать экономические причины образования и развития городов, более того, довольно подробно их анализирует. Он указывает на переоценку экономического фактора и недооценку роли культуры в развитии городов, что исследователь и пытается исправить в своей собственной концепции, которая имеет довольно серьезную социологическую основу.

Исследователь полагает, что изучение городов является чрезвычайно важным не только для понимания истории цивилизации, но и для прогнозирования ее будущего. Он называет город точкой максимальной концентрации власти и культуры сообщества, где «актуализируются и решаются все проблемы цивилизации»[5]. При этом исследователь акцентирует свое внимание на интеракциях между людьми, которые способствуют созданию сообществ, в свою очередь, являющихся творцами истории и культуры.

Довольно оригинальной представляется концепция происхождения города, которую предлагает американский исследователь. Л. Мамфорд утверждает, что первые города возникают как «церемониальные места встречи, имевшие сакральное значение»[6], поскольку в них были представлены

---

[1] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. New York: Harcourt, Brace &World, 1961.

[2] *Mumford L.* The Highway and the City. New York: Harvest Book, Harcourt, Brace and World, 1963.

[3] *Mumford L.* The Urban Prospect. New York: Harcourt, Brace and World, 1968.

[4] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 6.

[5] Ibid. P. 3.

[6] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 10, 575.

вечные ценности. Большое значение в ранних городах, по мнению исследователя, имели захоронения умерших, то есть кладбища, которые играли важнейшую роль в древности[1]. Следуя его логике, города возникают вследствие того, что уважение к ушедшим предкам и местам их погребения заставляло людей возвращаться к одним и тем же локациям, которые постепенно становятся сакральными и окружаются инфраструктурой, обеспечивающей возможность их посещения.

При этом исследователь указывает на двойственный характер городов на самых разных этапах их развития: «с самого начала город проявлял амбивалентный характер, который он никогда полностью не утрачивал: он сочетал в себе максимальный уровень защиты с множеством стимулов для агрессии; он предлагал максимально широкую свободу и разнообразие, но в то же время навязывал радикальную систему принуждения и регламентации»[2]. То есть город – это сложное социальное образование, состоящее из множества различных интеракций, имевших большое значение на протяжении всей истории цивилизации. Противоречивость социальной жизни города обусловлена как ее многообразием, так и тем обстоятельством, что это место принятия решений, значимых для всего общества, центр сосредоточения одновременно духовной и светской власти.

Л. Мамфорд демонстрирует большую роль городов на протяжении всей истории человечества, подробно рассматривая эволюцию городов Древнего Египта, Месопотамии, Древней Греции и Римской империи, начиная с VI века до н. э. Тем не менее, для социологического анализа урбанизации гораздо больший интерес представляет период, связанный с формированием промышленных городов, когда происходит кардинальное изменение природы социальных взаимодействий в урбанистическом пространстве. Исследователь критикует промышленные города и противопоставляет их средневековым,

---

[1] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 6-7.

[2] Ibid. P. 46.

которые, с его точки зрения, несмотря на все свои недостатки, характеризуются существованием довольно сплоченных сообществ. Для понимания ключевых социальных проблем современной урбанизации необходимо более подробно рассмотреть то, как Л. Мамфорд характеризует средневековые города и рассматривает процесс их трансформации.

Необходимо отметить, что одной из особенностей средневековых городов исследователь называет центральную позицию церкви или кафедрального собора, что указывает на высокую роль религии. Контраст между размерами культовых сооружений и домов обычных горожан подчеркивает пропасть «между сакральным и мирским»[1], которые противопоставляются друг другу. В этом позиция Л. Мамфорда близка тому, что можно увидеть в работах Р. Сеннета, для которого средневековые города также во многом представляют собой результат господства религиозного мировоззрения[2]. Но Л. Мамфорд указывает на еще одну важную для его концепции характеристику средневековых городов: организация их пространства неизбежно предполагает коммуникацию между их жителями.

В частности, этому способствует соседство храма и торговой площади, то есть двух самых посещаемых мест в средневековых городах. По мнению Л. Мамфорда, главной функцией улиц ранних средневековых городов следует считать именно коммуникативную, которая для них намного важнее, чем транспортная, что подтверждается их небольшой шириной и наличием многочисленных тупиков: «Улица была местом коммуникации для пешеходов, а ее значение для нужд колесного транспорта было вторичным»[3]. Таким образом, пространство средневековых городов – это, в первую очередь, место коммуникации его жителей, которые встречаются не только в церкви и на рынке, но также и на улицах.

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 54-55.

[2] *Сеннет Р.* Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа // Логос. 2002. № 3 (34).

[3] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 308.

Необходимость защиты жителей во время постоянных войн, характерных для Средних веков, служит препятствием для расширения за пределы крепостных стен. Как следствие, максимально используется пространство внутри них, что создает условия для взаимодействия всех социальных слоев, то есть предпосылки для формирования сплоченного городского сообщества. Как отмечает британский социолог Дж. Урри, в то время «в разряд пешеходов входили все классы общества, и только представители элиты порой использовали других пешеходов, чтобы они переносили их через эти покрытые грязью, булыжником и нечистотами улицы»[1]. То есть именно передвижение пешком во многом способствует тому, что город функционирует как пространство коммуникации и интеграции. В свою очередь, приоритет коммуникативной функции ранних средневековых городов перед другими ведет к минимизации в них пространственной сегрегации и эксклюзии, что и превращает их в своеобразный эталон для Л. Мамфорда, явно идеализирующего данный период в истории городов.

Между XV и XVIII веками городская жизнь претерпевает серьезные изменения вследствие формирования национальных государств, в которых происходит возвышение столиц. Специфика организации их пространства и его символического значение подробно анализируется Й. Терборном[2], высоко оценившим вклад Л. Мамфорда в изучение эволюции городов. В частности, американский исследователь отмечает, что до XVII века процесс формирования национальных государств идет довольно медленно, однако постепенное становление «централизованного деспотизма»[3] приводит к тому, что в центре города оказывается не церковь, а дворец, то есть меняется главная доминанта урбанистического пространства.

---

[1] *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. С. 163.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017.

[3] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 75.

Параллельно начинает развиваться капитализм, чье стремление к концентрации денег и власти концептуально меняет требования к пространственной организации. «Проспект становится самым важным символом города»[1], поскольку обеспечивает непрерывное движение транспорта и товаров. Так, общую геометрию пространства начинает определять движение транспортных средств, получивших широкое распространение в городах в XVI веке и стимулировавших развитие капитализма. Однако эти изменения сопровождаются снижением эффективности коммуникативных функций городского пространства, призванного на новом этапе обеспечить скорость передвижения для получения экономической выгоды. Кроме того, создаются условия для усиления сегрегации, поскольку начинается сокращение числа тех пространств, которые совместно используются всеми городскими жителями.

Л. Мамфорд указывает, что в средневековых городах представители разных социальных слоев постоянно взаимодействуют между собой, однако новые приоритеты городского планирования кардинально меняют ситуацию: «В средневековом городе высшие и низшие классы толкались вместе на улице, на рыночной площади так же, как они это делали в соборе: богатые могли ездить верхом на лошади, но они были вынуждены ждать бедняка с его вещами или слепого нищего, нащупывавшего палкой свой путь, пока те не освободят дорогу. Теперь, с появлением широких проспектов, разобщенность верхних и низших классов становится следствием того, как устроен сам город. Богатые ездят верхом, бедные ходят пешком»[2]. Лошадь и экипаж превращаются в признаки экономического и социального успеха, которые лишают представителей разных социальных слоев большинства точек их соприкосновения, тем самым создавая условия для пространственной сегрегации и подчеркивая социальное неравенство.

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 94.

[2] Ibid. P. 97.

Параллельно начинается постепенное отделение жилища от рабочего места, что требует дополнительных перемещений. Как отмечает Л. Мамфорд, «функции производства, продажи и потребления были теперь разделены на три разных учреждения, три разных типа зданий, три разные части города»[1], которые зачастую расположены довольно далеко друг от друга. Однако на первых порах перемещения между домом и работой не являются тяжким бременем и превращаются в таковое лишь к XIX веку по мере увеличения тех расстояний, которые приходится преодолевать в связи с ростом городов вследствие их превращения в крупные промышленные центры. Так, пространство постепенно дифференцируется, причем этот процесс идет как в городе, где появляются деловые, жилые и другие районы, так и внутри отдельных зданий, в которых выделяются комнаты различного функционального предназначения: гостиные, салоны, кабинеты и так далее.

Необходимо также отметить, что ранние промышленные города, как правило, значительно уступают сельской местности по комфортности проживания. Основными составляющими городов становятся «заводы, железные дороги и трущобы»[2]. Причем трущобы ранних индустриальных городов характеризуются невыносимыми условиями жизни, которые человечество не видело прежде на протяжении всей своей истории.

Города, в которых интересы капитала ставятся выше потребностей людей, становятся пространствами неравенства и социальной несправедливости, что находит свое отражение в трудах классиков социологии, из которых наиболее подробно на этом вопросе останавливается Ф. Энгельс. Немецкий социолог в работе «Положение рабочего класса в Англии» указывает на то, что характерные черты ранних индустриальных городов – это «варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной

---

[1] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 383.

[2] Ibid. P. 458.

стороны, и неописуемая нищета – с другой»[1]. Более того, Л. Мамфорд указывает на ухудшение условий жизни на протяжении всего XIX столетия, подтверждая этот тезис данными об уровне детской смертности в Нью-Йорке, которая составляла 120-145 случаев на тысячу в 1810 году, 180 на тысячу – в 1850 году, 220 на тысячу – в 1860 году и 240 на тысячу – в 1870 году[2], то есть демонстрировала неуклонный рост.

Одной из главных причин ухудшения демографических показателей следует считать антисанитарию, которая способствует быстрому распространению болезней на фоне растущей плотности населения. Например, в одном из районов Манчестера в 1843-1844 годах на каждые 212 жителей приходится лишь один туалет[3]. Кроме отсутствия водопровода и канализации, в ранних промышленных городах ощущается нехватка воздуха и света, так как большинство жилищ в бедных районах являются темными и сырыми. Причем эта мрачная картина характерна для городов XIX века по обе стороны Атлантического океана – как для европейских, так и американских.

Соответственно, индустриализация и сопровождающая ее урбанизация ведут к ухудшению условий жизни значительного числа жителей городов, то есть развитие техники, приведшее к промышленной революции, не способствует улучшению качества жизни горожан. Это подтверждает тезис Л. Мамфорда о том, что условия жизни в доиндустриальном городе значительно лучше тех, которые становятся привычными для большого числа горожан, начиная с XIX столетия, поскольку капитализм «превращает каждую часть города в товар»[4] и лишает бедные слои населения возможности оплачивать нормальное жилье, стоимость которого растет.

---

[1] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М., 1955. Т. 2. С. 264.

[2] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 171.

[3] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 462.

[4] Ibid. P. 446.

Более того, промышленная революция создает условия при миграции людей в города, что ведет к хронической нехватке жилых помещений для низкооплачиваемых работников. Как следствие, качество жилья падает и уже к середине XIX века не соответствует даже минимальным стандартам, обеспечивающим сохранение здоровья. Бедность, недостаточное питание и ужасное состояние жилищных условий способствуют распространению различных болезней, которые выходят за пределы рабочих кварталов, распространяемые прачками, молочниками и другими. В частности, есть исследования, которые свидетельствуют о том, что именно становление промышленного общества, сопровождавшееся урбанизацией, является главной причиной значительного увеличения случаев заболевания туберкулезом[1]. Как следствие, высшие классы осознают необходимость заботы о жилье для бедных, что, по мнению Л. Мамфорда, связано с соображениями «исключительно самозащиты»[2], то есть заботы о собственном здоровье и безопасности. Главной целью разрабатываемых жилищных программ становится улучшение санитарно-гигиенической ситуации для сокращения числа переносчиков болезней, не щадивших никого, вне зависимости от происхождения и уровня доходов.

По мнению Л. Мамфорда, стремление минимизировать риски эпидемий становится причиной создания минимально приемлемых условий для жизни, что благотворно сказывается на состоянии здоровья жителей рабочих районов, но формирует новую городскую культуру, основанную на принципе «минимума жизни»[3]. Ее характерной чертой становится готовность мириться с ограничениями самого разного рода, горожане привыкают к минимуму пространства, минимуму чистоты, минимуму отдыха, то есть постепенно смиряются с некомфортными для них условиями.

---

[1] *Dubos R. J., Dubos J.* The White Plague: Tuberculosis, Man and Society. Boston: Little, Brown and Company, 1952.

[2] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 176.

[3] Ibid. P. 179.

Реализация «принципа минимума жизни» кардинально меняет облик городов, нуждающихся в строительстве жилья для рабочих. Промышленные города требуют новых подходов к городскому планированию, которые позволяют расселить большое количество людей на минимальной территории. По словам Л. Мамфорда, оптимальной моделью для индустриальных поселений становятся «идентичные по размеру прямоугольные блоки, разделенные улицами и аллеями стандартной ширины»[1], которые лучше всего соответствуют потребностям огромной «машины», в которую превращаются города.

Необходимо отметить, что подобная схема городского планирования появляется задолго до промышленной революции, но именно благодаря ей получает широкое распространение, поскольку позволяет быстро расширять город в любом направлении, присоединяя новые прямоугольные части равного размера, разделенные улицами. Это так называемая «гипподамова система»[2] городского планирования, появившаяся, по мнению Л. Мамфорда, в Древней Греции в V веке до н. э. и названная в честь архитектора Гипподама из Милета. Между тем Р. Сеннет указывает на то, что подобная планировка имеет более раннее происхождение, поскольку характерна не только для античных, но и для «самых древних городов – шумерских»[3]. Тем самым он отмечает неточности в изложении Л. Мамфордом исторических фактов.

Однако Р. Сеннет полностью согласен с Л. Мамфордом по поводу причин популярности подобного типа планирования в американских городах: «Идеальная идентичность участков, возникших при планировании Нью-Йорка, позволяла использовать их как денежные знаки, ведь их стоимость была одинаковой»[4]. Соответственно, данный тип городской застройки,

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 183.

[2] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 172-173, 191.

[3] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W. W. Norton Company, 1994. P. 106.

[4] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 442.

возникнув за несколько тысяч лет до промышленной революции, становится востребованным для удовлетворения ее нужд.

Чаще всего гипподамову систему используются при проектировании американских городов, но она имеет место и в европейских, например, в Берлине и Штутгарте. Необходимо отметить, что Л. Мамфорд отказывается называть равные прямоугольные части города кварталами, настаивая на том, что новой единицей городского планирования становятся безличные «блоки»[1]. Исследователь характеризует города, построенные по гипподамовой схеме, следующим образом: «Внешняя закономерность; внутреннее разрушение»[2]. Тем самым он подчеркивает, что город, спланированный подобным образом, максимально утилитарен, но опасен для человека, поскольку не только ограничивает его потребности минимумом пространства, а также не создает условий для коммуникации между жителями.

Более того, подобный город не предлагает разнообразия, поскольку все блоки (промышленные, деловые, административные и жилые) на плане выглядят одинаково и не предусматривают какой-либо функциональной дифференциации. Вследствие этого ни одна часть города не планируется для выполнения каких-либо специфических функций, хотя нужды промышленных и жилых районов значительно отличаются друг от друга. Таким образом, в основе городского планирования оказываются интересы не жителей, а инвесторов, так как застройка становится весьма прибыльным делом. Более того, интенсивное расширение границ посредством присоединения с разных сторон новых блоков препятствует сбалансированному развитию, поскольку отсутствует единый план, то есть представление о том, каким в итоге окажется город.

Результат подобного городского развития Л. Мамфорд вслед за П. Геддесом характеризует как «конурбацию (*conurbation*), не имеющую

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 183.

[2] Ibid. P. 185.

центра»[1]. Кроме того, подобный проект, как правило, совершенно не учитывает необходимости общественных пространств, которые получают распространение лишь в XX веке. В XIX столетии их функции выполняют «мощеные участки, предназначенные, в первую очередь, для колесного транспорта»[2], которые становятся также парками, набережными и детскими площадками, но коммуникативные функции городского пространства выполняют уже не столь эффективно, как прежде. Общественные пространства не приносят большой прибыли, а потому не вызывают большого интереса у инвесторов, их создание, как правило, является заслугой городских властей.

Символами промышленных городов в конце XIX века становятся различные примеры «триумфа инженерной мысли»[3] наподобие Эйфелевой башни. Они, по мнению Л. Мамфорда, подчеркивают торжество техники и одновременно указывают на тот дискомфорт, который начинают чувствовать люди, чьи интересы и потребности зачастую игнорируются. Неестественная среда обитания способствует росту психологической напряженности, расцвету суеверий и прочих иррациональных идей. Большие города «заболевают»[4], поскольку их жители пребывают в состоянии, граничащем с патологическим, зачастую становятся жертвами страхов и навязчивых идей. Кроме того, анонимность большого города и его обезличенность, ставшие результатами нарушения эффективности коммуникативных функций, способствует совершению социально неодобряемых действий, социальный контроль слабеет, а количество девиаций растет.

Л. Мамфорд полагает, что метрополисы приобретают «негативную жизненную силу (*negative vitality*)»[5] и становятся асоциальными, то есть

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 191.

[2] Ibid. P. 186.

[3] Ibid. P. 209.

[4] Ibid. P. 258.

[5] Ibid. P. 271.

чуждыми потребностям людей. Это рассматривается им во многом как следствие планирования городов без учета необходимости постоянных интеракций между жителями, формирующих сообщество. Спасение от этих проблем Л. Мамфорд видит в восстановлении коммуникативных функций города через реализацию концепции «города-сада» Э. Говарда, которую он сопоставляет по ее значению для человечества с изобретением самолета[1].

Согласно Э. Говарду, человеку необходимо возвращение в более привычную для него среду обитания, что обеспечивается созданием «городов-садов», т. е. децентрализацией[2]. Таким образом, британский исследователь предлагает остановить неконтролируемый рост городов и вернуться к сбалансированному развитию, которое может способствовать воссозданию городского сообщества, растворившегося в анонимных и безликих индустриальных метрополисах. Заслуживает внимания тот факт, что, по мнению Л. Мамфорда[3], Э. Говард разработал концепцию «города-сада» под влиянием идей П.А. Кропоткина, который, в частности, призывал к децентрализации промышленности. Следует отметить, что многие работы П.А. Кропоткина[4] получили довольно высокую оценку в Европе, а потому были широко известны в научных кругах.

При этом американский исследователь указывает, что образование пригородов позволяет реализовать концепцию «города-сада» лишь частично, поскольку субурбанизация не останавливает неконтролируемый рост урбанизированных территорий, а наоборот, его провоцирует. Пригороды оцениваются Л. Мамфордом весьма неоднозначно: с одной стороны, они

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 398.

[2] *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1902.

[3] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 515.

[4] *Kropotkin P.* Fields, Factories, and Workshops. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1898. На русском языке была издана позднее: *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские (земледелие, промышленность и ремесла). М.: Москва, 1908. В предисловии к изданию 2014 года указано, что первоначально работа была опубликована в виде ряда статей в 1888 – 1890 годы (*Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. III).

позволяют жить в условиях, которые значительно лучше «минимума жизни», предлагаемого индустриальными городами, однако, с другой стороны, массовое производство формирует новый тип сообщества в пригородных районах, которое является лишь карикатурой на «города-сады»[1]. Стирание границ между городом и его окрестностями ведет скорее к утрате формы и осложняет понимание происходящих процессов. Более того, пригороды разрушают сообщество, усиливая сегрегацию, поскольку позволяют части горожан дистанцироваться от города с его социальными проблемами.

Л. Мамфорд наблюдает формирование огромных мегалополисов, которые, с его точки зрения, «поражены раковой опухолью»[2], а потому приближаются к своему концу. Исследователь предупреждает, что человеческой личности угрожает утрата ценностей и возможности выбора: «Мир больших городов – это мир, где плоть и кровь менее реальны, чем бумага, чернила и кинопленка. Это мир, где большие массы людей не в состоянии больше полноценно существовать, а потому принимают жизнь опосредовано, в качестве читателей, зрителей, слушателей, то есть пассивных наблюдателей. Живя таким образом год за годом, вдали от природы, которая находится вне их, и так же далеко от своей внутренней природы, не удивительно, что они передают все больше и больше жизненных функций, даже мыслительных, машинам, которых сами изобретатели и создали. В этой беспорядочной среде только машины сохраняют некоторые атрибуты жизни, в то время как человеческие существа постепенно сводятся к набору рефлексов, без импульсов к совершению самостоятельных действий или автономных целей; это “бихевиористский человек”»[3]. Необходимо отметить, что картина, описанная американским исследователем, становится все более

---

[1] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 486.

[2] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 275.

[3] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 547-548.

реальной по мере развития техники и технологий, когда решения, действительно, все чаще принимают машины.

Социологи сегодня все чаще предупреждают о новых рисках, связанных с распространением искусственного интеллекта[1], во многом соглашаясь с Л. Мамфордом, прогноз которого можно считать довольно точным. Его пессимизм относительно дальнейших перспектив западной цивилизации связан с тем, что она так и не смогла стать «биотехнологической»[2], то есть учесть потребности человека и необходимость сохранения природы в условиях развития техники и технологий.

Многие города подчас лишены травы и деревьев и представляют собой не что иное, как «глубокие раны из камня и металла»[3]. Результатом индустриализации становится распространение паровых двигателей, заводов и железных дорог, которые способствуют «обнищанию окружающей среды»[4], что становится очевидным далеко не сразу. На протяжении нескольких веков люди не заботятся о природе, а лишь используют ее в своих интересах. Результатом становится ухудшение состояния здоровья жителей городов, причем как физического, так и психологического.

По мнению Л. Мамфорда, многие проблемы современности связаны с недооценкой значения для человека окружающей среды параллельно с переоценкой возможностей техники[5]. Возможное возрождение современных городов Л. Мамфорд связывает с реализацией идей Э. Говарда, которые предполагают не только внимание к экологическим проблемам, но и позволяют создать условия для интенсивных социальных взаимодействий.

---

[1] *Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е.* Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171-192.

[2] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 477.

[3] *Mumford L.* Sticks and Stones: A Study of American Architecture and Civilization. New York: W.W. Norton and company, Inc., 1924. P. 203.

[4] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 183.

[5] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 544.

Концепция «города-сада» получает новое прочтение, например, благодаря американскому архитектору Ф.Л. Райту, чьи усилия по возвращению жизни в города высоко оценивает Л. Мамфорд[1]. Органическая архитектура Ф.Л. Райта противопоставляется им проектам Ле Корбюзье[2], которые американсий исследователь считает малопригодными для полноценной жизни, настаивая на том, что хорошее жилье не может быть дешевым, а строительство домов, где «психологическая гармония семейной жизни приносится в жертву экономии пространства»[3], ошибочно и лишь усугубляет кризисное состояние городов. Исследователь убежден в том, что город – это «социальное образование»[4], где городское планирование должно быть подчинено социальным нуждам.

Именно «город-сад», по мнению Л. Мамфорда, является той моделью, которая позволяет использовать все возможности современной цивилизации для процветания сообщества (*community*), а как следствие, и общества в целом. Главная заслуга Э. Говарда, как указывает исследователь, заключается в том, что он, «не будучи биологом, как П. Геддес, разработал органическую концепцию, и привнес в город основные биологические критерии экологического равновесия и баланса: баланса в отношениях между городом и деревней, а также между различными функциями города»[5]. В отличие от тех, кто бежал в пригороды, он, прирожденный лондонец, видел все преимущества городов, которые могут помочь им возродиться, как это уже неоднократно происходило в истории человечества.

Подводя итоги, следует отметить, что концепция Л. Мамфорда является социологической по своей сути, поскольку города рассматриваются им как социальные образования, одной из главных функций которых является коммуникативная. Эвристическая ценность данной концепции заключается в

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 394, 408-409.

[2] Ibid. P. 409-414.

[3] Ibid. P. 469.

[4] Ibid. P. 482.

[5] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 516.

том, что автор обращается к изучению рисков, возникающих вследствие технического прогресса и стремительного роста городов. Эти идеи впоследствии получают свое осмысление в произведениях современных социологов, например, А. Лефевра[1], поскольку Л. Мамфорд актуализирует важнейшую для социологии тему – качества жизни и факторов, оказывающих на него влияние, хотя и рассматривает ее на примере лишь больших городов.

Одной из центральных для исследователя является проблема здоровья[2], в чем явно прослеживается влияние на него таких британских социологов, как В. Брэнфорд, П. Геддес и Э. Говард. Важным вкладом Л. Мамфорда в современную социологию становится то, что кроме здоровья физического, он одним из первых обращает внимание на проблему психического здоровья жителей больших городов, актуальность которой подтверждается и современными исследованиями[3].

Не менее интересны для современной социологии и наблюдения Л. Мамфорда, связанные с ростом роли техники и значения технологий для современных городов. Исследователь указывает на то, что достижения науки далеко не всегда способствуют улучшению жизни людей, примером чего называет атомные бомбы[4], унесшие миллионы человеческих жизней. Однако он не призывает к тому, чтобы остановить развитие науки, а лишь указывает на то, что технический прогресс должен включать в себя гуманитарную составляющую, то есть осуществляться в интересах людей. Данные идеи американского ученого приобретает все большую актуальность в наши дни, когда техника все больше проникает в повседневную жизнь, в том числе меняя города, а социальные последствия данного процесса требуют детального

---

[1] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 91-94.

[2] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 136-142, 187, 217, 230-237 etc.

[3] *Осипова Н. Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 125-128.

[4] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 557, 572.

изучения. Проницательность американского исследователя относительно социальных последствий технического прогресса делает его концепцию значимой не только для мировой, но и для отечественной социологии. При этом практическая ценность концепции Л. Мамфорда столь же широка, как и круг идей, которые он рассматривает.

Несмотря на то, что Л. Мамфорд затрагивает множество вопросов, актуальных для современной науки, его концепция содержит и ряд оснований для критики. Подробно останавливаясь на проблеме здоровья жителей больших городов, исследователь, тем не менее, серьезно недооценивает экологические риски урбанизации. Он и сам позднее это признает в предисловии к «Культуре городов», переизданной в 1970 году: он сожалеет о том, что уделил недостаточно внимания экологическим проблемам, и указывает на то, что его ранние описания загрязнения окружающей среды со временем приобрели большую значимость, чем он мог предположить[1]. Данная проблематика, несомненно, получила бы более широкое освещение даже в ранних работах Л. Мамфорда, если бы он уделил больше внимания идеям своих соотечественников – представителей Чикагской школы социологии.

Шведский социолог Й. Терборн указывает на то, что Л. Мамфорд недооценивает политический фактор в развитии городов[2], рассматривая его преимущественно по отношению к доиндустриальным городам и считая, что позднее более значимыми становятся экономика и технический прогресс. Тем не менее, американский социолог Ч. Тилли, критикуя Л. Мамфорда за то, что тот преувеличивает влияние экономических и политических факторов на городское планирование, называет его одним из «великих историков урбанистики»[3], оказавшим серьезное влияние на современных

---

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. XI.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London: Verso, 2017. P. 7.

[3] *Tilly Ch*. What Good is Urban History? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. № 6. P. 705, 709.

исследователей. Очевидно, что идеи Л. Мамфорда следует рассматривать как значимую теоретическую основу концепций А. Лефевра и Й. Терборна, которые, тем не менее, акцентировали свое внимание не столько на коммуникативных функциях города, сколько на символическом понимании пространства.

Необходимо также отметить, что критика Л. Мамфордом техноцентризма сегодня получает свое продолжение при оценке социальных последствий реализации проектов умных городов[1]. В частности, опасения вызывают вопросы, связанные с кибербезопасностью, поскольку жители умных городов делятся с информационными системами большими массивами персональных данных. Более того, многие технологии умного города собирают данные без согласия пользователей и даже не ставят их в известность об этом, хотя нельзя исключать того, что эти данные могут быть монетизированы или использованы против их обладателя. Однако этика цифрового мира пока только начинает формироваться[2], поэтому вопрос о социальных последствиях технического прогресса, поставленный Л. Мамфордом, вновь актуален, хотя и обретает новую форму.

[1] *Cardullo P, Kitchin R.* Smart urbanism and smart citizenship: The neoliberal logic of ‘citizen-focused’ smart cities in Europe // Environment and Planning C: Politics and Space. 2019. Vol. 37. № 5. P. 813-830; *Kitchin R.* The ethics of smart cities and urban science // Philosophical Transactions of the Royal Society A. 2016. Vol. 374. № 2083. P. 1-15.

[2] *Amoore L.* Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others. Durham: Duke University Press, 2020.

§ 2. Концепция соседства в больших городах Джейн Джекобс

Джейн Джекобс (1916-2006), урожденная Бутцнер (*Butzner)*, – американская активистка, многое сделавшая для понимания механизмов функционирования городского сообщества. При этом соседство в больших городах оказалось в центре ее внимания далеко не сразу. Она родилась в маленьком шахтерском городке Скрэнтон (*Scranton*), штат Пенсильвания, в семье врача. В 1934 году Дж. Джекобс приехала в Нью-Йорк[1], который еще ощущал последствия Великой депрессии, имевшей колоссальное значение для американской культуры и американских городов. Дж. Джекобс сменила несколько мест работы, а одним из источников ее доходов было написание статей о районах Нью-Йорка. Подработка превратилась в профессиональную деятельность, когда в 1952 году она заняла должность помощника редактора архитектурного журнала, что позволило ей уделять больше времени изучению городского планирования и предложениям по обновлению городов.

Постепенно Дж. Джекобс становится все более критично настроенной по отношению к традиционной теории и практике градостроительства, отметив, что многие из проектов на первое место ставят интересы не жителей города, а инвесторов, городских властей и крупных собственников недвижимости. Она активно выступала против реализации проектов, которые, по ее мнению, противоречили интересам горожан. В частности, протестовала против решения главного архитектора Нью-Йорка Р. Мозеса построить в городе здания, вдохновленные идеями башен Ле Корбюзье. Современный американский урбанист Э. Глейзер считает, что время доказало ее правоту: «Он потратил миллионы и выселил десятки тысяч, чтобы создать здания, которые стали центрами преступности, нищеты и отчаяния»[2].

---

[1] *Martin D.* Jane Jacobs, Urban Activist, Is Dead at 89 // The New York Times. April 25, 2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/04/25/books/jane-jacobs-urban-activist-is-dead-at-89.html (accessed: 30.11.2021).

[2] *Glaeser E.* Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. New York: Penguin Press, 2011.

В 1968 году Дж. Джекобс переехала вместе со своей семьей в Канаду (Торонто), где продолжила активно отстаивать свою позицию. Уже в 1960-1970-е годы она усомнилась в том, что строительство скоростных магистралей соответствует интересам жителей города. Исследовательница рассматривала транспортные артерии, окруженные необходимой им инфраструктурой (парковки, заправки и так далее), как главную угрозу для городских сообществ, способную их разрушить[1]. Позднее датский архитектор Я. Гейл полностью поддержал ее идеи и начал пропагандировать необходимость строительства городов для людей, а не для машин[2]. Идеи американской исследовательницы намного опередили свое время, поскольку она выступала против строительства автомобильных магистралей в то время, когда это было одним из приоритетных направлений городского развития. Сегодня, наоборот, в разных городах мира расширяют тротуары и делают пешеходные зоны.

Основным направлением творчества Дж. Джекобс было изучение городов и возможностей местных сообществ в защите своих интересов. Это отражают и названия ее книг: «Смерть и жизнь больших американских городов»[3], «Экономика городов»[4], «Вопрос сепаратизма: Квебек и борьба за независимость»[5], «Города и благосостояние наций: принципы экономической жизни»[6], «Системы выживания: диалог о моральных основаниях торговли и

---

[1] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 338.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.

[3] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961; *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. Известный отечественный урбанист В. Л. Глазычев утверждает, что на русский язык название переведено неверно, так как речь идет о *великих* городах, а не о *больших*. (См.: *Глазычев В. Л.* Предисловие переводчика // Джекобс Дж. Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 5.).

[4] *Jacobs J.* The Economy of Cities. New York: Random House, 1969; *Джекобс Дж*. Экономика городов. Новосибирск: Культурное наследие, 2008.

[5] *Jacobs J.* The Question of Separatism: Quebec and the Struggle over Sovereignty. Montreal: Baraka Books, 1980.

[6] *Jacobs J.* Cities and the Wealth of Nations: Principles of Economic Life. New York: Random House, 1984; *Джекобс Дж*. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. Новосибирск: Культурное наследие, 2009.

политики»[1], «Природа экономик»[2], «Нас ждут смутные времена»[3]. К столетию со дня рождения городской активистки были изданы два сборника ее статей, интервью и выступлений «Маленькие жизненные планы: короткие работы Джейн Джекобс»[4] и «Джейн Джекобс: последнее интервью и другие беседы»[5].

Основная работа Дж. Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов» была опубликована в 1961 году и представляет собой результаты исследования, выполненного при поддержке Фонда Рокфеллеров[6]. Дж. Джекобс получила грант благодаря статье «Центр города – для людей»[7], опубликованной в журнале «*Fortune»*. Исследовательница предложила бросить вызов системе городского планирования того времени[8] и пересмотреть представления о том, какими должны быть города.

Одним из тех, кто рекомендовал Фонду поддержать Дж. Джекобс, был Л. Мамфорд[9]. Фонд как раз и искал «других Льюисов Мамфордов»[10], независимых, смелых и способных на критику, а идеи Дж. Джекобс соответствовали этим требованиям. Необходимо отметить, что в 2007 году Фонд Рокфеллера учредил Международную медаль имени Джейн Джекобс[11]

---

[1] *Jacobs J.* Systems of Survival: A Dialogue on the Moral Foundations of Commerce and Politics. New York: Random House, 1992.

[2] *Jacobs J.* The Nature of Economies. New York: Random House, 2000.

[3] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004; *Джекобс Дж.* Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Издательство «Европа», 2006.

[4] Vital Little Plans: The Short Works of Jane Jacobs / ed. by S. Zipp and N. Storring. New York: Random House, 2016.

[5] Jane Jacobs: The Last Interview: and Other Conversations. New York: Melville House, 2016.

[6] *Taylor K.* The Jane Jacobs Medal Created by Rockefeller // The New York Sun. Feb. 9, 2007. URL: http://www.nysun.com/arts/jane-jacobs-medal-created-by-rockefeller/48375/ (accessed: 30.11.2021).

[7] *Jacobs J.* Downtown is for people // Fortune. 1958. № 57 (April). P. 133–139.

[8] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 3.

[9] *Taylor K.* The Jane Jacobs Medal Created by Rockefeller // The New York Sun. Feb. 9, 2007. URL: http://www.nysun.com/arts/jane-jacobs-medal-created-by-rockefeller/48375/ (accessed: 30.11.2021).

[10] *Laurence P. L.* The Death and Life of Urban Design: Jane Jacobs, The Rockefeller Foundation and the New Research in Urbanism, 1955–1965 // Journal of Urban Design. 2006. Vol. 11. № 2 (June). P. 163.

[11] *Taylor K.* The Jane Jacobs Medal Created by Rockefeller // The New York Sun. Feb. 9, 2007. URL: http://www.nysun.com/arts/jane-jacobs-medal-created-by-rockefeller/48375/ (accessed: 30.11.2021).

за вклад в изучение городов и длительную работу в этой области, а также для поддержки молодых исследователей, что еще раз подчеркивает актуальность ее идей в настоящее время.

Взгляды американской исследовательницы сформировались под влиянием идей представителей британской социологии Э. Говарда[1] и П. Геддеса[2], а также популяризировавшего их в США Л. Мамфорда[3]. Они выступали за строительство городов-садов, считая большие города разрушительными для человека. Дж. Джекобс относилась к данным утверждениям скептически, полагая, что основополагающими являются не размеры города, а организация в нем социальных взаимодействий. Она критиковала П. Геддеса и Л. Мамфорда[4], считая, что они не учитывали всю сложность и многоликость городской жизни и пытались ее упростить самым очевидным способом – уменьшив размеры населенных пунктов, тем самым недооценивая потенциал больших городов и переоценивая положительные социальные последствия децентрализации.

Идеи самой американской исследовательницы во многом являются результатом ее дискуссии с Л. Мамфордом, с которым ее объединяет формирование нового представления о городе, в основе которого должны быть интересы местного сообщества. Они оба хотели, чтобы американские города стали лучше, хотя и предлагали разные проекты их реконструкции. Л. Мамфорду были близки идеи Э. Говарда о децентрализации, Дж. Джекобс же считала их неприменимыми для крупных агломераций, продолжающих увеличиваться в своих размерах.

Слабость позиции Э. Говарда и Л. Мамфорда, с точки зрения исследовательницы, заключается в том, что мегаполисы рассматриваются

---

[1] *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1902.

[2] *Geddes P.* Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. London: Williams & Norgate, 1915.

[3] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. New York: Harcourt, Brace &World, 1961.

[4] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 19-21.

обоими авторами как абсолютное зло, они не пытаются выявить факторы, способствующие повышению качества жизни людей, их населяющих. Тем самым они отказывают большим городам в возможности обеспечения комфорта своим жителям уже из-за их размеров и рассматривают как приемлемый вариант поселения только небольшие населенные пункты.

В свою очередь, предложения Дж. Джекобс относительно преобразования городского пространства становятся объектом критики со стороны Л. Мамфорда. Он пишет язвительную рецензию на «Смерть и жизнь больших американских городов» с соответствующим названием – «Домашние рецепты мамы Джекобс»[1], тем самым указывая на слабую теоретическую проработку ряда ее положений. Л. Мамфорд обвиняет исследовательницу в том, что она отказывается принимать любые нововведения в городском планировании, чем практически ничем не отличается от тех, кого критикует[2]. Только одни зачищают городские районы от их обитателей, а Дж. Джекобс набрасывается на все проекты, разрушающие привычный для нее уклад жизни.

Большое влияние на Дж. Джекобс также оказало творчество архитектора Ле Корбюзье, проекты которого оцениваются ею неоднозначно[3]. С одной стороны, она критикует его идею многоэтажного строительства, считая, что оно препятствует формированию сплоченного сообщества, но, с другой стороны, архитектор не отрицает возможности комфортного существования в большом городе, то есть отстаивает тезисы, схожие с теми, подтверждение которым ищет американская исследовательница.

---

[1] *Mumford L.* The Sky Line: Mother Jacobs' Home Remedies // New Yorker. December 1, 1962. URL: https://www.newyorker.com/magazine/1962/12/01/the-sky-line-mother-jacobs-home-remedies (accessed: 29.11.2021). Впоследствии статья публикуется повторно под другим названием – «Домашние рецепты для городских проблем»: *Mumford L.* Home Remedies for Urban Cancer // *Mumford L.* The Urban Prospect. 1968**;** *Mumford L.* Home Remedies for Urban Cancer // The Lewis Mumford Reader. 1986**.**

[2] *Mumford L.* The Sky Line: Mother Jacobs' Home Remedies // New Yorker**.** December 1, 1962. P. 148. URL: https://www.newyorker.com/magazine/1962/12/01/the-sky-line-mother-jacobs-home-remedies (accessed: 29.11.2021).

[3] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 17-24.

Высказывается мнение, что на творчество Дж. Джекобс также повлияли такие авторы, как К. Маркс, Ф. Бродель, М. Серто, К. Леви-Стросс, М. Фуко и А. Лефевр[1], однако отсылки к их работам встречаются в ее произведениях довольно редко. Исследователи ее творчества полагают, что в работах исследовательницы можно также увидеть «черты австрийской школы экономики, выступающей за свободный рынок»[2]. Применительно к городам Дж. Джекобс, действительно, выступает за саморегулирование, возлагая большие надежды на местное сообщество[3], которое, по ее мнению, способно решить многие социальные проблемы.

Именно местные сообщества, по мнению американской исследовательницы, страдают в результате «ортодоксальной градостроительной теории»[4], лежащей в основе преобразования городского пространства в США в середине XX столетия. Тем не менее, Дж. Джекобс не согласна с Л. Мамфордом, что сообщества не могут эффективно функционировать в больших городах. Напротив, она указывает на то, что низкая плотность населения может не решать проблемы, а наоборот, обострять их. Данный тезис подтверждается примером Лос-Анджелеса, где районы больше напоминают пригороды, однако уровень преступности значительно выше, чем в других американских городах, а люди боятся улиц[5]. Следовательно, малоэтажное строительство и зеленые зоны не гарантируют безопасности, а потому не могут рассматриваться как универсальные средства повышения качества жизни горожан. Город, по словам американской исследовательницы, – это, в первую очередь, «люди, использующие свои возможности»[6], и

---

[1] *Zipp S., Storring N.* Introduction // Vital Little Plans: The Short Works of Jane Jacobs / ed. by S. Zipp and N. Storring. New York: Random House, 2016. P. XV-XXXVI.

[2] *Канигел Р.* Глаза, устремленные на улицу: жизнь Джейн Джекобс. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 467.

[3] *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. С. 52.

[4] Там же. С. 36.

[5] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 32.

[6] *Jacobs J.* The Economy of Cities. Toronto: Vintage Canada Edition, 1970. P. 144.

взаимодействия между ними, и лишь во вторую – здания. Таким образом, согласно Дж. Джекобс, главную роль в создании комфортной городской среды и обеспечении высокого качества жизни играет организация взаимодействий между жителями, интересы которых должны учитываться при принятии управленческих решений.

Эта мысль впоследствии становится одной из отправных точек рассуждений датского архитектора Я. Гейла, который связывает многие социальные проблемы современных городов с тем, что для архитекторов неодушевленные объекты подчас значат больше, нежели люди[1]. Соответственно, губительными для городов являются не столько их размеры, сколько отсутствие внимания к потребностям их жителей.

Одним из условий эффективного функционирования сообществ даже в большом городе Дж. Джекобс считает социальные взаимодействия в общественных пространствах, главными из которых она называет улицы[2]. Причем американская исследовательница демонстрирует, что взаимодействия могут носить поверхностный характер, быть «тротуарными»[3] (то есть проходить при случайной встрече на тротуаре по пути куда-либо), главное – их постоянство и устойчивость. Подобные «тротуарные взаимодействия» могут длительное время существовать между очень разными людьми, так как ни к чему их не обязывают и позволяют избежать всех сложностей, возникающих при более тесном общении. Эти отношения, как правило, никого не тяготят, поскольку не требуют каких-то дополнительных усилий, возникая вследствие повседневных действий (походов в магазин, прогулок с детьми и так далее).

Эти регулярные «тротуарные» взаимодействия Дж. Джекобс противопоставляет «совместности» (*togetherness*)[4], которую она считает устаревшим идеалом градостроительства, распространенным в пригородах,

---

[1] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. New York: Van Nostrand Reinhold, 1987.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 29.

[3] Ibid. P. 58-59.

[4] Ibid. P. 62.

где люди довольно много знают друг о друге, поскольку значительная часть их жизни оказывается на виду у тех, кто рядом живет. Как следствие, «совместность», характерная для пригородов, заставляет людей делиться слишком многим, накладывает обременительные обязательства и допускает вторжение в частную жизнь, которого сложно избежать в тех населенных пунктах, где соседи хорошо знают друг друга.

Большие города дают своим жителям свободу и анонимность, на которые в начале XX века указывает еще Г. Зиммель[1], что, по мнению Дж. Джекобс, не исключает возможности формирования местного сообщества, способного отстаивать свои интересы[2]. Основой сообщества могут стать те самые, ни к чему не обязывающие «тротуарные взаимодействия», которые способствуют сплочению.

Однако интенсивная «тротуарная жизнь» требует располагающей к этому городской среды, которая поощряла бы социальные взаимодействия. При отсутствии условий, необходимых для постоянных взаимодействий, люди оказываются перед дилеммой: пустить кого-то на свою частную территорию или отгородиться от всех. Изолироваться от соседей проще, нежели впустить их в свою жизнь, поэтому второй вариант выбирают чаще, способствуя распространению анонимности и безразличия. Для того чтобы не поддерживать дружеские отношения со всей округой, люди ограничивают свои социальные контакты и не участвуют в общественной жизни.

Дж. Джекобс предлагает создавать общественные пространства, способствующие социальным взаимодействиям[3], поскольку данная стратегия, по ее мнению, может повысить качество жизни в больших городах, создав более комфортные условия для их жителей. Соответственно, главной проблемой больших городов она считает не их размеры, а неверные приоритеты градостроительной политики: «Посмотрите, что мы сотворили на

---

[1] *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 30.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 65.

[3] Ibid. P. 129.

первые несколько сот миллиардов. Жилые массивы для малообеспеченных, ставшие худшими рассадниками преступности, вандализма и общей социальной безнадежности, чем трущобы, которые они собой заменили. Жилые районы для людей со средними доходами – подлинные образчики скуки и регламентации, наглухо закрытые от всего бодрого и живого, что имеется в городской жизни. Роскошные жилые массивы, пытающиеся компенсировать бессодержательность безвкусной вульгарностью… Это не реконструкция городов. Это их разграбление»[1]. Так, Дж. Джекобс указывает на неэффективность расходования средств в соответствии с традиционными для середины XX века принципами градостроительства, поскольку их социальные последствия плачевны.

Исследовательница считает многофункциональность и разнообразие городской застройки важными факторами, детерминирующими социальные отношения[2], поскольку они стимулируют социальные взаимодействия. Активное перемещение по району становится следствием разнообразия объектов, для посещения которых люди ходят пешком, интенсифицируя свою «тротуарную жизнь»[3]. Район не должен быть однообразным, иначе схожий порядок дня его обитателей будет приводить к тому, что в одни часы улицы будут переполнены, а в другие, наоборот, будут пустовать. Обеспечить относительно равномерное присутствие людей в течение всего дня могут именно разнообразие и многофункциональность, то есть наличие одновременно офисов, культурных центров, жилых домов и коммерческих предприятий, способных привлечь разные категории населения[4]. Разнообразие естественно для больших городов, более того, оно создает

[1] *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. С. 22.

[2] *Jacobs J.* The Economy of Cities. Toronto: Vintage Canada Edition, 1970. P. 122.

[3] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 59.

[4] Ibid. P. 101.

многочисленные возможности для людей и предлагает выбор, позволяя максимально эффективно использовать городское пространство.

Однако это далеко не всегда учитывается при городском планировании. В частности, несколько миллиардов долларов, потраченные на реконструкцию американских городов, по мнению Дж. Джекобс, не смогли улучшить качество жизни горожан по той причине, что дифференцировались коммерческие и жилые районы[1], создавая среду для однообразных взаимодействий в определенное время дня. Она полагает, что необходимо вернуть на улицы городов интенсивные и разнообразные социальные взаимодействия[2], чтобы способствовать решению социальных проблем, обострившихся в больших городах. Исследовательница настаивает на том, что случайные, ни к чему не обязывающие социальные контакты, которые регулярно имеют место на привычных маршрутах (с соседями, постоянными посетителями детских площадок, продавцами и другими), – это основа успешной социальной жизни в городе.

Как следствие, отправной точкой преобразований, по мнению Дж. Джекобс, должны быть не населенный пункт в целом, не район и даже не квартал, а улицы и тротуары, которые она называет главными общественными пространствами и наиболее важными «жизненными органами»[3] города. Люди ходят по улицам, видят и запоминают именно их, улицы формируют представление о городе у его жителей и туристов, на их основе населенные пункты характеризуются как интересные, скучные, опасные и так далее. Соответственно, преобразования следует начинать с улиц, предварительно поняв, каковы механизмы их функционирования и что делает их оживленными.

Тем более, что улицы, по мнению Дж. Джекобс, выполняют множество функций, среди которых одна из главных – обеспечение безопасности. Безопасность представляет собой важное условие успеха и процветания,

---

[1] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 153.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 129.

[3] Ibid. P. 29.

поэтому Дж. Джекобс рассматривает ее утрату как один из признаков кризиса: сначала улицы, затем района, впоследствии – города, а в конечном итоге и цивилизации[1]. При этом исследовательница предлагает подвергнуть сомнению широко распространенные представления о том, что основой общественного порядка и гарантом безопасности является присутствие на улицах полиции.

Полиция, конечно, необходима, но Дж. Джекобс полагает, что она не способна обеспечить порядок там, где утрачена сеть неформального социального контроля, потому что роль официальных представителей закона в обеспечении безопасности вторична, ее поддержание невозможно без сложной, почти неосознаваемой совокупности добровольных действий и взаимодействий жителей, которые они сами конструируют и поддерживают[2]. Неформальный социальный контроль во многом обеспечивается тем, что исследовательница называет «наличие глаз, устремленных на улицу»[3]. Так, если улица хорошо просматривается, и на ней есть люди, которые могут увидеть нарушения порядка и вмешаться в происходящее, безопасность не только для местных жителей, но и для чужаков становится выше.

Оживленная уличная жизнь на протяжении всего дня, а не только в определенные часы обеспечивает больше пешеходов, и, соответственно, больше неформальных блюстителей порядка, способных остановить потенциальных нарушителей спокойствия. И Дж. Джекобс приходит к выводу, что успешные улицы, которые не только обеспечивают защиту от незнакомцев, но и используют их возможности в своих интересах, – это улицы, которые обеспечивают «соседство» (*neighborhood*)[4], то есть успешное выстраивание социальных отношений между людьми, живущими рядом, взаимодействие которых позволяет решать серьезные проблемы.

---

[1] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 23.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 31, 117.

[3] Ibid. P. 35.

[4] Ibid. P. 35.

«Соседство» – один из главных терминов исследовательницы, поэтому про Дж. Джекобс иногда даже говорят, как про «леди, которая воскресила Соседство» (*lady who resurrected The Neighbourhood*)[1], основой которого являются поверхностные, но регулярные взаимодействия. На улицах, если они к этому располагают, между жителями может возникнуть доверие, которое становится основой порядка и взаимопомощи. Более того, соседство представляет собой важный механизм представительства интересов местных жителей[2], которые хотят быть услышанными городскими властями, чтобы управленческие решения принимались с учетом их мнения. Взаимодействуя с соседями, местные активисты могут выявить наиболее актуальные потребности горожан и сообщить о них представителям власти.

Причем исследовательница постоянно подчеркивает, что на формирование соседства не влияют ни уровень доходов, ни цвет кожи, ни длительность проживания на улице, и указывает на то, что бедные могут быть хорошими соседями так же, как и богатые – плохими[3]. Соседство, как правило, возникает там, где люди ходят пешком по улицам и общаются с теми, кто живет рядом с ними. Таким образом, главным условием успешного соседства является общение, соответственно, городское пространство должно располагать к регулярным взаимодействиям между теми, кто живет в непосредственной близости друг от друга.

Дж. Джекобс выделяет два ключевых фактора, которые препятствуют интенсивности взаимодействий помимо монофункциональности районов, о которой сказано выше: использование личных автомобилей и высокоэтажное строительство. Рассмотрим сначала негативные эффекты многоэтажного строительства, которые исследовательница демонстрирует на примере

---

[1] *Martin S.* Jane Jacobs // Globe and Mail. April 25, 2006. URL: https://www.mail-archive.com/nettime-l@bbs.thing.net/msg03446.html (accessed: 30.11.2021).

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 117.

[3] Ibid. P. 58-59, 113-114.

социальной катастрофы, произошедшей в Чикаго в конце XX столетия[1]. Во время сильной жары в июле 1995 года среди пожилого населения значительно выросло количество инфарктов, в том числе, и со смертельным исходом, однако их распределение по разным районам города не было равномерным. Дж. Джекобс обращается к результатам исследования социолога Э. Кляйненберга[2], уроженца Чикаго, в котором убедительно доказывается, что одной из главных причин высокой смертности является социальная изоляция, ставшая следствием высокоэтажной застройки.

Э. Кляйненберг задается вопросом, почему смертность в одних районах значительно превышает аналогичный показатель в других, и выясняет, что низкая смертность отмечается в тех районах, где социальная активность высока, и наоборот. Он демонстрирует, что соседство и взаимопомощь (*ecology of support*)[3] по-прежнему существуют в некоторых районах большого города, помогая выживать в сложных условиях и тем самым доказывает правоту Дж. Джекобс относительно значимости соседства[4], поскольку оказывается, что пожилые люди, ведущие активную социальную жизнь, имеют гораздо больше шансов на своевременное оказание помощи. Продолжительное отсутствие тех, кто участвует в регулярных «тротуарных взаимодействиях», вызывает беспокойство у соседей и помогает своевременно оказать помощь.

Э. Кляйненберг сравнивает Северный Лонгдейл, населенный афроамериканцами, с высокой смертностью во время жары, и Южный Лонгдейл, населенный латиноамериканцами, с низкой смертностью в этот период[5]. Социолог считает причинами разного уровня смертности не расовые или культурные различия, а особенности функционирования местных

---

[1] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 81-85.

[2] *Klinenberg E.* Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

[3] Ibid. P. 79.

[4] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 81-85.

[5] *Klinenberg E.* Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 85-127.

сообществ. Северный Лонгдейл – район с низкой плотностью населения и, как следствие, небольшим количеством торговых точек. У пожилых людей не возникает потребности в том, чтобы часто выходить из дома, они предпочитают сидеть в своих квартирах, плохо знают соседей и не доверяют им. Жители Северного Лонгдейла боятся незнакомцев, поэтому не открывают дверь даже социальным работникам, которые приходили проведать их во время жары. Южный Лонгдейл – гораздо более оживленный, поскольку здесь находится множество мелких предприятий и люди постоянно выходят из дома по тем или иным делам.

Наличие большого числа небольших разнообразных предприятий в районе приводит к постоянным взаимодействиям местных жителей и росту их ответственности друг за друга (*ecology of support*)[1]. Даже одинокие пенсионеры в районах с высокой социальной активностью не являются одинокими: они могут зайти за стаканом воды и посидеть в кондиционируемых помещениях местных торговых точек, где их хорошо знают. Владельцы местных магазинчиков начинают бить тревогу, если не видят своих постоянных покупателей, тем самым иногда спасая их жизни. Так, успешное соседство помогает не только артикулировать интересы сообщества, но и объединять усилия для совместного решения актуальных проблем.

Так, улицы, создающие возможности для общения людей, способствуют образованию соседства на основе регулярных взаимодействий и обмена информацией. Между жителями возникает доверие, основанное на большом количестве мимолетных, ни к чему не обязывающих контактов[2], которые, тем не менее, формируют ответственность за происходящее на «их» улице, следствием чего становятся сопричастность и готовность помочь. Отсутствие активной уличной жизни, наоборот, ведет к анонимности, взаимному

[1] *Klinenberg E.* Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 79.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 56.

безразличию окружающих и неготовности вмешиваться в те ситуации, которые не затрагивают человека персонально.

Э. Кляйненберг также указывает на важность разнообразия в городе, то есть многофункциональности его районов, поскольку одной из причин высокой смертности в период жары оказывается пространственное несоответствие между местонахождением наиболее уязвимых жителей Чикаго с одной стороны города и концентрацией лечебных учреждений с другой[1]. Таким образом, дифференциация функций между разными районами города, об опасности чего также предупреждает Дж. Джекобс[2], далеко не всегда позитивно сказывается на возможностях его жителей. Данный кейс показывает, что отдаленность медицинских учреждений от районов с большим количеством пострадавших на фоне нехватки машин скорой помощи, которые необходимо долго ждать даже в нормальных условиях, ведет к потерям человеческих жизней, чего можно было бы избежать при большем разнообразии функций каждой из частей города. Монофункциональные районы не только приводят к неэффективному использованию городского пространства, но и заставляют своих обитателей постоянно перемещаться на значительные расстояния, чтобы получить необходимые им услуги.

Так, Дж. Джекобс последовательно доказывает, что принципы градостроительства, предполагающие возведение большого числа многоэтажных зданий, соединенных скоростными магистралями, ошибочны[3] и разрушают социальную жизнь городов. Соответственно, еще одна проблема американских городов, на которую указывает исследовательница, – это большое количество автомобилей, для которых постоянно расширяются дороги, что губительно влияет на социальную активность и уничтожает местные сообщества[4]. Вместе с тем, она отмечает, что автомобилизация –

---

[1] *Klinenberg E.* Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 130-138.

[2] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 153.

[3] Ibid. P. 153.

[4] Ibid. P. 37.

гораздо более сложный и значимый для американского общества процесс, чем кажется на первый взгляд.

По ее мнению, развитие автомобилестроения и использование личного автотранспорта имеют серьезное культурное значение: во-первых, подобный способ передвижения повышает степень свободы и независимости, которые высоко находятся в американской системе ценностей, а во-вторых, строительство автомобилей и дорог помогло созданию новых рабочих мест для выхода из Великой депрессии[1]. Великая депрессия осталась в прошлом, а сформированная под ее влиянием система ценностей продолжает существовать до сих пор. Как следствие, в американском градостроительстве возникает и реализуется идея приоритета автомобилистов над пешеходами, в частности, магистрали расширяются за счет тротуаров и общественных пространств, что сокращает возможности жителей для взаимодействия. При наличии двух типов горожан, которые выделяет Дж. Джекобс, – пешеходов (*foot people*) и автомобилистов (*car people*)[2] – градостроители б*о*льшую часть XX века заботятся о вторых и совершенно не думают о первых.

Так, сообщества приносятся в жертву одной из отраслей производства, поскольку расплатой за стимулирование экономического роста вследствие автомобилестроения становится сокращение числа и интенсивности социальных контактов, а также угасание уличной жизни, которая является основой соседства. Американская исследовательница считает стратегической ошибкой то, что в первой половине XX столетия интересы одной из отраслей промышленности начинают определять приоритеты городского планирования, совершенно не учитывая потребности пешеходов и многочисленных местных сообществ.

Более того, рассматривая историю городов, Дж. Джекобс демонстрирует, что их рост и превращение в мегаполисы основаны на

---

[1] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 59.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. Modern Library Edition. New York: Random House, 1993. P. XII.

диверсификации экономики, то есть наличии разных отраслей производства, потребности которых удовлетворяют местные производители: «Города – это поселения, где к прежним видам работы постоянно добавляется много новых, и эти новые виды занятости ведут к углублению разделения труда; города развиваются именно благодаря этому процессу, а не из-за каких-то событий за их пределами»[1]. Так, разнообразие провозглашается главным стимулом развития городов, причем это касается не только экономики, но и социальных отношений, а также городской застройки.

Итак, согласно Дж. Джекобс, качество жизни горожан во многом определяется тем, как выстраиваются социальные взаимодействия на самом нижнем уровне – уровне улиц и небольших кварталов. Соседство, исходя из данной логики рассуждений, имеет более важное значение, чем качество построенных домов или наличие зеленых территорий. Преступность в районе трущоб может быть ниже, чем в районе новостроек[2], если успешное соседство позволяет сформировать систему неформального социального контроля, а улицы воспринимаются как общее публичное пространство. Эффективное самоуправление может возникнуть в любом районе вне зависимости от того, насколько высоки доходы его жителей. Более того, история XX века знает множество примеров того, как новые районы городов, которые должны были стать благополучными, приходят в запустение[3], а трущобы успешно функционируют и постепенно меняют свой облик в лучшую сторону благодаря успешному соседству.

Подводя итоги, следует отметить, что эвристическая ценность концепции Дж. Джекобс заключается в первую очередь в том, что она демонстрирует влияние городского планирования на интенсивность социальных взаимодействий, которые являются основой формирования и

---

[1] *Jacobs J.* The Economy of Cities. Toronto: Vintage Canada Edition, 1970. P. 122.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 113.

[3] *Glaeser E.* Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. New York: Penguin Press, 2011.

успешного функционирования городских сообществ. Американская исследовательница решительно выступает против создания городской среды, способствующей росту безразличия по отношению к окружающим вследствие отсутствия условий для взаимодействия между соседями. Она призывает к пересмотру приоритетов в градостроительстве и меняет взгляды многих своих современников на города[1], указывая на то, что в центре внимания новых проектов должны быть люди с их потребностями и интересами.

Идеи, считавшиеся радикальными в 1960-е годы, в конце XX века начинают реализовываться[2]. Один из подходов к городскому планированию, соответствующий взглядам американской исследовательницы, разработан датским архитектором Я. Гейлом. Даже название его основной работы «Города для людей»[3] созвучно названию статьи Дж. Джекобс, благодаря которой она получила первый грант на изучение городского пространства – «Центр города – для людей»[4].

Академическое сообщество, тем не менее, довольно долго отказывает американской исследовательнице в признании. Отечественный урбанист В. Л. Глазычев полагает, что ее вхождение в профессорский корпус было невозможным, поскольку «Смерть и жизнь больших американских городов» переиздавалась каждый год, вызывая зависть у авторитетных теоретиков градостроения, и дополнялась еще рядом книг, включая «Экономику города»[5]. Тем не менее, Дж. Джекобс называют самым влиятельным мыслителем в области урбанистики, опередившем не только Л. Мамфорда, но и многих других своих современников[6]. Более того, некоторые принципы,

---

[1] *Martin D.* Jane Jacobs, Urban Activist, Is Dead at 89 // The New York Times. April 25, 2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/04/25/books/jane-jacobs-urban-activist-is-dead-at-89.html (accessed: 30.11.2021).

[2] *Husock H.* Jane Jacobs's Legacy // City Journal. 2009. July. URL: https://www.city-journal.org/html/jane-jacobs%E2%80%99s-legacy-9578.html (accessed: 30.11.2021).

[3] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.

[4] *Jacobs J.* Downtown is for people // Fortune. 1958. № 57 (April). P. 133-139.

[5] *Глазычев В. Л.* Предисловие переводчика // *Джекобс Дж*. Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 6.

[6] *Kanigel R.* Eyes on the Street: The Life of Jane Jacobs. New York: Random House, 2016. P. 5-6.

сформулированные ею на основе повседневного опыта («глаза на улице», «уличные наблюдатели» и так далее) становятся общепринятыми в современном городском планировании[1].

Дж. Джекобс формулирует принципы градостроительной политики, которые позволяют планировать новые районы и реконструировать существующие в соответствии с потребностями их жителей. Продемонстрировав, что общепринятые представления иногда могут быть далеки от истины[2], она разрабатывает свой собственный оригинальный подход и озвучивает новые идеи, многие из которых получают развитие в конце XX – начале XXI века: «За более чем 50 лет, что прошли с 1961 г., когда Джейн Джекобс с болью и тревогой описывала перспективу опустевших, вымерших городов, изучение городской жизни и городского пространства, как и его методы, сделали гигантский шаг вперед. Во времена Джекобс еще не существовало формализованных знаний о том, как формы организации городского пространства влияют на жизнь в городах. Города строились во многом под потребности публичной жизни, и именно она служила отправным пунктом для градостроителей прошлых времен. Но примерно с 1960-х, когда засилье автомобильного транспорта и стремительная урбанизация в корне изменили представления о городе, городские планировщики оказались безоружны, не имея опыта развития таких городов, равно как и возможности опереться на исторические традиции градостроительства. Сначала требовалось уяснить картину этих новых городов с вымирающей публичной жизнью, а затем уже накапливать знания по данному предмету. Первые шаги в этом направлении предпринимались в качестве пробы и по преимуществу интуитивно, но в конечном итоге позволили исследователям-любителям подняться до обобщений и последовательности, приобретя необходимый профессионализм. Сегодня, спустя 50 лет, мы видим, что накоплен обширный

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 97.
[2] *Jacobs J.* The Economy of Cities. Toronto: Vintage Canada Edition, 1970. P. 3-4.

банк базовых знаний, а методы исследования непрерывно совершенствуются»[1].

Так, исследования Дж. Джекобс не только меняют представления о том, какими должны быть города, но и способствуют возвращению интереса к проблемам местных сообществ в городах. Неудивительно, что уже в начале 1970-х годов А. Лефевр осознает важность идей Дж. Джекобс для социологии[2] и соглашается с ней в том, что кризис соседства – одна из проблем, требующих детального изучения[3]. Значение идей исследовательницы для современной социологии высоко оценивает и С. Сассен, указывая на то, что именно Дж. Джекобс заставила ее осознать проблемы глобальных городов на «микроуровне»[4] – уровне городских сообществ, часто становящихся жертвами джентрификации. Беседа с американской исследовательницей позволила С. Сассен осознать, что битва за сообщества была для нее составляющей гораздо более масштабной проблемы: Дж. Джекобс стремилась лучше понять и объяснить роль городов в экономике[5], которая сегодня концентрируется в глобальных городах.

Тем не менее, другой американский социолог Ш. Зукин указывает на то, что Дж. Джекобс излишне «романтизировала»[6] роль соседства и его возможности в решении социальных проблем. Соответственно, несмотря на то что идеи американской исследовательницы оказали колоссальное влияние на градостроительство в конце XX – начале XXI века, например, на гуманистический подход Я. Гейла, ее концепция содержит ряд оснований для критики.

---

[1] *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь. М.: Концерн «КРОСТ», 2016. С. 159.

[2] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 19.

[3] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 4-21.

[4] *Sassen S.* How Jane Jacobs changed the way we look at cities. URL: https://www.theguardian.com/cities/2016/may/04/jane-jacobs-100th-birthday-saskia-sassen (accessed: 30.11.2021).

[5] Ibid.

[6] *Zukin S.* Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. New York: Oxford University Press, 2010. P. 226.

В частности, Р. Сеннет полагает, что разнообразия, возможности которого превозносит Дж. Джекобс, недостаточно для того, чтобы люди начали взаимодействовать между собой; например, сегодня в Гринвич-Виллидж – районе, за аутентичность которого боролась исследовательница, сосуществуют «различие и безразличие»[1], а социальные проблемы не только не были решены за прошедшие полвека, но наоборот, усугубились. Тем самым, предложенные ею решения можно считать не только недостаточно обоснованными, но и в чем-то наивными.

Следует также согласиться с Ш. Зукин в том, что Дж. Джекобс очевидно переоценивает как возможности саморегулирования местных сообществ, так и их роль в поддержании общественного порядка. Американская исследовательница призывает к развитию малого бизнеса, говоря о том, что разнообразные небольшие предприятия являются основой процветания местного сообщества и даже могут способствовать решению такой проблемы, как бедность благодаря оживлению экономической и социальной жизни[2]. Подобная вера в возможности малых предприятий конкурировать с крупными корпорациями, особенно в условиях глобализации, также представляется наивной. Тем более что, как указывает Ш. Зукин, «в то время, когда Джейн Джекобс писала о городе, будущее по большей части оставалось неизвестным. Но она прожила достаточно долго для того, чтобы увидеть, как длинная рука редевелопмента дотягивается до Сохо и Уильямсбурга, и осознать уязвимый шарм семейных магазинов»[3].

Кроме того, рассуждая об экономике городов, американская исследовательница не дает ответа на вопрос о том, что делать с многочисленными районами, где не созданы условия для социальных взаимодействий и, как следствие, для образования соседства. Снос

---

[1] *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 438.

[2] *Jacobs J.* The Economy of Cities. Toronto: Vintage Canada Edition, 1970. P. 117-121.

[3] *Зукин Ш.* Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 351.

многоэтажных зданий для строительства новых требует значительных финансовых ресурсов, которыми вряд ли повсеместно располагают городские власти, тем более что это далеко не единственная проблема, требующая решения. В частности, американский социолог Г. Ганс обвиняет Дж. Джекобс в «физическом детерминизме»[1], поскольку она игнорирует расовые и классовые различия между жителями районов, сводя все исключительно к особенностям городской застройки. Тем самым исследовательница не учитывает многие социальные характеристики, которые могут оказывать влияние на поведение людей, проживающих в различных районах города. Многие ее выводы базируются на изучении преимущественно гомогенных районов, что не позволяет учесть значение социокультурных различий.

Очевидно, что концепция Дж. Джекобс является во многом популистской и в недостаточной мере опирается на научные исследования, в частности, в области социологии. Это частично объясняется ее невключенностью в академическое сообщество, что оказало влияние на стиль изложения материала, который отличается публицистичностью, а также привело к недостаточной концептуализации затрагиваемых ею проблем. Следствием этого становится не только отсутствие четких определений основных понятий (общественные пространства, соседство, сообщество, «тротуарные взаимодействия», «глаза на улице» и других), но также формулировка основных положений с опорой на повседневный опыт, а не на эмпирические данные. Например, исследовательница настаивает на том, что соседство необходимо отличать от сообщества, характерного для малых городов и сельских населенных пунктов и отличающегося гораздо более тесными социальными связями[2]. Она указывает на то, что сообщество может быть самодостаточным, в то время как соседство с более поверхностными взаимодействиями всегда является частью более крупного образования, как

[1] *Gans H. J.* Urban Vitality and the Fallacy of Physical Determinism // *Gans H. J.* People and Plans: Essays on Urban Problems and Solutions. New York: Basic Books, 1968. P. 25-33.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 114.

правило, большого города. Однако сделав попытку развести понятия, она в дальнейшем часто использует их как синонимичные и взаимозаменяемые.

Тем не менее, Дж. Джекобс называют одним из самых влиятельных интеллектуалов 1960-1970-х годов[1], «глубоким и смелым мыслителем»[2], поскольку очевидно, что ее идеи оказали колоссальное влияние на современные исследования городов, в том числе, и в социологии. В частности, ее творчество высоко оценивает С. Сассен, которая признается, что Дж. Джекобс сформировала ее «видение городов»[3]. Ш. Зукин называет некоторые идеи Дж. Джекобс устаревшими, но, несмотря на это, признает их огромное значение для современных исследований города[4]. Более того, Ш. Зукин, подчеркивая, что современная социология также опирается на многие разработки Дж. Джекобс, выносит в подзаголовок одной из своих книг название главного труда неординарной мыслительницы – «Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств»[5]. Таким образом, современные социологические исследования города выстраиваются, в том числе, на основе трудов Дж. Джекобс, которые, конечно, подвергаются критике, но продолжают оставаться важной отправной точкой для рассуждений многих ученых.

Труды американской исследовательницы не только способствуют приращению социологического знания, но также имеют и безусловную практическую значимость. В частности, пандемия подтвердила правоту тезисов Дж. Джекобс о необходимости разнообразия, поскольку многие

---

[1] *Hirt S.* Jane Jacobs, Urban Visionary // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / ed. by S. Hirt, D. Zahm. New York: Routledge, 2012. P. 1.

[2] *Канигел Р.* Глаза, устремленные на улицу: жизнь Джейн Джекобс. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 19.

[3] *Sassen S.* How Jane Jacobs changed the way we look at cities. URL: https://www.theguardian.com/cities/2016/may/04/jane-jacobs-100th-birthday-saskia-sassen (accessed: 30.11.2021).

[4] *Zukin S.* Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. New York: Oxford University Press, 2010. P. 17-18.

[5] *Zukin S.* Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. New York: Oxford University Press, 2010; *Зукин Ш.* Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

предприятия сферы услуг в офисных районах в период карантина лишились клиентов. Соответственно, многие рекомендации исследовательницы могут быть учтены и в российских городах, поскольку сохраняют свою актуальность.

В архитектуре середины XX века господствовали идеи функционализма, мало кто заботился о комфорте и удобстве жителей городов, поэтому идеи Дж. Джекобс были смелыми и в чем-то революционными для того времени. Сегодня они продолжают существовать не только в социологии и городском планировании, но и в повседневной жизни многих людей. Все большую популярность приобретают так называемые «Прогулки с Джейн»[1], которые сплачивают местные сообщества в разных городах мира и позволяют лучше узнать те районы, в которых они живут. О ней пишут книги[2], снимают фильмы[3] и даже поставили оперу[4], потому очевидно, что ее идеи живут и востребованы в XXI столетии. Более того, пандемия в 2020 году заставляет вновь обратиться к идеям Дж. Джекобс, поскольку оказывается, что в новых условиях значение общественных пространств растет[5], хотя требования к ним меняются, поскольку возникает необходимость соблюдения социальной дистанции.

---

[1] *Flint A.* Wrestling with Moses: How Jane Jacobs Took On New York's Master Builder and Transformed the American City. 2009. P. 194.

[2] *Laurence P. L.* Becoming Jane Jacobs. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016; *Kanigel R.* Eyes on the Street: The Life of Jane Jacobs. New York: Random House, 2016; *Gratz R. B.* The Battle for Gotham: New York in the Shadow of Robert Moses and Jane Jacobs. New York: Nation Books, 2010; What We See: Advancing the Observations of Jane Jacobs / ed. by S. A. Goldsmith, L. Elizabeth, A. Goldbard. New Village Press, 2010; *Flint A.* Wrestling with Moses: How Jane Jacobs Took On New York's Master Builder and Transformed the American City. 2009; *Lang G., Wunsch M.* Genius of Common Sense. 2009; *Sparberg Alexiou A.* Jane Jacobs: Urban Visionary. Rutgers University Press, 2006 etc.

[3] Citizen Jane: Battle for the City. 2016.

[4] A Marvelous Order: an opera about Robert Moses and Jane Jacobs. Music by Judd Greenstein, libretto by Tracy K. Smith. URL: http://mosesjacobsopera.com/ (accessed: 30.11.2021).

[5] *James A. C.* Don’t stand so close to me: Public spaces, behavioral geography, and COVID-19 // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10. № 2. P. 188-189; *Connolly C., Ali S. H., Keil R.* On the relationships between COVID-19 and extended urbanization // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10. № 2.

§ 3. Гуманистический проект города Яна Гейла

Ян Гейл (р. 1936) – датский архитектор, который не только занимается теорией городского планирования, но и реализует свои проекты на практике во многих городах мира, включая Москву. Он родился в Копенгагене и учился в Школе архитектуры Датской королевской академии изящных искусств[1], получил диплом архитектора в 1960 году[2] и хорошо усвоил основные подходы к градостроению, характерные для середины XX века. По мнению Я. Гейла, это было самое плохое время для городского планирования, поскольку город рассматривался как машина, элементы которой должны выполнять свои функции, причем одной из главных целей было обеспечение быстрого передвижения автомобилей: «Нас учили не самому лучшему: создавать пространство для автомобилей и зданий, а не города»[3]. Датчанин решил разработать новые гуманистические принципы планирования и проектирования городов, ориентированные на потребности их жителей, чтобы предложить альтернативу функционализму, доминировавшему на протяжении большей части XX века.

Веру молодого архитектора в идеалы градостроительства того времени в 1962 году поколебал один из клиентов, который попросил построить «*нечто, что было бы хорошо для людей*»[4]. В архитектурном бюро, где работал Я. Гейл, не оказалось ни одного готового проекта, который соответствовал бы этому простому требованию. Оказалось, что здания строятся без учета интересов людей, которые будут в них жить. Пересмотр приоритетов городского планирования был также обусловлен личными обстоятельствами жизни Я. Гейла: он женился на психологе, что кардинально изменило его

---

[1] Jan Gehl. URL: http://gehlpeople.com/people/jan-gehl/ (accessed: 11.12.2021).

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. X.

[3] *Новожилова Т.* Не здания, а люди. С. 1-2. URL: http://gazeta39.ru/events/1282-nen?format=pdf (дата обращения 15.11.2021).

[4] *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2013. P. 60.

мировоззрение[1]. Супруга Я. Гейла не только стала первым в Дании психологом в области жилой среды[2], но и обратила внимание своего мужа на то обстоятельство, что для архитекторов гораздо важнее внешний облик здания, чем потребности людей. На это было сложно что-либо возразить, поэтому Я. Гейл и начал разработку нового подхода к городскому планированию – гуманистического, то есть ориентированного на потребности людей. Сегодня он является признанным экспертом с мировым именем, идеи которого получают все большее распространение, в том числе и в нашей стране.

Я. Гейл работает в Датской королевской академии изящных искусств, где он сам получил образование несколько десятков лет назад, и читает лекции в качестве приглашенного профессора в США, Канаде, Новой Зеландии, Мексике, Австралии, Бельгии, Германии, Польше и Норвегии. Датский архитектор – обладатель множества наград: в 1993 году ему присуждают Премию сэра Патрика Аберкромби за вклад в градостроение и территориальное развитие Международного союза архитекторов[3], в 2011 году в Королевском Дворце Стокгольма из рук шведского короля Карла XVI Густава он получил Медаль принца Евгения за выдающиеся достижения в архитектуре и многолетнюю работу по улучшению городской среды для всех, кто движется с помощью своих собственных усилий (имеются в виду пешеходы и велосипедисты)[4]. С 2008 года он почетный член Американского института архитекторов[5]. В 2016 году о нем публикуется книга, что также свидетельствует о признании его заслуг[6].

---

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. XI.

[2] *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2013. P. 60.

[3] Prix Sir Patrick Abercrombie 1993 // International Union of Architects. URL: http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/5480#.WhmgmDRx3IU (accessed: 10.12.2021).

[4] King presents Prince Eugen Medal. URL: http://www.kungahuset.se/royalcourt/royalfamily/latestnews/2011/2011/kingpresentsprinceeugenmedal.5.70e7de59130bc8da54e800013317.html (accessed: 11.12.2021).

[5] Honorary Members. AIA Continental Europe. A Chapter of American Institute of Architects. URL: http://aiaeurope.org/members/honorary (accessed: 01.12.2021).

[6] *Matan A., Newman P.* People Cities: The Life and Legacy of Jan Gehl. Washington – Covelo – London: Island Press, 2016.

В 2000 году Я. Гейлом и его партнерами была основана архитектурная компания, носящая его имя, – «Гейл Архитектс – консультанты по качеству городов» *(Gehl Architects – Urban Quality Consultants)*. Эта фирма разрабатывает проекты примерно для 250 городов в 40 странах мира, среди которых присутствует и столица России – Москва[1]. После участия Я. Гейла в первом Московском урбанистическом форуме 2011 года, по инициативе Правительства Москвы его основные работы переводятся на русский язык[2] и становятся доступны российскому читателю. Я. Гейл выражает благодарность за издание своих книг на русском языке мэру Москвы С. С. Собянину[3]. Датский архитектор предлагает свои рекомендации и по реконструкции других городов России (Санкт-Петербург[4], Калининград[5], Казань[6] и так далее) с учетом потребностей людей. Он заботится об удобстве для повседневной жизни, которая стоит первым номером в списке его приоритетов городского планирования, а потом уже идут другие: внешний облик зданий, транспортные развязки и так далее.

Я. Гейлом написано не так много книг, но самые известные из них переведены более чем на 30 языков мира. Наиболее читаемые произведения датского архитектора – это «Жизнь между зданиями: использование

---

[1] Unlocking Moscow's Urban Treasures. URL: http://gehlpeople.com/cases/moscow-russia/ (accessed: 11.12.2021).

[2] *Гейл Я.* Города для людей. М.: Концерн «КРОСТ», 2012; *Гейл Я.* Жизнь среди зданий. М.: Концерн «КРОСТ», 2012; *Гейл Я., Гемзо Л.* Новые городские пространства. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

[3] См., напр.: *Гейл Я.* Города для людей. М.: Концерн «КРОСТ», 2012. С. I.

[4] *Элькина М.* Ян Гейл жалеет о том дне, когда заговорил о велосипедах. URL: http://future-spb.ru/archive2012/ (дата обращения 11.11.2021).

[5] *Новожилова Т.* Не здания, а люди. С. 1-2. URL: http://gazeta39.ru/events/1282-nen?format=pdf (дата обращения 15.11.2021).

[6] *Вильданова Э., Минвалеев А.* Ян Гейл: «Если на улицах города много детей и пожилых, значит в городе хорошее качество жизни» // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес *Online*». 28.08.2014. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/112617 (дата обращения 11.11.2021).

общественного пространства»[1] и «Города для людей»[2]. Однако он является соавтором еще нескольких книг: «Общественные пространства – общественная жизнь»[3] и «Новые городские пространства»[4] вместе с Л. Гемзо, «Как изучать общественную жизнь»[5] с Б. Сварре и «Новая городская жизнь»[6] с коллективом авторов.

Начало разработки Я. Гейлом гуманистических принципов планирования и проектирования городов связывается с получением в 1965 году гранта на полугодовое исследование в Италии о влиянии городского пространства на общественную жизнь[7]. Результатом поездки в Италию становится серия статей в датском журнале «Архитектор», опубликованная им совместно с женой. В публикациях подробно описывается, как итальянцы в повседневной жизни используют публичные пространства, в том числе городские площади[8]. В 1960-е годы данному вопросу практически не уделяется внимания, поэтому публикации Я. Гейла привлекают внимание научного сообщества. В частности, ими интересуется руководство Школы архитектуры Датской королевской академии изящных искусств. Молодой ученый получает финансирование для продолжения исследования по этой теме, но уже не только в Италии, но также и у себя на родине – в Дании.

Пятилетний грант, полученный в 1966 году от Датской королевской академии изящных искусств на изучение основных форм общественных

---

[1] *Gehl J.* Livet mellem husene – udeaktiviteter og udemiljøer. Köpenhamn: Arkitektens Forlag, 1971; *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. New York: Van Nostrand Reinhold, 1987; *Гейл Я.* Жизнь среди зданий. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010, *Гейл Я.* Города для людей. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

[3] *Gehl J., Gemzøe L.* Public Spaces – Public Life. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 1996.

[4] *Gehl J., Gemzøe L.* New City Spaces. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 2001; *Гейл Я., Гемзо Л.* Новые городские пространства. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

[5] *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2013; *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь. М.: Концерн «КРОСТ», 2016.

[6] *Gehl J., Gemzøe L., Søndergaard S. & Kirknæs B. S.* New City Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2006.

[7] *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2013. P. 90.

[8] *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь. М.: Концерн «КРОСТ», 2016. С. 152.

пространств, а также возможностей их использования, способствует продолжению датским архитектором работы по этой теме[1]. Параллельно с Я. Гейлом в этом направлении начинают работать другие сотрудники Школы архитектуры Копенгагена. В 1968-1971 годах проводятся междисциплинарные исследования, в которых принимают участие не только архитекторы, но также психологи и социологи[2].

Результатом пятилетней работы по гранту становится первая книга Я. Гейла, опубликованная на датском языке в 1971 году, – «Жизнь между зданиями: использование общественного пространства»[3]. Сегодня наиболее полным ее вариантом автор считает русскоязычное издание 2012 года, в которое добавлены новые материалы и иллюстрации. Но основная идея остается прежней: «Заботьтесь о людях и о бесценной жизни среди зданий»[4]. Тем самым датский архитектор, как и Дж. Джекобс, подчеркивает, что наиболее важным элементом городов является социальная жизнь, то есть социальные взаимодействия и социальные отношения между их жителями.

Я. Гейл указывает на тот факт, что изменение приоритетов городского планирования в конце XX столетия во многом является заслугой именно американской исследовательницы, первой обратившей внимание на то, что автомобили постепенно вытесняют социальную активность из городского пространства[5]. Однако он проводит и свои собственные исследования, которые подтверждают многие утверждения Дж. Джекобс.

Как и американская исследовательница[6], Я. Гейл утверждает, что расширение дорог и увеличение их числа в первые две трети XX века

---

[1] *Arruda Campos de B. M.* Book Review: “Life Between Buildings” & “Cities for People” // The Journal of Space Syntax. 2012. Vol 3. № 1. P. 125. URL: http://joss.bartlett.ucl.ac.uk/journal/index.php/joss/article/view/104/pdf (accessed: 11.12.2021).

[2] *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2013. P. 61.

[3] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011.

[4] *Гейл Я.* Жизнь среди зданий. М.: Концерн «КРОСТ», 2012. С. 7.

[5] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 3.

[6] *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004. P. 37.

негативно сказывается на развитии городов, поскольку приводит к росту числа машин на улицах города, которые становятся менее комфортными для пешеходов[1]. Для него очевидно, что сокращение числа автомобилей делает город более комфортным для людей, передвигающихся пешком, что активизирует деятельность вне помещений, «оживляет» город и его общественные пространства. Эти тезисы, которые в XXI веке разделяют многие градостроители по всему миру, в 1960-1970-е годы рассматривались как неубедительные и противоречащие здравому смыслу.

Однако Я. Гейл проводит масштабное исследование для доказательства того, что распространение автомобильного транспорта негативно сказывается на интенсивности социальных взаимодействий[2]. Необходимо отметить, что датский архитектор считает наиболее благоприятными условиями для активизации общественной жизни ту организацию пространства, которая свойственна средневековым городам. Это во многом совпадает с идеями Л. Мамфорда, по мнению которого именно средневековые наиболее успешны в выполнении коммуникативной функции[3], несмотря на проблемы, периодически возникающие при перемещении транспорта.

Для Я. Гейла, как и для Л. Мамфорда, взаимодействие между людьми в городском пространстве гораздо важнее, нежели свободное движение транспортных потоков, поэтому он и считает, что города, спланированные с учетом нужд автомобилей, но игнорирующие потребности людей, требуют реорганизации. Датский архитектор, конечно, не предлагает возвращаться к средневековым городам, но пытается включить их преимущества в современные проекты, реализованные в соответствии с гуманистическим подходом. Тем более что, как отмечает Я. Гейл, в городском планировании со времен Средневековья произошли всего два революционных изменения.

---

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 9, 91-95.

[2] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 31, 46.

[3] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 56.

Первое из них связано с появлением профессионального планирования в современном понимании. Как следствие, город превращается в произведение искусства с разнообразными пространственными эффектами и визуальными приемами, и датский архитектор не видит в этом никой угрозы для социальных взаимодействий. Гораздо больше беспокойства у него вызывает второе изменение, а именно распространение функционализма, которое ведет к повсеместному строительству многочисленных однотипных безликих городских районов со «здоровыми» зданиями, обеспеченными необходимым освещением, вентиляцией и так далее. Архитекторы нового поколения игнорируют психологические и социальные аспекты проектирования зданий, ставя во главу угла физиологические потребности людей.

При этом в основе городского планирования оказываются достижения медицины и физиологический подход, согласно которому, жилье должно обеспечивать, в первую очередь, доступ света (в том числе, и солнечного), воздуха, вентиляцию и так далее[1], то есть, казалось бы, забота о людях, но Я. Гейл считает это одной из главных причин снижения социальной активности. Следует отметить, что влияние медицины на развитие городов отмечает и Р. Сеннет[2], поэтому идеи датского архитектора вполне созвучны тому, что обсуждается в современной социологии.

По словам Я. Гейла, на протяжении всей истории человечества улицы и площади формировали основные места для сбора людей, однако «функционализм объявил их нежелательными, заменив дорогами, тропинками и бесконечными газонами»[3]. Как следствие, число социальных взаимодействий в городах сокращается, поскольку рассредоточение домов обеспечивает всем свет и воздух, но не создает условий для поддержания

---

[1] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 39-43.

[2] *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W.W. Norton & Company, 1994. P. 364-365.

[3] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 45.

социальных отношений. Тем самым забота о физическом здоровье людей находит отражение в строительных нормативах, совершенно не учитывающих необходимость создания пространств для коммуникации. Игнорирование социальных потребностей можно рассматривать как причину ряда градостроительных ошибок, довольно подробно рассмотренных Дж. Джекобс[1]. Она критикует функционализм не столько за многоэтажность зданий, сколько за утрату эффективных общественных пространств, стимулирующих социальные взаимодействия, что можно рассматривать как результат неверно расставленных приоритетов при планировании городов.

С этим полностью согласен и Я. Гейл, который также указывает на тот факт, что городское планирование зачастую начинается с создания макетов, которые совершенно не учитывают «человеческий масштаб»[2], то есть социальные потребности жителей. Подобные проекты хорошо демонстрируют, как будут смотреться друг рядом с другом здания, но не дают представления о том, как между ними будут себя чувствовать люди. Следовательно, приоритеты обычно расставляются функционалистами в таком порядке: здания (которые должны хорошо смотреться с высоты птичьего полета), пространство (которое позволяет автомобилям перемещаться между зданиями), жизнь (которая может занять пространство, оставшееся свободным)[3]. Ярким примером реализации подобного подхода является столица Бразилии – город Бразилиа[4]. Город прекрасно смотрится с воздуха, хотя первоначальный проект несколько испорчен новыми районами, которые планом предусмотрены не были. Вместе с тем планировка бразильской столицы не учитывает многие нужды ее жителей, что не способствует снижению остроты социальных проблем.

---

[1] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 32.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 6.

[3] Ibid. P. 195-197.

[4] *Anderson-Oliver M.* Cities for people: Jan Gehl. June 13, 2013. URL: http://assemblepapers.com.au/2013/06/13/cities-for-people-jan-gehl/ (accessed: 11.12.2021).

Соответственно, главное преимущество средневековых городов заключается в том, что они «собирают» людей на улицах и площадях, а функциональные проекты, напротив, своим однообразием сокращают число видов деятельности вне помещений, отводят место человеку, прежде всего, в его собственной квартире или в его личном автомобиле. Тем не менее, датский архитектор полагает, что ситуацию можно изменить, вернув социальную активность даже в города, ставшие воплощением функционализма. Необходимо лишь учитывать «человеческий масштаб»[1], который должен быть главным ориентиром городского планирования.

В этом состоит новизна гуманистического подхода Я. Гейла, который готов пожертвовать архитектурными формами ради социального содержания, то есть создания условий для социальных взаимодействий. Сегодня многие архитекторы по-прежнему одержимы формой, поэтому датчанин сравнивает современные небоскребы с причудливыми пузырьками для парфюмерии своей супруги: каждое новое здание становится образцом более высоких, более сложных конструкций, чем предыдущие, но «ничего не делается для людей, которые должны в них жить»[2]. Гуманистический подход к проектированию городов предполагает смену приоритетов, среди которых на первом месте должны быть потребности людей, а не вид с высоты птичьего полета.

Итак, концепция «города для людей» предполагает диаметрально противоположный функционализму подход: в первую очередь, необходимо думать о возможностях для социальных взаимодействий, затем – об организации пространства и только в последнюю очередь о зданиях и плане города в целом[3]. Соответственно, работа архитектора должна начинаться с определения характера и масштабов ожидаемой общественной жизни, а также подготовки всего необходимого для активности людей. Лишь затем следует заняться проектами обустройства городского пространства на основе желаемых пешеходных и

---

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 6.

[2] *Anderson-Oliver M.* Cities for people: Jan Gehl. June 13, 2013. URL: http://assemblepapers.com.au/2013/06/13/cities-for-people-jan-gehl/ (accessed: 11.12.2021).

[3] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 198.

велосипедных маршрутов, и лишь в последнюю очередь свободное место выделяется под строительство разнообразных зданий (офисных, жилых и других), обеспечивающих многофункциональность. Так, создать комфортную городскую среду для жителей можно, лишь начиная планирование с обустройства улиц и общественных пространств между зданиями.

Улицы городов традиционно существуют как пространство, где происходит общение, осуществляется торговля и происходит передвижение[1]. Меняются способы осуществления этих видов деятельности и их объемы, но сами они остаются постоянными величинами. Пока по улицам передвигаются преимущественно пешеходы, сбалансировать общение, торговлю и передвижение просто, все это происходит в едином пространстве. Однако транспортные средства, появляющиеся на рубеже XIX-XX веков, кардинально меняют многовековые традиции, увеличивая территорию городов. Растущие расстояния сокращают число пешеходов и способствуют передвижению на общественном транспорте и автомобилях.

Уменьшение количества пешеходов кардинально меняет городскую торговлю: товары сначала перемещаются с открытых лотков в небольшие магазинчики, затем в крупные супермаркеты, а в конечном итоге – в гигантские моллы, построенные, как правило, вдали от центра города[2]. Технический прогресс также предлагает новые средства передачи информации, вследствие чего необходимость в личных встречах исчезает, поскольку сообщениями можно обмениваться дистанционно. Таким образом, уже к середине XX века улицы городов практически перестают функционировать как пространства для общения и торговли, что было характерно для них на протяжении многих столетий.

Датский архитектор задается вопросом, как можно активизировать социальные взаимодействия в условиях современных городов, для чего

---

[1] *Gehl J., Gemzøe L.* New City Spaces. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 2001. P. 10-11.

[2] Ibid.

проводит многочисленные исследования на основе метода наблюдения. Его интересует, может ли преобразование городской среды увеличить число пешеходов, тем самым возродив уличную торговлю, характерную для средневековых городов и прекрасно описанную, в частности, Р. Сеннетом[1]. Хотя взаимодействия, конечно, могут происходить не только в сфере торговли, поскольку открытые городские пространства могут разнообразно использоваться в качестве мест для общения.

На основе длительного наблюдения за тем, как ведут себя люди на центральной улице Копенгагена, Стрёгет, Я. Гейл выделяет три вида деятельности людей вне помещений:

– неизбежная, необходимая или обязательная (*necessary*), которая выполняется вне зависимости от качества городской среды (перемещения в школу и на работу, походы по магазинам и так далее);

– необязательная (*optional*), на которую влияют настроение, погода и разного рода обстоятельства (прогулки, чтение и другие виды отдыха на свежем воздухе);

– социальная (*social*), предполагающая взаимодействия с другими людьми (приветствия, общение и так далее)[2].

Обязательные действия совершаются в силу необходимости, поэтому городская среда практически не оказывает влияния на их выполнение. Иначе обстоит ситуация с необязательной деятельностью, которая характерна только для тех общественных пространств, которые комфортны и вызывают желание задержаться подольше. Социальная деятельность, по мнению датского архитектора, возникает спонтанно и является следствием того, что несколько человек (не менее двух) находятся в непосредственной близости друг от друга[3].

---

[1] Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С.240-249.

[2] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 9-14.

[3] Ibid. P. 12.

Я. Гейл рассматривает социальную деятельность во многом как производную от необязательной[1], полагая, что чем больше времени люди проводят вне помещений, тем больше они контактируют и взаимодействуют друг с другом. Соответственно, задача архитекторов заключается в том, чтобы создать условия для необязательной деятельности, тогда появляются возможности и для социальной. Таким образом, комфортная городская среда заставляет людей выходить на улицу и, как следствие, взаимодействовать друг с другом. Это подтверждает опыт Копенгагена, предлагающего особый «стиль жизни»[2], в соответствии с которым огромное число жителей выходит на улицы.

В 1962 году в Копенгагене начинают смелый эксперимент, когда часть улицы Стрёгет, главного объекта наблюдения Я. Гейла, делают пешеходной. Это решение принимается вопреки мнению многих «экспертов», которые резко критикуют проект, предсказывая, что улица будет заброшена, предприниматели разорятся, потому что «городская активность не является североевропейской традицией»[3]. Действительно, казалось бы, климат Скандинавии не располагает к длительному пребыванию вне помещений, однако только за первый год число пешеходов увеличивается на 35%, вследствие чего пешеходная зона продолжает расширяться[4]. Это демонстрирует, что интенсивность уличной жизни определяется не столько климатом, сколько тем, как организовано городское пространство.

После того, как улица Стрёгет становится пешеходной, она получает «вторую жизнь» вследствие того, что число посещающих ее людей резко растет, увеличивая прибыль местных предпринимателей. Потому что «зайти куда-нибудь», идя пешком, значительно легче, чем передвигаясь на автомобиле, для которого предварительно необходимо найти парковку. Таким

---

[1] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 14.

[2] *Gehl J., Gemzøe L.* New City Spaces. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 2001. P. 11.

[3] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 37.

[4] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 13.

образом, изначальные страхи «экспертов» оказываются необоснованными, активная деятельность на улицах Копенгагена возникает сразу же после того, как для этого создаются соответствующие условия.

Тем не менее, необходимо отметить, что характер и интенсивность социальной деятельности различаются в зависимости от того, насколько хорошо люди знают друг друга. Контакты в непосредственной близости от жилых домов и школ, а также на детских площадках намного продолжительнее, чем на оживленных улицах в центре города, где взаимодействия по большей части поверхностны и мимолетны. Однако даже эти незначительные контакты, «тротуарные взаимодействия», как их называет Дж. Джекобс[1], имеют большую ценность, поскольку создают предпосылки для более сложных взаимодействий.

Я. Гейл настаивает на том, что «человек – это самая большая радость для человека»[2], что регулярные встречи с соседями позволяют не только поддерживать с ними отношения, но и получать информацию о происходящем вокруг, «функционировать в социальном контексте»[3]. Человеку, как правило, комфортнее находится там, где присутствуют другие люди.

Соответственно, на основе своих наблюдений Я. Гейл приходит к выводу, что простое присутствие даже незнакомых людей благотворно сказывается на жизни улиц, а «встречи людей… в общем городском пространстве, ставшие частью повседневной жизни, служат хорошим способом профилактики преступлений»[4]. Как следствие, что задача архитекторов заключается в первую очередь в том, чтобы создавать условия для различных мероприятий на открытом воздухе и, как результат, – «живые

[1] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961. P. 58-59.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 23.

[3] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 21.

[4] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 29.

города»[1], в которых люди активно взаимодействуют друг с другом. Меньше всего способствуют тому, чтобы выходить на улицу, многоэтажки с подземными парковками и большими пространствами между домами. В подобных районах, как правило, приходится преодолевать значительные расстояния, чтобы добраться до цели, что удобнее делать на автомобиле. Это не располагает к какой-либо деятельности вне помещений. Противоположная ситуация возникает в районах, где большинство необходимых объектов находится в пешей доступности и созданы условия для передвижения без автомобиля.

В организации уличной жизни Я. Гейл отводит важную роль нижним этажам зданий. Они не должны пустовать, их главная задача – создание условий для коммуникации. Это могут быть кафе, магазины, террасы и так далее, то есть любые пространства для взаимодействия людей. Датский архитектор называет нижние этажи ключевыми элементами общественной жизни: нижние этажи позволяют заходить внутрь и выходить наружу, общаться тем, кто внутри, с теми, кто на улице, это место встречи здания с городом[2]. Активные нижние этажи увеличивают время пребывания на улице, заставляя людей замедлять шаг и делать остановки.

Так, рецепт создания живых районов с социальной активностью довольно прост: городское пространство должно предлагать «короткие логичные маршруты»[3], облегчающие передвижение для пешеходов. Идя подобным маршрутом, можно незапланированно, «по дороге», сделать дополнительные остановки и пообщаться с людьми. Как результат, социально ориентированные города обеспечивают безопасность, удобство и привлекательность пространства для своих жителей.

---

[1] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 31.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 75.

[3] Ibid. P. 67.

В зависимости от того, насколько современным городам удается это делать, Я. Гейл классифицирует их следующим образом:

1. Традиционные, в которых основные функции города (место для общения, торговли и передвижения) гармонично сосуществуют друг с другом. Примером подобного города датский архитектор называет Венецию, в исторической части которой невозможно передвижение на автомобилях, а потому сохраняется низкая скорость передвижения, способствующая высокой социальной активности.

2. «Заполоненные», где одна из функций (передвижение) рассматривается как приоритетная и развивается, нанося ущерб двум другим (общению и торговле). Подобную ситуацию Я. Гейл считает характерной для Неаполя, Праги, Стамбула и многих других городов мира, где интересы транспорта оказываются выше потребностей пешеходов, вынужденных вследствие этого сосредотачиваться в отдельных районах, больше всего подходящих для них, в то время как б*о*льшая часть улиц города используется преимущественно для передвижения, а не для взаимодействий.

3. «Покинутые», где общественные пространства и уличная жизнь исчезли, люди предпочитают проводить время в помещениях и автомобилях, это «города автомобильной культуры». К ним относятся многие населенные пункты Северной Америки, где не всегда предусмотрены даже тротуары для пешеходов, поэтому передвижение на личном или общественном транспорте становится привычным для большей части населения.

4. «Отвоеванные», которые восстанавливают все традиционные функции города – общение, торговлю и передвижение – и пытаются найти баланс между ними. Подобная ситуация характерна, например, для Копенгагена, Барселоны, Мельбурна и многих других городов мира[1].

Наиболее наглядными примерами улучшения городской жизни вследствие появления общественных пространств Я. Гейл считает

[1] *Gehl J., Gemzøe L.* New City Spaces. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 2001. P. 14-20.

перекресток Гаммелторв и Нюторв, а также набережную Нюхавн в Копенгагене, Таймс-сквер в Нью-Йорке, Джордж-стрит в Сиднее и многие другие[1]. Они соответствуют пяти основным принципам городского планирования, сформулированных датским архитектором и ориентированным на пешеходов, а не на автомобилистов:

1. Компактное расположение городских объектов, выполняющих разные функции, чтобы для совершения множества повседневных дел не требовалось преодолевать большие расстояния. Это обеспечивает легкость перемещений и их быстроту, а также может способствовать сокращению поездок на личном и общественном транспорте.

2. Интеграция различных функций, то есть многофункциональность районов города, что обеспечивает не только разнообразие и богатство впечатлений, но также социальную устойчивость и безопасность за счет возможностей для формирования сплоченного местного сообщества.

3. Создание городского пространства, привлекательного для пешеходов и велосипедистов, которые не наносят ущерба окружающей среде и приносят пользу для своего здоровья, выбирая подобные способы передвижения.

4. Наличие «открытых границ» (*open edges*) между улицами и зданиями, которые на них стоят, чтобы жизнь могла свободно циркулировать между помещением и открытым воздухом. Примером подобной организации пространства являются открытые веранды ресторанов, стирающие границу между улицей с ее социальной жизнью и зданием.

5. Стимулирование пребывания людей вне помещений с помощью создания интересных или необходимых им объектов. Это могут обеспечить различные ярмарки, фестивали, выставки и другие мероприятия, организованные в общественных пространствах с открытым доступом для всех желающих[2].

---

[1] *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь. М.: Концерн «КРОСТ», 2016. С. 132-137, 153-157.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 13.

Эти простые принципы, по мнению датского архитектора, могут вернуть социальную активность на улицы любого города, сделать его «живым, безопасным, устойчивым и здоровым»[1]. Первые два элемента этой формулы – жизнь и безопасность – уже давно хорошо известны, благодаря произведениям Дж. Джекобс[2]. Датский архитектор добавляет еще два – устойчивость и здоровье. Они довольно тесно связаны друг с другом, поскольку устойчивость предполагает расширение возможностей «зеленой мобильности»[3] – передвижений пешком, на велосипеде и на общественном транспорте. С одной стороны, это способствует уменьшению числа автомобилей, как следствие, уровню шума, вредных выбросов в атмосферу и улучшению экологической ситуации. С другой стороны, «зеленая мобильность» увеличивает физическую активность людей, улучшает их самочувствие и состояние здоровья.

Конечно, «зеленая мобильность» может быть связана с определенными рисками для здоровья, если прогулки пешком совершаются в непосредственной близости от загруженных автомобильных дорог, а велосипедисты вынуждены передвигаться не по специально выделенным для них дорожкам. Однако Я. Гейл отмечает катастрофический рост ожирения во многих странах мира[4], главной причиной которого становится сидячий образ жизни, распространенный в современных городах. Пешие прогулки и езда на велосипеде – эффективные способы профилактики различных заболеваний, поэтому датский архитектор и призывает к тому, чтобы поощрять их соответствующим планированием городского пространства. Тем более что чем здоровее общество, тем меньше нагрузка и на систему здравоохранения, то есть физическая нагрузка приносит пользу не только самим людям, но и государству.

---

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 6.

[2] *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961.P. 29-73.

[3] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 7.

[4] Ibid. P. 111.

Кроме того, как отмечает британский социолог Дж. Урри, «ходьба также является самой “эгалитарной“ из всех систем мобильности. Хотя прогулка и маркирована классовой, гендерной, этнической и возрастной принадлежностью, и на возможность пешего хождения сильно влияет доступность технологий, все же в этой системе мобильности социального неравенства гораздо меньше, нежели в остальных. При прочих равных, чем мощнее пешеходная система, тем меньше социального неравенства в обществе. Можно сказать, что тротуары и тропы для “общества“ значительно полезней, чем кресла и автомобили»[1]. Соответственно, планирование городов, создающих условия для передвижения пешком, может способствовать, конечно, не решению, но хотя бы снижению остроты ряда социальных проблем.

Необходимость изменений требований к городскому пространству определяется, в том числе, и демографическими изменениями. Старение населения ведет к тому, что появляется все больше пожилых людей, многие из которых одиноки. Я. Гейл отмечает, что уже в 2009 году в половине квартир и домов Копенгагена проживало по одному человеку[2], что актуализирует необходимость создания общественных пространств, где можно взаимодействовать с другими людьми. На необходимость учета старения населения при планировании городского пространства вслед за датским архитектором указывает и другие авторы[3], то есть затронутая им проблема получает дальнейшее осмысление, в том числе и в социологии. Речь идет о том, что необходимо учитывать особые потребности пожилых людей, например, им, как и детям, довольно сложно преодолевать лестницы. Соответственно, Я. Гейл указывает на то, что город, предназначенный для разных социальных групп,

---

[1] *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. С. 198.

[2] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 28.

[3] Age-Friendly Cities and Communities: A Global Perspective. / ed. by T. Buffel, S. Handler and Ch. Phillipson. Bristol: Bristol University Press, 2019; Aging People, Aging Places: Experiences, Opportunities, and Challenges of Growing Older in Canada / ed. by M Hartt, S. Biglieri, M. Rosenberg and S. Nelson. Bristol: Bristol University Press, 2021.

должен быть на «уровне глаз» (*the city at eye level*), то есть количество лестниц (в подземных переходах и т. п.) должно быть минимальным.

Я. Гейл также уделяет довольно много внимания запросам велосипедистов, которые, как и пешеходы, активно участвуют в формировании живых, безопасных, устойчивых и здоровых городов. Велосипед представляет собой быстрое и дешевое средство передвижения, которое «полезно как для здоровья человека, так и окружающей среды»[1], и поэтому является более предпочтительным, нежели автомобиль. При этом опыт стран Северной Европы доказывает, что круглогодичное передвижение на велосипеде возможно даже там, где идет снег, а небольшое число велосипедистов на улицах городов связано не столько с климатическими условиями, сколько с отсутствием необходимой инфраструктуры. Соответственно, для популяризации данного способа передвижения и создания велосипедной инфраструктуры требуется заинтересованность городских властей.

Вместе с тем сам Я. Гейл заявляет о том, что он не самый большой поклонник данного транспортного средства, хотя и уделяет много внимания необходимости развития велосипедной инфраструктуры: «Моя работа касается людей, и велосипедисты для меня – просто разновидность людей. Они преступники, они нарушают все правила и законы, и, тем не менее, они люди. Что-то вроде быстрых пешеходов. Я не концентрируюсь на велосипедах – это чертовы транспортные дела. Меня интересует город как место, где люди встречаются и общаются. Я думаю о том, как создавать демократичные общественные пространства, которые были бы доступны всем абсолютно. Важно, чтобы в публичных местах вы могли бы сталкиваться с разными представителями общества»[2]. Город для людей не должен быть комфортным только для отдельных категорий жителей, поскольку гуманистические

---

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 11.

[2] *Элькина М.* Ян Гейл жалеет о том дне, когда заговорил о велосипедах. URL: http://future-spb.ru/archive2012/ (дата обращения 11.11.2021).

принципы градостроительства предполагают, что каждый может рассчитывать на то, что его интересы и потребности будут учтены.

Подводя итоги, можно отметить, что Я. Гейл в результате многолетних исследований формулирует новые принципы городского планирования, которые сегодня получают все большее распространение. Он доказывает, что качество городской среды определяется не столько количеством пешеходов, сколько многообразием видов их деятельности. Пешеходов может быть много вследствие транспортных проблем, поэтому «мерой качества городов»[1] и их общественных пространств датский архитектор называет объем необязательной деятельности, зависящий от организации городского пространства. Разнообразная городская среда увеличивает продолжительность прогулок, позволяя совершить больше действий, пообщаться с большим числом людей. Отсутствие возможностей для общения и рекреации приводит к минимизации времени, проводимого на улице, то есть к транзитному движению.

Наличие других людей вызывает интерес к происходящему, а иногда и желание к ним присоединиться. Чем чаще люди выходят из дома, чем больше времени они проводят вне помещений, тем выше вероятность того, что они встретят других и вступят во взаимодействие. Я. Гейл сравнивает хороший город с хорошей вечеринкой: люди остаются намного дольше, чем это действительно необходимо, потому что они получают от этого удовольствие[2]. Соответственно, о комфортности города может многое сказать присутствие на улицах людей.

Бывший мэр Боготы Э. Пеньялоса также считает важным показателем качества городской среды наличие на улицах людей, в первую очередь, детей: если город комфортен для детей, значит, там будет хорошо жить и всем остальным[3]. Нежелание людей задерживаться на улицах во многом является

---

[1] *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010. P. 134.

[2] Ibid. P. 147.

[3] Правила мэра: Энрике Пеньялоса. Архитектура для людей и люди в архитектуре. URL: http://www.archipeople.ru/index/index_855.html (дата обращения 15.11.2021).

результатом так называемого «пустынного проектирования»[1], характерного для функционализма, доминировавшего в середине XX века. Гуманистическое городское планирование «возвращает» людей на улицы, создавая комфортные общественные пространства для разных видов деятельности.

Эвристическая ценность концепции Я. Гейла заключается в том, что он обосновывает необходимость создания общественных пространств для повышения качества жизни горожан. Он демонстрирует то, что общественные пространства помогают людям поддерживать свою физическую форму, сохранять здоровье и заботиться об окружающей среде. Более того, датский архитектор рассматривает увеличение их числа как единственный возможный вариант развития городов в ближайшее время и считает, что «города для людей» могут предложить конструктивные ответы на многие вызовы XXI столетия, в том числе и демографические.

Необходимо также отметить, что его концепция имеет значительную практическую значимость, поскольку является основой для реорганизации пространства во многих городах мира, включая Москву. Тем не менее, некоторые утверждения датского архитектора требуют дополнительной проверки, поскольку их бесспорность пока не представляется очевидной.

Я. Гейл полагает, что наблюдение за одной из датских улиц позволило ему сформулировать универсальные принципы градостроительства, которые можно применять повсеместно, поскольку в любой стране мира есть люди, которые ходят пешком. Таким образом, он не считает необходимым дифференцировать подходы к городскому планированию в зависимости от размеров городов, характерных для них климатических условий, а также их экономического положения. Однако очевидно, что подобные различия между городами игнорировать нельзя. Преобразование городского пространства в соответствии с принципами гуманистического планирования – это дорогостоящее мероприятие, которое требует серьезных финансовых

[1] *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011. P. 46.

вложений. Как следствие, ресурсы, которыми располагает город, оказывают непосредственное влияние на количество проектов, которые могут быть реализованы.

Москва, как и многие другие глобальные города мира, привлекательные для инвесторов, безусловно, могут себе позволить подобные расходы. Более того, по словам мэра Москвы С. С. Собянина, сегодня «основные вложения делаются в нематериальные активы, потому что главная ценность, за которую сейчас борются мегаполисы, – это человеческий капитал»[1]. Поэтому неудивительно, что в российской столице реализуются дорогостоящие проекты, такие как парк Зарядье. Строительство на этой дорогой земле в центре города делового центра или элитного жилья дает возможность получить разовую выгоду, в то время как качественное общественное пространство обеспечивает более устойчивый экономический рост, во-первых, благодаря увеличению туристического потока, и появлению новых инвесторов, для которых город становится привлекательным, во-вторых. Соответственно, расходы на обустройство общественных пространств в ведущих городах мира могут не только окупиться, но даже принести городу прибыль. Однако для большинства городов поиск ресурсов на благоустройство, не говоря уже о его окупаемости, – это гораздо более сложная проблема.

Размеры городов также нельзя не учитывать, особенно рассматривая транспортные проблемы. Я. Гейл полагает, что создание общественных пространств для пешеходов может стать способом если не решения транспортных проблем, то хотя бы уменьшения их масштабов, поскольку увеличение числа людей, которые ходят пешком, уменьшает загруженность автомобильных дорог. Однако в условиях больших городов, а тем более агломераций, пешком можно передвигаться лишь в пределах своего района,

[1] Сергей Собянин: На каждый вложенный в инфраструктуру рубль мы получаем три рубля частных инвестиций. URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/5045050/ (дата обращения 05.11.2021).

что характерно лишь для незначительной части населения. Даже велосипеды не могут вытеснить другие виды транспорта в крупных городах из-за тех расстояний, которые вынуждены преодолевать их жители. Очевидно, что каждый из городов имеет свои особенно, под которые должны быть оптимизированы принципы гуманистического подхода. Более того, сами принципы, выделенные Я. Гейлом, во многом являются утопичными, поскольку не учитывают интересов девелоперов и инвесторов, активно включенных в реорганизацию пространства современных городов.

Следует отметить, что Я. Гейл осознает важность проектирования городов с учетом необходимости решения экологических проблем, в частности, предлагая минимизировать выбросы углекислого газа в атмосферу за счет «зеленой мобильности». Однако возможности участия жителей городов в сокращении негативного воздействия на окружающую среду гораздо шире, чем отказ от неэкологичных видов транспорта, что, тем не менее, не рассматривается исследователем. Соответственно, экологическая проблематика представлена в его произведениях не так широко, как это можно было бы ожидать, тем более что сегодня данная тема привлекает к себе все больше внимания со стороны не только ученых, но и широких слоев общественности.

Концепция Я. Гейла представляет безусловный интерес для современной социологии, поскольку предлагает практические решения, способные снизить остроту многих социальных проблем за счет повышения качества городской среды. Опыт показывает, что городское пространство, организованное в соответствии с гуманистическими принципами, активизирует многогранную социальную жизнь. Соответственно, городское пространство может вернуть себе одну из самых важных функций, практически утраченную в XX веке – содействие образованию сообществ, являющихся, как и прежде, значимым актором, к голосу которого необходимо прислушиваться.

Выводы по третьей главе:

Л. Мамфорд и Дж. Джекобс развивали идеи британской школы проектировщиков городского пространства, представители которой призывали изменить вектор урбанизации. Однако если П. Геддеса, Ч. Бута, Э. Говарда и других социологов на рубеже XIX – XX века беспокоили в первую очередь санитарно-гигиенические условия жизни широких масс населения в индустриальных городах, то в центре внимания американских исследователей в середине XX столетия оказались социальные проблемы, ставшие результатом распространения гомогенной высокоэтажной городской среды, к которой и Л. Мамфорд, и Дж. Джекобс относились крайне негативно. В частности, Л. Мамфорда волновал тот факт, что в основе подхода к планированию городов зачастую оказывается реализация «принципа минимума жизни», который предполагает соблюдение всех санитарно-гигиенических норм, но не ведет к созданию комфортной городской среды вследствие экономии пространства, предназначенного для жилья, отдыха, передвижений и так далее.

При этом Л. Мамфорд и Дж. Джекобс предлагали разные стратегии дальнейшего развития урбанизации. Первый вслед за Э. Говардом призывал к строительству небольших городов, считая все мегаполисы источником социальных проблем. Дж. Джекобс, в свою очередь, полагала, что даже в крупном городе можно создать условия для формирования комфортной городской среды. Главным условием повышения качества жизни в городах, в том числе и больших, исследовательница считала реализацию проектов градостроительства, способствующих созданию и поддержанию регулярных, но поверхностных социальных связей, совокупность которых она описывала с помощью термина «соседство». Некоторые из ее тезисов не являются новыми, но именно Дж. Джекобс многое сделала для того, чтобы они стали основой современного городского планирования.

На основе развития ряда идей Дж. Джекобс датский архитектор Я. Гейл предложил свою гуманистическую концепцию города, которую считал

возможным адаптировать для населенного пункта любого размера. Все авторы, чьи концепции представлены в данной главе, предлагали формировать городское пространство, опираясь на потребности населения, то есть «снизу». Это предполагает создание разнообразной городской среды, учитывающей интересы множества социальных групп и создающей возможности для коммуникации.

Идеи Я. Гейла получают свое продолжение, задавая новые стандарты работы архитекторов в XXI столетии, которые опираются на потребности людей, в том числе в общении и взаимодействии[1]. Тем не менее, концепции Л. Мамфорда, Дж. Джекобс и Я. Гейла можно назвать в чем-то популистскими, что характерно для современной науки, и социология не является здесь исключением. Исследователи, чьи концепции представлены в данной главе, предлагают привлекательные проекты модернизации городов, но далеко не всегда учитывают весь комплекс факторов, связанных с логикой развития урбанизации на современном этапе (продолжающийся рост городов, гетерогенность их коммуникативного пространства и так далее), а потому их эвристические границы несколько уже, чем у ряда других, рассмотренных в данной работе.

Тем не менее, концепции Мамфорда, Дж. Джекобс и Я. Гейла являются значимыми для социологии, поскольку предлагают рассмотрение города как пространства, которое должно обеспечивать возможности для взаимодействия и интеграции сообществ. Авторов объединяет критика основных тенденций градостроительства середины XX века, которые способствовали сокращению числа социальных контактов и «разрушили» сообщества. Выводы, которые делаются ими преимущественно на основе наблюдения, позволяют разработать комплексный подход, рассматривать город как сложную систему, эффективно функционирующую при условии активной роли местных

[1] *Donovan J.* Designing to heal: Planning and urban design response to disaster and conflict. Collingwood: Csiro publishing, 2013; *Coffin C.J., Young J.* Making Places for People: 12 Questions Every Designer Should Ask. New York – London: Routledge, 2017.

жителей. Особую ценность представляют разработанные авторами практические рекомендации по преобразованию городского пространства, которое должно проходить при активном участии местных сообществ и в соответствии с их интересами.

К 1990-м годам становится очевидно, что архитектура начинает модифицироваться вследствие серьезной критики своих социальных и философских основ[1], разрабатываются новые подходы к городскому планированию, учитывающие культурные особенности и экономическое положение стран, для которых они предназначены. Таким образом, Л. Мамфорд, Дж. Джекобс и Я. Гейл выполняют функции своеобразных социальных технологов, предлагающих новые проекты реорганизации городского пространства. Все они указывают на важность социальных взаимодействий в городах, поскольку только эффективная коммуникация может помочь в артикуляции интересов жителей и их защите перед городскими властями.

[1] *Fuentes G.* The real new urbanism: Engaging developing world cities // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 2. P. 174.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. ГЛОБАЛИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ[1]

§ 1. Концепция дуальности городов Мануэля Кастельса

Мануэль Кастельс (*Manuel Castells*) (р. 1942) – американский социолог, родившийся в Испании и получивший образование во Франции, с января 2020 года занимающий пост министра высшего образования в своей родной стране. Учеба М. Кастельса начинается в Университете Барселоны, где он изучал экономику и право, однако он был вынужден бежать во Францию после участия в выступлениях против режима Ф. Франко. В Парижском университете М. Кастельс завершил свое образование и в 1967 году начал

[1] Материалы данной главы диссертации нашли отражение в следующих публикациях, выполненных автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Современные подходы к изучению пространственного неравенства // Социология. 2020. № 5. С. 5-12 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А., Добринская Д. Е. Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25-33 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 58-76; Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5-19; Вершинина И. А. Трансформация социальной структуры в информациональном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3-17; Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 60-84 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2019; Самсонова Т. Н., Вершинина И. А. Глобальные города vs государства? К вопросу о роли глобальных городов в условиях глобализации // Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2019 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2018; Вершинина И. А. Пространственное неравенство и социальная несправедливость в современной России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018». Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 21-23.

академическую карьеру. Первыми дисциплинами, которые он преподавал, стали методология социологического исследования и социология города[1].

М. Кастельс оказался в центре студенческих волнений 1968 года в Париже[2], что серьезно осложнило его положение во Франции, вплоть до возникновения угрозы высылки из страны. По мнению исследователя творчества М. Кастельса Ф. Вебстера, его спасло лишь вмешательство научного руководителя А. Турена[3]. В 1979 году М. Кастельс переехал в США, получив должность профессора в Университете Беркли в Калифорнии. Однако первые труды, в том числе, и по городской проблематике, были написаны им во Франции. Так, в творчестве М. Кастельса можно выделить два периода:

– французский, во время которого социолог находится под влиянием представителей французского неомарксизма, в частности, Л. Альтюссера и А. Лефевра;

– американский, во время которого М. Кастельс разрабатывает теорию сетевого общества и осмысливает влияние технического прогресса, особенно информационных технологий, на социальные процессы.

При этом многие идеи обоих периодов пересекаются, чтобы их упорядочить, можно выделить несколько направлений исследований в творчестве социолога. Первое из них – социальные проблемы городов, которые анализируются исследователем на протяжении как французского, так и американского периодов работы. «Городской вопрос»[4] публикуется в 1972 году и сразу приносит ученому широкую известность. Другие работы М. Кастельса в этой области: «Город, класс и власть»[5], «Город и массы: кросс-культурная

[1] Manuel Castells. URL: http://sociology.berkeley.edu/professor-emeritus/manuel-castells (accessed: 05.12.2021).

[2] *McNeill D.* Urban change and the European left: tales from the new Barcelona. London; New York: Routledge, 1999. P. 114.

[3] *Webster F.* Manuel Castells in Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / ed. by J. Scott. New York: Routledge, 2007. P. 51.

[4] *Castells M.* La Question Urbaine. Paris: François Maspero, 1972; *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977.

[5] *Castells M.* City, Class and Power. London; New York: MacMillan; St. Martins Press, 1978.

теория городских социальных движений»[1] и «Информационный город: информационные технологии, структурная перестройка экономики и городского регионального процесса»[2] и так далее. За вклад в развитие городских исследований в 1998 году М. Кастельс получает от Американской социологической ассоциации награду имени Роберта и Хелен Линд.

Социальные трансформации, происходящие вследствие развития информационных технологий, а также анализ современных способов коммуникации – еще одно направление исследований М. Кастельса, которое оказывается в центре его внимания во время работы в США. По этой теме им были опубликованы такие работы, как трехтомник «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»[3], «Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе»[4], «Информационное общество и государство всеобщего благоденствия: финская модель» в соавторстве с П. Химаненом[5], «Власть коммуникации»[6] и другие. М. Кастельса часто называют автором теории сетевого общества[7], хотя данный термин чаще выносился в название произведений, написанных не единолично им, а опубликованных под его редакцией: «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива»[8], «Сетевое общество: от знания к политике»[9] и других.

---

[1] *Castells M.* The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. Berkeley, CA: University of California Press, 1983.

[2] *Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell, 1989.

[3] *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. 1996-1998.

[4] *Castells M.* The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001.

[5] *Castells M., Himanen P.* The Information Society and the Welfare State: the Finnish model. Oxford: Oxford University Press, 2002.

[6] *Castells M.* Communication power. Oxford, New York: Oxford University Press, 2009.

[7] См., например: *Полякова Н. Л.* Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от «социологической ортодоксии» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 4. С. 84.

[8] *Castells M.* The Network Society: a Cross-Cultural Perspective edited by Manuel Castells. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2004.

[9] *Castells M.* The Network Society: from Knowledge to Policy edited by Manuel Castells and Gustavo Cardoso. Washington, WA: Johns Hopkins for Transantlantic Relations, 2006.

Третье направление, которое необходимо отметить, связано с изучением социальных движений. Эта тема хорошо знакома социологу со времени французского периода, поскольку она является одной из центральных для творчества А. Турена, оказавшего серьезное влияние на становление воззрений исследователя. Очевидно, что данная тема приобретает в последние годы особое значение для социолога, в частности, в 2012 году увидела свет его монография, в которой рассматривается функционирование социальных движений в эпоху интернета – «Сети зла и надежды: социальные движения в эпоху Интернета»[1]. М. Кастельс также подчеркивает особую роль социальных движений в преобразовании городов, поэтому можно говорить о том, что различные направления творчества пересекаются друг с другом.

Необходимо отметить, что есть темы, которые присутствуют практически во всех произведениях М. Кастельса. Он постоянно обращается к проблемам функционирования современной экономической системы, хотя в названия они выносятся довольно редко, например: «Экономический кризис и американское общество»[2]. Тем не менее, экономические проблемы, по мнению социолога, являются основополагающими для анализа общества, в том числе и городского вопроса. М. Кастельс во многом рассматривает города как пространственное выражение капитализма и полагает, что зачастую именно экономические интересы оказываются в основе стратегий их развития.

При этом можно увидеть и некоторую эволюцию идей социолога: в начале творчества речь идет об отдельных городах, однако позднее урбанизация начинает рассматриваться как глобальный процесс, где города представляют собой узлы сложных сетей. Кроме того, изначально одним из центральных понятий социального анализа является класс, однако, начиная с середины 1980-х годов М. Кастельс акцентирует внимание уже не столько на классах, сколько на социальных движениях, полагая, что в качестве агентов

[1] *Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012.

[2] *Castells M.* The Economic Crisis and American Society. Princeton: Princeton University Press, 1980.

перемен в эпоху глобализации выступают экологи, феминистки, представители сексуальных меньшинств и других социальных групп.

Рассмотрим сначала французский период творчества социолога, во многом прошедший под влиянием представителей неомарксизма. Работая во Франции, М. Кастельс, конечно же, знакомится с работами А. Лефевра, в том числе и по городской проблематике. Более того, М. Кастельс называет А. Лефевра одним из «величайших теоретиков»[1], что не мешает ему оценить анализ городского вопроса французским социологом как недостаточно глубокий.

В частности, по словам М. Кастельса, у А. Лефевра, «нет конкретного ответа на теоретические вопросы, связанные с социальной определенностью пространства и городской организацией»[2]. Главный вклад А. Лефевра в разработку городской проблематики он видит в том, что французский социолог положил начало критике городского устройства и развития, а также обратил внимание других ученых на существующие в данной сфере противоречия[3]. Однако А. Лефевру, исходя из логики рассуждений М. Кастельса, не удалось предложить решение «городского вопроса». Вместе с тем необходимо отметить, что работа «Городской вопрос» была опубликована М. Кастельсом в 1972 году, до того, как увидело свет наиболее известное произведение А. Лефевра по данной теме – «Производство пространства», в котором некоторые моменты французским социологом уточняются.

«Главной задачей общественных наук»[4], в том числе и социологии, М. Кастельс считает изучение характеристик и законов функционирования «урбанистического общества» (*urban society*), которое социолог понимает следующим образом: «Когда говорят об “урбанистическом обществе”, речь идет не просто о наблюдении пространственной формы. “Урбанистическое

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 86.
[2] Ibid. P. 93.
[3] Ibid.
[4] Ibid. P. 74.

общество” характеризуется, прежде всего, определенной культурой, городской культурой в антропологическом смысле этого слова; то есть некой системой ценностей, норм и общественных отношений, обладающих исторической спецификой и своей собственной логикой организации и трансформации. В этом случае термин «урбанистический», привязанный к определенной культурной форме… связан с производством культуры природой или, иначе говоря, конкретной системы общественных отношений (городской культуры) данным экологическим контекстом (городом)»[1]. Очевидно, что М. Кастельс напоминает читателям, с одной стороны, о социально-экологическом подходе к исследованию городов, характерном для представителей Чикагской школы[2], с другой стороны, отсылает к А. Лефевру[3] с его концепцией «производства» пространства.

Следует отметить, что некоторое сходство с идеями Л. Вирта прослеживается и при определении М. Кастельсом урбанизации. Термин «урбанизация», по его мнению, имеет два основных значения: он в равной мере «относится как к формированию определенных пространственных форм социальной жизни, характеризующихся значительной концентрацией населения и деятельности в ограниченном пространстве, так и к существованию и распространению определенной культуры, которая получила название городской»[4]. То есть урбанизация рассматривается им как процесс формирования социальных образований, для которых характерна особая культура, а не только высокая концентрация населения. При этом он предлагает рассматривать городские районы, которые обладают высокой степенью функциональной и социальной независимости в качестве элементов «городской сети» (*urban network*)»[5], то есть понятие «сеть» вводится уже в

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 75.

[2] См., например: *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

[3] *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.

[4] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 15.

[5] Ibid. P. 17.

ранней работе М. Кастельса, и его теория сетевого общества является продолжением тех идей, которые формируются еще на французском этапе его творчества.

Вместе с тем социолог указывает на то, что характеристики особой культуры городов соответствуют определенной исторической реальности, которая в XX столетии определяется «капиталистической индустриализацией»[1], ведущей к «пространственной концентрации»[2]. Тем самым, специфическая культура городов рассматривается во многом как результат экономических процессов, что демонстрирует явную преемственность с классическим марксизмом и концепцией А. Лефевра, представлявшего урбанизацию как последовательную смену эпох в соответствии со способом производства[3]. Однако в центре внимания А. Лефевра оказывается символическая составляющая городского пространства, отражающая исторический процесс, в то время как М. Кастельс предлагает сосредоточиться на городах как ключевых центрах принятия политических и экономических решений.

В предисловии к англоязычному изданию «Городского вопроса» он подчеркивает, что в своей работе предлагает «адаптацию марксистских понятий к городской сфере, используя то прочтение Маркса, которое дал французский философ Луи Альтюссер»[4], то есть старается дистанцироваться от той интерпретации марксизма, которую предлагает А. Лефевр. Главная задача, которую ставит перед собой М. Кастельс, заключается в том, чтобы применить теоретические положения марксизма для анализа практики управления городами, то есть того, как в них реализуется функция целеполагания.

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 81.

[2] Ibid. P. 90.

[3] *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 8-15.

[4] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. IX.

Социолог начинает решение этой задачи с определения основного понятия – города, в котором он считает необходимым подчеркнуть не только высокую концентрацию населения, но и особую культуру и образ жизни. Как следствие, М. Кастельс считает не вполне корректным демографическое определение, которое отталкивается от численности населения. Он указывает на тот факт, что для американской статистики городом является населенный пункт, численность жителей которого превышает 2 500, а для многих европейских стран – 10 000[1]. Тем самым одной лишь численности населения недостаточно для выявления специфики городов, и М. Кастельс предлагает дополнить демографическое определение характеристикой, связанной с особенностями организации экономической деятельности.

Для него города представляют собой населенные пункты, жители которых заняты вне сферы сельского хозяйства: «Города становятся жилой формой тех членов общества, чье непосредственное присутствие в местах сельскохозяйственного производства не было обязательным»[2]. Соответственно, необходимое условие появления городов – возникновение излишков сельскохозяйственного производства, благодаря которым некоторые члены общества могут быть избавлены от участия в системе сельскохозяйственного производства. Так, города являются следствием развития технологий, позволяющих увеличить производительность труда, вследствие чего выращивается больше продуктов, нежели необходимо для выживания общества. Города, соответственно, становятся религиозными, административными и политическими центрами, в которых происходит процесс обмена продуктов чужого труда.

Исходя из подобной логики рассуждений, города представляют собой «географический локус, в котором располагается политико-административная надстройка общества»[3]. Именно таким образом М. Кастельс и рассматривает

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 10.
[2] Ibid. P. 11.
[3] Ibid. P. 12.

города, как политико-административную надстройку, во многом обусловленную экономическими процессами. Это во многом воспроизводит характеристику города как политико-экономического образования, предложенную М. Вебером[1], хотя М. Кастельс предлагает прочтение экономической истории все-таки на основе марксизма.

Отправной точкой своих рассуждений исследователь считает «гипотезу о том, что отношения между обществом и пространством (которые и представляют собой процесс урбанизации) детерминируются способами производства, которые исторически сосуществуют (с преобладанием одного над другим) в конкретном общественном образовании и во внутренней структуре каждого из этих способов производства»[2]. Соответственно, появление, рост и трансформация городов – следствия изменения способа производства. Однако на протяжении всей их длительной истории они выполняют политико-административные функции, то есть являются местами принятия решений.

Тем не менее, капиталистический способ производства приводит к значительному росту экономических функций города, который становится еще и мощнейшим производственным центром. Конечно, промышленный город по своим характеристикам и размерам значительно отличается от города, характерного для аграрного общества, поэтому его необходимо рассматривать в определенном историческом контексте, что осложняет разработку его универсального определения. Но для М. Кастельса очевидно, что это пространственное образование, которые выделяется среди других не только своими размерами, но и функциями, поскольку играет важную роль в принятии политических и экономических решений.

Тезис о том, что развитие городов во многом обусловлено политическими факторами, социолог подтверждает сравнительным анализом урбанизации при капитализме и социализме. В капиталистических странах

---

[1] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 34-35.

[2] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 64.

главные факторы, определяющие урбанизацию, – экономические и технологические. В свою очередь, в социалистических странах особенность урбанизации заключается в том, что социальная организация определяется не столько экономикой, сколько политикой: «Политическая линия партии в организации отношения к пространству, возможно, изменяет отношение к экономическому или технологическому»[1]. Вероятно, подобный вывод делается вследствие того, что индустриализация в СССР является форсированной, то есть представляет собой не только экономический процесс, но и политический проект. Таким образом, урбанизация детерминируется не только экономическими интересами, но и теми задачами, которые ставит перед собой государство.

Кроме того, М. Кастельс указывает на то, что анализ пространства позволяет получить представление о социальной структуре общества. В частности, рассматривая жилищный вопрос, он отмечает, что распределение жилья в пространстве создает свою социальную дифференциацию и определяет городской пейзаж. Более того, социолог настаивает на том, что «городская стратификация» (*urban stratification*) связана с системой социальной стратификации: «Следует говорить о городской стратификации, соответствующей системе социальной стратификации (или системе распределения товаров между людьми и группами), в случаях, когда социальная дистанция получает пространственное выражение»[2]. Таким образом, городская стратификация представляет собой пространственное отражение социального неравенства.

Ее следствием становится городская сегрегация, то есть «организация пространства с делением на зоны с высокой внутренней социальной однородностью, но серьезными различиями и сильным неравенством между собой»[3]. Следовательно, процесс конструирования городского пространства

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 65.
[2] Ibid. P. 169.
[3] Ibid. P. 169.

является отражением социального неравенства и детерминируется им. Так, проблема социального неравенства становится одной из основных для М. Кастельса при рассмотрении городского вопроса и получает продолжение и в более поздних его произведениях[1]. Другими факторами, определяющими пространственные формы, исследователь называет «элементы экономической, политической и идеологической систем, а также их комбинаций и социальных практик, вытекающих из них»[2]. При этом социолог описывает влияние каждой из этих систем на пространственную организацию, чтобы продемонстрировать их тесную взаимосвязь.

Пространственное выражение *экономической системы* можно найти в диалектике между производством (пространственное выражение средств производства) и потреблением (пространственное выражение рабочей силы)[3]. При этом в результате пространственных перемещений между производством и потреблением возникает производный элемент, обмен, который обеспечивается транспортом и торговлей.

В свою очередь, *политико-институциональная система* определяется двумя видами отношений: господства-упорядочивания и объединения-подавления[4]. Пространственным выражением институциональной системы становится сегментация пространства (например, деление на районы) и влияние на экономическую организацию пространства. Таким образом, административная сегментация пространства отражает логику, свойственную институциональной системе.

Идеологическая система организует пространство, маркируя его сетями знаков, которые должны быть поняты. Истолкование знаков оказывает влияние на социальную структуру в целом. Пространственные формы, по словам М. Кастельса, следует рассматривать как культурные формы и,

---

[1] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 227.

[2] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 126.

[3] Ibid. P. 226.

[4] Ibid. P. 209.

следовательно, как выражение символических систем, в том числе идеологий[1]. Однако, полемизируя с А. Лефевром, М. Кастельс говорит, что городское пространство нельзя рассматривать как уже написанный текст[2]. С его точки зрения, городское пространство – это экран, постоянно наполняемый символами, меняющимися в соответствии с производством идеологического содержания в процессе осуществления социальных практик. Так, город представляет собой символическую структуру, «ансамбль знаков, связующее звено между обществом и пространством, природой и культурой»[3].

Городской вопрос для М. Кастельса является во многом «идеологическим вопросом, в том смысле, что он смешивает в одном и том же дискурсе проблему пространственных форм, которая касается процесса воспроизводства рабочей силы, с культурной спецификой “общества модерна”»[4]. Городское пространство рассматривается как социальный продукт, который определяется техническим прогрессом и индустриализацией, а также экономической, политической и идеологической системами общественных отношений, формирующими социальное неравенство. Соответственно, пространство, по мнению М. Кастельса, детерминируется «исторической конъюнктурой»[5], а потому не может не быть идеологизированным.

Необходимо также отметить, что социолог одним из первых обращается к вопросу о том, как городское пространство адаптируется к изменению производства вследствие становления постиндустриального общества. Его интересует процесс формирования урбанизированных регионов, который в 1960-е годы довольно подробно рассматривается франко-американским исследователем Ж. Готтманом[6], на труды которого М. Кастельс опирается в

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 218.
[2] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. P. 53.
[3] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 227.
[4] Ibid. P. 429.
[5] Ibid. P. 430.
[6] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

своих работах[1]. В частности, в «Городском вопросе» социолог указывает на то, что развитие высокоурбанизированных регионов соответствует «капиталистической логике»[2], одним из проявлений которой становится массовое общество.

Однако возможности для децентрализации обеспечивает технологическая революция, в частности, посредством развития средств коммуникации. Так, распространение транспорта, позволяющего быстро добираться из пригородов до торговых центров, неизбежно ведет к расползанию урбанистических регионов за пределы городских границ. Таким образом, развитие средств коммуникации в результате научно-технического прогресса способствует трансформации городских форм. Эта тема впоследствии находит продолжение как в трудах самого М. Кастельса[3], так и других исследователей, например, у американского урбаниста Э. Сойи[4].

Очевидно, что французский этап творчества М. Кастельса характеризуется опорой на идеи и терминологию марксизма, а процессы городского развития рассматриваются как детерминируемые способом производства. Однако позднее, после переезда социолога в США, начинается постепенная эволюция его идей и терминологии, происходит отдаление от марксизма. Несмотря на то, что город понимается как политико-экономическое образование и в более поздних произведениях ученого, его терминология становится иной.

В частности, М. Кастельс начинает рассматривать города как «коммуникативные системы, которые <…> связывают глобальное и

---

[1] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 549.

[2] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 23.

[3] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 548-558.

[4] *Soja E.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 207–225; *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000.

локальное»[1]. Социолог предлагает теорию сетевого информационализма, или сетевого информационного капитализма[2], которая позволяет объяснить социальные трансформации, наблюдаемые в городах конца XX века. Согласно М. Кастельсу, современный этап развития капитализма следует называть информациональным вследствие того, что формируется совершенно «новая технико-экономическая система»[3], в основе создания и функционирования которой находятся информационные технологии.

Многие трансформации являются следствием научно-технического прогресса, изменившего все сферы общественной жизни. Новое общество, сетевое, как его характеризует сам М. Кастельс и многие другие исследователи[4], задает новые принципы структурирования социального пространства и приводит к серьезным изменениям социальной структуры и городского пространства. Новое общество базируется на трех процессах – информационализации, глобализации и сетевизации[5], которые ставят новые задачи перед городами и более сложными урбанистическими образованиями.

В современном мире сети приобретают новое значение, в первую очередь, благодаря внедрению новых информационных и коммуникационных технологий. Сети на протяжении большей части истории человечества постоянно сталкивались с одной серьезной проблемой: вне зависимости от размеров и уровня сложности, возникали немалые трудности при координации функций, при сосредоточении ресурсов для достижения соответствующих

---

[1] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 552-553.

[2] См., например: *Полякова Н. Л.* Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от «социологической ортодоксии» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 4. С. 84.

[3] *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. P. 18.

[4] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 548; *Stock W. G.* Informational Cities: Analysis and Construction of Cities in the Knowledge Society // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. № 62(5). P. 963.

[5] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 548.

результатов, а, следовательно, и при выполнении поставленной задачи в целом. Однако в информациональной экономике у сетей появилась возможность в полной мере продемонстрировать присущую им гибкость и адаптивность. Современные технологии позволяют осуществлять координацию задач и комплексное управление, результатом чего стало беспрецедентное сочетание гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации.

Информационные технологии и вездесущие потоки информации, являющиеся их результатом, приводят к модификации всей социальной организации: меняется способ производства, потребления и управления, происходит трансформация всей нашей жизни. Индивиды должны научиться ориентироваться в потоках информации, так как она становится ключевым компонентом всех социальных процессов, в том числе и процесса производства. Повышение гибкости всех процессов требует своевременной реакции на новую информацию, современные технологии заставляют минимизировать дистанцию между экономикой и другими сферами общественной жизни.

Сети, согласно М. Кастельсу, представляют собой «совокупность взаимосвязанных узлов»[1], это гибкие «открытые структуры, способные расширяться без ограничений, объединяя новые узлы, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют одни и те коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи)»[2]. Сети пронизывают все сферы жизнедеятельности современного общества, при этом они довольно сильно различаются между собой в зависимости от того, для решения каких именно задач создаются, но их

[1] *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. P. 501.

[2] Ibid.

объединяет то, что они распространились по всему миру и оказывают значительное влияние на формирование социальных практик.

Произошедшие изменения не могли не сказаться на пространстве и его восприятии. Как полагает М. Кастельс, это привело к тому, что город в своем традиционном понимании (до начала информационной эпохи) перестает быть необходимым и теряет свою значимость: «таким образом, утрачивается потребность в городах»[1]. Пространственные границы довольно быстро стираются, в первую очередь, между городами и пригородами, способствуя появлению крупных урбанистических образований.

Социолог указывает на то, что сегодня мы имеем дело с урбанизированными регионами, которые представляют собой «смесь городов и сельской местности»[2], где большое число людей функционально взаимосвязано друг с другом на огромных территориях. Таким образом, работая в США, М. Кастельс возвращается к идее французского периода о формировании урбанизированных регионов, в которых границы городов являются довольно прозрачными и легко преодолимыми. Так, пространство реконструируется вследствие трансформации систем коммуникации и транспортного сообщения. Важную роль в процессе стирания границ, причем не только между городами и пригородами, играет интернет, способствующий образованию глобальных сетей.

При этом М. Кастельс остается верным логике рассуждений, которая прослеживается во время более раннего периода его творчества – трансформация пространства начинается с изменений в сфере производства. Принципы организации экономической жизни становятся иными, «фирмы становятся полностью независимыми в своем местонахождении, получают большую степень свободы в совершении своих операций благодаря гибкости

---

[1] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 1.

[2] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 549.

информационных систем, а также плотности и скорости транспортной сети»[1]. Следовательно, пространственные изменения во многом являются результатом становления информационального капитализма: «Я утверждаю, что существует исторически артикулированный комплекс преобразований, которые одновременно касаются капитализма как социальной системы, информационализма как способа развития и информационных технологий как мощного рабочего инструмента»[2]. Подобный комплекс социально-экономико-технической матрицы и является фактором, меняющим общества, и как следствие, города и регионы.

Происходящие трансформации пространственных форм и процессов М. Кастельс рассматривает как специфическое проявление взаимодействий «между информациональным способом развития (в двух своих измерениях: технологическом и организационном) и реструктуризацией капитализма»[3]. Он выделяет четыре главных пространственных процесса, наиболее ярко характеризующих информациональную экономику[4].

Первым из них является четкое разделение труда внутри производства, которое организовано таким образом, что на каждом из этапов используется разная рабочая сила, соответствующая определенным функциональным требованиям. Это становится причиной пространственной сегрегации, поскольку подразделение, в котором работают высококвалифицированные сотрудники, располагается в благополучном районе (регионе, стране), а подразделение, состоящее из низкоквалифицированных работников, может находиться совершенно в другом месте.

Второй процесс проявляется в доминировании в технической, социальной и пространственной иерархии функции производства информации, требующей инновационной среды и обладающей

---

[1] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 1.

[2] Ibid. P. 3.

[3] Ibid. P. 3.

[4] Ibid. P. 74.

специфическими пространственными атрибутами, которые концентрируются в отдельных местах с ограниченным доступом.

Третий процесс – децентрализация различных функций производства, воспроизводящий иерархическую модель внутренней структуры производства и соответствующей пространственной логики.

Наконец, четвертый процесс связан с производством высоких технологий, которое характеризуется чрезвычайно высокой гибкостью в своем месторасположении, и исключение составляет только высший уровень инновационного окружения. Эта гибкость является результатом тесных взаимосвязей индустрии со своими рынками в условиях постоянных изменений месторасположения этих рынков.

Информациональное производство концентрируется в больших городах, которые обладают высокой конкурентоспособностью, в частности, благодаря непосредственной близости от них инновационных центров. Подобные мегаполисы, которые характеризуются одновременно «глобальной включенностью» и «локальной исключенностью»[1], оказываются в центре внимания ученых. Мегаполисы являются элементами глобальных сетей и ориентируются преимущественно на них, игнорируя все остальные.

М. Кастельс называет влияние технологий решающим фактором динамики социальных отношений в урбанизированном пространстве[2], особенно в мегаполисах. Городу всегда была свойственна двуликость, которую создавали тесное соседство изобилия и нищеты. В истории городов не было периодов, когда рядом с роскошными особняками не бродили бы бездомные. Неолиберальный капитализм, усиливая социальное неравенство, продолжает раскалывать города на две части: ухоженные благополучные кварталы и районы трущоб. Однако традиционное неравенство, характерное для городов на протяжении многих веков, так же, как и многое другое,

[1] *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. P. 436.

[2] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 172.

трансформируется с приходом информациональной экономики, ведущей к формированию дуальных городов.

Дуальность городов предполагает, что в городском пространстве «формируются резко сегрегированные районы»[1], в одних из которых живут богатые, а в других – бедные. Одним из результатов развития информационального капитализма является сокращение численности средних слоев, социальная структура становится более стратифицированной и менее открытой для профессиональной вертикальной мобильности, нежели это было в недавнем прошлом. Представители среднеквалифицированной рабочей силы начинают ощущать, что знания, навыки, умения и привилегии высшего класса, состоящего из профессионалов, являются для них недостижимыми.

Дуальность современных городов следует рассматривать как результат нескольких причин:

– роста информационного сектора и падения роли сектора индустриального,

– повышения и понижения значимости различных видов труда,

– различий между формальной и неформальной сферами,

– поляризации профессиональной структуры.

Все вышеперечисленное способствовало формированию резко дифференцированной рабочей силы, которая кристаллизуется во вполне определенных стилях жизни, отличающихся способами ведения домашнего хозяйства, внутрисемейными отношениями и использованием городского пространства.

Так, М. Кастельс отмечает формирование разных жизненных миров, которые все больше отдаляются друг от друга, в дуальных городах: «Пространство высшего слоя обычно связано с глобальной коммуникацией и обширной сетью обмена, открытой к посланиям и событиям, которые охватывают весь мир. На другом конце спектра сегментированные локальные

[1] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 550.

сети, зачастую имеющие этническую основу и считающие своим главным ресурсом идентичность, отстаивают свои интересы и, в конечном счете, саму свою суть»[1].

Таким образом, можно говорить о том, что в современных городах оформляются параллельные пространства, жители каждого из которых характеризуются своим собственным жизненным миром. Структурные позиции в системе производства и потребления, связанные с определенным образом жизни, предполагают кардинальные отличия в финансовых средствах и социокультурных навыках. Это ведет к формированию дуальных городов, в которых активно идет процесс пространственной сегментации.

По мнению М. Кастельса, причины для пространственной сегментации возникли в экономической сфере, однако, последствия этого явления касаются всех сфер общественной жизни: «Сегрегация пространства в одном случае (для большой группы элиты) не ведет к изоляции, исключение касается только коммуникаций с другими компонентами общего социального пространства; одновременно сегрегация и сегментация для этнических меньшинств, рабочих и иммигрантов усиливает тенденцию к уменьшению мира до своей специфической культуры и локального опыта, в который проникают только стандартизированные телевизионные образы»[2]. Таким образом, экономическое неравенство продуцирует неравенство и в других областях. В дуальном городе друг другу противостоят космополитизм информационного сектора и локальность сегментированных секторов реструктурированного труда.

Дуальность города демонстрирует изменения, произошедшие в экономике и социально-профессиональной структуре общества. В современных городах мы можем наблюдать постоянное увеличение разрыва между двумя большими социальными слоями. С одной стороны, мы видим

---

[1] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 228.

[2] Ibid. P. 227.

рабочих, столкнувшихся со снижением социального статуса, причисленных ко второму сорту, вынужденных рассчитывать, прежде всего, на свое физическое здоровье. Они не способны конституировать класс, потому что представляют собой множество территориально сегрегированных, культурно сегментированных и социально дискриминируемых общностей, которые сильно отличаются по своим позициям в системе новых производственных отношений[1]. С другой стороны, находится довольно большая доля населения (по оценкам М. Кастельса от одной четверти до одной трети в высокоурбанизированных районах), которая занимает стратегическую позицию в системе информационного производства. Имея высокий культурный уровень и хорошее образование, они получают соответствующее вознаграждение в виде дохода и социального статуса, которые позволяют им занять надлежащее место в системе стратификации, а их организационные способности и социальная значимость позволяют контролировать принятие основных политических решений.

Этот класс новых профессионалов постепенно присваивает эксклюзивное пространство на рынке недвижимости и делает проживание на своей территории высокой ценностью. Как правило, это оказываются наиболее привилегированные центральные районы города, в которых дома визуально и материально демонстрируют то, что этот класс является главным актором в современном обществе[2]. Фундаментальным процессом, формирующим дуальность современных городов, стала пространственная дифференциация, в результате которой выделяются различные сегменты общества, одни из которых включаются, а другие, наоборот, исключаются из создания новейшей истории.

Традиционно социальные институты и механизмы социального контроля имели территориальную привязку, однако с развитием новых

---

[1] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 228.

[2] Ibid. P. 228.

технологий эта пространственная связь была разорвана. Под мощным воздействием новой коммуникационной системы в современном мире формируется новая культура – «культура реальной виртуальности»[1], которая опосредована социальными интересами, политикой правительств и стратегиями бизнеса. В этой системе сама реальность полностью виртуальна, а фундаментом новой культуры выступает не традиционное пространство мест, а «пространство потоков»[2]. В пространстве потоков люди, находящиеся в разных географических локациях, оказываются связанными друг с другом с помощью электронных устройств.

Однако, несмотря на то что значение географического пространства при функционировании пространства должно было снизиться, как ни парадоксально, роль отдельных мест растет: «Пространство потоков – финансовых сетей, сетей международного производства, сетей средств коммуникаций – не является полностью свободным от территориальной привязки»[3]. Главными узлами пространства потоков становятся большие города, включенные в глобальную экономику.

Мегаполисы аккумулировали основные потоки капитала, власти и информации, характерные для информациональной экономики, и поэтому сами являются информациональными городами. Они имеют важное значение для экономики своей страны и за ее пределами, хотя еще не всем из них удалось стать глобальными городами в понимании С. Сассен[4]. М. Кастельс называет мегаполисы новой урбанистической формой, они стали экономическими, политическими, научными и культурными центрами в современном мире, поэтому мегаполисы сохранят свою привлекательность в ближайшем будущем.

---

[1] *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. P. 335.

[2] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 553.

[3] Ibid. P. 554.

[4] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.

Исследователь отмечает, что глобализация усиливает неравенство и концентрирует его в городах. Тем не менее, несмотря на огромное количество социальных проблем во всех без исключения мегаполисах мира, их число растет, так же, как и число людей, в них проживающих. Его концепция может быть основой для изучения пространственного неравенства и тенденций его развития, в том числе и в России, где крупнейшие мегаполисы – Москва и Санкт-Петербург – по-прежнему являются главными центрами притяжения как внутренних, так и внешних мигрантов. Это закрепляет сложившуюся систему пространственного неравенства и способствует ее воспроизводству.

Итак, М. Кастельс подробно описывает социальные трансформации городов, диагностирует их социальные проблемы и даже делает вывод о «кризисе городов»[1], но он не предлагает каких-либо путей преодоления данного кризиса, что является основанием для критики его концепции. Американский социолог Ш. Зукин также критикует М. Кастельса за «эклектичность»[2] источников и данных, на которые он опирается, что периодически приводит к нарушению логики изложении материала и ставит под сомнение корректность проводимых им сравнений.

Тем не менее, М. Кастельс – один из наиболее влиятельных социологов современности, произведения которого переведены на многие языки мира. Его вклад заключается, прежде всего, в анализе социального неравенства в современных городах и его влиянии на городское пространство. Проблемы городского развития рассматриваются им с конца 1960-х годов, хотя за прошедшие десятилетия идеи М. Кастельса претерпели серьезную эволюцию. Однако интерес по-прежнему вызывают и ранние его произведения. В 2014 году была опубликована работа Э. Меррифилда «Новый городской вопрос»[3]. Ее название явно отсылает нас к произведению М. Кастельса

---

[1] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 549.

[2] *Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 584.

[3] *Merryfield A.* The New Urban Question. London: Pluto Press, 2014.

1972 года «Городской вопрос»[1], написанного с опорой на марксистский подход. В американский период творчества М. Кастельс дистанцируется от марксизма, называя свой подход междисциплинарным[2], что соответствует современным тенденциям развития социологической урбанистики.

[1] *Castells M.* La Question Urbaine. Paris: François Maspero, 1972.

[2] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 548.

§ 2. Концепция неолиберальной урбанизации Дэвида Харви

Британский исследователь Дэвид Харви (р. 1935) в 2007 году включен компанией Томсон Рейтер (*Thomson Reuters*), индексирующей академические журналы в одной из наиболее авторитетных международных баз *Web of Science*, в число 18-ти самых цитируемых интеллектуалов в области гуманитарных и общественных наук[1]. Его работы интересны, в первую очередь, для социологов, экономистов и географов. Сам Д. Харви называет себя последователем К. Маркса и постоянно обращается к работам А. Лефевра, поэтому влияние на его творчество этих социологов несомненно.

В построении своей теории Д. Харви опирается на работы классиков социологии – К. Маркса, Ф. Энгельса и представителей Чикагской школы. При этом он не противопоставляет их, а наоборот, утверждает, что между аргументами Р. Парка и формулировками К. Маркса существуют «интересные параллели»[2]. Большинство проблем, которые рассматривает Д. Харви, затрагивают различные аспекты функционирования капиталистического общества, в том числе, трансформацию городов вследствие реализации неолиберальной модели глобализации и, как следствие, урбанизации.

Д. Харви получил образование в Кембридже и начал академическую карьеру в Университете Бристоля, однако с 1969 года преподавал преимущественно в американских университетах, за исключением нескольких лет работы в Оксфорде (1987-1993)[3]. Соответственно, большая часть произведений Д. Харви была написана в США, что позволяет некоторым авторам считать его американским ученым.

---

[1] Most cited authors of books in the humanities, 2007. Data provided by Thomson Reuters' ISI Web of Science, 2007. URL: https://www.timeshighereducation.com/news/most-cited-authors-of-books-in-the-humanities-2007/405956.article (accessed: 17.12.2021).

[2] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 87.

[3] David Harvey. Curriculum Vitae. URL: http://davidharvey.org/media/shortcv.pdf (accessed: 05.12.2021).

Первая монография Д. Харви «Научное объяснение в географии»[1] была высоко оценена, в том числе и в нашей стране, ее перевели на русский язык в 1974 году. Другие работы по географии, получившие широкую известность – «Справедливость, природа и география различий»[2], «Космополитизм и география свободы»[3]. При этом пространственные процессы рассматриваются исследователем во взаимосвязи с политическими и экономическими, что делает его труды важными для представителей всех общественных наук, в том числе и для социологии. Тем более, что он опирается преимущественно на социологическую теорию, в первую очередь, на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Парка, Л. Вирта и А. Лефевра, что позволяет и концепцию самого Д. Харви считать социологической[4].

В нескольких произведениях исследователь затрагивает вопросы культуры и архитектурного облика городов: «Состояние постмодерна: исследование происхождения культурных изменений»[5], «Париж, столица модерна»[6] и других. Однако даже изменения в сфере культуры Д. Харви связывает с экономическими процессами, тем самым демонстрируя свою приверженность марксизму. Исследователь уже в ранних работах заявляет, что в основе его рассуждений лежит марксистский подход к пониманию социальной реальности, и готов к тому, что будет «классифицирован как марксист»[7], подчеркивая влияние К. Маркса на свое творчество.

---

[1] *Harvey D.* Explanation in Geography. London: Edward Arnold and St Martin's Press, 1969.

[2] *Harvey D.* Justice, Nature and the Geography of Difference. Oxford: Basil Blackwell, 1996.

[3] *Harvey D.* Cosmopolitanism and the Geographies of Freedom. New York: Columbia University Press, 2009.

[4] См., напр.: *Вагин В. В.* Городская социология: Учебное пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 70; *Савченкова В. М.* Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005; *Бадина А.А., Снегирев О.Ю.* Социология крупного города в контексте западной исследовательской парадигмы // Социология власти. 2006. № 6. С. 124.

[5] *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford – Malden:Wiley-Blackwell, 1989.

[6] *Harvey D.* Paris, Capital of Modernity. New York: Routledge, 2003.

[7] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 17.

Критика капитализма, неравенство и другие социальные проблемы городов, необходимость социальной справедливости и возможность реализации этой идеи – центральные темы большинства произведений Д. Харви: «Социальная справедливость и город»[1], «Пределы капитала»[2], «Понимание и городской опыт»[3], «Урбанизация капитала»[4], «Пространства надежды»[5], «Пространства капитала: на пути к критической географии»[6], «Новый империализм»[7], «Краткая история неолиберализма»[8], «Пространства глобального капитализма: на пути к теории неравномерного географического развития»[9], «Бунтующие города: от права на город к урбанистической революции»[10], «Семнадцать противоречий и конец капитализма»[11], «Пути мира»[12], «Маркс, капитал и безумие экономического разума»[13], «Антикапиталистические хроники»[14].

Все вышеперечисленные произведения объединяет общая проблема, которая анализируется Д. Харви на протяжении нескольких десятилетий – он пытается понять, каким образом капиталистический способ производства

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City. London: Edward Arnold and St Martin's Press, 1973; *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

[2] *Harvey D.* The Limits to Capital. Oxford – Chicago: Basil Blackwell and University of Chicago Press, 1982.

[3] *Harvey D.* Consciousness and the Urban Experience. Oxford – New York: Basil Blackwell and Johns Hopkins University Press, 1985.

[4] *Harvey D.* The Urbanization of Capital. Oxford – New York: Basil Blackwell and Johns Hopkins University Press, 1985.

[5] *Harvey D.* Spaces of Hope. Edinburgh: Edinburgh University Press; Berkeley: University of California Press, 2000.

[6] *Harvey D.* Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburgh: Edinburgh University Press; Berkeley: University of California Press, 2001.

[7] *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

[8] *Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005.

[9] *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006.

[10] *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012.

[11] *Harvey D.* Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. London: Profile Books Ltd, 2014.

[12] *Harvey D.* The Ways of the World. London: Profile Books Ltd, 2016.

[13] *Harvey D.* Marx, Capital and the Madness of Economic Reason. London: Profile Books Ltd, 2017.

[14] *Harvey D.* The Anti-Capitalist Chronicles. London: Pluto Press, 2020.

влияет на организацию пространства, и, прежде всего, городов. Особое внимание он уделяет неолиберальной глобализации и ее последствиям для городов. Д. Харви в своих работах постоянно цитирует К. Маркса, пытаясь доказать, что его идеи по-прежнему актуальны и позволяют понять специфику функционирования городов в условиях урбанизации, которую он также характеризует как неолиберальную. Более того, исследователь сожалеет о том, что идеи немецкого классика не получили достаточного распространения, поскольку считает методологию К. Маркса наиболее подходящей для изучения современных городов[1], которые по-прежнему являются пространствами социального неравенства и социальной несправедливости.

По мнению Д. Харви, А. Лефевр является единственным автором, в творчестве которого идеи К. Маркса применительно к городскому вопросу были оценены по достоинству[2]. Неудивительно, что Д. Харви указывает на сходство своих идей с идеями А. Лефевра, как в раннем произведении[3], так и в лекции 2003 года и статье 2008 года с одинаковым символичным названием – «Право на город»[4], тем самым подчеркивая значимость работ французского социолога для своего творчества.

При этом Д. Харви утверждает, что некоторые материалы, собранные им, «могут быть использованы для поддержки тезисов Лефевра, в то время как другие противоречат ему»[5]. Оба исследователя согласны с тем, что урбанизм частично формируется на основе «принципов пространственной организации»[6], но дополняется определенными идеологиями, а,

---

[1] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 382.

[2] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 302.

[3] Ibid.

[4] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83-103; *Harvey D.* The Right to the City // New Left Review. № 53. September-October 2008. P. 23-40.

[5] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 307.

[6] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 388.

следовательно, может формировать определенный образ жизни. Пространство одновременно определяет организацию производства и социальные отношения, но и само формируется под их влиянием. Городская структура создается в результате развития производственных отношений, а затем сама влияет на них. Но основой всех изменений, тем не менее, является экономический базис, система материального производства.

Исследователь на основе идей К. Маркса пытается понять взаимосвязь между политикой, капитализмом и социальными проблемами, а также предложить рекомендации для политических деятелей, которые могли снизить остроту социального неравенства, поскольку в современном мире нельзя не замечать городскую нищету и социальную несправедливость[1]. Для него город представляет собой не только пространственное образование, но и место наибольшей концентрации социальных проблем, требующих своего решения.

Д. Харви считает, что концептуальные проблемы городских исследований связаны с тем, что представители разных наук в силу своей академической и профессиональной специализации изучают отдельные аспекты городских процессов: «Социологи, экономисты, географы, архитекторы, градостроители, и так далее, все возделывают свои одинокие поля и живут в своих собственных ограниченных концептуальных мирах»[2]. Город же, по его мнению, может быть рассмотрен только на основе междисциплинарного подхода. Д. Харви вынужден констатировать тот факт, что «каждая дисциплина использует город как лабораторию, в которой тестирует свои предположения и теории, при этом ни одна дисциплина не разрабатывает проекты и теории о городе как таковом»[3]. В то время как любая общая теория города, по его словам, должна связать социальные процессы в

---

[1] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 29.

[2] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 22.

[3] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 25.

городе и пространственные формы, которые характерны для урбанизированных территорий. Для того чтобы понять происходящее в городах, необходимо знать основные проблемы городского планирования, жилищного вопроса, занятости, концентрации бедности и так далее. Так, центральным вопросом в концепции города Д. Харви становится взаимосвязь между социальной справедливостью и пространством.

При этом построение подлинной теории города возможно лишь на основе четкой концептуализации социальных процессов и пространственных форм, поэтому Д. Харви уделяет повышенное внимание определению понятий: «Я утверждаю, что акты категоризации являются фундаментальными: чрезвычайно важно понять, как создаются категории, в частности, как они наделяются значением и меняются в процессе их употребления»[1]. Однако он отмечает, что даже в его собственных произведениях базовые понятия «рассматриваются совершенно по-разному в процессе анализа»[2]. Тем не менее, исследователь решается на попытку построения «хрупких мостов для пересечения огромной пропасти существующих проблем»[3]. И полагает, что подобная попытка вполне может быть успешной при условии выявления взаимозависимостей между социальными и пространственными процессами[4]. Построение заявленной теории Д. Харви начинает с рассмотрения ключевых понятия, проанализировав которые, можно реконструировать его концептуальную модель.

Исследователь выделяет три важных для своей концепции понятия: урбанизм, город и способ производства. Он рассматривает урбанизм в качестве совокупности взаимодействий и взаимоотношений, а город для него

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 12.

[2] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 14.

[3] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 49.

[4] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 61.

представляет собой материальный объект; при этом город и урбанизм объединяет то, что они определяются способом производства: «Я думаю, что было бы полезно сделать некоторые предварительные наблюдения о связи между урбанизмом как социальной формой, городом как рукотворной формой и доминирующим способом производства»[1]. Так, исследователь отводит в своей концепции способу производства чрезвычайно важную роль, поэтому неудивительно, что в центре его внимания оказывается неолиберальная урбанизация как результат капиталистического развития в условиях глобализации. Однако прежде, чем переходить к анализу неолиберальной урбанизации, следует дать определения основным понятиям.

Город в трактовке Д. Харви – это материальный объект, который «является хранилищем основных активов, накопленных за счет предыдущих эпох производства. Он конструируется по заданной технологии и создается в контексте определенного способа производства (что, однако, не означает, что все рукотворные элементы города являются функциональными по отношению к способу производства)»[2]. Таким образом, город – это созданная людьми материальная форма, которая, как правило, является продуктом определенного способа производства. Необходимо отметить, что город сохраняет в себе множество черт и предыдущего способа производства, поскольку изменение материальной формы города – процесс длительный и редко приводящий к полному уничтожению строений предыдущей эпохи.

Другой, важный для исследователя термин, – «урбанизм», под которым он, в отличие от Л. Вирта, понимает не только «особый образ жизни», характерный для городов[3]. Д. Харви рассматривает урбанизм как совокупность общественных отношений, отражающую специфику не только городского образа жизни, но всего комплекса отношений, установленных в

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 203.

[2] Ibid.

[3] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. P. 1-24.

данном обществе в целом: «Урбанизм – это социальная форма, образ жизни, основанный, среди прочего, на определенном разделении труда и определенном иерархическом упорядочивании деятельности, которая в целом соотносится с господствующим способом производства»[1]. Так, урбанизм представляет собой совокупность социальных отношений, которые возникают в пространстве, структурированном и созданном людьми, то есть в городе.

И город, и урбанизм, с одной стороны, способствуют стабилизации определенного способа производства и помогают создать условия для его воспроизводства. С другой стороны, города также могут быть средоточием накопленных противоречий и, следовательно, скорее всего, местом рождения нового способа производства. Д. Харви подробно анализирует три формы урбанизма[2], которые он связывает с трансформациями функций городов в процессе их исторического развития.

Первую форму представляет политический урбанизм, имевший место тогда, когда город функционировал в качестве политического, идеологического и военного центра, имея мало общего с процессом производства. Эта форма урбанизма, в частности, подробно описана М. Вебером[3]. Однако Д. Харви классифицирует данную форму урбанизма как надстроечную вследствие того, что город на данном этапе практически не включен в процесс производства, это лишь защищенное пространство, которое делает возможным экономический обмен. Но главным компонентом остается политический, поскольку лишь благодаря ему экономические отношения являются безопасными.

Две другие формы урбанизма, рассматриваемые Д. Харви, подробно описывает другой социолог – А. Лефевр, противопоставляя их первой: это коммерческий урбанизм, характерный для торговых городов, и

---

[1] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 257.

[2] Там же. С. 384-386.

[3] *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. С. 34-35.

промышленный урбанизм, пришедший в города вследствие их индустриализации.

Коммерческий урбанизм процветает в торговом городе, который продолжает функционировать в качестве политического, идеологического и военного центра. Его оформление связано с растущими потребностями городского населения, для удовлетворения которых город превращается в пространство экономического обмена между разными районами. Эта функция присутствует на всех этапах развития, но в эпоху существования торгового города она доминирует над другими.

Третья форма – промышленный урбанизм, ставший результатом превращения городов в центры производства. Эта новая форма урбанизма впитывает в себя функции политического и торгового городов, но основой для нее становится реорганизация производительных сил, связанная с распространением механизации и ростом числа и масштабов промышленных предприятий. Так, урбанизм становится чрезвычайно важным для организации производственных отношений, слабо представленных в городском пространстве на двух предыдущих этапах (при политическом и торговом урбанизме).

Для понимания концепции Д. Харви необходимо также рассмотреть, как он использует термин «ресурс» применительно к городской системе. Он указывает на то, что «концепт “ресурса” как товара, включенного в процесс производства, уже неадекватен и, наверное, был бы отброшен давным-давно, если бы не тот факт, что этот концепт является базовым для конвенционального экономического анализа… Я думаю, лучше всего рассматривать город как гигантскую ресурсную систему, по большей части рукотворную. Это также территориально локализованная ресурсная система, так как большинство используемых нами в городской системе ресурсов не распределены равномерно и их доступность, соответственно, зависит от удобства и близости расположения. Таким образом, городская система содержит географическое распределение рукотворных ресурсов большой

экономической, социальной, психологической и символической значимости»[1]. Очевидно, что исследователь отходит от определения ресурсов, связанного с процессом производства, по всей видимости, для того чтобы сосредоточить свое внимание на том, как ресурсы локализованы в городском пространстве. Д. Харви анализирует социальное неравенство и социальную несправедливость, которые детерминированы, в том числе и неравномерностью распределения значимых для жителей города ресурсов. Кроме того, (не)равномерность распределения ресурсов позволяет понять, насколько городская система является сбалансированной, то есть способной сохранять равновесие.

«Равновесие» (*equilibrium*) – еще одно значимое для концепции Д. Харви понятие: «Многие из наших аналитических представлений о функционировании урбанистической системы основаны на анализе равновесия»[2]. Состояние равновесия достигается путем оптимального распределения различного рода ресурсов, значимых для городских жителей. Только в такой ситуации возможно формирование сбалансированной городской структуры, которая соответствовала бы интересам всех жителей, а не только отдельных социальных групп.

Однако в реальности любая городская система находится в постоянном состоянии неравновесия, поскольку разные элементы приближаются к равновесию с разной скоростью: «В последние десятилетия изменения стремительны, но многие свидетельства говорят о том, что процесс полного приспособления занимает достаточно много времени. Более того, разные части городской системы обладают разными способностями к приспособлению»[3]. Максимальные возможности для приспособления к новым

---

[1] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 85-86.

[2] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 55.

[3] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 68.

условиям существуют у наиболее образованных и состоятельных социальных групп, поэтому неудивительно, что процесс, который вызывает наибольшее беспокойство Д. Харви, – усиление социального неравенства. Более быстрые способности к адаптации отдельных социальных групп становятся одним из основных источников воспроизводства социального неравенства и «дифференциального неравновесия»[1]. Причем в современном мире растет поляризация не только на территории отдельных стран и городов, которые М. Кастельс вследствие этого называет дуальными[2], проблема неравенства приобретает глобальный характер.

Равновесие городской системы, нарушаемое социальным неравенством, также связано с доступностью объектов, значимых для жителей. «Доступность» (*accessiblity*) определяется Д. Харви как цена, равная «затратам на преодоление дистанции или стоимости потраченного времени»[3]. Вычислить цену доступности довольно сложно, поскольку она включает в себя не только экономический компонент (например, стоимость билета), но также социальный, психологический и другие компоненты, стоимость которых вычислить довольно сложно (например, дискомфорт в общественном транспорте). Связать географические и социальные проблемы в единое целое может помочь другой термин – «близость».

«Близость» (*proximity*), согласно Д. Харви, предполагает наличие социальных последствий географического расположения каких-либо объектов[4]. Например, жилье может оказаться в непосредственной близости от транспортных путей, источника загрязнения, шума и так далее. Близость различных объектов дает преимущества либо наоборот, налагает

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 56.

[2] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 228.

[3] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 70.

[4] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 57.

значительные расходы на домашнее хозяйство (например, для обеспечения звукоизоляции). Очевидно, что изменение пространственной формы города (путем перемещения жилья, транспортных путей, возможностей трудоустройства, источников загрязнения и так далее) меняет цену доступности различных ресурсов и стоимость их близости для жителей. Так, географическое положение жилья оказывает серьезное воздействие на качество жизни горожан.

Типичным примером социальных последствий трансформации городского пространства являются процессы, имеющие место в американских городах, которые Д. Харви считает далекими от состояния равновесия[1]. Стремительная субурбанизация способствует трансформации рынка жилья, нарушению равновесия и изменению цены доступности и близости. Расширение пригородов, не рассчитанных на семьи с низкими доходами, ведет к сосредоточению дешевого жилья в центральных районах города. Трудность создания новых предложений в центральной части города ведет к тому, что спрос на жилье плохого качества среди семей с низкими доходами растет, что обеспечивает относительно высокие цены на не самую лучшую недвижимость. Это приносит выгоду собственникам, но усиливает неравенство и отдаляет состояние равновесия.

Ситуация усугубляется тем, что значительная часть новых рабочих мест появляется в пригородной зоне, следовательно, социальные слои с низким уровнем доходов постепенно оказываются вдали от новых источников занятости или вовсе отрезаны от них. Результатом становится перераспределение доходов, ставшее причиной ряда пространственных изменений. Во-первых, социальные слои преимущественно с низким уровнем дохода концентрируются внутри города и имеют мало возможностей для обретения новых источников занятости, поскольку рабочие места в основном расположены в пригородных районах. В результате наблюдается рост

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 61-62.

безработицы в центральных районах города. Во-вторых, из-за отсутствия предложений жилья для семей с низким уровнем доходов в пригородных районах, они вынуждены оставаться в центре, где также сталкиваются с ростом цен. В-третьих, если представители социальных слоев с низким уровнем дохода, живущие в центральных районах, получают работу в пригороде, они сталкиваются с большими транспортными расходами[1].

Так, отсутствие равновесия в урбанистической системе перерастает в перераспределение доходов, вследствие которого богатые получают множество новых возможностей для извлечения выгоды, в то время как возможности бедных все больше ограничиваются. Происходит усиление неравенства доходов и возможностей, которое зачастую становится результатом изменения пространственных форм.

Наибольшее влияние на перераспределение доходов, согласно Д. Харви, оказывают следующие факторы: расположение рабочих мест и мест проживания; стоимость прав собственности; цена ресурсов для потребителя[2]. Изменение этих переменных ведет к распределению издержек и выгод для различных районов в городской системе, поскольку меняет цену доступности ресурсов и близости объектов. Жители, имеющие возможность участвовать в осуществлении политической власти, стремятся контролировать эти скрытые механизмы, регулирующие перераспределение доходов.

Понимание будущего урбанизации требует глубокого анализа социальных изменений, к которым приводит трансформация пространства. В данной связи Д. Харви сосредоточивает свое внимание на механизмах, регулирующих перераспределение доходов, поскольку полагает, что это является наиболее серьезной проблемой на пути достижения урбанистической системой равновесия. Более того, он отмечает движение к состоянию большего неравенства и большей несправедливости, то есть к конфликтам.

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 63-64.

[2] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 108.

Тем самым, исследователь постоянно выходит на проблему необходимости принятия политических решений, которые могут способствовать восстановлению равновесия в городах.

В частности, он указывает, что проблема роста социального напряжения может быть решена путем «осуществления мудрого контроля над социально-пространственной организацией городской системы»[1]. Для того чтобы принимать «мудрые политические решения», необходимо понимать механизмы функционирования городской системы: «Физическая пространственная форма городской системы – это трехмерная конструкция в евклидовой геометрии. Объекты внутри нее могут рассматриваться как точки (магазины, школы, больницы), линии (транспортные связи), участки (избирательные округа, территории) и объемы (здания). Эта форма, как предполагается, должна способствовать правильному протеканию социальных процессов. Но пространственная форма не может быть бесконечно приспособляемой, как и социальные требования к ней не всегда единодушны. Существующая физическая форма – это вынужденный компромисс между целым набором конфликтующих требований. Когда мы принимаем решение о пространственной форме, мы пытаемся достичь эффективного компромисса»[2]. Однако выработка адекватной политики и прогнозирование последствий принимаемых решений возможны лишь на основе междисциплинарного анализа социальных процессов и пространственных форм города, в чем социология должна взять на себя ведущую роль.

По мнению Д. Харви, одна из ошибок в организации городского пространства, препятствующая достижению равновесия, заключается в стремлении к эффективности, которая «обычно понимается как минимизация

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 95.

[2] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 109-110.

совокупных затрат на передвижения»[1], в том числе, в пределах определенной пространственной системы. Однако подобное понимание эффективности не учитывает возможные последствия перераспределения доходов, например того, что минимизация перемещений может привести к хронической бедности в центральных районах американских городов.

Сокращение затрат на передвижения, приводящее к усугублению проблемы социального неравенства, вряд ли может рассматриваться как эффективная мера. Поэтому для оценки эффективности, по мнению Д. Харви, следует опираться на принципы социальной справедливости: «Если, в краткосрочной перспективе, мы просто гонимся за эффективностью и игнорируем социальные издержки, тогда те индивиды или группы, которые принимают их на себя, вероятно, станут позже источником неэффективности <…> То же самое можно сказать об одержимой погоне за социальной справедливостью. В долгосрочной перспективе думать о том, как бы лучше с социальной точки зрения распределить продукт, объемы которого на рынке уменьшаются из-за неэффективного использования ограниченных ресурсов, контрпродуктивно. Поэтому в широкой перспективе социальная справедливость и эффективность – это одно и то же»[2]. Таким образом, учет социальных последствий принимаемых решений в разных сферах в долгосрочной перспективе может привести к наибольшей выгоде для всех.

Соответственно, для Д. Харви социальная справедливость является более важной, чем эффективность, поскольку, с его точки зрения, «вопросами социальной справедливости пренебрегают (за исключением политической риторики)»[3]. Поэтому он считает возможным оставить вопросы

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 96.

[2] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 122.

[3] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 97.

эффективности в стороне, чтобы сосредоточиться на социальной справедливости, которая становится главным для него понятием.

Социальная справедливость рассматривается им как «конкретное применение принципов справедливости к конфликтам, которые возникают из необходимости сотрудничества для достижения индивидуального успеха. Следовательно, принцип социальной справедливости применим к распределению результатов труда и затрат, связанных с процессом совместного труда. Этот принцип также относится к социальной и институциональной организации, связанной с деятельностью по производству и распределению»[1]. Таким образом, для Д. Харви принцип социальной справедливости – это вопрос распределения выгод и затрат, вытекающих из процесса совместного труда.

Для достижения социальной справедливости необходимо, в частности, сбалансированное территориальное развитие. Принцип территориальной справедливости, по мнению Д. Харви, обеспечивает распределение ресурсов по районам и регионам на основе учета трех критериев: потребностей (*need*), вклада в общее благо (*contribution to common good*) и заслуг (*merit*), определяющих значимость выполняемых задач[2]. Достижение территориальной справедливости предполагает разработку формы пространственной организации, которая увеличила бы возможности для развития наименее успешных районов. Руководствуясь критерием социальной справедливости, необходимо найти способы определения границ территорий и распределения ресурсов, которые обеспечат сбалансированное развитие всего города, то есть его равновесие.

Однако капитализм следует иной логике, игнорируя требования социальной справедливости. Д. Харви отмечает, что возникает парадокс: имеет место отток «капитала из тех мест, где он более всего необходим, в

---

[1] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 123.

[2] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 101.

относительно благополучные пригороды»[1]. Это поведение является наиболее рациональным в условиях капитализма, подобное распределение ресурсов рассматривается как оптимальное. Капиталистическая рыночная система устроена таким образом, что противодействует любым попыткам увести вложения из самых прибыльных территорий. Перераспределение капитала с учетом критерия социальной справедливости, по мнению исследователя, может быть эффективным только при условии всеобъемлющего государственного контроля: «Ничто, кроме всестороннего государственного контроля, не может сделать это эффективно»[2], то есть справедливо. Однако Д. Харви, как и А. Лефевр, а также М. Кастельс в ранних произведениях, приходит к выводу, что современные города представляют собой пространственное выражение капитализма, то есть социальной несправедливости.

Д. Харви считает, что «город никогда не был гармоничным местом, свободным от беспорядков, конфликтов и насилия»[3]. Однако, по его мнению, ситуация обостряется в условиях глобализации, поскольку «на глобальном уровне система неолиберализма, по сути, приняла свою окончательную форму»[4]. Глобализация, которая развивается по неолиберальному сценарию, усиливает социальное неравенство и социальную несправедливость. В условиях неолиберализма глобальная финансовая элита становится единственным выгодоприобретателем в современном мире, он соответствует интересам исключительно «высших классов»[5].

---

[1] *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142.

[2] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 113.

[3] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 84.

[4] *Харви Д.* Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2006. № 2(6). С. 20.

[5] *Харви Д.* Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2006. № 2(6). С. 35.

Согласно Д. Харви, суть неолиберализма заключается в следующем: «рыночный обмен является основой для “целостной системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий, которая заменила собой все предшествующие нормы”, признает ведущими контрактные отношения в условиях рынка… Любые проявления человеческой деятельности могут быть вовлечены в рыночные отношения»[1]. Свобода неолиберальной глобализации – это, в первую очередь, свобода накопления капитала международными корпорациями, как правило, базирующимися в крупных городах, которые превращаются в неолиберальные.

Неолиберальные города, являющиеся частью глобальной экономики, становятся центрами не только экономической активности, но и неравенства. Неолиберальные города превращаются в «разделенные» (*divided*)[2], расколотые социальными противоречиями, или дуальные, как их называет М. Кастельс[3]. В них наиболее ярко проявляется социальная несправедливость, усиливается поляризация, растет пропасть между финансовыми элитами и низкооплачиваемыми сотрудниками в сфере услуг, которые живут не намного лучше, чем маргиналы и безработные.

Глобальные города, выполняющие финансовые и командные функции, получают сверхприбыли, однако, по мнению Д. Харви, «по-настоящему глобальными»[4] являются города, где сосредоточено производство, а не финансовые потоки. Однако эти города так же недополучают свои доходы, как и многие работники сферы услуг в городах глобальных. Очевидно, что Д. Харви считает несправедливым распределение доходов между городами современного мира и между разными социальными группами. Подобно тому,

---

[1] *Харви Д.* Краткая история неолиберализма: актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 12.

[2] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 84.

[3] *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002. P. 228.

[4] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 85.

как финансовые элиты эксплуатируют (хотя Д. Харви и не употребляет данный термин) все остальные социальные группы в глобальных городах, так и глобальные города «используют» все прочие города в своих интересах.

В условиях неолиберальной глобализации право на различие, одно из самых ценных прав городских жителей, приобретает деструктивный характер. Различие может привести к нетерпимости и расколу, маргинализации и эксклюзии, которые способны перейти в «ожесточенные столкновения»[1]. Право на различие, реализованное в неолиберальных городах, противоречит представлению о социальной справедливости. Отказ от идеи социальной справедливости Д. Харви считает невозможным: «мы не можем обойтись без концепции справедливости»[2]. Следовательно, речь может идти лишь о переходе от одного представления о социальной справедливости к другому.

Полное же игнорирование данного принципа, несправедливость, по словам Д. Харви, ведет к нестабильности: «чувство несправедливости исторически было одним из самых мощных средств для оживления стремления к социальным изменениям»[3]. Таким образом, он предупреждает, что социальные потрясения вполне возможны в современных городах, где социальная справедливость отсутствует. В неолиберальных городах создаются условия, в которых довольно быстро могут возникнуть новые социальные движения, требующие перемен. Исторически сложилось так, что город был как центром революции против установленного порядка, так и центром власти и привилегий, против которых восставали.

В древнем городе, как указывает исследователь, пространственная организация имела идеологическую цель, поскольку символизировала реконструкцию возможного космического порядка. В современном городе мы наблюдаем нечто подобное, пространство «отражает господствующую

---

[1] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 86.

[2] Ibid. P. 91.

[3] Ibid. P. 91-92.

идеологию правящих групп»[1]. Д. Харви отмечает, что пространство представляет собой сложный символический конструкт, который предлагает направление повседневной жизни и смысл городской культуры, тем самым демонстрируя преемственность с идеями А. Лефевра. Знаки и символы, которые окружают нас в городской среде, обладают мощным влиянием (особенно на молодежь, которая больше других социальных групп подвержена манипулятивному воздействию).

Принять подобную логику развития означает согласиться с тем, что в современном мире нет никакой альтернативы, кроме как жить в условиях режима бесконечного накопления капитала и экономического роста, вне зависимости от того, какие это вызывает социальные, экологические или политические последствия. Д. Харви полагает, что ситуацию можно изменить, поскольку существует «движение за глобальную справедливость»[2], которое понимает суть проблемы и пытается найти жизнеспособные альтернативы. Города должны быть освобождены от неравенства, отчуждения и несправедливости, которые усиливает неолиберальная урбанизация.

Во многих городах бездомные воспринимают борьбу как суть своей повседневной жизни, ощущая несправедливость, в то время как для остальной части общества они являются лишь нарушением общественного порядка и вызывают к себе соответствующее отношение[3]. С точки зрения капиталистической логики, в этой ситуации нет никаких изъянов. Но с точки зрения Д. Харви, это следствие капитализма, который несправедлив, так же, как и свободные рынки. По его словам, функционирование рынка соответствует пословице, согласно которой «нет ничего более неравного, чем равное обращение с неравными»[4]. Эгалитаризм рынков, предоставляющий

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 310.

[2] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 100.

[3] Ibid. P. 95.

[4] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 98.

равные права людям с неравными возможностями, приводит к тому, что богатые становятся богаче, а бедные беднее. Одной из задач современных обществ Д. Харви считает решение проблемы «поиска альтернативы рыночному механизму»[1], который позволил бы перераспределять ресурсы в пользу районов и территорий, где в них больше всего нуждаются[2], чтобы скорректировать неолиберальный характер урбанизации.

Пока же неолиберальная урбанизация приводит лишь к утрате коллективного права на город, поскольку в нем существуют лишь возможности для реализации индивидуализированных прав накопления капитала финансистами, застройщиками и спекулянтами[3]. В результате мы наблюдаем безработицу, дефицит жилья и прочие социальные проблемы на фоне изобилия. Капиталистический город породил бездомных на улицах и попрошаек в метро. Несоблюдение принципа социальной справедливости привело к тому, что голод возможен при наличии излишков продовольствия, а чистая вода доступна лишь для тех, кто может за нее заплатить.

Нерегулируемый свободный рыночный капитализм усиливает классовое разделение, усугубляет социальное неравенство и создает условия, при которых богатые регионы становятся богаче, а остальные все глубже и глубже погружаются в «пучину нищеты»[4]. Как следствие, города геттоизируются, поскольку богатые стремятся отгородиться от всех остальных, только так чувствуя себя в безопасности.

Так, социальная несправедливость усугубляется по мере развития глобализационных процессов, которые выводят капитализм, а вместе с ним и несправедливость на новый уровень. Реализация неолиберального проекта глобализации усугубляет социальные проблемы городов и отдаляет их от

---

[1] *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. P. 115.

[2] *Харви Д.* Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2006. № 2(6). С. 51.

[3] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 99.

[4] Ibid. P. 98-99.

состояния равновесия, способствуя тому, что и урбанизация становится неолиберальной. Д. Харви предлагает решение социальных проблем капиталистических городов с опорой на идеи А. Лефевра, которые он критикует и одновременно развивает. С одной стороны, необходимо бороться за «право на город»[1] путем совершения «урбанистической революции»[2], как и предлагает французский социолог, но, с другой стороны, главным ее субъектом Д. Харви, в отличие от А. Лефевра, считает уже не рабочий класс, а социальные движения. Д. Харви красиво обыгрывает название двух произведений А. Лефевра в подзаголовке к своей работе 2012 года – «Бунтующие города: от права на город к урбанистической революции»[3], тем самым еще раз подчеркивая преемственность с идеями французского социолога.

Д. Харви с оптимизмом смотрит в будущее, он не верит в то, что финансовые элиты смогут сохранить порядок, выгодный только для них. Исследователь полагает, что требуется отказ от неолиберальных принципов глобализации и реорганизация системы принятия решений на всех уровнях для решения социальных проблем и восстановления социальной справедливости. Неолиберальный капитализм, с его точки зрения, должен уступить место новому общественному устройству, предлагающему принципиально иной набор ценностей: в частности, открытую демократию, ведущую к социальному равенству, сопровождаемому экономической, политической и культурной справедливостью[4], что должно изменить характер урбанизации.

«Право на город», как его понимает Д. Харви – это право на преобразование города в соответствии с потребностями его жителей: «это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное

---

[1] *Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968.

[2] *Lefebvre H.* La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970.

[3] *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012.

[4] *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006. P. 68.

право на то, чтобы сделать город иным, формировать его в соответствии с нашими коллективными потребностями и желаниями, изменить нашу повседневную жизнь, наши архитектурные практики, а также найти альтернативный способ просто быть человеком»[1]. Право на город – это одновременно лозунг и политический идеал, который может стать политическим требованием социальных движений. По крайней мере, Д. Харви в это верит и соглашается с А. Лефевром в том, что «революция должна быть городской»[2], в самом широком смысле, поскольку право на город представляет собой право на социальную справедливость.

Подводя итоги, необходимо отметить, что одна из ключевых идей Д. Харви заключается в том, что результатом неолиберальной урбанизации являются социальная несправедливость и неравенство, обострившиеся вследствие неолиберальной глобализации. Он предупреждает, что подобный характер урбанизации может способствовать возникновению новых социальных движений, которые начнут отстаивать интересы различных социальных групп и их «право на город». Эти тезисы исследователя заслуживают внимания не только со стороны научного сообщества, но и со стороны политиков, которым Д. Харви указывает на значимость социально ориентированного политического курса для достижения равновесия и снижения остроты противоречий. Это составляет практическую значимость концепции, важную, в том числе, и для российских городов.

Вклад Д. Харви в современную социологию заключается в анализе различных форм пространственного неравенства, то есть проявлений социальной несправедливости в городах, что заставляет его разработать и практические рекомендации. Учитывая тот факт, что исследователь рассматривает городское пространство, в том числе и как символическое образование, способное оказывать мощное воздействие на жителей,

---

[1] *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 102.

[2] *Harvey D.* The Right to the City // New Left Review. № 53. September-October 2008. P. 40.

необходимо также учитывать и возможности манипуляции большими социальными группами, особенно молодежью. Это то, чему Д. Харви практически не уделяет внимания, чрезмерно увлекаясь рассмотрением экономических процессов, но данный аспект также требует детального анализа для того, чтобы понять, чьи интересы стоят за каждым из социальных движений.

Так, некоторые тезисы исследователя являются недостаточно обоснованными, более того, утопическими, как например, его мечта об урбанистической революции. Это можно рассматривать как результат довольно слабой теоретической базы его концепции, на которую указывает, например, американский социолог Ш. Зукин[1]. Однако это не мешает Д. Харви быть одним из наиболее авторитетных мыслителей среди тех, кто занимается проблемами социального неравенства и социальной справедливости в современных городах, и его концепция неолиберальной урбанизации получает свое продолжение[2], продолжает обсуждаться и дополняться.

[1] *Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 587.

[2] *Slater T.* Shaking Up the City: Ignorance, Inequality, and the Urban Question. Oakland: University of California Press, 2021. P. 30-50.

§ 3. Концепция глобальных городов Саскии Сассен

Саския Сассен (род. в 1947 году) – почетный профессор социологии Колумбийского университета и один из ведущих теоретиков мира в области урбанизации. Она появилась на свет в Нидерландах, выросла в Аргентине и Италии, училась во Франции, но профессиональную карьеру начала в США[1]. С. Сассен свободно говорит на испанском, итальянском и французском языках, хорошо – на голландском и немецком, изучала русский и японский. Причем японский С. Сассен начала учить после того, как было установлено, что Токио, наряду с Нью-Йорком и Лондоном, является одним из ведущих глобальных городов мира.

С. Сассен была в списке шести претендентов на пост Президента Международной социологической ассоциации на XVI Всемирном социологическом конгрессе в 2006 году в Дурбане (ЮАР), однако предпочтение было отдано другому кандидату. Тем не менее, ее вклад в современную социологию никем не подвергается сомнению, что подтверждается многочисленными премиями и наградами, обладательницей которых является С. Сассен, в частности, в 2013 году ей присуждена премия принца Астурийского[2] в области социальных наук, а в 2020 году – Международная премия Эдгара де Пиччиотто, которую до нее получали несколько лауреатов Нобелевской премии, в том числе А. Сен и П. Кругман.

С. Сассен – автор девяти монографий и более ста научных статей, редактор четырех сборников. Основные направления ее исследований – города и их роль в мировой экономике, глобализация, а также миграционные процессы. Эти темы тесно связаны между собой, поэтому, как правило, в большей или меньшей степени затрагиваются во всех работах. Однако можно выделить произведения, в которых конкретная тема является доминирующей.

---

[1] Saskia Sassen's CV. URL: http://www.saskiasassen.com/cv.php (accessed: 15.12.2021).

[2] С 2014 года присуждается премия принцессы Астурийской.

Тема миграции появляется в монографических произведениях С. Сассен раньше других. Наиболее подробно она раскрыта в «Мобильности труда и капитала: исследование международных инвестиций и трудовых потоков»[1], а также в работе «Гости и чужаки»[2].

Глобализация анализируется в таких произведениях социолога, как «Теряя контроль? Суверенитет в эпоху глобализации[3], «Глобализация и недовольство ею: очерки по мобильности людей и капиталов»[4], «Территория, власть, права: от средневековых собраний к глобальным»[5], «Социология глобализации»[6], «Выталкивание: жестокость и сложность в глобальной экономике»[7].

Города во многом рассматриваются С. Сассен в контексте глобализации и находятся в центре внимания следующих ее произведений[8]: «Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио»[9], «Города в мировой экономике»[10]. На ближайшее время исследовательницей также запланировано издание работы «Неуправляемые территории?»[11].

Самой известной работой С. Сассен стало произведение «Глобальный город», впервые опубликованное в 1991 году и переизданное в 2001 году. Следует отметить, что, рассматривая глобальные города, исследовательница обращается к анализу привычных для себя тем – глобализации и мобильности в современном мире.

---

[1] *Sassen S.* The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

[2] *Sassen S.* Guests and Aliens. New York: New Press, 1999.

[3] *Sassen S.* Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. New York: Columbia University Press, 1996.

[4] *Sassen S.* Globalization and its Discontents. Essays on the Mobility of People and Money. New York: New Press, 1998.

[5] *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006.

[6] *Sassen S.* A Sociology of Globalization. New York: W.W. Norton, 2007.

[7] *Sassen S.* Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014.

[8] Saskia Sassen's CV. URL: http://www.saskiasassen.com/cv.php (accessed: 15.12.2021).

[9] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.

[10] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 1994.

[11] Saskia Sassen's CV. URL: http://www.saskiasassen.com/cv.php (accessed: 15.12.2021).

Теоретико-методологической основой творчества С. Сассен являются работы представителей немецкой классической социологии (К. Маркса, М. Вебера и Г. Зиммеля), а также современные исследования Ч. Тилли, Т. Скочпол, Д. Белла, И. Валлерстайна, А. Турена, М. Кастельса, Р. Сеннета, Ш. Зукин и других. Соответственно, исследовательница пытается объединить наработки разных социологов, демонстрируя, что все они чрезвычайно важны для понимания механизмов функционирования современных глобальных городов.

Благодаря К. Марксу она приходит к выводу о том, что роль городов в экономике огромна в силу концентрации в них капитала и трудовых ресурсов[1], что влечет за собой множество социальных и политических последствий. В частности она, вслед за К. Марксом, рассматривает революции 1848 года в европейских странах как следствие развития индустриального капитализма[2]. В трудах М. Вебера исследовательница находит довольно ценные для нее описания средневековых городов, сотрудничавших на наднациональном уровне[3], например, в рамках Ганзейского союза, что рассматривается С. Сассен как своеобразный прообраз сотрудничества глобальных городов сегодня. Довольно значимо для нее и представление о городе Г. Зиммеля, согласно которому он представляет собой место формирования особой идентичности[4], хотя данный аспект отражен в творчестве С. Сассен не так подробно, как указанные выше.

Исследовательница проводит параллели с идеями Ч. Тилли и Т. Скочпол, рассматривая социальные конфликты в современных городах и

---

[1] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 33.

[2] *Sassen S.* Guests and Aliens. New York: New Press, 1999. P. 33; *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 108.

[3] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 4-5; *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 63, 69.

[4] *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 314.

перспективы возникновения в них революционной ситуации[1]. Труды Ч. Тилли также важны для нее своими описаниями функционирования средневековых городов, к которым она довольно часто обращается, сравнивая их с современностью. Кроме того, Ч. Тилли еще в конце 1960-х годов отмечает, что «города становятся узловыми центрами координации и управления деятельностью всего общества»[2], и именно таким образом их рассматривает и С. Сассен. Для нее крупные города мира – это пространства, где множество глобальных процессов принимают «локализованные формы»[3]. То есть глобальные города предстают в ее концепции как локализованные формы глобализации и экономические центры современного мира.

И. Валлерстайн фиксирует формирование мировой капиталистической системы и описывает ее функционирование[4], что позволяет С. Сассен опереться на его теорию, говоря о глобальном значении мировых экономических центров в XXI веке[5]. Тем самым она подчеркивает, что сегодня анализ социальных, экономических и политических процессов невозможен без учета глобализации, которая представляет собой один из фундаментальных процессов современности.

Теории постиндустриального общества Д. Белла и А. Турена становятся основой для анализа исследовательницей трансформаций на рынке труда[6]. Не менее важны для нее и труды М. Кастельса, в которых также довольно

---

[1] *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 56-57, 79.

[2] *Tilly Ch.* The Forms of Urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / ed. by T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 86.

[3] *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 147.

[4] *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. В 4-х тт. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016.

[5] *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 75-79.

[6] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 4-5; *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 93.

подробно рассматривается данная тема[1], при этом особое внимание ими обоими уделяется неформальной занятости. С. Сассен указывает на то, что другой важной темой в творчестве этого социолога для нее является анализ сетевых взаимодействий[2], значение которых растет в условиях развития информационных технологий и цифровизации различных сфер общественной жизни.

Чрезвычайно важными для исследовательницы также являются статистика и данные социологических исследований, опираясь на которые она выстраивает собственную оригинальную концепцию и подтверждает свои тезисы. Она рассматривает города, в первую очередь, в качестве экономических центров, причем это относится не только к современности, но и к предыдущим столетиям[3]. Соответственно, экономические функции городов интересуют С. Сассен значительно больше, чем все остальные стороны их функционирования. В центре ее внимания оказывается анализ экономической составляющей городской жизни, наиболее подробно рассматривается современный этап, характеризующийся появлением глобальных городов.

Именно «глобальный город», который она определяет как центр принятия политических и экономических решений, значимых для мира в целом, является центральным понятием теории С. Сассен: «Глобальный город представляет собой стратегическое пространство, в котором глобальные процессы происходят на территории государства»[4]. Подобных городов не так много, хотя число их растет. В 2007 году С. Сассен пишет про «примерно

---

[1] *Sassen S.* Globalization and its Discontents. Essays on the Mobility of People and Money. New York: New Press, 1998. P. 157.

[2] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 95-96; *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 341-343.

[3] *Sassen S.* Guests and Aliens. New York: New Press, 1999. P. 30-31.

[4] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 347.

сорок больших и малых глобальных городов»[1], в 2016 году – уже про сотню подобных экономических центров[2]. Следовательно, экономическую систему современного мира необходимо рассматривать как подвижную и динамичную. Более того, исследовательница указывает, что глобальные города, точнее, их сеть, приобретает все большее значение: «В действительности, организационная составляющая современной глобальной экономики представляет собой сеть из… больших и малых глобальных городов, в которых она размещается и постоянно обновляется»[3]. Причем, государственные границы, согласно С. Сассен, не следует рассматривать как барьеры, способные препятствовать глобальным силам.

Результаты ее исследования свидетельствуют о том, что наблюдается «растущая концентрация специализированных услуг в ограниченном числе ключевых городов <…> На Нью-Йорк, Лондон и Токио приходится до 60% или 70% финансовых и других глобальных специализированных услуг для фирм. Остальные сосредотачиваются в еще 20 старых международных центрах: Париже, Амстердаме, Милане, Сингапуре, Гонконге и т. д.»[4]. Глобальные города предстают в концепции исследовательницы не просто как ключевые элементы мировой экономики, но и как влиятельные акторы, обладающие ресурсами, прежде всего финансовыми, которые позволяют им управлять глобальными процессами, в первую очередь благодаря тому, что они предоставляют услуги транснациональным корпорациям и обслуживают мировые рынки.

---

[1] *Sassen S.* Seeing Like a City / The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society / ed. by R. Burdett and D. Sudjic. London, NY: Phaidon Press Ltd, 2007. P. 281.

[2] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 98.

[3] *Sassen S.* Seeing Like a City // The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society / ed. by R. Burdett and D. Sudjic. London, NY: Phaidon Press Ltd, 2007. P. 281.

[4] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 98.

Необходимо также отметить, что, согласно С. Сассен, глобальные города необходимо отличать от мировых городов, которые она противопоставляет друг другу[1]. Термин «мировой город» введен в научный оборот П. Геддесом в начале XX века для обозначения городов, играющих особую роль в мировом развитии[2]. Однако он рассматривает роль мировых городов не только в экономике, но и в других сферах общественной жизни.

Тем не менее, впоследствии происходит сужение понятия «мировой город» до его экономических функций, например, в монографии британского урбаниста П. Холла «Мировые города»[3]. Он называет мировыми крупные города, активно участвующие в политической, экономической и культурной жизни. Однако их основные характеристики связываются с экономической сферой: это «центры политической власти, как национальной, так и международной, и организаций, связанных с правительством; центры национальной и международной торговли, действующие в качестве таковых в своих странах, а иногда и для соседних; следовательно, центры банковских, страховых и связанных с ними финансовых услуг; центры современной профессиональной деятельности во всех сферах – в медицине, юриспруденции, высшем образовании и преобразовании научных знаний в технологии; центры сбора и распространения информации через публикации и средства массовой информации; центры демонстративного потребления предметов роскоши для меньшинства и товаров массового производства для большинства; центры искусства, культуры и развлечений, а также вспомогательных видов деятельности, которые их обслуживают»[4]. Тем самым мировые города провозглашаются П. Холлом многофункциональными

---

[1] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 349.

[2] *Geddes P.* Cities in Evolution: An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics. London: Williams & Norgate Limited, 1915. P. 46-59.

[3] *Hall P.* The World Cities. London: World University Library, Weidenfeld and Nicholson, 1966.

[4] *Hall P.* Christaller for a Global Age: Redrawing the Urban Hierarchy // GaWC Research Bulletin 59. October 2001. URL: http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb59.html (accessed: 15.10.2021).

центрами, одновременно играющими несколько ролей, однако, фактически рассматриваются преимущественно их экономические функции.

На рубеже XX-XXI веков термин «мировой город» активно популяризируется американским географом австрийского происхождения Дж. Фридманом и британским географом П. Тейлором[1], однако сам П. Холл начинает оперировать понятием, предложенным С. Сассен – «глобальный город»[2]. Необходимо отметить, что для П. Холла разница между глобальными и мировыми городами не очевидна, в то время как С. Сассен явно противопоставляет их друг другу.

Исследовательница указывает, что в научном обиходе существует несколько терминов, близких друг к другу: «мировые города»[3], «супергорода»[4], «информациональные города»[5]. Однако, согласно С. Сассен, важнейшими понятиями, позволяющими понять специфику современного этапа развития, должны стать «глобальный город» и «регион глобального города»: «Впервые использовав термин “глобальный город” (1984)[6], я сознательно подчеркиваю его отличие от других: особенность глобальности и того, как она конструирует современность. Я не стала останавливаться на известном альтернативном варианте – термине “мировой город”, потому что у него был очевидный противоположный признак – он относится к типу города, который известен нам на протяжении многих веков, и, возможно, в еще более ранние периоды вероятнее в Азии, чем на Западе. Исходя из этого, можно

---

[1] *Friedmann J., Wolff G.* World City Formation: An Agenda for Research and Action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. 6. P. 309-344; *Friedmann J.* The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. P. 69-83; *Taylor P. J.* World City Network: a Global Urban Analysis. London: Routledge, 2004.

[2] *Hall P.* The Global City // International Social Science Journal. 1996. Vol. 147. P. 15-23.

[3] *Hall P.* The World Cities. London: World University Library, Weidenfeld and Nicholson, 1966.

[4] *Braudel F.* The Perspective of The World: Civilization and Capitalism 15-18-th Century. Vol. III. London: Collins, 1984.

[5] *Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell, 1989.

[6] *Sassen S.* The New Labor Demand in Global Cities // Cities in Transformation / ed. by M. P. Smith. Beverly Hills: Sage, 1984. P. 139-171.

предположить, что большинство современных глобальных городов являются также мировыми городами, но на самом деле существуют глобальные города, не являющиеся мировыми в полном понимании этого термина»[1].

Исследовательница указывает на то, что, например, Майами – один из глобальных городов, который, однако, не входит в число мировых, так как не обладает соответствующим историческим и культурным наследием: «тот факт, что Майами приобрел функции глобального города, начавшие развиваться в конце 1980-х гг., не дает ему права считаться мировым городом в старом смысле этого слова»[2]. Большинство глобальных городов, по ее мнению, являются одновременно и мировыми, но есть и исключения (например, уже упомянутый Майами). Город становится мировым благодаря своему историческому и культурному наследию, в то время как глобальным город может быть лишь на определенном историческом этапе, связанным с выполнением ключевых функций в мировой экономической системе.

Она отмечает, что, несмотря на развитие информационно-коммуникационных технологий, корпорации в эпоху глобализации, возможно, более чем когда-либо раньше, нуждаются в «центральных местах» (*central places*)[3] для организации своей деятельности, и полагает, что ими становятся глобальные города. Тем самым она опровергает тезис о том, что мировая экономика преодолела территориальные ограничения и привязанности.

По мнению исследовательницы, принципиальное отличие мировых городов в предшествующие эпохи от глобальных сегодня заключается в том, что глобальные города стремятся к высокой специализации в обслуживании определенного набора глобальных рынков и глобальных фирм: «Мы можем видеть, что Нью-Йорк контролирует кофе, Лондон – платину, а Шанхай, намного менее влиятельный финансовый центр, сейчас управляет рынком

---

[1] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. XIX.

[2] Ibid.

[3] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 97.

меди»[1]. Даже наименее влиятельные из глобальных городов отличаются тем, что изобретают новые инструменты или услуги, благодаря чему строят новые рынки, часто на основе одного товара.

Соответственно, между глобальными годами, в том числе между Нью-Йорком, Лондоном и Токио, которые оказываются в центре внимания С. Сассен[2], происходит дифференциация функций. Нью-Йорк, по ее мнению, превращается в «Кремниевую (Силиконовую) долину» для финансовых операций, Лондон рассматривается многими как перевалочный пункт, где инвесторы даже из беднейших стран могут надеяться на включение в глобальную экономику, а Токио специализируется на экспорте сырья, которым, в первую очередь, является капитал[3]. Различаются между собой функции и европейских финансовых центров (Лондона, Парижа и Франкфурта), а также американских (Нью-Йорка и Чикаго). Следовательно, рассматривать единичный отдельно взятый глобальный город невозможно, поскольку каждый из них функционально связан с другими. И в этом состоит еще одно их отличие от мировых городов, которые представляют собой довольно самостоятельные образования, несмотря на существующие между ними связи.

Соответственно, существующее разделение труда между ключевыми финансовыми центрами становится причиной того, что они далеко не всегда являются взаимозаменяемыми, то есть конкуренция между ними меньше, чем кажется на первый взгляд. Следовательно, угроза корпораций «покинуть город»[4] в случае неполучения льгот или привилегий, о которых они просят, согласно С. Сассен, не более чем бравада. Корпорации просят льготы и

---

[1] *Sassen S.* Seeing Like a City / The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society / ed. by R. Burdett and D. Sudjic. London, NY: Phaidon Press Ltd, 2007. P. 288.

[2] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.

[3] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 100.

[4] Ibid. P. 101-102.

привилегии, так как имеют ложное представление, что, если они их не получат, то легко переместятся в другое место. Однако транснациональные компании и глобальные города взаимно нуждаются друг в друге, и их связь между собой значительно теснее, чем кажется на первый взгляд.

Тем самым, исследовательница демонстрирует новые характеристики современности, которые требуют новой понятийности – введения термина «глобальный город» [1]. Они отличаются от мировых городов, существующих на протяжении многих столетий тем, что, во-первых, являются элементами системы – сети глобальных городов, а во-вторых, характеризуются дифференциацией функций между собой. «Одновременная географическая дифференциация и концентрация»[2], характерная для сети глобальных городов, согласно С. Сассен, – важнейшие элементы в организационной структуре мировой экономической системы.

Социолог указывает на то, что глобализация способствует географической рассредоточенности экономической деятельности, с одной стороны, и одновременной ее интеграции, с другой стороны[3]. При этом чем больше дифференциация операций фирмы по разным странам, тем сложнее ее стратегические функции, которые выполняются в штаб-квартире (центральном офисе) корпорации, связанные с управлением, координацией, обслуживанием и финансированием сети операций. Тем самым высокая географическая «разбросанность» деятельности компании ведет к росту значения функций, выполняемых центральным офисом, а соответственно и росту значения глобальных городов, где располагается большинство штаб-квартир транснациональных корпораций.

---

[1] *Sassen S.* The New Labor Demand in Global Cities // Cities in Transformation / ed. by M. P. Smith. Beverly Hills: Sage, 1984. PP. 139-171.

[2] *Sassen S.* The Global City: Introducing a Concept // The Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. XI. № 2. Winter/Spring. P. 33.

[3] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. XIX-XX.

Более того, функции становятся настолько сложными, что они все чаще передаются штаб-квартирами крупных транснациональных компаний на аутсорсинг, то есть другим исполнителям, что создает условия для агломерационного развития. При этом С. Сассен отмечает рост скорости всех совершаемых операций и превращение глобальных городов в информационные центры[1], вследствие чего пребывание в них предполагает весьма насыщенное информационное окружение и требует быстрого принятия решений. Это меняет организационные формы, способствуя переходу от иерархических к сетевым, поскольку именно сетевые структуры являются наиболее гибкими и позволяют оперативно реагировать на новую информацию.

Тем самым, глобальные города превращаются в центры принятия решений, то есть ключевые узлы транснациональных урбанистических систем. Более того, глобальные города оказываются настолько тесно связаны между собой, что их следует рассматривать не по отдельности, а именно как элементы постоянно усложняющихся транснациональных сетей. Так, глобальные города превращаются в «постиндустриальные производственные площадки»[2], создающие инфраструктуру для организации деятельности транснациональных компаний.

Глобальный город должен обеспечивать оказание юридических, бухгалтерских, логистических, а также широкого спектра других услуг, учитывающих разнообразные культуры ведения предпринимательской деятельности в зависимости от страны и сектора экономики. Необходимость присутствия высококвалифицированных специалистов в разных областях превращает глобальные города в «специализированные системы знаний»[3], что становится одним из главных их конкурентных преимуществ. Глобальные

---

[1] *Sassen S.* The Global City: Introducing a Concept // The Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. XI. № 2. Winter/Spring. P. 28-30.

[2] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 127.

[3] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 99.

города создают условия для накопления и концентрации различных видов капитала (экономического, политического и социального), что помогает им реализовывать различные проекты, повышающие их привлекательность, и, как следствие, усиливает «неравенство между городами»[1], на которое указывает С. Сассен.

Она полагает, что ее теория глобальных городов намного сложнее, нежели считают многие исследователи, которые обычно сосредотачивают свое внимание на «отдельных аспектах»[2] и не могут увидеть всю картину целиком. В данной связи она считает необходимым самостоятельно выделить четыре блока проблем, которые считает основополагающими для понимания своей теории: аутсорсинг, локализация, неравенство и дифференциация[3]. Все они тесно взаимосвязаны между собой и формируют комплексное представление о специфике функционирования транснациональных сетей городов.

Рассмотрим их подробнее, начав с *аутсорсинга*, который получает все большее распространение вследствие того, что позволяет минимизировать расходы и дает дополнительные конкурентные преимущества на рынке отдельных стран. Например, если компания собирается начать свою деятельность в Монголии, выгоднее передать бухгалтерский учет и юридическое сопровождение местным компаниям, хорошо знающим законодательство страны, чем нанимать эксперта в штат компании. Для фирм, работающих в нескольких десятках стран, аутсорсинг является одним из основных способов решений сложных задач[4], поскольку помогает сократить издержки.

Рассматривая *локализацию*, С. Сассен демонстрирует, что функционирование корпораций, нуждающихся в юридических, бухгалтерских, страховых и прочих услугах, пока не может осуществляться

---

[1] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 33.

[2] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 100.

[3] Ibid. P. 99-102.

[4] Ibid. P. 99-100.

исключительно в цифровом пространстве[1]. Она оспаривает популярный в 1980-е годы тезис о том, что распространение цифровых технологий ведет к тому, что такие сектора, как финансы, перестают нуждаться в территориальной привязке и могут базироваться в любом месте. Исследовательница наблюдает локализацию мировой экономики в ограниченном числе ключевых городов, которые она и предлагает считать глобальными.

Третьим компонентом, который выделяет С. Сассен, является *неравенство*, причем как между городами, так и внутри них[2]. Данный блок проблем представляет наибольший интерес для социологии, поэтому его следует рассмотреть более подробно нежели предыдущие. Социолог указывает на следующее: «В развитом мире, и особенно в Западной Европе, мы видим возобновление активности крупных городов, которые, по всей видимости, концентрируют значительную и зачастую непропорционально большую долю экономической деятельности в ведущих секторах. В 1970-х годах многие крупные города в высокоразвитых странах теряли население и экономическую активность. В то время много говорилось о необратимом упадке этих городов. Но начиная с середины 1980-х годов произошел всплеск, который в значительной степени обусловлен пересечением двух основных тенденций: во-первых, переходом к оказанию услуг, в частности, к увеличению числа финансовых и специализированных услуг во всех странах с развитой экономикой, и, во-вторых, усиливающейся транснационализацией экономической деятельности. Эта транснационализация может действовать на региональном, континентальном или глобальном уровне. Эти две тенденции взаимосвязаны и подпитывают друг друга, а их пространственным следствием является стремление к концентрации большинства видов деятельности в

[1] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 100-101.

[2] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 33-57, 117-137.

крупных городах»[1]. Более того, очевидно существование транснациональных экономических связей, охватывающих множество стран, что позволяет сделать вывод о формировании транснациональной урбанистической системы.

Соответственно, говоря о неравенстве между городами исследовательница указывает на особую роль глобальных городов в «транснациональных урбанистических системах»[2], которая способствует росту их конкурентных преимуществ вследствие наибольшей инвестиционной привлекательности. Необходимо также отметить, что города, являющиеся стратегическими площадками мировой экономики, начинают функционировать одновременно на нескольких уровнях – национальном, региональном и глобальном. Это способствует отрыву глобальных городов от всех остальных не только по экономическим ресурсам, которыми они обладают, но и по услугам, предлагаемым как для транснациональных корпораций, так и для своих жителей.

Стратегическая роль специализированных услуг повышает ценность профессионалов, которые их оказывают, и, соответственно, уровень оплаты их труда. Их заработные платы быстро и неуклонно растут. Международные корпорации оплачивают не только высокое качество стратегических услуг, но и скорость их оказания. Однако структура вознаграждений сотрудников других секторов, в частности, сферы производства, демонстрирует противоположную динамику: заработные платы сокращаются. Соответственно, в глобальных городах концентрируются как высокооплачиваемые, так и низкооплачиваемые рабочие места.

В частности, С. Сассен приводит данные о том, что в США упала средняя заработная плата всех работников, кроме тех, у кого есть высшее образование[3]. Это позволяет предположить, что сокращение оплаты труда не

---

[1] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 56.
[2] Ibid. P. 33.
[3] Ibid. P. 130.

коснулось экспертов в различных сферах, способных оказывать специализированные услуги. При этом наиболее существенное падение почасовой средней заработной платы (более 25%) характерно для тех, кто не имеет аттестата об окончании старшей школы[1]. Так, глобальные города, несмотря на все их богатство, обеспечивают высокое качество жизни далеко не всем. С. Сассен указывает на то, что вследствие глобализации возникает новое неравенство и «исчезает средний класс»[2].

При этом исследовательница практически не рассматривает безработицу как причину бедности в глобальных городах, ее гораздо больше интересуют низкооплачиваемые виды деятельности. Растущие сектора экономики глобальных городов способствуют увеличению числа низкооплачиваемых рабочих мест при одновременном увеличении количества высокооплачиваемых рабочих мест, поэтому сегодня глобальные города представляют собой наиболее яркие примеры социальной поляризации.

Особые опасения у С. Сассен вызывает рост неформального сектора экономики. Многие виды экономической деятельности, на которые есть спрос в глобальных городах, приносят невысокий доход, не позволяющий конкурировать за различные ресурсы с высокоприбыльными сервисными фирмами, занимающими лидирующие позиции. Полный или частичный уход в неформальный сектор становится одним из способов выживания в этих условиях[3]. Соответственно, неравенство усиливается, появляются новые его формы, что провоцирует социальные конфликты, в том числе и вследствие джентрификации.

Согласно С. Сассен, масштабы этой проблемы недооцениваются рядом исследователей по той причине, что «джентрификация и архитектурные

---

[1] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000. P. 130.

[2] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 361.

[3] *Sassen S.* The Global City: Introducing a Concept // The Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. XI. № 2. Winter/Spring. P. 28-30; *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. P. XIX-XX.

инновации»[1], безусловно, меняют визуальный облик городов в лучшую сторону. Однако основой этого «процветания» становится рост социальной эксклюзии, в результате которой отдельные люди и целые семьи были прямо или косвенно выброшены из своих домов. За аккуратными фасадами скромных кварталов среднего класса С. Сассен отмечает увеличение масштабов бедности и ухудшение качества жизни более молодых поколений[2]. Так, по данным Федеральной резервной системы, в США с 2006 по 2014 годы более 14 миллионов семей потеряли свои дома[3]. Причем больше всего бездомных в районе с высокой концентрацией хорошо оплачиваемых рабочих мест – в Кремниевой (Силиконовой) долине или в непосредственной близости от нее[4], что свидетельствует о том, что бедность, как и прежде, соседствует с богатством. Бездомные – это преимущественно люди, недавно лишившиеся работы и не способные более выплачивать ипотечные кредиты.

Необходимо также упомянуть о том, что локализация рабочих мест в глобальных городах и их пригородах увеличивает безработицу в соседних населенных пунктах, не являющихся часть агломерации глобального города. Соответственно, возникает необходимость миграции, которой С. Сассен также уделяет важное место при рассмотрении глобальных городов. Следует отметить, что один из ее выводов заключается в том, что иностранные инвестиции в развивающиеся страны, вопреки сложившимся представлениям, не снижают потенциальный риск всплеска эмиграции[5]. Если новые рабочие места создаются в традиционных секторах экономики, где заработные платы, как правило, не очень высоки, то иностранные инвестиции, наоборот, могут

---

[1] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 101.

[2] Ibid.

[3] *Sassen S.* Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all (accessed: 15.12.2021).

[4] *Dharssi A.* Cities are places where the powerless can shape history: the Right to the City in the 21st Century // The Global Urbanist. URL: http://globalurbanist.com/2014/12/03/saskia-sassen-right-to-the-city (accessed: 05.12.2021).

[5] *Sassen S.* The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

повысить вероятность эмиграции рабочей силы и ухудшить экономическое состояние страны. Неудивительно, что современность, согласно исследовательнице, характеризуется системной эксклюзией[1], поскольку в мире все больше неравенства, все больше бедности, все больше беженцев и так далее, особенно на глобальном Юге.

Четвертый блок проблем, который выделяет С. Сассен, связан с *дифференциацией*. Она связывается, в частности, с тем, что обязанности экспертов высокого уровня из самых разных сфер, работающих в корпоративных зданиях, дифференцированы не меньше, чем функции, выполняемые глобальными городами. Поскольку услуги, предлагаемые фирмами и городами, значительно варьируются, то и глобальные города не становятся одинаковыми, как иногда полагают. В каждом крупном корпоративном центре по всему миру «существует множество правил, благодаря которым глобальные города стали таковыми и продолжают ими оставаться, конкурируя друг с другом»[2]. Соответственно, каждый глобальный город уникален вследствие дифференциации, то есть разделения труда между ними, вследствие чего каждый из них продолжает успешно функционировать несмотря на существующую конкуренцию, которая является далеко не такой острой, как кажется на первый взгляд.

Согласно С. Сассен, эти четыре блока проблем следует рассматривать как разные стороны одного и того же процесса – формирования глобальной урбанистической системы, состоящей из сети стратегических городов. Транснациональные корпорации оптимизируют свои расходы, отдавая часть функций на аутсорсинг, тем не менее, компании, оказывающие им услуги, как правило, расположены довольно компактно – в глобальных городах. Между глобальными городами существует разделение функций, то есть дифференциация, уменьшающая конкуренцию и укрепляющая связи внутри

[1] *Sassen S.* Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014. P. 7-8.

[2] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 102.

глобальной урбанистической системы. Однако подобная организация деятельности транснациональных корпораций ведет к росту социального неравенства, поскольку глобальные города, с одной стороны, получают гораздо больше инвестиций, нежели все остальные, а с другой стороны, предлагают одновременно и высокооплачиваемые, и низкооплачиваемые рабочие места.

Неравенство в ближайшие годы, скорее всего, будет только расти, поскольку транснациональные корпорации повышают стоимость недвижимости в них, активно ее скупая, что негативно сказывается на качестве жизни наименее состоятельных слоев населения[1]. Необходимо отметить, что высокий спрос на недвижимость способствует тому, что растет не только ее стоимость, но и стоимость аренды, что ухудшает социально-экономическое положение многочисленных арендаторов и усиливает неравенство.

С. Сассен делает вывод о том, что результатом роста числа сделок с недвижимостью в ведущих городах мира, может стать системная трансформация в структуре собственности на землю, поскольку частные интересы зарубежных компаний могут начать доминировать над общественными, приведя к «утрате городов для их жителей»[2]. Вместо организаций, необходимых жителям города, в инвестиционно привлекательных районах появляются корпоративные штаб-квартиры или охраняемые роскошные жилые комплексы. Часть из них пустует, так как инвесторы порой покупают не столько квадратные метры, которые собираются использовать, сколько право доступа к городскому пространству в условиях, когда все большее число городов повышает свою значимость в мировой экономике[3]. Инвестирование в объекты недвижимости в глобальных

---

[1] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 105.

[2] *Sassen S.* Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all (accessed: 15.12.2021).

[3] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 105.

городах является неизбежным следствием того огромного значения, которое корпорации придают этим производственным площадкам. Как результат, города приватизируются, а потому фрагментируются и теряют свою целостность.

Так, С. Сассен одной из первых поднимает вопрос о том, что привлекательность городов для инвесторов пагубно сказывается на социально-экономическом положении их жителей. Данная проблема признана сегодня чрезвычайно важной ООН, что свидетельствует о том, что идеи американской исследовательницы востребованы, причем не только в научных кругах. В одном из недавних документов ООН практически повторяется сказанное С. Сассен: «За последние 10 лет на рынок жилья пришли финансовые игроки и заняли на нем доминирующие позиции. В результате жилье сейчас рассматривается как товар, как средство накопления богатства и роста благосостояния, а нередко и как актив для обеспечения финансовых инструментов, которые торгуются и продаются на мировых рынках. Финансизация ведет к быстрому росту стоимости жилья, что делает его недоступным, обусловливает нестабильность и рост числа бездомных»[1]. Данная проблема находит свое отражение и в научных публикациях[2], поскольку ее значение для ведущих городов мира чрезвычайно велико. Фактически речь идет об сокращении возможностей участия жителей в управлении своими городами и, как следствие, ограничении доступа к ряду территорий, поскольку все меньше пространств остаются общественными.

Однако города не могут стать собственностью тех, у кого больше денег, и кто может купить городское пространство. Повсеместная джентрификация разрушает городские сообщества, поднимая цены на недвижимость. С. Сассен призывает местные сообщества воспротивиться этому и «вернуть себе

---

[1] Достаточное жилище как компонент права на достаточный жизненный уровень и право на недискриминацию в этом контексте. Записка Генерального секретаря. A/74/183. С. 15. URL: https://undocs.org/ru/A/74/183 (дата обращения 15.11.2021).

[2] *Garrett B., Lourdes Melo Zurita M., Iveson K.* Boring cities // City. 2020. Vol. 24. № 1-2. P. 282-284.

глобальные города»[1], которые постепенно утрачивают разнообразие, унифицируясь в интересах корпораций. Несмотря на то, что новые владельцы недвижимости в глобальных городах являются выходцами из разных стран, они, согласно С. Сассен, представляют одну культуру – «новую глобальную культуру успешности»[2], вследствие чего они удивительно однородны, независимо от того, насколько разнообразны страны их происхождения и родные языки. Это один глобальный «корпоративный» субъект, влияние которого растет. Сегодня крупномасштабные сделки по приобретению корпорациями городского пространства в его разнообразных формах ведут к сокращению разнообразия. Города расширяются за счет постоянного увеличения числа схожих роскошных высотных зданий. Плотные концентрации высотных зданий в глобальных городах сегодня являются площадками для репрезентации корпоративной культуры. Как указывает С. Сассен, «вертикальная сетка корпоративных башен, проникнутая тем же нейтралитетом и рациональностью, которые приписываются горизонтальной сетке американских городов»[3] – это новые вызовы, с которыми сталкивается городская социология в нынешнем тысячелетии, и которые требуют своего анализа. Соответственно, перемены, вызванные глобализацией, приводят к теоретическим и методологическим инновациям, требуют отказа от прежних аналитических категорий и прежних иерархий. Идет оформление совершенно новой исследовательской программы, касающейся функционирования городов, в том числе глобальных, и целого комплекса разнообразных проблем, актуальных для них.

Подводя итоги, следует отметить, что эвристическая ценность теории С. Сассен заключается в том, что она в начале 1990-х годов задолго до многих

---

[1] *Sassen S.* Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all (accessed: 15.12.2021).

[2] Ibid.

[3] *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 153-154.

других исследователей демонстрирует рост значения отдельных городов, которые она называет глобальными, и, как следствие, оформление новых форм пространственного неравенства. Традиционная урбанистика утверждает, что город является главным посредником между региональной и национальной экономиками[1], однако, по мнению исследовательницы, это не подтверждается статистическими данными, если речь идет о глобальных городах. Их вовлеченность в мировую экономику приводит к тому, что связи глобальных городов со своим регионом и даже государством ослабевают.

Ценность теории С. Сассен заключается также в том, что она одной из первых обращает внимание на то, что увеличение объема инвестиций в глобальные города способствует переходу от преимущественно частной собственности к корпоративной, что инициирует другие исследования по данной теме, например, Н. Кляйн[2]. При этом С. Сассен указывает на то, что происходящие изменения ведут к сокращению разнообразия глобальных городов, несмотря на присутствие в них большого числа мигрантов. Огромные офисные здания, торговые центры и жилые комплексы вытесняют маленькие улицы, общественные пространства и здания меньшего размера. Как следствие, в глобальных городах становится меньше возможностей для жителей, чтобы собраться вместе и образовать сообщество, способное принимать участие в принятии решений. Соответственно, корпорации приобретают все больше прав, в то время как граждане их теряют.

Так, С. Сассен продолжает развивать идеи А. Лефевра, Д. Харви и многих других социологов, которых волнуют вопросы о том, кому принадлежит право на город, и кто должен принимать решения относительно стратегии развития городов. Новизна подхода С. Сассен состоит в том, что эти проблемы рассматриваются на примере самых богатых городов – в современном мире около «15% мирового ВВП приходится на 25 самых

[1] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2012. P. 92.
[2] *Klein N.* No Logo: No Space, No Choice, No Jobs. London: Flamingo, 2000.

богатых городов мира»[1], которые, соответственно, обладают колоссальными ресурсами и требуют специального анализа. Причем исследовательница отмечает, что глобальные города имеют между собой больше сходства, чем различий несмотря на то, что они находятся в разных странах мира. Тем самым она фиксирует переход от мультикультурализма, свойственного глобальным городам прежде, к унификации их социальной жизни.

Несмотря на то, что теория С. Сассен является одной из самых влиятельных в современной социологии города, необходимо отметить, что она одновременно подвергается и серьезной критике. Очевидно, что в центре внимания исследовательницы находятся, прежде всего, экономические процессы, однако функционирование городов нельзя сводить лишь к их включенности в мировую экономику. Экономический подход к анализу городов становится доминирующим в социологии конца XX века, но разделяется далеко не всеми современными исследователями. Например, шведский социолог Й. Терборн заявляет о «парадигмальном кризисе»[2] данного подхода и предлагает рассматривать города как сложные образования, не сводя их функции к экономическим.

Необходимо также отметить, что теория С. Сассен имеет некоторые ограничения, поскольку применима для изучения ограниченного числа городов. Во-первых, она позволяет лучше понять преимущественно те процессы, которые характерны для глобальных городов, но не объясняет того, что происходит в малых, средних и даже крупных городах, не являющихся экономическими центрами мирового значения. Во-вторых, в центре внимания исследовательницы находятся в большей степени города глобального Севера, которые далеко не всегда позволяют понять процессы, характерные для глобального Юга. На это, в частности, указывает британский географ

[1] Второй большой шаг // Urban Agenda. 2015. № 4. С. 19. URL: https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/ea6/ea63866bb6943d69d46baf7e1f5d98dc.pdf (дата обращения 15.11.2021).

[2] *Терборн Й.* Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 21.

Дж. Робинсон[1], которая считает, что на примере отдельных глобальных городов невозможно объяснить весь комплекс противоречивых процессов, характерных для современных городов: «любое исследование городов должно основываться на понимании возможности того, что города, расположенные в других регионах, могут отличаться от изучаемых и иметь эвристическую ценность для рассматриваемых процессов»[2]. Соответственно, объяснительные модели, позволяющие понять механизмы функционирования нескольких глобальных городов, могут оказаться бесполезными при изучении других.

Необходимо также отметить, что С. Сассен не предлагает решения выделенных ею социальных проблем современных глобальных городов, тем не менее, эвристическая ценность ее концепции несомненна. Исследовательница представляет новый взгляд на функции городов в условиях глобализации, более того, она вводит в научный оборот термин «глобальный город» и демонстрирует, что глобальные города приобретают значительную самостоятельность и даже некоторую независимость от национальных государств, на территории которых они расположены.

Идеи С. Сассен начинают развивать и другие авторы. Например, американский политолог П. Ханна говорит о растущей связи между городами вследствие развития разного рода сетей: транспортных, энергических, коммуникационных и других. Он утверждает, что современный мир эволюционирует от географии к «коннектографии»[3], которая сильно напоминает глобальную урбанистическую сеть С. Сассен.

Данная концепция, безусловно, интересна для отечественной социологии, поскольку позволяет понять механизмы функционирования глобальных городов, к которым относятся, в частности, Москва и Санкт-Петербург. Кроме того, С. Сассен указывает на тревожные социальные

---

[1] *Robinson J.* Ordinary cities: Between Modernity and Development. London, Routledge, 2006.

[2] Ibid. P. 168.

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.

последствия новых форм неравенства, которое порождают глобальные города, что может помочь в разработке стратегии пространственного развития России с учетом уже имеющегося международного опыта.

Выводы по четвертой главе:

М. Кастельс, Д. Харви и С. Сассен связывают социальное неравенство и социальную несправедливость, характерные для современных городов, с функционированием капитализма и глобализацией. Город предстает в их концепциях как часть капиталистической мировой системы, где формируется новый урбанистический порядок, не совпадающий с национально-государственным. Претензии, предъявляемые субъектами, борющимися за признание, требование их права на город имеют долгую историю, однако эпоха глобализации привносит свои новшества, в частности, способствуя все большей унификации и гомогенизации социального пространства.

В современных городах отмечается рост «делинквентности» (например, повреждение автомобилей и витрин, ограбление и поджог магазинов), что, например, С. Сассен связывает с традиционной для городов проблемой социального неравенства. Она полагает, что «восстания последних десятилетий в крупных городах развитого мира являются показателем обостренного социально-экономического неравенства – пропасти между городской гламурной зоной и городской зоной войны и выживания»[1], конфликт между которыми углубляется. Так, С. Сассен отмечает безразличие и жадность новых элит, с одной стороны, и безнадежность, а также озлобленность бедных, с другой. Неравенство – традиционная социальная проблема городов, однако его проявления меняются (в том числе появляются новые формы, такие как цифровое неравенство). По словам П. Коллиера, «новые обиды и недовольство получают географическое измерение»[2], в том

[1] *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 152.

[2] *Коллиер П.* Будущее капитализма. М.: Издательство института Гайдара, 2021. С. 11.

числе и глобальное, и именно эта проблема является одной из центральных для М. Кастельса, Д. Харви и С. Сассен. Как следствие, происходит и трансформация социального конфликта, который в условиях глобализации становится транснациональным.

Несмотря на некоторое сходство представленных в данной главе концепций, между ними есть и существенные различия. Например, Д. Харви рассматривает кризис современных городов как результат накопления капитала, в то время как М. Кастельс объясняет это кризисом потребления. Если Д. Харви делает упор на воспроизводство капитала в условиях неолиберальной экономики, то М. Кастельса больше привлекает социальная сегрегация и формирование социальных движений как результат желания улучшить условия своей жизни. В свою очередь, С. Сассен сосредоточивается на глобальных городах, которые рассматриваются как ключевые узлы в мировой экономике.

Все авторы, чьи концепции представлены в данной главе, предлагают учитывать трансграничную динамику традиционных социальных проблем, разрабатывая новые подходы к их изучению. Они также не забывают и о национальных государствах, которые по-прежнему играют важную роль на мировой арене, в том числе и в процессах глобализации, и продолжают оказывать влияние на то, каким является городское пространство. Тем самым М. Кастельса, Д. Харви и С. Сассен выделяет попытка анализа глобальных процессов и их локальных последствий, с которыми имеют дело отдельные города.

ПЯТАЯ ГЛАВА. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ УРБАНИЗАЦИИ[1]

§ 1. Концепция мегалополиса Жана Готтмана: становление постиндустриальной перспективы исследования пространства

Жан Готтман (*Jean Gottmann*) (1915-1994) – исследователь, родившийся в Российской империи и выросший во Франции. Однако мировую известность он приобрел благодаря работам, написанным на английском языке. Ж. Готтмана часто называют представителем французской школы геополитики[2], однако его идеи представляют несомненный интерес и для современной социологии. Это связано, в частности, с тем, что физическое

[1] Материалы данной главы диссертации нашли отражение в следующих публикациях, выполненных автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, представлены основные результаты, положения и выводы исследования: Вершинина И. А. Особенности социальных отношений в больших городах // Социология города. 2019. № 3. С. 17-29; Вершинина И. А. Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1. С. 62-77; Вершинина И. А. Концепция мегалополиса Жана Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 3. С. 36-48; Вершинина И. А. Коннектография Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 147-154; Вершинина И. А., Добринская Д. Е. Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25-33 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Вершинина И. А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 75-85; Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 60-84 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Dobrinskaya D., Vershinina I. New connectography: networks of cities in the global world // Espacios. 2018. Vol. 39. № 16 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Самсонова Т. Н., Вершинина И. А. Глобальные города vs государства? К вопросу о роли глобальных городов в условиях глобализации // Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2019 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста); Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы) / Е. Н. Алексеева, В. П. Бондарев, И. А. Вершинина и др. М.: МАКС Пресс, 2015 (авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 23% общего объема текста).

[2] *Бабков А. В.* Иконографический подход в работах французских геополитиков // Власть. 2010. № 7. С. 72.

пространство рассматривается им в тесной взаимосвязи с социальным, а в центре его внимания оказывается «региональная иконография»[1], которая определяется, в первую очередь, культурой и образом жизни сообществ. Таким образом, одной из главных тем его продолжительной интеллектуальной деятельности является вопрос о том, как происходит политическое разделение географического пространства на основе культурных границ.

Вклад Ж. Готтмана в современные пространственные исследования серьезно недооценен, поскольку он фактически является родоначальником исследований постиндустриальных городов, расширяющихся за пределы своих границ и образующих сложные урбанистические формы. Он поднимает те вопросы, которые до сих пор остаются в центре внимания современной социологии: символические и иконографические функции столичных городов[2], функционирование сети городов в мировой экономике[3] и другие.

Необходимо отметить, что идеи Ж. Готтмана во многом можно рассматривать как продолжение ряда тезисов, сформулированных представителями Чикагской школы. В частности, Р. Парк указывал, что «географические барьеры и физические дистанции значимы для социологии только там и тогда, где и когда они определяют условия, при которых актуально поддерживаются коммуникация и социальная жизнь»[4]. И Ж. Готтман как раз и предлагает рассматривать географические и политические границы в данном контексте, который Р. Парк считает социологическим. Это позволяет отнести концепцию Ж. Готтмана к социологическим, поскольку в центре его внимания оказывается изменение административных границ городов вследствие становления постиндустриального общества.

---

[1] *Gottmann J.* Geography and International Relations // World Politics. 1951. Vol. 3. № 2. P. 162-163.

[2] *Gottmann J.* The role of capital cities// Ekistics. 1977. Vol. 44. № 264. P. 240-243; *Gottmann J.* Capital Cities // Ekistics. 1983. Vol. 50. № 299. P. 88-93.

[3] *Gottmann J.* The dynamics of city networks in an expanding world // Ekistics. 1991. Vol. 58. № 350/351. P. 277-281.

[4] *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 16.

Кроме того, очевидно влияние, которое на Ж. Готтмана оказали работы британской школы проектировщиков городского пространства, в частности, П. Геддеса о формировании конурбаций и мегалополисов[1], получившие высокую оценку со стороны научного сообщества[2]. Так, исследователь продолжает работать над вопросами, поставленными американскими и британскими социологами, но вписывает обозначенные ими проблемы в новый контекст, а именно постиндустриальное общество, которое требует адаптации географических образований к новым условиям (расширению транспортной инфраструктуры, изменению структуры занятости и так далее).

При этом творчество Ж. Готтмана во многом определяется его биографией, а именно продолжительным периодом жизни на две страны – США и Францию. Во время Второй мировой войны Ж. Готтман бежал от антисемитизма из Франции в США и сотрудничал с правительством этой страны. В частности, его знания по географии Франции пригодились при подготовке операции по высадке союзников в Нормандии. После войны он вернулся во Францию, чтобы продолжить работу в одном из подразделений Сорбонны. Однако для многих французов после нескольких лет работы за океаном он превратился в американца, что негативно сказалось на его дальнейшей карьере во Франции, где в это время были сильны антиамериканские настроения[3]. Тем не менее, в послевоенный период Ж. Готтман одновременно работал во Франции и США, что позволило ему провести сравнительный анализ социальных проблем, сопровождающих урбанизацию по разные стороны Атлантического океана. Несколько лет исследователь также был советником французского Министерства народного

[1] *Geddes P.* Cities in Evolution: An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics. London: Williams & Norgate Limited, 1915.

[2] Ex.: *Defries A. D.* The Interpreter Geddes: the Man and His Gospel. London: Routledge and Sons Ltd, 1927. P. 199-200.

[3] *Sanguin A. L., Prevelakis G.* Jean Gottmann (1915-1994), un pionnier de la géographie politique // Annales de Géographie. 1996. Vol. 105, № 587. P. 73.

хозяйства и сотрудником Организации Объединенных Наций[1]. Однако более значимой для него стала не административная, а академическая карьера.

Ж. Готтман преподавал и занимался научными исследованиями в Сорбонне (Париж, 1937-1940), Институте перспективных исследований (Принстон, 1942-1965), Принстонском университете (Принстон, 1943), Университете Джонса Хопкинса (Балтимор, 1943-1948), Национальном центре научных исследований (Париж, 1948-1951), Институте политических исследований (Париж, 1947-1960), Фонде двадцатого столетия (Нью-Йорк, 1956-1961), Высшей школе социальных наук (Париж, 1960-1983) и Оксфордском университете, с которым он был связан до конца своей жизни (профессор географии в Оксфорде – 1968-1983, почетный профессор Оксфорда – 1983-1994)[2].

Ж. Готтман довольно рано получил признание своих заслуг. Он стал почетным членом Американского географического общества в 1956 году, а в 1964 году его наградили медалью Чарльза Дэли[3] этой же организации. В 1980 году ему вручили медаль Виктории Королевского географического общества[4]. В 1984 году Парижское географическое общество отметило его работу своей главной наградой – Золотой медалью[5]. Во Франции он также стал кавалером Ордена Почетного легиона (1974) и Ордена Академических пальм[6].

На первом этапе своего творчества Ж. Готтман активно занимается полевой работой и научным обоснованием географической дисциплины.

---

[1] *Malaurie J.* La mort de Jean Gottmann. Honneur à l'homme seul // Le Monde diplomatique. 1994. Juin. P. 31.

[2] *Corey K. E.* Jean Gottmann, 1915–1994 // Annals of the Association of American Geographers. 1995. Vol. 85. № 2. P. 356-357.

[3] American Geographical Society Honorary Fellowships. URL: http://www.amergeog.org/honorslist.pdf (accessed: 15.12.2021).

[4] Medals and Awards. Recipients 1970-2016. URL: http://www.rgs.org/NR/rdonlyres/6AD2A463-2F70-4242-AD4C-EC370E87E28D/26851/Medalwinners19702019.pdf (accessed: 17.12.2021).

[5] Grand Prix de la Société de Géographie pour Travaux et Publications Géographiques (Médaille d'Or Puis d'Argent). URL: https://socgeo.com/les-grands-prix-de-la-societe/ (accessed: 15.12.2021).

[6] *Corey K. E.* Jean Gottmann, 1915–1994 // Annals of the Association of American Geographers. 1995. Vol. 85. № 2. P. 357.

К этому направлению можно отнести такие его труды, как «Человек, дорога и вода в Юго-Западной Азии»[1] (1938), «Метод анализа социальной географии: анналы географии»[2] (1947), «Америка»[3] (1949) и «География Европы»[4] (1950).

На втором этапе своего творчества Ж. Готтман обращается к региональным исследованиям и проводит сравнительный анализ урбанизации по разные стороны Атлантики, который становится основой для его концепции социальной географии. Получив грант от американского филантропа Пола Меллона, в 1953-1955 годы он готовит первый региональный анализ Вирджинии. Результатом исследования становится публикация «Вирджиния в середине века»[5] (1955), получившая высокую оценку коллег. Однако самым важным достижением этого периода становится создание концепции политической географии. Основные идеи этой концепции, представленные ранее в сжатой форме в нескольких статьях[6], наиболее полно изложены в его монографии «Государственная политика и география»[7] (1952). Это произведение является теоретической основой социальной географии Ж. Готтмана и может рассматриваться как отправная точка для последующих рассуждений. Исследователь предлагает переосмысление географии и настаивает на необходимости включения в нее социальных, политических и культурных аспектов. С его точки зрения, территориальные вопросы являются в равной мере как географическими, так

---

[1] *Gottmann J.* A L'homme, la route et l'eau en Asie sud-occidentale // Annales de Géographie. 1938. Vol. 47. №°270. P. 575-601.

[2] *Gottmann J.* A De la méthode d'analyse en géographie humaine // Annales de Géographie. 1947. Vol. 56. №°301. P. 1-12. (Большая российская энциклопедия указывает на то, что термин «социальная география» появляется в начале XX века во Франции как синоним «географии человека». Савоскул М. С., Ткаченко А. А. Социальная география // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/geography/text/3639125 (дата обращения 14.12.2021).

[3] *Gottmann J.* L'Amerique. Paris: Hachette, 1949.

[4] *Gottmann J.* A Geography of Europe. New York: Henry Holt, 1950.

[5] *Gottmann J.* Virginia at Mid-Century. New York: Henry Holt, 1955.

[6] *Gottmann J.* Geography and International Relations // World Politics. 1951. Vol. 3. № 2. P. 162-163.

[7] *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952.

и политическими[1], поскольку географическое пространство разделено и организовано в рамках политических процессов, а политические деятели, в свою очередь, должны учитывать дифференциацию географического пространства.

Продолжением работы по этой теме становятся следующие произведения ученого: «Элементы политической географии»[2] (1954-55), «Товарные рынки»[3] (1957), «Исследования по государству Израиль и Ближнему Востоку»[4] (1959), «Значение территории»[5] (1973), «Центр и периферия: пространственная вариация в политике»[6] (1980), а также многие из его статей.

Наибольшую известность Ж. Готтману приносит изучение полиядерных городов-регионов. Он формулирует революционные для середины XX столетия идеи[7], предлагая выйти за пределы традиционных границ города и анализировать более сложные урбанистические образования. При финансовой поддержке Фонда двадцатого столетия[8] в 1950-е годы Ж. Готтман проводит исследование, ставшее основой его главной работы «Мегалополис: урбанизированное северо-восточное побережье Соединенных Штатов»[9] (1961). Изучение мегалополиса продолжается и в более поздних работах: «Очерки о развитии жилого пространства»[10] (1966), «Непобедимый город:

---

[1] *Gottmann J.* The evolution of the concept of territory // Social Science Information. 1975. Vol. 14. № 3/4. P. 31.

[2] *Gottmann J.* Eléménts de géographie politique. Fascicules I et II. Paris: Les Cours du Droit, 1954-1955.

[3] *Gottmann J.* Les marchés des matières premières. Paris: Arman Colin, 1957.

[4] *Gottmann J.* Etudes sur l'Etat d'Israel et le Moyen-Orient. Paris: Arman Colin, 1959.

[5] *Gottmann J.* The Significance of Territory. Charlottesville: University Press of Virginia, 1973.

[6] Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics / ed. by J. Gottmann. Beverly Hills and London: SAGE Publications, 1980.

[7] *Sanguin A. L., Prevelakis G.* Jean Gottmann (1915-1994), un pionnier de la géographie politique // Annales de Géographie. 1996. Vol. 105, № 587. P. 77.

[8] *Lyons R. D.* Jean Gottman, 78, a Geographer Who Saw a Northeast Megalopolis. URL: http://www.nytimes.com/1994/03/02/obituaries/jean-gottman-78-a-geographer-who-saw-a-northeast-megalopolis.html (accessed: 15.12.2021).

[9] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

[10] *Gottmann J.* Essais sur l'amenagement de l'espace habité. Paris: Mouton, 1966.

опровержение негативного урбанизма»[1] (1983), «Грядущий транзакционный город»[2] (1983), «Мегалополис: двадцать пять лет спустя»[3] (1987) «Со времени Мегалополиса»[4] (1990) и «За пределами Мегалополиса» [5] (1994).

Так, концепция мегалополиса является результатом предшествующих усилий Ж. Готтмана и специфики его подхода, объединяющего социологию, социальную географию и геополитику. Необходимо отметить, что исследователя интересуют, в первую очередь, социальные аспекты происходящих изменений, что и делает его концепцию важной составляющей современной социологии. По словам зарубежных исследователей, этот ученый предвидел современный процесс глобальной урбанизации, что привело Ж. Готтмана к анализу мегалополиса как сети «перекрестков» региональных, национальных и международных потоков[6], которые сегодня находятся в центре внимания ведущих социологов, например, М. Кастельса[7].

Ж. Готтман отмечает, что в XX столетии происходит перемещение фокуса исследований урбанизации с физических факторов на социально-экономические, поскольку только они могут помочь объяснить тенденции пространственной дифференциации[8]. Так, для объяснения происходящих изменений необходим комплексный подход, объединяющий социологию, географию, политологию, экономику, психологию, антропологию и культурологию. Исследователь высказывает предположение, что ментальные,

---

[1] *Gottmann J.* La Citta invincible: une confutazione dell'urbanistica negative. Milan: Franco Angeli, 1983.

[2] *Gottmann J.* The Coming of the Transactional City. College Park, Maryland: University of Maryland, Institute for Urban Studies, 1983.

[3] *Gottmann J.* Megalopolis Revisited: Twenty-five Years Later. College Park, Maryland: University of Maryland, Institute for Urban Studies. 1987.

[4] Since Megalopolis: The Urban Writings of Jean Gottmann / ed. by J. Gottmann, R. A. Harper. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1990.

[5] *Gottmann J.* Beyond Megalopolis. Tokyo: The Community Study Foundation, 1994.

[6] *Muscarà L.* Territory as a Psychosomatic Device: Gottmann's Kinetic Political Geography // Geopolitics. 2005. Vol. 10. № 1. P. 44.

[7] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 553.

[8] *Gottmann J.* Spatial Partitioning and the Politician's Wisdom // International Political Science Review. 1980. Vol. 1. № 4. P. 435.

символические барьеры преодолевать намного сложнее, чем физические[1]. Как следствие, он призывает к изучению культуры людей, населяющих разные территории на основе своей концепции региональной иконографии. Ж. Готтман предлагает рассматривать символические и культурные составляющие социальной жизни, которые позволяют сообществам конституировать идентичность и отличать себя от других социальных объединений, не прекращая, тем не менее, интенсивного взаимодействия с ними.

Необходимо отметить, что данная идея не является новой для социологии. Рассматривая пространственные границы как, в первую очередь, ментальные образования, Ж. Готтман продолжает идеи представителя немецкой классической социологии Г. Зиммеля, указывавшего на психологический характер любых границ. Они, по словам Г. Зиммеля, являются лишь «кристаллизацией или пространственным выражением процессов психологического ограничения»[2], которые и необходимо рассматривать как реальные барьеры между людьми. Ж. Готтман приходит к выводу о том, что только подобное понимание границ способно помочь в познании современности, поскольку для него очевидно, что «социально-экономические структуры и сети влияют на политическую ситуацию в мире значительно больше, чем когда-либо ранее»[3]. Таким образом, исследователь демонстрирует рост значимости социальной проблематики в постиндустриальном обществе.

Уже в ранней работе 1951 года «География и международные отношения»[4] исследователь указывает на то, что дифференциация географического пространства и особенности политического поведения связаны с культурными различиями: «Границы между соседними странами

---

[1] *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Editions du CTHS, 2007. P. 223.

[2] *Simmel G.* The Sociology of Space // Simmel on Culture: Selected Writings / ed. by D. Frisby and M. Featherstone. London – Thousand Oaks: Sage, 1997. P. 142.

[3] *Gottmann J.* The basic problem of political geography: the organization of space and the search for stability // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 1982. Vol. 73. № 6. P. 348.

[4] *Gottmann J.* Geography and International Relations // World Politics. 1951. Vol. 3. № 2.

существуют потому, что каждая страна считает, что она отличается от другой. Этот национальный или региональный дух всегда состоит из многих компонентов: исторический фон и его интерпретация, общие для членов сообщества, но чуждые тем, кто находится за пределами его границ. Общая связь сохраняется и часто подкрепляется образованием, которое семья и школа дают молодым поколениям. Местная среда всегда играет роль основы такого национального или регионального духа, но важно и то, чему людей учат физические и социальные условия, в которых они живут»[1]. Так, разделенность мира связана скорее с «барьерами, которые находятся в умах»[2]. Территория отражает не только организационные проекты общества, но и его бессознательные компоненты, которые материализуются в пространственных структурах и в способах разделения пространства.

На протяжении всего своего творческого пути Ж. Готтман демонстрирует возрастающую важность сетей и связей при объяснении пространственных процессов и формировании значимых мест (узлов)[3], между которыми идет интенсивный обмен информацией. Как следствие, одним из главных терминов для него становится «циркуляция» (*circulation*), в англоязычных работах – «движение» (*movement*), которые во многом трактуются как коммуникация[4]. Это еще раз подчеркивает необходимость включения социологической проблематики в изучение новых территориальных образований, главным из которых для исследователя является мегалополис.

Для Ж. Готтмана очевидно, что эта новая форма организации пространства позволяет наиболее эффективно использовать ресурсы

---

[1] *Gottmann J.* Geography and International Relations // World Politics. 1951. Vol. 3. № 2. P. 162-163.

[2] *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952. P. 223.

[3] *Corey K. E.* Jean Gottmann, 1915–1994 // Annals of the Association of American Geographers. 1995. Vol. 85. № 2. P. 361.

[4] *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952. P. 119, 215.

общества, главным из которых становится знание[1]. Соответственно, мегалополис рассматривается им не столько как новая территориальная единица, сколько как социальная форма, учитывающая рост значения коммуникации и отражающая потребности постиндустриального общества.

Индустриальный город, подробно рассмотренный социологами из Чикагской школы, как указывает Ж. Готтман, остается в прошлом, поскольку меняются потребности общества[2]. Соответственно, требуется изменение ракурса исследований, в первую очередь, расширение их границ за пределы отдельно взятого фордистского города. Изменения на рынке труда ведут к диверсификации занятости не только в городе, но и в прилегающих к нему районах, что требует анализа уже не столько городов, сколько регионов[3], которые Ж. Готтман считает основной формой организации социальной жизни в постиндустриальном обществе, где масштабы миграции значительно возрастают.

В центре внимания исследователя оказывается один из наиболее влиятельных регионов не только в США, но и в мире в целом – коридор Бостон-Вашингтон. Результаты многолетнего исследования северо-восточного побережья США наиболее полно изложены в самой известной работе Ж. Готтмана «Мегалополис: урбанизированное северо-восточное побережье Соединенных Штатов»[4]. Вместе с тем основные ее идеи формулируются еще в статье 1957 года «Мегалополис, или урбанизация северо-восточного побережья США»[5]. Необходимо отметить, что этот регион оказывается в центре внимания исследователя далеко не в первый раз. Образование сети больших городов вдоль побережья Атлантического океана

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 61.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 199.

[3] *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952.

[4] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

[5] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 189-200.

между Бостоном и Вашингтоном производит на него большое впечатление еще во время первого визита в США в 1942 году, поэтому он указывает, что работа 1961 года является результатом двадцатилетнего исследования[1], в основе которого – влияние социальных изменений на пространственную организацию.

Ж. Готтман указывает на то, что обширная густонаселенная полоса между Бостоном и Вашингтоном образовалась вследствие «полного слияния еще недавно обособленных урбанизированных территорий, сформировавшихся вокруг больших городов»[2]. Он считает это новым уникальным явлением и использует термин «мегалополис» для характеристики большого урбанизированного региона, признавая, тем не менее, что данное понятие имеет долгую историю и своими корнями уходит в Античность.

Так, название «Мегалополис» встречается на географических картах Греции, в том числе, и современной. Это небольшой город в Аркадии, на Пелопоннесе, известный Ж. Готтману, поэтому он и указывает на греческое происхождение данного термина, однако его интересует не реальный город, а тот смысл, который термин «мегалополис» приобрел еще в Античности. Древние греки его использовали для обозначения планируемого города, который должен был стать самым большим[3], но так и не был построен. По мнению исследователя, подобное значение термина «мегалополис» полностью подходит для обозначения региона между Бостоном и Вашингтоном, который на тот момент действительно являлся самой большой урбанизированной территорией в мире, где проживало около 37 миллионов человек[4].

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. IX.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 189.

[3] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 4.

[4] Ibid. P. 7.

Некоторые источники указывают на то, что термин «мегалополис» в современный научный оборот вводит именно Ж. Готтман[1], однако это неверно. В 1915 году британский исследователь П. Геддес в работе «Эволюция городов» предсказывает, что «в не очень отдаленном будущем сформируется практически единая обширная городская линия вдоль Атлантического побережья, которая может растянуться на пятьсот миль <…> и стать местом проживания миллионов людей»[2]. Тем самым, он предвосхищает те процессы, которые полвека спустя наблюдает Ж. Готтман.

П. Геддес так же, как и Ж. Готтман, чувствует потребность в новом термине для обозначения новых урбанистических реалий, однако, предпочитает «мегалополису» другое понятие – «конурбация» (*conurbation*)[3]. Более того, отметив формирование урбанизированных регионов, британский исследователь, вместе с тем, считает эти огромные городские образования «удручающими скоплениями болезней и глупостью, порока и апатии, лени и преступности»[4], и полагает, что здоровый и счастливый тип социального развития предполагает отказ от крупных урбанистических форм в пользу небольших городов[5]. Соответственно, П. Геддес, в отличие от Ж. Готтмана, негативно оценивает тенденции к образованию крупных урбанизированных регионов, которые он рассматривает как свидетельства экономической эксплуатации и духовного упадка. Тем самым для П. Геддеса образование мегалополисов представляет собой негативное явление, которое способствует углублению ряда социальных проблем.

---

[1] Ex.: *Gotham K. F.* Megalopolis // Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden: Blackwell Publishing, 2007. P. 2942-2943.

[2] *Geddes P.* Cities in evolution: an introduction to the town-planning movement and the study of cities. London: Williams and Norgate, 1915. P. 48-49.

[3] *Geddes P.* An educational approach – a technical approach // Ideals of science and faith / ed. by J.E. Hand. London: George Allen, 1904. P. 170-216.

[4] *Baigent E.* Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: divisions over “megalopolis”// Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. № 6. P. 689.

[5] *Geddes P.* Cities in evolution: an introduction to the town-planning movement and the study of cities. London: Williams and Norgate, 1915. P. 86.

Вслед за ним схожее представление о больших высокоурбанизированных территориях формируется и у американского исследователя Л. Мамфорда, который, как и П. Геддес, считает оптимальной формой расселения людей «города-сады», подробно описанные в работах другого британца – Э. Говарда[1]. Л. Мамфорд пророчит мрачное будущее мегалополисам в двух основных своих работах, посвященных городской проблематике: «Культура городов»[2] (1938) и «Город в истории»[3] (1961). Символично, что два произведения, в которых абсолютно по-разному рассматривается влияние мегалополисов на социальную жизнь горожан («Город в истории» Л. Мамфорда и «Мегалополис» Ж. Готтмана) выходят в один и тот же год – 1961. Ж. Готтман знаком с работами своего современника и ссылается на них[4], однако считает возможным вложить в термин «мегалополис», имеющий у Л. Мамфорда и П. Геддеса негативные коннотации, новый смысл.

Ж. Готтман считает целесообразным использование термина «мегалополис» для описания «обширного географического региона, который характеризуется интенсивным ростом нескольких городов и их постепенным слиянием в единое целое»[5]. Он настаивает на нейтральности термина «мегалополис» и полагает, что термин может легко избавиться от негативного смысла, вкладываемого в него Л. Мамфордом, и приобрести новое значение, поскольку не так часто встречается в литературе. Действительно, термин «мегалополис» появляется, например, в Оксфордском словаре только в

---

[1] *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1965.

[2] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 223-299.

[3] *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989. P. 205-242, 525-567.

[4] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 190.

[5] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 189.

1976 году[1], то есть через пятнадцать лет после написания Ж. Готтманом его основной работы по данному вопросу.

Следует отметить, что с середины XX века исследователи конвенционально используют термин «мегалополис» в том же смысле, что и Ж. Готтман[2]. При этом в социологических словарях встречаются и отсылки к Л. Мамфорду, например, Оксфордский словарь социологии определяет «мегалополис» как термин, используемый Л. Мамфордом «для описания неудержимо растущего города»[3]. Однако в энциклопедии по социологии под редакцией Дж. Ритцера мегалополис рассматривается исключительно как концепция Ж. Готтмана, а П. Геддес и Л. Мамфорд даже не упоминаются[4]. На наш взгляд, именно Ж. Готтман дает вторую жизнь термину «мегалополис», поскольку задает его современное понимание, отраженное в большинстве словарей[5]. Ему удается популяризировать свою позицию, диаметрально противоположную той, которую занимают П. Геддес и Л. Мамфорд. Если для последних мегалополис – это серьезная угроза для развития цивилизации, то для Ж. Готтмана, наоборот, это новые возможности для экономического роста и, как следствие, улучшения условий жизни миллионов людей.

Очевидно, что для Ж. Готтмана, в отличие от других исследователей, мегалополис и связанная с ним концентрация людей и различного рода ресурсов является не причиной проблем, а наоборот, рассматривается как основа для интенсивного развития. Он воспринимает мегалополис как

---

[1] *Baigent E.* Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: divisions over “megalopolis”// Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. № 6. P. 694.

[2] Ibid. P. 687-700.

[3] Oxford dictionary of sociology / ed. by J. Scott, G. Marshall. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 461.

[4] *Gotham K. F.* Megalopolis // Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden: Blackwell Publishing, 2007. P. 2942-2943.

[5] *Clark A. N.* The Penguin Dictionary of Geography. London: Penguin Books, 1998. P. 249; *Baigent E.* Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: divisions over “megalopolis”// Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. № 6. P. 687-700; *Gotham K. F.* Megalopolis // Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden: Blackwell Publishing, 2007. P. 2942-2943.

«необычайно интересную естественную лабораторию»[1], тем самым, демонстрируя некую преемственность с идеями представителей Чикагской школы социологии. Исследователь рассматривает мегалополис как новые возможности, благоприятствующие инновациям, экспериментам и обмену знаниями и идеями.

Очевидно, что Ж. Готтман восхищается тем образованием, которое описывает: «Мегалополис растет, причем более быстрыми темпами, чем какой-либо другой регион мира <…> Экономика Мегалополиса, несмотря на высокую плотность населения и множество связанных с этим проблем, является процветающей»[2]. Мегалополис противопоставляется городу, в котором административные границы создают препятствия для развития и уменьшают его конкурентные преимущества по сравнению с более обширными урбанизированными регионами: «Власти местного самоуправления и теория планирования в целом не приспособлены для борьбы с запутанностью новой ситуации <…> Город становится мозаикой разнообразных, но плохо отрегулированных частей, предлагая больше контрастов, чем гармонию. Настоящая мутация американских городов отражает динамику общества в поисках новых структур и новой этики»[3]. Так, для исследователя не подлежит сомнению тот факт, что города постепенно будут становится частью более крупных образований – мегалополисов, включающих обширные территории за пределами городских границ.

Более того, Ж. Готтман полагает, что в пригородах мегалополиса может быть реализован идеал «города-сада[4], однако в его концепции «города-сады» представляют собой не самостоятельные единицы, а составные элементы

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 190.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 765-766.

[3] *Lyons R. D.* Jean Gottman, 78, a Geographer Who Saw a Northeast Megalopolis. URL: http://www.nytimes.com/1994/03/02/obituaries/jean-gottman-78-a-geographer-who-saw-a-northeast-megalopolis.html (accessed: 15.12.2021).

[4] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 765.

мегалополиса, значительная доля населения которого живет вне пределов административных границ городов. Одна из главных причин роста численности населения пригородов, согласно Ж. Готтману, – это те фундаментальные изменения, которые происходят на рынке труда: «Мегалополис <…> становится лидирующей лабораторией для эксперимента, который может быть назван как “революция белых воротничков”»[1]. Так, он одним из первых указывает на то, что в условиях формирования новой профессиональной структуры, в которой синие воротнички начинают вытесняться белыми: их численность сравнивается в 1955 году[2], после чего последних становится больше, нежели занятых в индустриальном производстве. Этот вопрос оказывается в центре внимания социологии как раз в тот момент, когда Ж. Готтман уже начинает рассматривать мегалополис как оптимальную форму пространственной организации постиндустриального общества, где ведущая роль переходит к нематериальному производству.

Исследователь сознает, что структурные сдвиги в пространственной организации общества неизбежны, поскольку индустриальные города перестают соответствовать предъявляемым к ним требованиям. Так, новая структура занятости ведет к росту пригородов, поскольку происходит не только увеличение доли белых воротничков, но и сокращение времени трудовой занятости в течение дня, недели и года. Поэтому занятые в самых разных сферах получают возможность использовать больше своего времени по своему усмотрению, что создает гибкость в географическом пространстве, поскольку люди все чаще живут вдали от места работы. Как следствие, меняется пространственная организация, появляются возможности для жизни не в городе, а в непосредственной близости от него.

Ж. Готтман, как было сказано выше, применяет термин «мегалополис» для описания интенсивно развивающегося урбанистического региона,

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 564.

[2] Ibid. P. 570.

простирающейся от Бостона до Вашингтона, где «зарабатывает на жизнь, чуть более, чем пятая часть американской нации, причем ее самая богатая часть, которая занимает менее одной тысячной территории страны»[1]. Однако исследователь отмечает, что схожие образования формируются вокруг Лос-Анджелесса, Чикаго и других крупных американских городов[2].

Так, мегалополис рассматривается как новая форма урбанизации и географической организации мира вследствие изменения структуры занятости. Ж. Готтман демонстрирует, что происходит переход от рынка труда, где преобладают рабочие, производящие и обрабатывающие товары и материальные продукты, к работникам нового поколения[3], которые в большинстве своем участвуют в создании, обработке и управлении такими нематериальными активами, как информация и знания. Очевидно, что трансформация социально-экономической сферы влечет за собой изменение урбанистических форм[4], в том числе и формирование мегалополисов.

Необходимо отметить, что Ж. Готтман считает научно-техническую революцию одной из главных причин субурбанизации и образования мегалополисов[5]. Исследователь заявляет о том, что «свобода передвижения во многом является результатом технического прогресса; это более свободное движение преодолело дистанцию и другие естественные барьеры; она пронизывает многие постоянные политические границы, которые толще и многочисленнее, чем естественные барьеры, движение работает на изменения, способствует большей текучести в разделенном пространстве»[6]. Индустриальные города уходят в прошлое, поскольку механизация,

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 448.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 191.

[3] *Gottmann J.* The Coming of the Transactional City. College Park, Maryland: University of Maryland, Institute for Urban Studies, 1983.

[4] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 15.

[5] *Gottmann J.* Space, freedom, and stability // International Political Science Review. 1984. Vol. 5. № 2. P. 122.

[6] *Gottmann J.* Beyond Megalopolis. Tokyo: The Community Study Foundation, 1994. P. 13-14.

автоматизация и новые технологии в разных сферах постоянно заменяют какую-то форму физического труда человека.

Ж. Готтман старается понять, как меняются требования к городам в экономиках и обществах, где ключевую роль играет сервисный сектор. С его точки зрения, новые урбанистические формы возможны в постфордистком обществе, где доминирует сервисный сектор, и интенсивно развиваются информационные технологии[1]. Так, Ж. Готтман одним из первых призывает к изучению влияния информационно-ориентированной экономической деятельности на организацию пространства, то есть инициирует исследование особенностей урбанизации в постиндустриальном обществе.

Исследователь связывает рост урбанизированных регионов с увеличивающейся долей белых воротничков, что дает широким слоям населения больше возможностей не только для перемещения, но также для получения образования и повышения уровня культуры. По крайней мере, согласно статистическим данным, расходы населения, связанные со сферой культуры, возрастают за двадцать лет более чем в два раза: с 2670 миллионов долларов в 1929 году до 6143 миллионов долларов в 1950 году[2]. Новое, формирующееся общество также, с точки зрения Ж. Готтмана, предоставляет шанс на улучшение жилищных условий, в первую очередь, за счет освоения пригородных районов, где строительство идет небывалыми темпами[3]. Причем, количество отдельных домов растет на фоне снижения доли апартаментов на рынке новой недвижимости. Так, исследователь фиксирует изменения, которые позволяют ему сделать прогноз о расширении возможностей для личностного развития и, как следствие, роста материального благосостояния в бурно развивающемся мегалополисе.

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 565-630.

[2] Ibid. P. 600.

[3] Ibid. P. 431.

Еще в начале 1960-х годов Ж. Готтман утверждает, что именно информация становится «жизненной кровью коммерции»[1]. Кардинальные изменения, связанные с трансформацией рынка труда, также ведут к повышению интенсивности циркуляции информационных потоков, вследствие чего в более поздних произведениях он начинает говорить об «информационном обществе»[2], которое им также подробно анализируется. Ж. Готтман обращает внимание на рост значимости сетей в новом формирующемся обществе, среди которых наиболее важными он называет телекоммуникации и сети диаспор[3]. Можно сказать, что для исследователя мегалополис является своеобразной сетью перекрестков, на которых встречаются региональные, национальные и международные акторы. По всей видимости, именно эти идеи привлекли внимание к его творчеству современного социолога М. Кастельса[4]. Творчество Ж. Готтмана получает продолжение в работах и других современных исследователей, в частности, С. Сассен, рассматривающей сети городов[5], и П. Ханны, полагающего, что урбанизация идет по пути образования новых форм[6], еще более крупных, нежели мегалополисы.

Стоит отметить, что Ж. Готтман указывает не только на экономические возможности мегалополиса, но также подчеркивает его политическую значимость, он описывается как «динамичный центр (*hub*) международных отношений»[7]. Таким образом, демонстрируется возможность превращения

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 576.

[2] *Gottmann J.* Beyond Megalopolis. Tokyo: The Community Study Foundation, 1994.

[3] *Gottmann J.* La generalisation des diasporas et ses consequences // *Prévélakis G.* Les réseaux des diasporas. Nicosia: Hykem – L'Harmattan, 1996. P. 21-28.

[4] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. PP. 548-558; *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1, 2010. P. 439.

[5] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 98.

[6] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 50, 353.

[7] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 8.

новых урбанизированных территорий во влиятельных политических акторов, в том числе, и благодаря своим экономическим ресурсам. Тем более, что мегалополис, выбранный исследователем для подробного анализа – пространство от Бостона до Вашингтона – продолжает оставаться одним из наиболее значимых политических центров современного мира.

Можно сделать вывод о том, что мегалополис, рассмотренный Ж. Готтманом, играет значительную роль в политике, искусстве, коммуникациях и экономике. Он охватывает огромную территорию от северной части Бостона до юга Вашингтона, но, тем не менее, обладает рядом характеристик одного города. Поэтому исследователь приходит к выводу, что этот район является «колыбелью нового порядка в организации жилого пространства»[1], который обеспечит рост и процветание постиндустриального общества.

Так, в начале 1960-х годов Ж. Готтман с оптимизмом смотрит в будущее. Он полагает, что перспективы огромного мегалополиса весьма радужны и предрекает ему участь «самой богатой, образованной и обеспеченной услугами группы такого размера в мире»[2]. Однако к середине 1970-х годов его оптимизм сменяется опасениями. Он отмечает, что многие крупные и продолжающие расти города в США и других странах сталкиваются с проблемами, которые не были спрогнозированы. Среди них особо отмечается неожиданный спрос на социальные услуги в условиях сокращения перспектив занятости и повышение уровня стресса у городских жителей. Однако главные проблемы мегалополиса, которые называет Ж. Готтман, – транспортные затруднения и трущобы[3], наличие которых связано с социальным расслоением. Тем самым, развитие урбанизированных регионов опережает темпы создания необходимой транспортной инфраструктуры и строительства жилья. Подробно анализируя транспортные потоки, Ж. Готтман указывает на то, что

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 9.

[2] Ibid. P. 15.

[3] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 194.

количество автомобилей, приезжающих по рабочим дням в транспортный хаб Нью-Йорка, возросло с 200 тысяч в 1924 году до 519 тысяч в 1956 году[1], что обусловлено, в том числе, и ростом населения пригородов.

Тем не менее, с точки зрения исследователя, жизнь в пригороде имеет свои преимущества: одной из социальных предпосылок формирования мегалополисов исследователь называет распространение преступности в центральных районах многих городов, что увеличивает миграцию семей на периферию урбанизированных регионов[2]. Несмотря на то, что пригородная жизнь предполагает ежедневное преодоление больших расстояний между домом, работой, торговыми центрами и так далее, в середине XX столетия она обеспечивает низкий уровень преступности, которым не могли похвастаться американские города. Постепенно формируется новый образ жизни, предполагающий постоянные перемещения между городами, а не преимущественно внутри них, как прежде, и мегалополис представляет собой то пространственное образование, которое отвечает новым потребностям населения пригородов намного лучше, нежели отдельно взятые города.

Ж. Готтман не отрицает, что в мегаполисах растет загруженность дорог, возникает необходимость перераспределения объектов инфраструктуры. То есть исследователь признает, что у мегалополиса есть проблемы, которые необходимо решать. Вместе с тем он полагает, что многие из них можно преодолеть с помощью процесса планирования, причем планирования регионального, основанного на всестороннем исследовании высокоурбанизированных территорий, а не на частичном планировании, ограниченном пределами отдельного города: «Очевидно, что большой экономический хаб, главная ось континента, сеть международных связей не может эффективно функционировать, будучи управляема на местном уровне, где власти отдельной территориальной единицы заботятся лишь о

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 634.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 196.

собственных жителях»[1]. Местные власти не способны решить все проблемы, с которыми сталкивается население мегалополиса, поэтому Ж. Готтман призывает их к взаимодействию и координации своих усилий.

Рост мобильности и упрощение пересечения различных границ, результатом которых становятся мегалополисы, заставляют исследователя уже в 1950-е годы задуматься о возможности формирования мирового сообщества, или, как он его называет, «Экуменополиса»[2]. Ж. Готтман одним из первых указывает на неизбежность глобализационных процессов, в которых его особенно интересует «движение людей, мигрирующих и перемешивающих в большем количестве, чем когда бы то ни было»[3]. Хотя, конечно, он не отрицает значимости для глобализации международной торговли, транспортных сетей и информационных потоков, свободно циркулирующих по всему миру.

Подводя итоги, следует отметить, что эвристическая ценность концепции Ж. Готтмана состоит в том, что он предлагает новый ракурс рассмотрения урбанизации, который учитывает специфику формирующегося в тот момент постиндустриального общества. Исследователь фиксирует, что традиционные социальные проблемы (например, неравенство, преступность и другие) следует анализировать, выходя за пределы городов в их административных границах, поскольку налицо появление новых пространственных образований – мегалополисов. Согласно Ж. Готтману, мегалополисы представляют собой результаты новой урбанистической революции, которая разворачивается в постфордистском обществе потребления, поглощающем пространство и время так же, как продукты

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 745-746.

[2] *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952. P. 221.

[3] *Gottmann J.* Beyond Megalopolis. Tokyo: The Community Study Foundation, 1994. P. 17.

питания и промышленные товары[1]. Это новые пространственные единицы, которые позволяют понять специфику постиндустриального общества.

Одна из главных характеристик мегалополиса – полицентричность – подробно анализируется в конце XX века представителями Лос-Анджелесской школы[2], в трудах которых получают продолжение многие идеи Ж. Готтмана. Полицентричность является результатом научно-технической революции, которая увеличивает скорость передвижения и обмена информацией, что приведет ко все большему распространению мегалополисов[3] – урбанистическиих образований, которые рассматриваются исследователем как результат социальной эволюции и перехода цивилизации на новый уровень. Ж. Готтман абсолютно верно указывает на то, что удовлетворение постоянно растущих потребностей населения требует усиления циркуляции и движения, которые охватывают все б*о*льшие по размерам территории. Соответственно, мегалополис им рассматривается как новая форма территориального образования и новая форма организации городской жизни, значение которой еще предстоит оценить[4]. Процесс планирования может сдержать лишь физическое расширение города, но не может остановить рост взаимодействий между городами и регионами, которые оказываются экономически тесно связаны друг с другом.

Исследователь также одним из первых замечает предпосылки процесса глобальной урбанизации, в результате которого формируется единое мировое сообщество, управляемое международными организациями, а также глобальная коммуникационная и транспортная инфраструктура, через

---

[1] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 11.

[2] *Davis M.* City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006; From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory / ed. by M.J. Dear. SAGE Publications, 2002; *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell Publishers, 2000.

[3] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961. P. 8.

[4] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 190-191.

которую происходят все циркуляционные потоки[1]. Тем самым, в концепции Ж. Готтмана фиксируется тенденция перехода от изоляционизма, символом которого можно назвать полис с четко определенными границами, к космополитизму, отражением которого является стирающий границы между городами мегалополис.

Сегодня многие идеи Ж. Готтмана получают новое звучание, например, в трудах П. Ханны[2], описывающим как раз формирование глобальной урбанистической цивилизации. Сам Ж. Готтман, проживший долгую жизнь, называет своим единомышленником гораздо более молодого исследователя Э. Сойю[3], в трудах которого он видит продолжение многих своих тезисов.

На наш взгляд, его влияние на многих других авторов не подлежит сомнению. Например, Ж. Готтман указывает на то, что для мегалополиса стратегически важными являются коммерческие и финансовые функции[4], которые три десятилетия спустя подробно описывает С. Сассен как основные задачи глобальных городов[5]. Тем самым Ж. Готтман абсолютно верно определяет тенденции развития экономики и рынка труда в постиндустриальном обществе. Вместе с тем он отмечает, что успешное функционирование мегалополиса связано с выполнением функции культурного и образовательного центра, наличием известных университетов и современных лабораторий[6]. Так, для исследователя очевидно, что растет роль наукоемких технологий, которые должны обеспечить мегалополису процветание.

---

[1] *Muscarà L.* Territory as a Psychosomatic Device: Gottmann's Kinetic Political Geography // Geopolitics. 2005. Vol. 10. № 1. P. 44.

[2] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.

[3] *Gottmann J.* The evolution of the concept of territory // Social Science Information. 1975. Vol. 14. № 3/4. P. 39.

[4] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 193.

[5] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.

[6] *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3. P. 193.

Несмотря на безусловную значимость концепции Ж. Готтмана для современных исследований урбанизированных регионов, необходимо отметить и ее слабые стороны. Во-первых, исследователь так и не смог определиться с четким смыслом термина «мегалополис». Это отмечает, например, британский урбанист П. Холл[1]. Ж. Готтман рассматривает мегалополис как образование, обладающее скорее функциональными характеристиками, нежели физическими (географическими), однако в определении мегалополиса это не получает своего отражения.

Во-вторых, необходимо отметить излишний оптимизм Ж. Готтмана относительно будущего мегалополисов. Исследователь выстраивает свою концепцию на основе гипотезы о том, что мегалополисы по всему миру объединят состоятельных и образованных людей, которые будут способствовать дальнейшему развитию этих регионов. Он указывает на неизбежность нового неравенства, в том числе и пространственного, но надеется, что новые возможности, которые предоставляет технический прогресс, смогут помочь в преодолении вызовов, неизбежных для таких сложных урбанизированных регионов как мегалополисы. В концепции Ж. Готтмана не находят своего полного отражения новые социальные риски, связанные со становлением постиндустриального общества. Усиление социального неравенства, эксклюзия, рост преступности, в том числе, и в пригородах, на рубеже XX-XXI веков оказываются в центре внимания другого ученого – Э. Сойи.

В-третьих, идея Ж. Готтмана о том, что большинство проблем могут быть решены, если планирование будет осуществляться не в пределах города, а в масштабах региона, представляется довольно утопической. Исследователь переоценивает возможности местных властей в координации своих действий, поскольку каждый, в первую очередь, заботится о своих собственных интересах. Более того, Ж. Готтманом совершенно не учитывается возможность

[1] *Hall P. G.* The containment of urban England. London: George Allen and Unwin, 1973. P. 296.

противодействия принятым решениям со стороны местных жителей, что зачастую создает сложности для планирования не только на региональном уровне, но даже и в отдельно взятом городе. Недостаточное внимание к роли сообществ в городской жизни обедняет концепцию исследователя, хотя не умаляет ее общего вклада в развитие социологической теории.

Концепция Ж. Готтмана представляет безусловный интерес, поскольку получает свое продолжение в современных социологических исследованиях. Ж. Готтман выводит изучение пространства на новый уровень, предлагая новый подход, в основе которого находится уже не город, как в исследованиях Чикагской школы, а более сложное образование – мегалополис, отражающий специфику постиндустриального общества. В современной социологии подход Ж. Готтмана позволяет рассматривать влияние глобализации на пространственную организацию, в частности, Й. Терборн указывает на то, что глобализацию следует рассматривать как пространственное понятие, поскольку оно, в первую очередь, отражает то, что расширяется «спектр воздействия и/или связей»[1]. Именно такое понимание мегалополиса предлагает и Ж. Готтман, предложивший новую перспективу для пространственных исследований.

[1] *Терборн Й.* Мир: руководство для начинающих. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 82.

§ 2. Концепция постметрополиса Эдварда Сойи

Эдвард Сойя (*Edward W. Soja*) (1940-2015) – американский исследователь, который родился в Нью-Йорке в семье польских эмигрантов[1]. Он защитил диссертацию в Сиракузском университете США, где одним из его учителей был представитель национально-освободительного движения Мозамбика Эдуарду Мондлане. Неудивительно, что Э. Сойя затем довольно много времени провел в Африке и начал академическую карьеру в качестве специалиста по этому континенту.

В начале 1960-х годов Э. Сойя отправился для изучения городского планирования в Кению, которая переживала сложное время перехода от традиционного общества к более современным формам социальной, экономической и политической организации. Результаты его исследования изложены в работе «География модернизации в Кении: пространственный анализ социальных, экономических и политических изменений» (1968)[2]. Вернувшись в США, Э. Сойя занимает преподавательскую должность в Северо-Западном университете неподалеку от Чикаго и продолжает специализироваться в теории модернизации, изучая строительство национальных государств в Африке, для чего периодически посещает Кению, Нигерию и другие страны на этом континенте. Изменение направления его научных исследований происходит в начале 1970-х годов.

В 1972 году Э. Сойя переходит на работу в Высшую школу архитектуры и градостроительства Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, и остается там до конца своей академической карьеры. Он начинает изучать реструктуризацию городов на примере Лос-Анджелеса и обращает внимание на процесс формирования урбанизированных регионов, который анализируется почти во всех его последующих работах.

---

[1] In Memoriam: Edward W. Soja. URL: http://news.aag.org/2015/12/in-memoriam-edward-w-soja/ (accessed: 01.12.2021).

[2] *Soja E. W.* The Geography of Modernization in Kenya: A Spatial Analysis of Social, Economic, and Political Change. Syracuse: Syracuse University Press, 1968.

Кроме того, на протяжении многих лет он работал приглашенным профессором социологии в Лондонской школе экономики[1], где являлся активным участником программы «Города», объединившей архитекторов, инженеров, градостроителей, социологов, государственных служащих и представителей местных сообществ. В широкий круг интересов Э. Сойи входили не только вопросы регионального развития, планирования и управления, но также пространственные аспекты социальной жизни, поэтому ему удалось стать влиятельной фигурой, как в области городского планирования, так и социальных науках[2].

В 1980 году публикуется статья Э. Сойи, называющаяся американскими исследователями классической и даже канонической[3], – «Социально-пространственная диалектика»[4]. В центре внимания этой работы находятся современные исследования урбанизации, в первую очередь, в творчестве французского социолога А. Лефевра, однако в ней также анализируются идеи М. Кастельса, Д. Харви и других.

Монография «Постмодернистские географии: изучение пространства в критической социальной теории»[5] (1989) обозначает новый круг проблем, на который, с точки зрения Э. Сойи, должны обратить внимание представители социальных наук. Эта работа привлекла большое внимание во всем мире и превратила ученого в одного из ведущих социальных мыслителей современности, занимающихся урбанизацией. Он опирается на идеи А. Лефевра, но при этом формулирует свою собственную концепцию, для которой центральным вопросом становится появление новых

---

[1] *Soja E. W.* Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. № 3. P. 280.

[2] *Paul S.* In Memoriam: Edward Soja (1940-2015), Distinguished Professor Emeritus of Urban Planning. URL: http://luskin.ucla.edu/2015111220151112in-memoriam-edward-soja-1940-2015-distinguished-professor-emeritus-of-urban-planning/ (accessed: 01.12.2021).

[3] In Memoriam: Edward W. Soja. URL: http://news.aag.org/2015/12/in-memoriam-edward-w-soja/ (accessed: 01.12.2021).

[4] *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 207–225.

[5] *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989.

пространственных форм вследствие адаптации городов к условиям постиндустриального общества, способствующего формированию агломераций. Эта тема подробно рассматривается в работах «Третье место: путешествия в Лос-Анджелес и другие реальные и воображаемые места»[1] (1996), а также «Постметрополис: критические исследования городов и регионов»[2] (2000). «В поиске пространственной справедливости»[3] (2010) – монография, в которой исследователь предлагает новые способы изучения и преодоления пространственного неравенства, то есть акцентирует внимание на социальных последствиях современного этапа урбанизации.

«Мой Лос-Анджелес: от городской реструктуризации к региональной урбанизации»[4] (2014) – последняя книга автора, в которой рассматривается более четырех десятилетий урбанистического развития Лос-Анджелеса и другие городских регионов. Так, Э. Сойя начинает свои публикации с рассмотрения модернизации в Кении, но главным результатом его деятельности становится именно анализ новых урбанистических форм на примере Лос-Анджелеса[5].

В 2013 году Э. Сойя становится лауреатом престижной премии Американской ассоциации географов за выдающиеся достижения в области теории городских исследований[6]. При этом указывается, что его работы представляют особую ценность не только для изучения пространства, но также имеют важное значение для понимания современного общества в целом. Хотя, конечно, многие исследования проводятся на примере Лос-Анджелеса, выступающего для Э. Сойи своеобразным модельным объектом. Символично,

---

[1] *Soja E. W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Malden: Blackwell, 1996.

[2] *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000.

[3] *Soja E. W.* Seeking Spatial Justice. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2010.

[4] *Soja E. W.* My Los Angeles: From Urban Restructuring to Regional Urbanization. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2014.

[5] In Memoriam: Edward W. Soja. URL: http://news.aag.org/2015/12/in-memoriam-edward-w-soja/ (accessed: 01.12.2021).

[6] Honors of the American Association of Geographers. URL: http://www.aag.org/honors (accessed: 01.12.2021).

что награда вручается ему на ежегодном собрании Ассоциации именно в Лос-Анджелесе.

В 2015 году его вклад в пространственный анализ социальных процессов отмечают международной премией Вотрена Люда, которая учреждена в 1991 году и позиционируется как аналог Нобелевской премии по географии[1]. Вклад Э. Сойи столь высоко оценивается научным сообществом, поскольку он смог предложить новые подходы к теоретическому осмыслению и практическому изучению урбанизации. Его рассуждения о пространстве и пространственной справедливости и сегодня продолжают вдохновлять многих исследователей, например, социолога М. Кастельса[2]. Это позволяет отнести концепцию Э. Сойи к социологическим, поскольку исследователь предлагает анализ, в первую очередь, социальных аспектов современного этапа урбанизации.

Тем более, что именно социологические исследования города и урбанизации оказали серьезное влияние на самого исследователя и стали теоретико-методологической основой его рассуждений. В своих работах он опирается на труды представителей классической социологии, среди которых особо стоит отметить К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Зиммеля и М. Вебера, идеи которых становятся отправной точкой рассуждений Э. Сойи, о чем свидетельствуют многочисленные отсылки к их трудам в его произведениях[3].

Исследователь также указывает на необходимость пересмотра основных положений, сформулированных Р. Парком, Э. Берджессом и Л. Виртом в связи с кардинально меняющимся характером урбанизации[4]. Хорошо знакомы

---

[1] In Memoriam: Edward W. Soja. URL: http://news.aag.org/2015/12/in-memoriam-edward-w-soja/ (accessed: 01.12.2021).

[2] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5.

[3] *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989. P. 33, 72, 78, 94-96, 104-105, 112-116, 140-144 etc.; *Soja E. W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Malden: Blackwell, 1996. P. 9-10, 44-48, 173 etc.; *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 58, 69, 73-78, 82-85, 94-98 etc.

[4] *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989. P. 153, 178 etc.; *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 84-94, 100-104 etc.

Э. Сойе и работы современных социологов, в его трудах анализируются теории Л. Альтюссера, А. Лефевра, А. Турена, И. Валлерстайна, М. Кастельса, Э. Гидденса, Дж. Урри, С. Сассен и многих других[1]. Особо стоит отметить концепцию Ж. Бодрийяра, чьи идеи получают продолжение в одном из дискурсов о современном постметрополисе, выделяемым Э. Сойей[2]. Необходимо также указать на некоторую преемственность с идеями Ж. Готтмана и Д. Харви, которые он продолжает, одновременно дискутируя с данными авторами[3]. Так, очевидно, что концепция Э. Сойи является результатом осмысления и обобщения ряда социологических разработок, а пространственный анализ социальных, экономических и политических изменений, осуществленный исследователем, имеет большое значение для современной социологии, поскольку указывает на социальные аспекты современного этапа урбанизации.

Э. Сойя указывает на окончательное завершение индустриального этапа урбанизации, для которого характерно формирование традиционных городов, то есть им фиксируется конец эпохи метрополиса (*metropolis*)[4], который приходится на 1960-е годы. Современный этап урбанизации требует концептуализации новых процессов и явлений, в частности, исследователь отмечает оформление постфордистских городов, которые он называет

---

[1] *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989. P. 41-42, 54-55, 69-71, 81-84, 90-92, 109-110, 139-140, 154-155, 177-180 etc.; *Soja E. W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Malden: Blackwell, 1996. P. 25-88, 104-107, 136-138, 146-148, 162-174, 179-183 etc.; *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 9-11, 93-94, 99-105, 154-159, 191-198, 212-216, 222-225 etc.; *Soja E. W.* Seeking Spatial Justice. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2010. P. 93-95, 101-110, 117, 166-167, 175, 197-198, 223-227, 231-233 etc.

[2] Ex.: *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 74, 326-333 etc.

[3] Ex.: *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989. P. 44, 52-54 etc.; *Soja E. W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Malden: Blackwell, 1996. P. 71, 121-122 etc.; *Soja E.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 95-100, 106-109 etc.; *Soja E. W.* Seeking Spatial Justice. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2010. P. 48-49, 81-95, 105-109 etc.

[4] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 682.

постметрополисами (*postmetropolis*)[1]. Э. Сойя использует этот термин для того, чтобы подчеркнуть специфику пространственных образований, которые формируются с середины XX столетия. Приставка «пост» свидетельствует о переходе от традиционных городов (*metropolis*) к чему-то новому, значительно отличающемуся от предыдущих урбанистических реалий, и указывает на новые характеристики урбанизации[2]. При этом исследователь отмечает, что постметрополисы довольно редко оказываются объектами социологических исследований, в центре внимания которых зачастую по-прежнему оказываются города без учета прилегающих к ним территорий, что не позволяет осуществить комплексный анализ современной урбанизации.

Тем не менее, популярность «пространственной перспективы»[3] рассмотрения социальных процессов растет, в том числе и в социологии. Вместе с тем, как отмечает Э. Сойя, пока еще «мало исследователей, которые, как А. Лефевр, ставят пространство на первое место»[4]. То есть многие авторы (И. Валлерстайн, Ж. Бодрийяр, Р. Сеннет, Э. Гидденс, С. Сассен, Д. Харви и другие) в разной мере анализируют пространственные процессы, но «никто из них не выбирает пространство в качестве отправной точки своих рассуждений»[5]. Вследствие этого новые тенденции развития процесса урбанизации не получают достаточного осмысления в современной науке, в том числе, и в социологии.

Э. Сойя указывает, что в социологии наиболее обоснованной теоретико-методологической основой для изучения пространства является марксизм[6], который нельзя назвать однородным. В частности, М. Кастельс еще во время

---

[1] *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000.

[2] Ibid. P. 147.

[3] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 687.

[4] *Soja E. W.* Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. № 3. P. 272.

[5] Ibid.

[6] *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 209.

своей работы во Франции критикует А. Лефевра за то, что пространство предстает у последнего как чистый лист, который заполняется по мере формирования социальных отношений, соответствующих определенному способу производства[1]. Э. Сойя с большим уважением относится к творчеству А. Лефевра, однако вслед за М. Кастельсом рассматривает организацию пространства как результат конструирования социальной структуры в соответствии не только с доминирующим способом производства, но всей совокупности факторов, определяющих развитие и функционирование общества[2]. В частности, организация пространства предстает как результат не только процесса производства, но и потребления. Тем не менее, исследователю близка мысль о том, что пространственные изменения связаны с трансформациями капитализма, поскольку общество не только производит и организует пространство, но и придает ему смысл, а сформированные пространственные структуры, в свою очередь, оказывают влияние на общество и производственные отношения.

Так, он считает необходимым выявить социальные изменения, которые лежат в основе перехода от городов к региональным урбанизированным образованиям[3], что рассматривается как фундаментальное изменение природы процесса урбанизации. При этом трансформация пространственных форм, в свою очередь, влечет за собой социальную реорганизацию, последствия которой также должны получить свое осмысление.

Э. Сойя считает наиболее значимыми в этой области разработки А. Лефевра, М. Кастельса и Д. Харви, которые одновременно критикуются и получают продолжение в его концепции. В частности, американский исследователь внимательно изучает то, как Д. Харви критикует концепцию

---

[1] *Castells M.* The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977. P. 115.

[2] *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 210-214.

[3] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 679-680.

производства пространства А. Лефевра, и приходит к выводу, что Д. Харви не замечает многих проблем в теоретических построениях французского социолога[1], чей блестящий ум и проницательность не ставятся под сомнение ни одним, ни другим. Тем не менее, Э. Сойя берет на себя смелость предположить, что А. Лефевр переоценивает значение пространственной проблематики, превращая городской вопрос в чрезмерно важный и независимый от других, следствием чего становится «пространственный фетишизм»[2] французского социолога. Так, А. Лефевр пренебрегает чрезвычайно важными моментами, включая их в обобщающее и не раскрытое во всех деталях, а потому утопичное обещание «урбанистической революции».

При этом А. Лефевр, М. Кастельс, Д. Харви и ряд других авторов фиксируют кризис метрополиса, но не рассматривают новые урбанистические реалии. Как следствие, Э. Сойя полагает, что их концепции требуют своего «продолжения»[3] и дополнения подробным анализом формирующегося постметрополиса как пространственного образования, характерного для современного этапа урбанизации. Исследователь указывает на одно из главных отличий индустриального города от постметрополиса: до последней трети XX века бедные концентрировались преимущественно в центральных районах города, причем это явление наблюдалось даже в бывших колониальных странах, где центр одновременно включал в себя и районы размещения «богатой элиты»[4]. Однако в конце XX – начале XXI века интенсифицируется так называемая «глобализация городского населения»[5], вследствие которой формируются районы компактного проживания бедных иммигрантов, которые создают культурно и экономически разнородные урбанистические пространства.

---

[1] *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 207.

[2] Ibid. P. 208.

[3] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 198.

[4] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 682.

[5] Ibid.

Если в начале XX века представители Чикагской школы социологии фиксировали этнические гетто в пределах городских границ, в непосредственной близости от рабочих мест, то сегодня подобные районы зачастую можно увидеть и за пределами городов, в зоне прежде спокойных, безопасных и гомогенных пригородов. Так, культурная и экономическая гетерогенность городской бедноты, расселенной не так компактно, как в первой половине XX столетия, является одним из отличительных признаков современного этапа урбанизации. Это становится причиной многих социальных проблем, таких, например, как растущая социальная поляризация и конфликты между местным и населением и мигрантами. Соответственно, Э. Сойя, предлагая концепцию постметрополиса, акцентирует внимание, в первую очередь, на тех проблемах, которые традиционно рассматриваются как социологические.

Очевидно, что он разделяет многие идеи Д. Харви[1], связанные с критикой неолиберальной урбанизации. Оба исследователя отмечают тревожные тенденции современной урбанизации, из которых наиболее значимой является усиление экономического неравенства и социальной поляризации.

Э. Сойя также отмечает, что характерной чертой постметрополиса является смещение акцентов с производства (индустриальный город) на потребление[2] (постфордисткий город), что стимулирует субурбанизацию, которая требует приобретения дополнительных товаров, например, автомобилей, бытовой техники и других. Так, новый этап урбанизации приводит к морфологическим изменениям, среди которых явно прослеживается тенденция к росту плотности населения пригородов, которые

[1] *Harvey D.* The Urbanization of Capital. Oxford – New York: Basil Blackwell and Johns Hopkins University Press, 1985; *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003; *Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005; *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006.

[2] *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2. P. 218.

становятся экономически «более дифференцированными»[1]. К сожалению, это далеко не всегда обеспечивает «умный» рост или устойчивое развитие урбанизированных территорий. Наоборот, гораздо чаще можно увидеть обострение социальных проблем.

Эти процессы не являются совершенно новыми, однако в конце XX столетия они значительно увеличивают свою скорость и масштаб, что позволяет говорить о принципиальном новом этапе урбанизации. Процессы реструктурирования пространства неравномерны, идут с различной скоростью, вследствие чего темп социальных изменений в разных странах мира отличается, но, тем не менее сами происходящие трансформации являются универсальными. Специфика постметрополиса заключается в том, что сегодня урбанизированные районы распространяются далеко за пределы городских границ, более того, становятся стимулом для формирования городских агломераций, которые отражают пространственную специфику конца XX – начала XXI века. Новые урбанистические реалии подтверждает и решение Организации Объединенных Наций собирать данные о численности населения не по городам, а по агломерациям, то есть урбанизированным регионам[2]. Так же поступают и некоторые страны, например, США, Япония, Франция и другие.

Итак, Э. Сойя фиксирует появление новой пространственной формы – расширяющегося, полинуклеарного, насыщенного информационными потоками и различными сетями и все более глобализирующегося урбанистического региона, значение которого, с его точки зрения, недооценивается другими исследователями[3]. Более того, он указывает на

---

[1] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 683-684.

[2] См., напр.: Городские агломерации 2007. Сайт Организации Объединенных Наций, URL: http://www.un.org/esa/population/publications/wup2007/2007_urban_agglomerations_chart.pdf (дата обращения 12.11.2021); World Urbanization Prospects. The 2011 Revision. New York: United Nations, 2012. P. 7. URL: https://www.un.org/en/file/71120/download?token=Pt4717DZ (accessed: 08.12.2021).

[3] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 684.

неточный характер терминов, используемых для описания городской глобализации: ни появившийся раннее «мировой город»[1], ни более поздний «глобальный город»[2] не отражают специфики новых образований.

Э. Сойя настаивает на том, что урбанистический регион не просто представляет собой выражение глобализации, но отражает фундаментальные изменения в процессе урбанизации, возникающие в результате расширения границ городов и перехода от моноцентричной модели с низкой плотностью населения в пригородах к полицентричной сети городских агломераций с высокой плотностью населения во всем урбанизированном регионе[3]. Так, пространственные изменения являются результатом трансформации экономики, которая, во-первых, переориентируется с производства на потребление, а во-вторых, становится глобальной. Это требует адаптации метрополисов к новым условиям, в том числе приводит к тому, что они превращаются в постметрополисы.

Вместе с тем метрополис полностью нигде не исчезает, новые процессы урбанизации накладываются на старые и тесно с ними переплетаются. Соответственно, современные города и новые пространственные формы становятся более сложными по сравнению с прежними. Сегодня очевидна «многоплановая региональная урбанизация» (*multi-scalar regional urbanization*)[4], как ее характеризует Э. Сойя, предполагающая одновременное протекание различных, иногда даже противоречивых процессов.

Новый этап урбанизации и его социальные последствия становятся предметом дискуссий в конце XX – начале XXI века, среди которых Э. Сойя выделяет шесть основных дискурсов[5]. Каждый из них имеет свои особенности,

---

[1] *Friedmann J.* The world city hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. № 1. P. 69-84.

[2] *Sassen S.* The Global City. Princeton: Princeton University Press, 2001.

[3] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 684.

[4] Ibid. P. 680.

[5] *Soja E. W.* Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 145-348.

но все они так или иначе характеризуют постметрополис, то есть специфику современного этапа урбанизации.

Первый дискурс разворачивается вокруг так называемого «гибкого города» (*flexcity*)[1], который рассматривается как результат постфордистской промышленной реструктуризации. По словам Э. Сойи, именно данный аспект пространственной трансформации находится в центре внимания современных исследователей, в том числе и социологов[2], которые обсуждают переход от позднего (фордистского) метрополиса к новой форме организации пространства, а именно постметрополису.

Исследователь отмечает формирование гибкого города с новым типом экономики, где параллельно с расширением сервисного сектора происходит мощный процесс реиндустриализации. То есть речь идет не о деиндустриализации, а о вытеснении прежнего производства новыми его формами. Новое производство создается не только в области высокотехнологичной электроники, но и в дешевых трудоемких формах ремесла (*craft*). Следует отметить, что сейчас данная тема находит отражение в социологии, например, в последних работах Р. Сеннета[3], однако они появляются позднее, поэтому Э. Сойя вполне справедливо констатирует дефицит подобных исследований.

Так, сосредоточенность на постиндустриализме, по мнению Э. Сойи, не позволяет социологам увидеть сдвиги, ведущие не столько к сокращению производства, сколько к формированию более гибких производственных систем с плотным сетями, позволяющими интенсивно обмениваться информацией. Вместе с тем создаются новые промышленные пространства,

---

[1] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 156-188.

[2] *Savage M., Warde A., Warde K.* Urban Sociology, Capitalism and Modernity. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

[3] *Sennett R.* The Craftsman. New Haven: Yale University Press, 2008; *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018.

которые значительно меняют индустриальную географию позднего фордистского метрополиса, что позволяет заявить о переходе к постметрополису.

В центре внимания *второго дискурса* находится «космополис» (*cosmopolis*)[1], с которым связаны глобализация и формирование иерархии глобальных городов. Э. Сойя указывает на взаимосвязанность и взаимодополняемость двух первых дискурсов, хотя отмечает, что они часто конкурируют между собой, поскольку каждый из них предлагает собственное прочтение новых тенденций урбанизации. По его мнению, эти дискурсы могли бы дополнить друг друга, но этого не происходит. В частности, дискурс о глобальных городах мог бы значительно выиграть, если бы в его рамках более подробно рассматривался процесс реиндустриализации и его социальные последствия.

Кроме того, Э. Сойя полагает, что представители второго дискурса уделяют слишком много внимания командным и контрольным функциям глобальных городов[2]. Тем более, что в центре внимания данного дискурса находятся преимущественно два города, а именно Нью-Йорк и Лондон. Подобный подход препятствует полному и всестороннему пониманию последствий глобализации для урбанизации, в частности, практически не уделяется внимание такому вопросу, как повление новых оснований формирования идентичности в глобальных городах, что требует пересмотра культурной политики. Так, социологические исследования глобализации могут быть дополнены новыми подходами к изучению пространства, которые предлагают интерпретации постметрополиса на основе изменений в сфере культуры.

Тем самым Э. Сойя высказывает идеи, которые впоследствии получают дальнейшее развитие в работах Й. Терборна, согласно которому в социологии доминирует экономическая перспектива рассмотрения современной

---

[1] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 189-232.

[2] Ibid. P. 223.

урбанизации, в то время как многие политические и культурные аспекты игнорируются исследователями[1]. Это еще раз подчеркивает значимость концепции американского исследователя для современной социологии, которая продолжает опираться на ряд тезисов, сформулированных Э. Сойей.

Третий дискурс акцентирует свое внимание на «экзополисе» (*Exopolis*)[2] и указывает на то, что город выходит за пределы своих традиционных границ, причем, как в пространственном смысле, так и по своим характеристикам. Социальная и пространственная организация постметрополиса меняет традиционное понимание того, что является городским, пригородным, загородным, не городским и так далее.

В частности, Э. Сойя указывает на оформление гетерогенных агломераций, где пригороды больше нельзя рассматривать как безопасные жилые районы. К концу XX столетия для них стали привычны явления, прежде концентрировавшиеся в городах, в том числе преступность, наркобизнес и уличное насилие. Исследователь предлагает новые термины для обозначения этих районов – города на краю (*edge cities*), внешние города (*outer cities*) и постсубурбию (*postsuburbia*)[3], чтобы подчеркнуть их отличие от традиционных пригородов. Более того, он указывает, что одновременно разворачивается «драматическая пространственная реорганизация»[4] центральных районов города, которые покидает местное население и занимают трудовые мигранты, что способствует росту культурного разнообразия.

Эти изменения становятся предметом анализа современной социологии города и урбанизации. С одной стороны, появляется так называемый «новый урбанизм»[5], в первую очередь, в США и Великобритании, который

---

[1] *Терборн Й.* Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 21.

[2] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 233-263.

[3] Ibid. P. 238.

[4] *Soja E. W.* Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. № 3. P. 279.

[5] *Talen E.* New Urbanism and American Planning: The Conflict of Cultures. New York: Routledge, 2005.

предъявляет новые требования к городскому дизайну и принципам градостроительства. С другой стороны, растет число исследований социальных и экологических последствий реконструкции городского пространства. Одним из примеров подобных разработок является анализ Лос-Анжелеса в работе М. Дэвиса «Кварцевый город»[1]. Соответственно, третий дискурс является неоднородным, однако Э. Сойя рассматривает его как весьма значимый, поскольку в центре внимания исследователей находятся проблемы, важные как для социологии, так и для исследований урбанизации в целом.

Четвертый дискурс описывает фрагментированный город, или город «метрополярностей» (*metropolarities*)[2], под которыми Э. Сойя понимает новые виды социальной поляризации и стратификации, а также увеличение социального неравенства. Исследователь полагает, что имеет место формирование новой социальной мозаики с новыми неравенствами и ограничениями в доступе, поскольку социальную структуру современного урбанизированного пространства невозможно вписать в традиционные схемы, где выделяются, например, высший, средний и низший классы.

Именно этот дискурс привлек внимание наибольшего числа социологов, следствием чего стало появление множества новых терминов: постоянный городской андеркласс, или «действительно обездоленные» (*truly disadvantaged*); динки (аббревиатура «*dinks» – double income, no kids*), то есть пары без детей, в которых оба работают; профессионалы высшего уровня (*upper professionals*); новые технократы (*new technocracy*); работающие бедные (*working poor*); новые сироты (*new orphans*), к которым относятся как дети, растущие без родителей, так и пожилые, брошенные своими детьми; гетто, живущие на социальные пособия (*welfare dependent ghettoes*), гипергетто (*hyperghettoes*)[3] и так далее. Так, появляются новые оригинальные подходы к исследованию актуальных урбанистических реалий, ставших результатом

[1] *Davis M.* City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006.
[2] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 264-297.
[3] Ibid. P. 271-282.

оформления постметрополиса и нашедших свое отражение в разработке современными социологами новой системы понятий.

Особое внимание Э. Сойя уделяет *пятому дискурсу*, центральной темой которого являются «тюремные архипелаги» (*carceral archipelagos*)[1]. Этот дискурс исследователь связывает с работой М. Дэвиса «Кварцевый город», которая, по его мнению, излишне романтизируется многими урбанистами, вследствие чего они сужают рассмотрение проблемы до анализа лишь одного из ее аспектов. М. Дэвис изображает Лос-Анджелес как город с многочисленными тюрьмами, садистскими уличными сообществами, жилыми районами, которые превращаются в стратегические укрепления, охраняемые вооруженными общинами, то есть это город, который охраняется и патрулируется высокотехнологичной полицией. Однако М. Дэвис в своей работе подчеркивает, что глобализирующийся постфордистский метрополис с его необычайной культурной неоднородностью, растущей социальной поляризацией и новыми видами социального неравенства становится взрывоопасным и объединяется в постметрополис преимущественно благодаря «тюремным» технологиям насилия и социального контроля, поддерживаемых капиталом и государством[2]. Так, организующей силой постметрополиса оказывается усиление различных форм контроля, в том числе и тех, которые становятся доступны благодаря новым технологиям.

Одним из наиболее интересных для Э. Сойи является *шестой дискурс*, рассматривающий «города образов» (*simcities*)[3]. В одной из публикаций на русском языке шестой дискурс переведен как «города-призраки», что представляется не совсем верным[4], поскольку ключевым для него является понятие симулякра, производным от которого и формулируется его название.

---

[1] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 298-322.

[2] *Davis M.* City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006. P. 27.

[3] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 323-348.

[4] *Сойя Э.* Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133-150.

В понимании симулякра исследователь опирается на позицию французского социолога Ж. Бодрийяра[1], чья интерпретация данного понятия наиболее широко известна. В центре внимания данного дискурса находятся разнообразные гиперреальные миры и другие проявления «воображаемого», которые являются результатом развития цифровизации и все больше определяют различные аспекты нашей жизни, проникая в городскую повседневность. По мнению Э. Сойи, этот дискурс должен занять заметное место в современных исследованиях города и урбанизации, поскольку он отмечает нарастающее размывание границ между реальным и воображаемым вследствие распространения киберреальности и цифровых сообществ.

Он считает этот дискурс чрезвычайно важным, поскольку полагает, что «городская образность»[2] играет ключевую роль в новом, находящемся в процессе становления способе социальной регуляции, связанном с новыми способами мышления и действия в городской среде. Формируется киберпространство, которое совершенно не обязательно совпадает с пространством городским, но определяет логику его функционирования, детерминируя действия цифрового поколения, проводящего значительную часть времени в киберреальности. Городское пространство все чаще предлагает имитации урбанизма и разнообразные вариации привычных образов, которые принимают формы виртуальных коммуникаций, «отсутствующих географий»[3] (*nowhere geographies*), то есть сотворенных компьютером искусственных миров, кибергородов и так далее.

Если первые два дискурса представляют собой анализ тех процессов, которые способствуют превращению позднего метрополиса в постметрополис, то вторая пара дискурсов касается, прежде всего, последствий этих изменений. При этом в дискурсе об экзополисе более явно

---

[1] *Baudrillard J.* Simulations. New York: Semiotext(e), 1983; *Baudrillard J.* America. London, New York: Verso, 1988.

[2] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 324.

[3] Ibid.

просматриваются пространственные акценты, связывающие его с рассуждениями о постфордистской индустриализации и глобализации, а дискурс о метрополярностях акцентирует внимание на трансформации социального неравенства. Вместе с тем Э. Сойя указывает на упрощенное понимание постметрополиса представителями дискурса о метрополярностях, что он частично связывает с поверхностным изучением связей между процессами реструктуризации пространства и их социальными последствиями. В свою очередь, третья пара дискурсов исследует то, что можно назвать ответом на последствия реструктуризации постметрополиса.

Рассмотренные дискурсы свидетельствуют о том, что современные города и прилегающие к ним территории характеризуют новые контексты и проблемы, которые нельзя объяснить с помощью прежних моделей, подходящих для анализа уходящего метрополиса. Постметрополис по-прежнему остается площадкой для конфликтов и борьбы, но социальные процессы и пространственные формы, которые определяют эту борьбу, значительно отличаются от тех, которые были характерны для первой половины XX века. В то же время Э. Сойя прогнозирует, что и постметрополис начнет серьезно меняться, поскольку для него начинается этап нестабильности и кризиса. Он подробно рассматривает отдельные локальные, изолированные проблемы (например, беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 году) и прогнозирует, что они могут стать предвестником глобального кризиса, вызванного реструктуризацией пространства[1]. Это заставляет исследователя сделать вывод о том, что необходимы те исследования, которые позволят сформировать концептуальную основу для выработки эффективной политики, учитывающей современные реалии, в том числе и гиперреальность постметрополиса.

Сам Э. Сойя выделяет три основные силы, которые, с его точки зрения, являются причиной нового этапа урбанизации и планомерно способствуют

[1] *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden: Blackwell, 2000. P. 396-397.

формированию постметрополиса: глобализация капитала, рынка труда и сферы культуры; экономическая реструктуризация и формирование новой экономики; революция в области информационных и коммуникационных технологий[1]. Изменения, вызванные этими тремя силами, обостряют многие социальные проблемы урбанизированных территорий.

Во-первых, растущая региональная плотность и культурная гетерогенность ведут к распространению того, что коллега Э. Сойи, представитель Лос-Анджелесской школы урбанистики М. Дэвис назвал «урбанизмом, одержимым безопасностью» (*security obsessed urbanism*)[2]. Это состояние городских жителей, характеризующееся параноидальным страхом перед кажущимся хаотичным и непостижимым функционированием современного города и его пригородов. Эта одержимость безопасностью и защитой как раз и способствовала миграции из центральных районов города с последующим формированием относительно обеспеченных и охраняемых закрытых сообществ[3], то есть пространственной сегрегации. Так, камеры видеонаблюдения, высокотехнологичные системы сигнализации и безопасности становятся практически повсеместными, а общественные пространства, наоборот, размываются из-за возведения границ в целях безопасности по всему городскому ландшафту.

Во-вторых, среди ряда негативных социальных последствий региональной урбанизации, связанной с растущей плотностью населения в пригородах, Э. Сойя особо отмечает неравенство[4]. В том числе, пространственное неравенство, проявлением которого являются многолетние

---

[1] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 684.

[2] *Davis M.* City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 1990.

[3] *Mackenzie E.* Privatopia: Homeowner Associations and the Rise of Residential Private Government. New Haven and London: Yale University Press, 1994; *Caldeira T. P. R.* City of Walls: Crime, Segregation and Citizenship in Sao Paulo. Berkeley: University of California Press, 2000; *Grant J. L., Mittelsteadt L.* Types of Gated Communities // Environment and Planning B: Planning and Design. 2004. Vol. 31. № 6.

[4] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 685.

проблемы, связанные с неравномерным распределением рабочих мест (которые зачастую концентрируются в центре), доступного жилья и транспортных сетей по различным районам урбанизированных территорий. Пространственное неравенство усиливается вследствие происходящей реорганизации пространства, что негативно сказывается на доходах и качестве жизни широких слоев населения.

Эта проблема находится в центре внимания многих современных социологов, в частности, С. Сассен[1]. Так, растут масштабы жилищной проблемы, которая может принимать разные формы: от крайней нищеты тех, кто безнадежно застрял на улицах, до относительной лишенности людей доступного жилья вблизи места их работы. Недоступность жилья в непосредственной близости от работы зачастую затрагивает представителей социально значимых профессий (пожарных, учителей, сотрудников полиции и других). Э. Сойя рассматривает данное явление не просто как проявление пространственного неравенства, но и как «одну из форм бездомности»[2]. Причиной данной проблемы часто становится строительство жилья в быстро урбанизирующихся пригородах задолго до создания рабочих мест в этих районах, что заставляет многих людей тратить несколько часов в день на дорогу на работу и обратно.

Третья серьезная проблема, которую выделяет исследователь, – ухудшение состояния окружающей среды разного масштаба: от местного уровня до глобального. Из-за ряда позитивных экономических эффектов город зачастую рассматривается как генеративный источник экономического развития, технологических инноваций и культурного творчества[3]. Но

---

[1] *Sassen S.* Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all (accessed: 11.12.2021).

[2] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 685.

[3] *Glaeser E. L.* The new economics of urban and regional growth // Oxford Handbook of Economic Geography / ed. by G. L. Clark, M. P. Feldman and M. S. Gertler. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 83-98.

постметрополис также являются источником ухудшения состояния воздуха и воды, изменения климата и глобального потепления. Процесс региональной урбанизации, который перестраивает современный город, из-за своих характерных особенностей является основной причиной ускоренной деградации окружающей среды по всей планете. Основная сложность этого процесса и его негативных последствий для экологии заключается в том, что он становится «безграничным». Так же, как стирается четкая граница между городом и пригородами, так и граница урбанистического региона становится все менее очевидной.

Города, по словам Э. Сойи, являются своеобразными «якорями» многомерной урбанизации, однако урбанизированные территории распространяются далеко за пределы их административных границ. При этом негативные пространственные эффекты, связанные с деятельностью человека, снижаются по мере удаления от центра, но вместе с тем становятся практически повсеместными, и нигде полностью не исчезают: «Сегодня можно утверждать, что каждый квадратный дюйм мира в некоторой степени урбанизирован, ощущает на себе влияние и последствия региональной урбанизации, которая является последним этапом развития городского промышленного капитализма, распространяющегося в тропический лес Амазонки, сибирскую тундру и даже тающий Антарктический ледник»[1]. Тем самым экологические изменения также рассматриваются как результат урбанизации.

Подводя итоги, можно отметить, что концепция постметрополиса Э. Сойи фиксирует, что сегодня уже не города, а регионы начинают рассматриваться как «фундаментальные единицы социальной жизни»[2], требующие комплексного анализа. Эвристическая ценность данной концепции заключается в том, что исследователь отмечает уход в прошлое городского дуализма, предполагающего сочетание плотного, гетерогенного

[1] *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 687.

[2] Ibid. P. 688.

центра и однородных пригородов. Новая городская форма, получающая все большее распространение в современном мире, называется им постметрополисом. Это полицентричный город-регион, включенный в глобализацию через огромное количество различных сетей и функционирование на основе новейших информационно-коммуникационных технологий[1]. Результатом его оформления становятся социально и культурно разнородные урбанистические образования с отсутствием единого центра и сильной социальной поляризацией.

Сегодня крупные города-регионы, в которых проживает более миллиона жителей, являются основными движущими силами мировой экономики, концентрируют инновации и капитал, и одновременно становятся местами сосредоточения социальных проблем, в частности, становясь местом проживания работающих бедных. Именно поэтому эти города-регионы становятся «ценной аналитической линзой, которая позволяет изучать пространственные формы, где в качестве доминирующей выступает капиталистическая агломерация»[2], находящаяся в центре внимания Э. Сойи.

Несмотря на безусловный интерес, который концепция исследователя представляет для современной социологии, необходимо отметить, что она не лишена оснований для критики. Во-первых, Э. Сойя, критикуя А. Лефевра за пространственный детерминизм, сам оказывается ему подвержен, следствием чего становится рассмотрение социальных процессов как производных от пространственных. Это требует доказательств, которые исследователем не приводятся, поэтому можно предположить, что в ряде случаев каузальная связь может быть диаметрально противоположной. На возможность этого указывает и сам ученый, говоря о социально-пространственной диалектике[3].

---

[1] *Soja E. W.* Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. № 3. P. 279.

[2] *Jazeel T.* Urban Theory with an Outside // Environment and Planning D: Society and Space. 2018. Vol. 36. № 3. P. 416.

[3] *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2.

Во-вторых, заявляя о необходимости разработки новой методологии, Э. Сойя, тем не менее, не дает ее четкого описания. Из его концепции следует лишь то, что в центре внимания современных исследователей должны находиться не отдельные города, а более сложные образования, включающие в себя также пригородные районы. Таким образом, пересмотру подвергается не столько методология, сколько объект исследования.

В-третьих, необходимо отметить, что Э. Сойя анализирует преимущественно американские реалии, в то время как опыт других стран, представляющий собой значительный интерес, практически игнорируется. Например, М. Кастельс указывает на то, что одним из первых примеров полицентричной агломерации является Рандстад в Дании[1], что не находит своего отражения в работах Э. Сойи. Интересны и те процессы, которые наблюдаются в начале нынешнего столетия в Китае, Индии, Бразилии и других странах, однако они также не получают своего анализа. Так, концепция исследователя обедняется отсутствием сравнения того, как осуществляется региональная урбанизациях в разных странах мира.

В-четвертых, нельзя не отметить, что, фиксируя проблемы, исследователь не предлагает путей их решения, то есть не дает практических рекомендаций, которые позволили бы уменьшить социальные риски на современном этапе урбанизации.

Тем не менее, труды Э. Сойи предлагают довольно подробный анализ современного этапа урбанизации. Исследователь является одной из ключевых фигур, связанных с так называемым «пространственным поворотом» в социальной теории, результатом которого является рассмотрение социальных изменений как следствия конкуренции за контроль над пространством. Теоретическая ценность его концепции состоит в попытке формирования концептуальной основы для изучения специфики современной урбанизации.

---

[1] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 549.

Практическая значимость идей Э. Сойи заключается в том, что он указывает на необходимость разработки пространственных стратегий для регионов, а не для отдельных городов, что важно, в том числе и для России. Кроме того, исследователь отмечает возможность сохранения промышленных зон как напоминаний о временах метрополиса в нынешних постметрополисах, поскольку современное производство с жесткими требованиями, которые к нему предъявляются, уже не представляет серьезной опасности для здоровья людей, но позволяет обеспечить рабочие места и является источником экономического, а также научного развития. Эта стратегия успешно апробируется в ряде городов мира (например, Индианаполис в США, Дортмунд в Германии, Москва в России), где прежние промышленные кластеры вытесняются новыми, более наукоемкими.

§ 3. Концепция функциональной географии Парага Ханны

Параг Ханна (*Parag Khanna*) (род. 1977) – американский исследователь индийского происхождения, который работает в Школе публичной политики имени Ли Куан Ю Национального университета Сингапура. Он родился в Индии, рос в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Соединенных Штатах Америки (США) и Германии, получил степени бакалавра и магистра в Джорджтаунском университете (США), защитил диссертацию в области международных отношений в Лондонской школе экономики (Великобритания)[1]. П. Ханна посетил более 100 стран на всех континентах мира, что позволяет ему называть себя гражданином мира и «глобальным интеллектуалом»[2]. Путешественник и исследователь везде чувствует себя как дома – беседует ли он с китайскими рабочими в Тибете, турецкими гастарбайтерами в Германии или завтракает с президентом Монголии в Улан-Баторе[3].

П. Ханна работал в нескольких международных организациях (Всемирный экономический форум, Международный институт стратегических исследований, Фонд «Новые города» и других), получал гранты на исследования от Фонда Организации Объединенных Наций, Фонда Смита Ричардсона и Фонда Форда[4]. Он консультирует правительства многих стран мира, включая США, Канаду, Бразилию, Аргентину, Великобританию, Германию, Швейцарию, Нидерланды, Норвегию, Финляндию, Италию, Эстонию, Россию, Азербайджан, Казахстан, ОАЭ, Катар, Японию, Китай,

---

[1] Parag Khanna. Global Contributor. URL: http://edition.cnn.com/profiles/parag-khanna (accessed: 17.12.2021).

[2] Parag Khanna. Long Bio. URL: https://www.paragkhanna.com/about-parag-khanna/ (accessed: 17.12.2021).

[3] *Ahluwalia S. S.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. Parag Khanna's latest book brings together masses of information anecdotally in a narrative format. URL: https://www.theglobalist.com/connectography-mapping-the-global-network-revolution/ (accessed: 01.12.2021).

[4] Parag Khanna. URL: http://www.sageworldwide.com/sage_speaker/parag-khanna/ (accessed: 19.12.2021).

Индию, Австралию, Южную Корею, Пакистан, Индонезию, Филиппины, Монголию, Бутан и других. Его экспертные оценки также востребованы многими организациями и транснациональными корпорациями. Он был гостем таких мероприятий в нашей стране, как международная конференция «Современное государство и глобальная безопасность», которая прошла Ярославле в 2009 году при поддержке Д. А. Медведева (на тот момент президента РФ), Московский урбанистический форум 2017 года, который ежегодно проводится Правительством Москвы, а также IV Форума социальных инноваций регионов в 2021 году[1], где дистанционно выступил на пленарном заседании.

В 2002 году П. Ханна был удостоен премии «Будущие лидеры ОЭСР [Организации экономического сотрудничества и развития]»[2]. В 2008 году он был включен в состав 75 наиболее влиятельных людей XXI столетия по версии журнала «Эсквайр» (*Esquire)*[3]. Согласно информации на собственном официальном сайте, он говорит на пяти языках (немецком, хинди, французском, испанском и арабском)[4], хотя к ним необходимо добавить язык его основных публикаций – английский.

Главная тема исследований П. Ханны – это международные отношения в современном мире, возможные риски и траектории развития. Статьи исследователя регулярно появляются в авторитетных периодических изданиях, кроме того, он является автором трилогии о будущем мирового порядка. Первой была опубликована работа «Второй мир: империи и влияние в новом глобальном порядке»[5] (есть издание с другим подзаголовком – «Второй мир: как

---

[1] IV Форум социальных инноваций регионов. URL: http://www.social-forum.ru (дата обращения: 21.12.2021).

[2] Parag Khanna. The American Academy in Berlin. URL: http://www.americanacademy.de/person/parag-khanna/ (accessed: 19.12.2021).

[3] The 75 Most Influential People of the 21st Century. URL: http://www.esquire.com/news-politics/g82/most-influential-21st-century-1008/?slide=74 (accessed: 11.12.2021).

[4] Parag Khanna. Long Bio. URL: https://www.paragkhanna.com/about-parag-khanna/ (accessed: 17.12.2021).

[5] *Khanna P.* The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008; *Ханна П.* Второй мир. М.: Издательство «Европа», 2010.

развивающиеся державы переопределяют глобальную конкуренцию в XXI веке»[1]), затем «Как управлять миром: составление карты для курса на следующий Ренессанс»[2] и «Коннектография: нанесение на карту будущей глобальной цивилизации»[3] (есть издание с другим подзаголовком – «Коннектография: нанесение на карту глобальной сетевой революции»[4]). В 2019 году исследователь еще раз привлекает внимание мировой общественности к роли Азии в современном мире, публикуя монографию «Будущее за Азией: глобальный порядок в XXI веке»[5]. Отдельно стоит отметить работу «Движение: силы, которые лишают нас корней»[6], опубликованную осенью 2021 года, где в качестве одного из главных для современного мира процессов рассматривается миграция. В этих работах значительное внимание уделяется тому, как сегодня меняется урбанистическое пространство, а потому они представляют наибольший интерес для данной работы.

Необходимо отметить, что многие особенности современного этапа глобализации и урбанизации П. Ханна связывает с появление новых информационно-коммуникационных технологий. Эта тема наиболее полно раскрывается им в книге «Технократия в Америке: возвышение информационного государства»[7], а также в работе, опубликованной им в соавторстве «Гибридная реальность: процветание в формирующейся цивилизации человека и технологий»[8].

---

[1] *Khanna P.* The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century. London: Penguin Books, 2009.

[2] *Khanna P.* How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance. New York: Random House, 2011.

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.

[4] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016.

[5] *Khanna P.* The Future Is Asian: Global Order in the Twenty-first Century. London: Weidenfeld & Nicolson, 2019; *Khanna P.* The Future Is Asian. New York: Simon & Schuster, 2019.

[6] *Khanna P.* Move: The Forces Uprooting Us. New York: Scribner, 2021.

[7] *Khanna P.* Technocracy in America: Rise of the Info-State. North Charleston: CreateSpace, 2017.

[8] *Khanna P., Khanna A.* Hybrid Reality: Thriving in the Emerging Human-Technology Civilization. TED Conferences, 2012.

Концепция урбанизации П. Ханны может рассматриваться как социологическая не только потому, что он обращается к идеям классиков социологии, чтобы на их основе предложить свое видение современности. Он также уделяет значительное внимание глобализации, неравенству, миграции и социальным аспектам экологических проблем, что не может не представлять интерес для социологической теории. При этом необходимо отметить, что П. Ханна предлагает довольно вольную интерпретацию классической социологии, называя, например, Э. Дюркгейма «пророком киберреволюции»[1] и находя в работах французского социолога предсказание о неизбежности глобализации[2]. Хотя анализ современности, осуществленный П. Ханной, созвучен тому, что предлагают социологи на рубеже XX и XXI веков. Для исследователя значимы идеи У. Бека[3], проанализировавшего глобализацию и космополитизм, М. Кастельса[4], показавшего значимость интернета и разного рода сетей в современном обществе, и С. Сассен[5], продемонстрировавшей растущую роль городов в условиях глобализации.

Если на протяжении XX века труды классика немецкой социологии М. Вебера «внушали веру в то, что именно государства в конечном итоге обеспечат наилучшие экономические, социальные и политические основы порядка»[6], то сегодня П. Ханна считает необходимым пересмотреть данный тезис. С его точки зрения, государства, конечно, продолжают играть значимую роль в современном мире, в частности, выполняют функцию «ядерного

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 345.

[2] Ibid. P. 388-389.

[3] *Beck U.* What Is Globalization? Cambridge: Polity Press, 1999; *Beck U.* Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006.

[4] *Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell, 1989*; Castells M.* The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001 etc.

[5] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991; *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006.

[6] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 383.

сдерживания»[1], которую считал одной из важнейших, например, французский социолог Р. Арон[2], знакомство с трудами которого также демонстрирует исследователь. Однако П. Ханне близки тезисы, высказываемые современными социологами о необходимости перехода от анализа национальных государств к транснациональным образованиям, поскольку он отмечает значительный рост взаимосвязанности в современном мире[3]. При этом исследователь особое внимание уделяет городам, которые рассматриваются им как чрезвычайно важные центры нового формирующегося устройства глобального мира.

Так, для П. Ханны одной из главных тем его исследований становится изменение роли городов в XXI веке, приобретение ими новых функций, позволяющих вести себя как вполне самостоятельные транснациональные акторы, что позволяет ему назвать современный мир урбанистическим (*pax urbanica*)[4]. Он прогнозирует, что уже в ближайшие десятилетия почти три четверти населения мира будет жить в крупных мегаполисах[5], поскольку именно они сосредотачивают различные ресурсы, которые привлекают новых жителей. Тем самым, сегодня между собой конкурируют не только национальные государства, но и города, которые хотят быть привлекательными и для транснациональных корпораций, и для жителей.

Так, развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало оформлению мира, в котором акторы могут получить конкурентные преимущества благодаря своей включенности в различные

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 148.

[2] Ex.: *Aron R.* The Great Debate: Theories of Nuclear Strategy. Lanham: University Press of America, 1985.

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 25, 51, 56, 300, 341 etc.

[4] *Khanna P.* Move: The Forces Uprooting Us. New York: Scribner, 2021. P. 239-260.

[5] *Khanna P.* Connected Cities, Productive Cities // Governing: the States and Localities. URL: http://www.governing.com/columns/urban-notebook/parag-khanna-data-cities-lead-economic-progress.html (accessed: 12.12.2021).

сети, что П. Ханна и называет связанностью (*connectivity*)[1]. Следует отметить, что на глобальную связанность городов как новую и важную тему исследований указывает и шведский социолог Й. Терборн[2], который подчеркивает, что сети городов являются гораздо более сложным образованием, чем просто межфирменные связи. Они включают в себя также политические составляющие, различные сферы конкуренции и соревнования, культурные аспекты и сети, связанные с туризмом и миграцией.

Однако связанность, как ее понимает П. Ханна, представляет собой еще более широкое понятие. Если для Й. Терборна связанность представляет собой скорее социальное явление, то для П. Ханны это, в сущности, физические объекты, поскольку у него зачастую речь идет об инфраструктуре[3]: автомобильных и железных дорогах, мостах, энергетических сетях, интернете и так далее. Его понимание связанности в чем-то напоминает концепцию британского социолога Дж. Урри, утверждавшего, что в глобальном мире размываются границы обществ, именно поэтому мобильности оказываются в центре внимания социологии и преобразовывают ее «исторически сложившийся предмет»[4]. Необходимо отметить, что Дж. Урри понимает мобильности чрезвычайно широко, он рассматривает «различные виды мобильности людей, объектов, образов, информации и отходов»[5]. Британский социолог указывает на значимость перемещения не только субъектов – людей, но и самого разного рода объектов, что находит свое отражение в одном из ключевых для П. Ханны понятий – связанности, которая во многом основана

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 12-13.

[2] *Therborn G.* End of a Paradigm. The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43. № 2. P. 283.

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 5.

[4] *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 9.

[5] Там же. С. 9.

на инфраструктуре, и для оценки которой уже разработан соответствующий рейтинг (*Connectedness Index*)[1].

Одним из приоритетов в глобальном мире становится обеспечение его связанности, которое достигается созданием новой инфраструктуры и совершенствованием уже существующей. П. Ханна фиксирует не только рост значения связанности в глобальном мире, но также демонстрирует, что прогноз Ч. Тилли относительно урбанизации, сделанный в конце 1960-х годов, через полвека начинает сбываться: города не только значительно увеличиваются в размерах, но и превращаются в новые формы территориального размещения людей, соединенные между собой «энергетическими, транспортными и коммуникационными артериями»[2]. О стратегическом значении инфраструктуры в современном мире заявляют и отечественные исследователи, в том числе В.А. Садовничий и Г.В. Осипов[3], рассматривающие именно связанность как конкурентное преимущество в глобальном мире.

Поскольку именно инфраструктура является ключевым ресурсом, обеспечивающим связанность, то П. Ханна уделяет ей особое внимание и выделяет три ее основных вида: транспортную (включающую все виды дорог), энергетическую (состоящую как из электрических сетей, так и из трубопроводов) и коммуникационную (в первую очередь, интернет), которые, как «нервная система связывают воедино все части планетарного тела»[4]. Развитие инфраструктуры, таким образом, рассматривается им как основа глобальной революции связанности, которая только начинает развиваться.

---

[1] *Manyika J., Lund S., Bughin J., Woetzel J., Stamenov K., and Dhingra D.* Digital globalization: the new era of global flows. McKinsey Global Institute. 2016. URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows (accessed: 10.12.2021).

[2] *Tilly Ch.* The Forms of Urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / ed. by T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 89.

[3] *Осипов Г. В., Садовничий В. А.* Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. Научное издание. М.: ИСПИ РАН, 2016.

[4] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 5-6.

Транспортные сети существуют в течение длительного времени, энергетические сети появляются на рубеже XIX–XX веков, Интернет – самый новый элемент в глобальной инфраструктурной матрице, которая обеспечивает функциональную интеграцию даже при отсутствии политического консенсуса.

Можно сказать, что развитие инфраструктуры является одним из факторов трансформации современности, то есть их можно рассматривать как две составляющие одного и того же процесса[1]. Инфраструктура тесно связана с многочисленными социальными, культурными, экономическими и техническими явлениями, поскольку она определяет возможности доступа к различным ресурсам и способствует инклюзии в самых разных сферах. Следовательно, инфраструктуру необходимо рассматривать как некое социотехническое пространство, существующее на всех уровнях: от урбанистических сообществ до глобальной экономики[2]. Технический прогресс меняет пространства, объединяя их друг с другом и создавая множество горизонтальных и вертикальных географических, экономических, социальных, культурных и политических связей, которые пересекаются и создают сложные сети.

В глобальном мире любые границы, в том числе и политические, являются скорее барьерами для дальнейшего развития, чем способствуют его связанности, поэтому П. Ханна предлагает строить «мосты вместо границ»[3] и сделать основой анализа функциональную географию, или «коннектографию», то есть включенность в сети. П. Ханна обозначает термином «коннектография» единство континентов, которое достигается на основе формирования общей транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры на планете, связывающей всех людей и

---

[1] *Edwards P. N.* Infrastructure and modernity: Force, time, and social organisation in the history of sociotechnical systems // Modenity and Technology / ed. by T. J. Misa, P. Brey and A. Feenberg. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 190-191.

[2] *Read S.* Intensive urbanisation: Levels, networks and central places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 1. P. 8.

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. 3.

все ресурсы в мире[1]. Соответственно, коннектография обеспечивается современной инфраструктурой, которая предоставляет множество возможностей для путешествий, бизнеса, политики и так далее.

Подобное определение функциональной географии совпадает с традиционным пониманием глобализации, однако специфика подхода П. Ханны заключается в том, что особое внимание уделяется инфраструктуре и ее стратегическому значению. Доступ к инфраструктуре обеспечивает подключение к глобальным сетям, то есть к связанности и конкурентным преимуществам, которые она предоставляет. Тем самым, коннектография, отражающая функциональные географические маршруты (энергетические сети, финансовые сети, интернет-кабели и другие) в дополнение к физической и политической географии, дает представление об основных связях в условиях глобализации. Это своего рода «глобальная матрица», которая объединяет «страны, города, компании, кибер-сообщества и других игроков»[2], определяющих облик глобального мира.

Данная модель функциональной географии должна продемонстрировать переход от государствоцентричного порядка к многоакторному, который представляет собой кардинальное изменение мировой системы. Это соответствует тем тенденциям, которые оформляются в социологии на рубеже XX и XXI веков. Многие социологи на рубеже столетий призывают отказаться от так называемой «контейнерной» модели общества, согласно которой границы общества совпадают с границами национального государства[3]. Глобализация требует изменения ракурса рассмотрения социальных процессов,

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. P. XVI.

[2] *Khanna P.* The New World Order Is Ruled By Global Corporations And Megacities—Not Countries. URL: https://www.fastcompany.com/3059005/the-new-world-order-is-ruled-by-global-corporations-and-megacities-not-countries (accessed: 13.12.2021).

[3] *Beck U.* What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000. P. 23; *Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1. P. 80; *Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Berkeley; Los Angeles; University of California press, 1984. P. 164; *Therborn G.* At the birth of second century sociology: times of reflexivity, spaces of identity, and nodes of knowledge // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 3. P. 49 etc.

и П. Ханна предлагает один из возможных подходов к изучению современного мира. Необходимо отметить, что его модель функциональной географии во многом пересекается с проектом глобальной социологии Й. Терборна, которая, по словам последнего, исходит из «глобальной вариативности, глобальной связанности и глобальной интеркоммуникации»[1]. Однако П. Ханна полагает, что функциональную географию можно создать на основе вычленения пяти групп наиболее значимых акторов новой матрицы глобального мира, которые он сокращенно называет 5 «*Cs*» (по первым буквам названий):

– страны (*countries*), в первую очередь США, но также и Китай, играющий ведущую роль в области инвестиций, торговли и создании инфраструктуры, например, транспортной, в частности, в рамках проекта «Новый шелковый путь»[2];

– содружества (*commonwealths*), в которые объединяются страны для усиления своего влияния (например, валютные и таможенные союзы, зоны свободной торговли и другие региональные объединения), и чья роль может быть значительно выше, чем та, которую играют отдельные государства;

– города (*cities*), которые постоянно расширяют географию своего влияния, превращаясь в своеобразные «городские архипелаги», зачастую связанные с глобальными сетями не меньше, чем с государствами, на территории которых они находятся; безусловно, что это касается не всех, а в первую очередь, глобальных городов;

– компании (*companies*), отдельные из которых располагают б*о*льшими активами, чем некоторые страны, например, *Walmart, Apple, Royal Dutch Shell, Toyota, Samsung Electronics, BP, ExxonMobil* и др.[3];

---

[1] *Therborn G.* At the birth of second century sociology: times of reflexivity, spaces of identity, and nodes of knowledge // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 3. P. 50.

[2] *Rolland N.* Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Seattle and Washington: The National Bureau of Asian Research, 2017; *Miller T.* China's Asian Dream: Empire Building along the New Silk Road. London: Zed Books, 2017; *Maçães B.* Belt and Road: A Chinese World Order. London: Hurst, 2018; *Косоруков А. А.* Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути // Русская политология. 2016. № 1. С. 25-35.

[3] *Leitch Ch.* Top 20 Biggest Companies in the World. URL: https://www.careeraddict.com/biggest-companies (accessed: 13.12.2021).

транснациональные компании соперничают с правительствами за возможность принимать решения, чтобы максимально увеличить свою прибыль, однако им далеко не всегда удается поставить свои интересы выше государственных (например, режимы санкций, вводимые государствами, зачастую ведут к убыткам международных компаний);

– сообщества (*communities*), к которым П. Ханна относит разнообразные транстерриториальные образования, например, диаспоры и религиозные объединения, разбросанные по разным странам, но способные консолидироваться, что обеспечивает им высокий авторитет, который может заставить правительства отдельных стран учитывать их мнения (например, христианское сообщество в Латинской Америке и ряде европейских стран является одним из активных субъектов при принятии законов, затрагивающих сложные этические вопросы – эвтаназия и т. п.)[1].

Отдельно стоит отметить «облачные сообщества» (*cloud communities*), размеры и влияние которых растут благодаря распространению интернета. Причем число участников некоторых виртуальных сообществ сопоставимо с численностью населения многих стран мира.

Так, общие километры инфраструктуры, соединяющей города, намного превосходят «протяженность границ, которые делят общества и народы»[2]. С этим тезисом П. Ханны соглашаются и другие исследователи, которые утверждают, что в современном мире пространство структурируется не столько ограниченными административными рамками населенными пунктами, сколько реальной инфраструктурой, позволяющей соединять различные территории на различных уровнях – от локального до глобального[3]. Неудивительно, что исследователь высказывает предположение о том, что

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 45-58.

[2] *Nutt D.* Parag Khanna: A Future Without Borders. URL: https://www.52-insights.com/parag-khanna-a-world-without-borders-politics/ (accessed: 10.12.2021).

[3] *Read S.* Intensive urbanisation: Levels, networks and central places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 1. P. 14.

наиболее значимыми геополитическими конфликтами в XXI столетии окажутся инфраструктурные, которые, с его точки зрения придут на смену «территориальной экспансии»[1]. Следовательно, необходимо составлять не только политические карты, но и те, где указаны объекты инфраструктуры.

В этом глобальном мире связанность, то есть включенность в различные сети, повышает потенциал для дальнейшего развития и усиления влияния на международной арене, в том числе и для городов, которые рассматриваются П. Ханной как «самые древние и стабильные формы социальной организации»[2], наиболее фундаментальные для нашей цивилизации. На протяжении истории государства появлялись и исчезали, в то время как многие города пережили империи, на территории которых находились (например, история Стамбула-Константинополя является более продолжительной, чем Византийской и Османской империй). Кроме того, П. Ханна подчеркивает, что нет ни одной великой страны, в которой не было бы ни одного большого города[3]. Так, он рассматривает стабильные города как основу сильного государства, хотя влияние государства и его главного города далеко не всегда коррелируют друг с другом. Например, столица Великобритании – Лондон – является самым влиятельным городом в Европе, и данный тезис П. Ханны разделяют многие исследователи, в том числе С. Сассен[4] и Й. Терборн. Тем не менее, ведущая европейская экономика – Германия[5]. Вместе с тем речь не идет о соперничестве между городами и

---

[1] *Khanna P.* The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008. P. 86.

[2] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 49.

[3] *Dallessio T.* Hyperconnected Megacities Are Changing the World Map: Interview with Parag Khanna. URL: https://nextcity.org/daily/entry/parag-khanna-connectography-global-civilization (accessed: 13.12.2021).

[4] *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2018; *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017.

[5] *Khanna P.* The New World Order is Ruled by Global Corporations and Megacities—Not Countries. URL: https://www.fastcompany.com/3059005/the-new-world-order-is-ruled-by-global-corporations-and-megacities-not-countries (accessed: 13.12.2021).

государствами, более того, П. Ханна предлагает государствам использовать ресурсы городов, чтобы увеличить собственное влияние.

Однако исследователь указывает на то, что для современного мира характерно такое явление, как деволюция – процесс, в результате которого регионы и города становятся более автономными от национальных государств, на территории которых они находятся[1], то есть города начинают приобретать некоторую самостоятельность. Они все чаще имеют свою автономию и «устанавливают свою собственную повестку дня»[2]. Тем самым, происходит конституирование мира, в котором города будут иметь не меньшее значение, чем государства[3]. Соответственно, по мнению П. Ханны, необходимо создание карты мира с нанесением на нее основных мегаполисов, чтобы продемонстрировать, где живут люди и циркулируют капиталы.

Сегодня в мире доминируют около восьми городов: Лондон, Нью-Йорк, Токио, Гонконг, Сингапур, а также недавно присоединившиеся к ним Дубай, Лос-Анджелес и Сан-Франциско[4]. Исследователь настаивает на том, что эти города не конкурируют друг с другом, как это часто происходит между государствами, а наоборот, стремятся к более тесной связанности, поскольку это будет способствовать взаимовыгодному сотрудничеству. П. Ханна полагает, что нельзя понять один мегаполис, не понимая его связей с другими[5]. Города стремятся поддерживать друг друга, так как являются узлами сложных сетей, в которых рост одного из них обозначает расширение возможностей для

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 64.

[2] *Lodge F.* Rethinking Geography in a Globalized World: Interview with Parag Khanna. URL: https://www.thecipherbrief.com/column/state-of-play/rethinking-geography-in-a-globalized-world (accessed: 13.12.2021).

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 6.

[4] *Luchsinger N.* Cities always want to support each other: Interview with Parag Khanna. URL: https://medium.com/asia-society-switzerland/parag-khanna-on-urbanization-ad6015239c5f (accessed: 11.12.2021).

[5] *Weller C.* Why it's useless to have borders between countries. URL: http://www.businessinsider.com/useless-to-have-borders-between-countries-says-ted-speaker-2016-2 (accessed: 11.12.2021).

всех остальных. Тем самым исследователь вслед за С. Сассен фиксирует необходимость анализа сетей городов, поскольку они тесно взаимосвязаны друг с другом.

С. Сассен с начала 1990-х годов рассматривает процесс формирования сети глобальных городов[1], и П. Ханна соглашается с ней в том, что глобальные города играют в «собственной лиге»[2], во многом денационализированной, привлекающей таланты со всего мира и накапливающей капитал для своего развития и расширения. Сети городов предлагают транспортные и коммуникационные платформы, которые облегчают межличностное и деловое взаимодействие, расширяют возможности связанности как внутри, так и между городами, благодаря устойчивым и доступным цифровым технологиям[3]. Исследователь отмечает, что постоянно расширяющиеся сети окружают мегаполисы, тем самым повышая их значимость.

Вместе с тем необходимо инвестировать в увеличение связанности для обширных географических районов, что превращает их в агломерации и мегалополисы. Образование кластеров городов позволяет не только создать более устойчивую экономику, но и делает их менее уязвимыми к глобальным кризисам[4], поэтому сегодня речь идет не только о городах, но и о новых урбанистических формах. Именно они (агломерации, мегалополисы и урбанистические архипелаги) становятся элементами глобальных сетей и основой эффективной глобальной экономики XXI столетия.

---

[1] *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016. P. 98.

[2] *Khanna P*. Megacities, not nations, are the world's dominant, enduring social structures. URL: https://qz.com/666153/megacities-not-nations-are-the-worlds-most-dominant-enduring-social-structures-adapted-from-connectography/ (accessed: 13.12.2021).

[3] *Khanna P*. Connected Cities, Productive Cities // Governing: the States and Localities. URL: http://www.governing.com/columns/urban-notebook/parag-khanna-data-cities-lead-economic-progress.html (accessed: 12.12.2021).

[4] *Luchsinger N*. Cities always want to support each other: Interview with Parag Khanna. URL: https://medium.com/asia-society-switzerland/parag-khanna-on-urbanization-ad6015239c5f (accessed: 11.12.2021).

Итак, П. Ханна видит будущее за кластерами городов (*multi-city clusters*)[1], связанных передовыми инфраструктурными системами. Именно эти новые урбанистические образования, по его словам, станут основными факторами экономического роста. Они не только принесут преимущества для урбанистических районов, но что особенно важно, для сельских, которые пока являются «наименее включенными в глобальную коннектографию»[2]. Исследователь называет эти новые урбанистические образования городами-государствами (*city-states*)[3], городскими архипелагами (*urban archipelagos*) и мегалополисами (*megalopolis*), не давая, однако, четкого определения ни одному из этих понятий. Очевидно лишь то, что города, разделенные сотнями километров, сливаются в массивные экономические центры и образуют единые социальные пространства.

В связи с тем, что зачастую значительная доля экономики страны связана с функционированием ее основного урбанистического центра, даже высказываются предположения, что страны могут стать пригородами городов[4]. Это свидетельствует о том, что в настоящее время существует слишком большая зависимость национальных экономик от ведущих глобальных городов. Поэтому П. Ханна указывает на то, что страна должна стремиться иметь как можно больше стабильных деловых и демографических центров, для создания которых необходимо инвестировать в города второго уровня[5]. Эту стратегию развития уже начинают реализовывать некоторые страны, в

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 50.

[2] *Dallessio T.* Hyperconnected Megacities Are Changing the World Map: Interview with Parag Khanna. URL: https://nextcity.org/daily/entry/parag-khanna-connectography-global-civilization (accessed: 13.12.2021).

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 353.

[4] *Weller C.* Why it's useless to have borders between countries. URL: http://www.businessinsider.com/useless-to-have-borders-between-countries-says-ted-speaker-2016-2 (accessed: 11.12.2021).

[5] *Khanna P.* Megacities: We Need To Build Bridges, Not Walls. URL: http://www.billionaire.com/people/2480/megacities-we-need-to-build-bridges-not-walls (accessed: 13.12.2021).

первую очередь, Китай и Индия, однако в России отмечается дефицит городов «второго эшелона»[1]. Это объясняется тем, что активная фаза урбанизации пришлась на время существования СССР, для территории которого и выстраивалась урбанистическая система, поэтому для современной России разработка пространственной стратегии является одной из главных задач.

Так, в современном мире наблюдается смена приоритетов в городском развитии, происходит переход от доминирования одного центра к формированию сети из множества узлов, каждый из которых выполняет свои функции. Наличие только одного делового центра делает страну уязвимой, поэтому инвестиции в развитие городов второго уровня позволяют диверсифицировать основы экономического и социального развития.

При этом П. Ханна отмечает формирование больших городских архипелагов, примером которых может служить мегалополис на северо-востоке США, уже описанный Ж. Готтманном[2]. На Западном побережье страны также идет становление урбанистического кластера, который будет сосредоточен вокруг Силиконовой долины и может распространяться от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса. Исследователь обозначает некоторые из потенциальных городов-регионов пунктирными линиями[3], понимая, что границы подвижны и легко меняются. Например, в Западной Африке активно развивается прибрежная городская территория между Лагосом и Бенин-Сити в Нигерии, которая стремится пересечь национальные границы и включить в себя часть территории нескольких стран до Кот-д’Ивуара[4]. Это не будет единым городом с одним названием, но это может превратиться в городскую агломерацию.

---

[1] *Вершинина И. А., Мартыненко Т. С.* Пространственное неравенство: характерные параметры и новые измерения // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / Под общей редакцией доктора социологических наук, профессора Н. Г. Осиповой. М.: Перспектива, 2021. С. 94.

[2] *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

[3] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. Map № 13.

[4] Ibid. P. 276.

П. Ханна выделяет три ключевых направления урбанистического развития по всему миру, которым необходимо уделять больше всего внимания:

1. Конструирование «умного» города на основе комплексной бизнес-стратегии, что позволит повысить деловую активность и превратить город в технологический инкубатор (хаб).

2. Закрепление коммерческих успехов на основе анализа больших объемов данных и выявления наиболее перспективных секторов экономики, которые оцениваются с помощью современных цифровых технологий, позволяющих строить довольно точные прогнозы, учитывающие множество факторов.

3. Совместное создание (*Co-Creation*), то есть коллективное творчество жителей в краудсорсинговых проектах, благодаря которому можно в реальном времени собрать данные об окружающей среде, инфраструктуре и активности в городе для последующих исследований ради общественно значимых улучшений[1].

В современном мире имеется множество различных проблем, с которыми далеко не всегда успешно справляются международные организации, даже такие авторитетные, как ООН[2]. По мнению исследователя, города могут помочь международным организациям в достижении их целей. Сети городов выполняют важнейшую функцию – позволяют делиться друг с другом технологиями и успешными решениями проблем, то есть создают возможности для взаимного обучения и обмена опытом.

Так, большие города совместно работают над решением глобальных проблем[3]. Самый известный пример – инициатива С40[4]. Это сеть мегаполисов,

---

[1] *Khanna P.* Connected Cities, Productive Cities // Governing: the States and Localities. URL: http://www.governing.com/columns/urban-notebook/parag-khanna-data-cities-lead-economic-progress.html (accessed: 12.12.2021).

[2] *Ханна П.* Будущее – за регионализмом // Русский журнал. 23.09.2009 URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Buduschee-za-regionalizmom (дата обращения 11.11.2021).

[3] *Weller C.* Why it's useless to have borders between countries. URL: http://www.businessinsider.com/useless-to-have-borders-between-countries-says-ted-speaker-2016-2 (accessed: 11.12.2021).

[4] C40 (*Cities Climate Leadership Group*) – глобальная сеть, объединившая усилия уже более 90 городов мира по сокращению выбросов парниковых газов. В 2006 году в сеть входило 40 городов, поэтому она и получила название С40. URL: http://www.c40.org/about (accessed: 01.12.2021).

сотрудничающих для сокращения выбросов парниковых газов[1], которая включает в себя уже намного больше, нежели изначальные 40 городов, которые дали ей название. В частности, ООН высоко оценивает инициативу С40, полагая, что «глобальная сеть городов, занимающаяся проблемами изменения климата, служит хорошим примером растущего трансграничного сотрудничества между городами и подчеркивает важность борьбы с деградацией окружающей среды и выбросами углерода в городах»[2]. Однако, кроме нее, есть и другие сети городов, благодаря которым они успешно обмениваются опытом, тем самым обучая друг друга решать общие задачи.

Реализация проектов по созданию инфраструктуры, которые сейчас интенсифицировались, зачастую нарушает устойчивость экосистем. Поэтому неудивительно, что исследователь уделяет особое внимание решению экологических проблем и необходимости устойчивого развития. В быстро урбанизирующемся мире отмечается стремительное ухудшение состояния окружающей среды. Однако П. Ханна не видит причин, которые могли бы обратить вспять тенденцию к урбанизации, кроме крупных прибрежных наводнений из-за изменения климата. Необходимо создавать устойчивую инфраструктуру, которая поможет людям и предприятиям быстрее восстанавливаться. Это проще и выгоднее, чем перемещать их в другие места, где они будут в безопасности и смогут продолжать работать.

Другая проблема, которой уделяет внимание П. Ханна – растущее социальное неравенство, одной из причин которого также является урбанизация[3]. Люди, которые переезжают в города, получают доступ к услугам, рабочим местам, образованию, поэтому они находятся в более

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 59.

[2] От глобального – к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: https://undocs.org/ru/E/2018/61 (дата обращения: 08.12.2021). С. 20.

[3] *Edwards S.* “DiplomaCity”- Learning networks of cities for a sustainable future: Interview with Parag Khanna. URL: http://www.cityfied.eu/News/ArticlesInterviews/DiplomaCity--Learning-Networks-Of-Cities-For-A-Sustainable-Future.kl (accessed: 14.12.2021).

выгодных условиях, чем люди в сельской местности. Миллионы людей переезжают в города в поисках лучшей жизни, и многие ее обретают. Таким образом, неравенство обречено на дальнейшее усиление, поскольку процесс урбанизации продолжается. Насилие, неравенство, выступления против джентрификации и различные беспорядки становятся уже привычными явлениями для крупных городов, где люди получают возможность зарабатывать больше, но за это приходится расплачиваться стрессами и ростом неравенства. Усиливается и сегрегация, закрепляющая неравенство и способствующая росту социального напряжения.

Однако П. Ханна полагает, что эти процессы обратимы при условии проведения социально ориентированной политики, в частности, он предлагает бороться с сегрегацией с помощью формирования «общей идентичности»[1], которая может помочь минимизировать конфликты. Соответственно, П. Ханна фиксирует наличие множества социальных проблем в современных городах, но полагает, что они могут их решить, объединив свои усилия.

Вместе с тем исследователь подчеркивает, что все великие глобальные города в истории были плюралистическими, терпимыми местами: «от древнего Рима до эпохи Возрождения, от Амстердама до Сингапура XXI века все великие глобальные города прошлого и настоящего были открытыми и терпимыми, разнообразными и приветствующими талант из всех слоев общества»[2]. Одним из немногих исключений сегодня является однородный Токио. Однако большинство глобальных городов характеризуется присутствием большого числа граждан других государств, в том числе и среди руководителей транснациональных компаний. Реалии XXI века предполагают взаимодействие и сотрудничество этнически разнообразных и толерантных городов. П. Ханна предлагает рассматривать этническое разнообразие и

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 353-354.

[2] *Khanna P.* Megacities: We Need To Build Bridges, Not Walls. URL: http://www.billionaire.com/people/2480/megacities-we-need-to-build-bridges-not-walls (accessed: 13.12.2021).

толерантность как критерии величия городов. Одним из самых ярких примеров глобальных городов нового поколения является Дубай с «безгражданским космополитизмом» и «глобальной связанностью»[1]. Дубай демонстрирует, как инфраструктура мирового класса может быстро превратить пустынную территорию в эффективный и привлекательный для инвесторов глобальный центр.

Подводя итоги, можно сказать, что, по мнению П. Ханны, мы движемся к миру, где мегаполисы, сети поставок и соединительные технологии перекраивают карту мира, где вместо государственных границ появляются связи, обеспеченные инфраструктурой. Однако исследователь предлагает мега-городам избрать «стратегию полицентричности»[2] и превратиться в огромные городские архипелаги. Деволюция ведет к размыванию традиционных границ и появлению новых урбанистических образований. Так, города стремятся расширить свою географию[3], то есть преодолеть границы. Именно они становятся теми центрами принятия решений, которые больше заинтересованы в развитии связей и сетей, включенность в которые обеспечивает конкурентные преимущества.

Новые экономические центры не стремятся завоевать новые территории, они хотят с ними торговать и налаживать другие связи. П. Ханна полагает, что высокая связанность позволяет избежать борьбы за ресурсы, а новый формирующийся «*pax urbanica*» может развиваться без конфликтов, поскольку «предпочитает не побеждать, а соблазнять»[4]. Подобные выводы исследователя представляются чрезмерно оптимистичными и пока не

---

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 260.

[2] *Luchsinger N.* Cities always want to support each other: Interview with Parag Khanna. URL: https://medium.com/asia-society-switzerland/parag-khanna-on-urbanization-ad6015239c5f (accessed: 11.12.2021).

[3] *Khanna P.* Megacities: We Need To Build Bridges, Not Walls. URL: http://www.billionaire.com/people/2480/megacities-we-need-to-build-bridges-not-walls (accessed: 13.12.2021).

[4] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 391.

подтверждаются, поскольку гораздо более реалистично прогнозировать изменение форм конфликтов, но не их исчезновение.

Эвристическая ценность концепции П. Ханны состоит в том, что он демонстрирует, как новые урбанистические образования в современном мире становятся ключевыми компонентами глобального порядка. Одно из главных их преимуществ – обеспеченность инфраструктурой, благодаря которой вокруг них формируется динамическая система экономических, политических, социокультурных связей и отношений. Функциональная география П. Ханны представляет собой авторское видение глобализации, в котором он предлагает свое представление о структуре социального, политического и экономического пространства, где урбанистические регионы выступают главными элементами, обеспечивающими глобальную связность.

Вместе с тем нельзя не отметить, что концепция П. Ханны оставляет довольно много вопросов, ответов на которые он не предлагает, что дает основания для серьезной критики ряда ее положений.

Во-первых, очевидна довольно слабая теоретико-методологическая проработка большей части выдвигаемых тезисов, например, автор практически не обращается к значительной части научной литературы, позволяющей понять основные тенденции глобализации в современном мире. Это не только обедняет концепцию исследователя, но и не позволяет составить целостного представления о том, каковы ключевые характеристики глобализации сегодня. Его работы также лишены четких временн*ы*х рамок, которые указывали бы на то, когда прежний порядок начинает вытесняться новым. Соответственно, неясно, когда актуальными становятся функциональные карты, которые должны вытеснить традиционные политические.

Во-вторых, у П. Ханны отсутствуют четкие определения большинства новых понятий, которые предлагает автор (коннектография, деволюция и другие), что отражает тенденцию к метафоричности в современной социологии. Однако это затрудняет восприятие текста, поскольку

догадываться о том, что имеется в виду, приходится по общему контексту излагаемого материала.

В-третьих, рассматривая формирование нового мирового порядка, в котором ведущую роль будут играть города, П. Ханна акцентирует свое внимание на экономике и политике, практически полностью игнорируя другие сферы общественной жизни, которые также претерпевают значительные изменения. Это вполне созвучно некоторым социологическим концепциям, в которых больше всего внимания уделяется политической и экономической сферам (например, измерения глобализации, которые предлагает Э. Гидденс)[1], однако это приводит к некоторой фрагментарности анализа современного этапа глобализации.

В-четвертых, исследователь явно недооценивает значение государств в обозримом будущем. Современная международная обстановка не оставляет впечатления, что роль государств снижается. Об обратной тенденции говорят такие авторы, как например, Й. Терборн[2]. Да и сам П. Ханна довольно подробно рассматривает отдельные государства и их место в системе международных отношений, что противоречит его заявлениям об ослаблении этих традиционных акторов. Как следствие, утверждения о преобладании связанности в современном мире и утрате значения границ также звучат не слишком убедительно. Утопичным также представляется предположение о том, что города, объединившись в сети и организации разного рода, способны самостоятельно решать свои социальные проблемы, практически без участия государств, на территории которых они находятся.

Тем не менее, концепция П. Ханны представляет несомненный интерес для современной социологии, в частности, по той причине, что автор предлагает свое видение глобализации, где в основе связанности современного мира оказывается функционирование сетей городов.

---

[1] *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. С. 195-206.

[2] *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017. P. 349.

Исследователь также демонстрирует, что урбанистические образования имеют тенденцию к пересечению государственных границ (например, формирующаяся в Западной Африке агломерация Лагоса, включающая часть территории Нигерии и еще нескольких стран до Кот-д'Ивуара)[1], однако лишь время покажет, насколько это будет соответствовать реалиям ближайших десятилетий.

Практическая значимость данной концепции для России состоит в том, что П. Ханна предлагает нашей стране заняться модернизацией городов «второго уровня» на юге России, в Сибири и на Дальнем Востоке, которые помогут более активно включиться в глобальные сети и стать скоростным каналом евро-азиатского сотрудничества[2]. Для этого также необходимо обратить внимание на важность развития инфраструктуры, требующейся не только для создания агломераций и городских регионов, но также для включенности в транснациональные сети, что рассматривается как важная составляющая конкурентного потенциала страны.

Выводы по пятой главе:

Новая морфология урбанизированных территорий представляет собой одну из главных тем современной социологии города и урбанизации[3], поскольку исследователи стараются прояснить, как новые пространственные формы меняют социальную жизнь. Вопросы адаптации урбанистического пространства к условиям постиндустриального общества и глобализации оказываются в центре внимания Ж. Готтмана, Э. Сойи и П. Ханны, в чьих трудах получают наиболее подробное рассмотрение. Они демонстрируют, что «научно-технический прогресс сделал относительными казавшиеся прежде

[1] *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. P. 276.

[2] *Khanna P.* Russia on the 'Cyber Silk Road'. URL: https://www.weforum.org/agenda/2015/12/russia-on-the-cyber-silk-road (accessed: 13.12.2021).

[3] Post-Metropolitan Territories: Looking for a New Urbanity / ed. by A. Balducci, V. Fedeli, F. Curci. London, New York: Routledge, 2017.

базовыми, абсолютно неколебимыми вещи»[1], к которым можно отнести и города как древнейшие формы организации социальной жизни. Ж. Готтман, Э. Сойя и П. Ханна анализируют трансформацию городов и формирование урбанистических форм, задающих новые условия социальной жизни, то есть те процессы, которые набирают интенсивность с середины XX столетия. М. Кастельс также указывает на то, что ключевыми «узлами в глобальной сети городов»[2] становятся урбанистические регионы, однако наибольшее внимание данному аспекту урбанизации уделяют Ж. Готтман, Э. Сойя и П. Ханна.

При этом труды Ж. Готтмана до сих пор переосмысливаются, например, М. Кастельсом[3], то есть его идеи прошли проверку временем и оказались востребованы современными социологами[4]. Развитие автомобилестроения и распространение личного транспорта становится причиной резкого всплеска строительства в пригородах и за их пределами[5], что ведет к эволюции пространственной структуры. Идеи Ж. Готтмана продолжает Э. Сойя, анализирующий новые социальные проблемы пригородов и агломерацию как новый тип поселения, постепенно сменяющий города. В свою очередь, П. Ханна вписывает новые пространственные формы в контекст глобализации и уделяет повышенное внимание значению инфраструктуры, обеспечивающей связанность, которая рассматривается им как конкурентное преимущество.

Если Ж. Готтман и Э. Сойя рассматривают крупные урбанизированные образования, расположенные на территории одного государства, то П. Ханна делает предположение, что для современных мегалополисов даже государственные границы не являются препятствием, и предлагает

---

[1] *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 441.

[2] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. P. 550.

[3] *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5. PP. 548-558; *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1, 2010. P. 439.

[4] *Elden S.* The Significance of Territory // Geographica Helvetica. 2013. Vol. 68. № 1.

[5] *Lang R., Knox P. K.* The New Metropolis: Rethinking Megalopolis // Regional Studies. 2009. Vol. 43. № 6. P. 792.

акцентировать внимание не столько на разделяющих людей, общества и государства границах, сколько на связях, которые существуют между ними и могут давать конкурентные преимущества в глобальном мире. Тем самым, он разрабатывает концепцию функциональной географии, альтернативную национально-государственному подходу к анализу современности.

Полицентричность получает все большее распространение во второй половине XX века, когда появляются многочисленные обширные урбанистические образования, в которых сложно выделить единый центр. И именно эта новая морфология урбанизированного мира, которой сегодня уделяется все больше внимания[1], и оказывается в центре внимания концепций Ж. Готтмана, Э. Сойи и П. Ханны.

Сегодня среди пространственных форм, не имеющих четких границ, в центре внимания чаще всего оказываются агломерации, которые позволяют осуществлять планирование урбанистического развития и анализ его последствий для социально-экономических систем, более сложных, нежели города, и это справедливо, в том числе и для России[2]. Третья промышленная революция, глобализация и оформление транснациональных систем являются теми процессами, которые следует рассматривать как основу стремительного развития агломераций. Нельзя исключать, что пространственная структура современного мира продолжит усложняться, поскольку сегодня ставится вопрос о четвертой промышленной революции[3], которая может принести с собой новую волну перемен и глобальных трансформаций.

---

[1] *Oliveira V.* Urban Morphology: An Introduction to the Study of the Physical Form of Cities. Cham: Springer, 2016.

[2] Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы) / Е. Н. Алексеева, В. П. Бондарев, И. А. Вершинина и др. М.: МАКС Пресс, 2015.

[3] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Города оказываются в центре внимания социологии с самого начала ее оформления в качестве самостоятельной науки, поскольку являются главной ареной социальных изменений, а социальная история – это во многом история городов. В западной социологии следует выделить два основных этапа изучения города и урбанизации:

1) классический (XIX – первая половина XX века) – социология города, когда урбанизация рассматривается преимущественно как процесс, сопровождающий индустриализацию, а города – как ключевые пространства становления и развития капиталистического общества;

2) современный (вторая половина XX – начало XXI века) – социология города и урбанизации, которая предлагает множество разнообразных концепций, где находят свое отражение пространственные изменения, ставшие следствием оформления постиндустриального общества и процесса глобализации.

При этом социологию города, представленную исследователями XIX – первой половины XX века, и современную социологию города и урбанизации объединяет понимание всех урбанистических форм как сообществ[1]. Таким образом, урбанизация по-прежнему предстает в социологических концепциях как процесс формирования городских сообществ, которые демонстрируют не только социальную солидарность, но и социальные конфликты. Следовательно, для социологии свойственно понимание урбанизации как «коллективного проекта»[2], реализуемого сообществами.

Представители современной социологической урбанистики по-прежнему уделяют внимание традиционным темам (таким, как социальное

---

[1] *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M.* The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2; *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3.

[2] *Brenner N., Schmid C.* Towards a New Epistemology of the urban? // City. 2015. Vol. 19. № 2-3. P. 177.

неравенство, эксклюзия, социальные конфликты, городские сообщества и так далее), однако появляются и новые направления исследований. Особенностями современной социологии города и урбанизации являются:

– наличие множества разнообразных концепций, требующих своей типологизации, которые представляют значительно больше ракурсов рассмотрения города и урбанизации, нежели когда-либо ранее;

– внимание к изменениям, тесно связанным с глобализацией, потребовавшей не только пересмотра ключевого для социологии понятия «общество», но и разработки новых подходов к изучению пространства вследствие разворачивающихся процессов сетевизации и цифровизации;

– исследование не только городов, но и новой морфологии пространства, предполагающей появление городских агломераций, мегалополисов и других сложных урбанистических образований.

В условиях глобализации происходит серьезное переосмысление городского пространства на основе данных социологии, экономики, географии, политологии, экологии, что способствует формированию комплексного подхода к городским исследованиям. Стремительная урбанизация, особенно в развивающихся странах, численность населения которых продолжает расти, требует учета множества факторов городского развития, а эвристический потенциал социологии в комплексном анализе городов и процесса урбанизации не вызывает сомнений.

Повышение внимания представителей других социальных наук к традиционным социологическим проблемам не означает кризиса городской социологии, как утверждают отдельные исследователи, например, А. Милисевич[1], поскольку «науку конституируют специфический взгляд на предмет, формулировка проблемы, методы ее исследования и достигнутые

[1] *Milicevic A. S.* Radical Intellectuals: What Happened to the New Urban Sociology? // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 4. P. 759-783.

результаты»[1]. Наоборот, исследования города и урбанизации в социологии продолжают ставить важные вопросы, которые не столь четко сформулированы и проработаны в других социальных науках[2]. Социология обладает серьезным объемом знаний в изучении как индустриальных, так и постиндустриальных городов, что позволяет ей претендовать на ведущую роль в современных исследованиях города и урбанизации.

Роль социологии состоит в том, чтобы, во-первых, выполнить свою познавательную функцию: выделить разные типы городов, понять их особенности в разных частях мира и учитывать разные теоретические и эмпирические перспективы рассмотрения урбанизации; во-вторых, она должна участвовать в разработке решений для социальных проблем, общих для многих городов мира, что соответствует ее практической функции. Не менее значимой является и способность социологии прогнозировать наиболее вероятные векторы развития городов и урбанизации в будущем, в том числе и с опорой на новые методы (например, анализ больших данных). Они получают все большее распространение в современных исследованиях[3] и помогают принимать управленческие решения, позволяя оценивать, например, направления и интенсивность транспортных потоков, для оптимизации которых может требоваться создание новой инфраструктуры.

Сегодня ряд авторов настаивает на необходимости «деколонизации»[4] современных урбанистических исследований и их расширении за счет разработок представителей Азии, Латинской Америки и Африки. Однако именно западные концепции в современной социологии, по-прежнему,

---

[1] *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 172-173.

[2] *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4. P. 848-849.

[3] *Kitchin R.* The Realtimeness of Smart Cities // Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies. Vol. 8. № 2.

[4] *Van Meeteren M., Derudder B., Bassens D.* Can the Straw Man Speak? An Engagement with Postcolonial Critiques of “Global cities” research // Dialogues in Human Geography. 2016. Vol. 6. № 3; *Jazeel T.* Urban Theory with an Outside // Environment and Planning D: Society and Space. 2018. Vol. 36. № 3.

охватывают самый широкий спектр вопросов и тем, а потому являются наиболее значимыми и выступают основой для осмысления урбанизации в самых разных странах мира. При этом Е. Г. Трубина отмечает, что изучением городов в разных регионах мира также во многом занимаются представители западной науки[1], которые опираются, в первую очередь, на англоязычную литературу. Это еще раз подчеркивает ведущую роль именно западных исследований в современной социологии города и урбанизации, которые и находятся в центре внимания данной диссертации.

Безусловно, концепции города и урбанизации, разработанные вне западной социологии, также имеют значение для развития данного направления исследований, однако их потенциал может быть в полной мере оценен и реализован лишь после освоения западных теоретических разработок, которые сегодня очевидным образом преобладают. Критический анализ, систематизация и интериоризация этих концепций национальными научными школами являются важными исследовательскими задачами, отсутствие решения которых затрудняет полноценное развитие социологии города и урбанизации за пределами западных стран. Это в полной мере справедливо и в отношении отечественной социологии, и настоящая работа представляет собой попытку решения подобных задач.

В данной работе представлены основные подходы к систематизации весьма разнородных концепций города и урбанизации, а также предложена оригинальная авторская типология, согласно которой в современной западной социологии возможно выделение четырех основных групп концепций.

Во-первых, концепции, в центре внимания которых находится город как культурно-историческое пространство, сохраняющее память о предыдущих эпохах (А. Лефевр, Р. Сеннет и Й. Терборн). Они позволяют рассмотреть урбанизацию как исторический процесс и оценить специфику современного этапа урбанизации. Несмотря на общность некоторых их выводов

[1] *Трубина Е. Г.* Постколониальная критика и урбанистическая теория // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С. 228.

относительно унификации и стандартизации социального пространства городов, каждый из авторов предлагает свое оригинальное видение истории их становления и развития.

Во-вторых, концепции, посвященные социальным взаимодействиям внутри городских сообществ (Л. Мамфорд, Дж. Джекобс и Я. Гейл), которые по-прежнему имеют важное значение, поскольку сообщества многими рассматриваются как значимый инструмент повышения качества жизни в современном городе. Низкое качество жизни в больших городах, ставшее результатом градостроительных ошибок, оказывается в центре внимания американских исследователей – Л. Мамфорда и Дж. Джекобс. Они оба критично оценивают приоритеты городского планирования середины XX столетия, но предлагают разные варианты решения возникших проблем. Датский архитектор Я. Гейл на основе их разработок и собственных исследований формулирует гуманистические принципы городского планирования, учитывающие потребности жителей и создающие возможности для формирования местных сообществ, способных отстаивать свои интересы.

В-третьих, концепции, авторы которых концентрируют свое внимание на том, как современные города меняются под влиянием глобализации и каким образом в них сегодня сочетается локальное и глобальное (например, М. Кастельс, Д. Харви и С. Сассен). В центре внимания данных концепций находятся социальные аспекты функционирования городов в условиях глобализации, поскольку для их авторов именно глобализация является основной характеристикой современного этапа урбанизации. Они уделяют особое внимание техническому прогрессу и развитию коммуникационных технологий, которые меняют способ организации производства и превращают города в ключевые центры мировой экономики.

В-четвертых, концепции, в которых рассматривается новая морфология, являющаяся следствием оформления постиндустриального общества с соответствующей ему системой занятости, а также развития цифровых технологий (например, Ж. Готтман, Э. Сойя и П. Ханна). Данные авторы

демонстрируют, как новая пространственная организация способствует трансформации социальной жизни и отмечают, что в современном мире разворачиваются те формы урбанизации, которые бросают вызов концепции города как некого фиксированного и ограниченного поселения.

Следует учитывать, что все социологические концепции не отражают проблемное поле социологии города и урбанизации в полной мере, что и становится основанием для их тематической, а не хронологической типологизации. Конечно, обозначенные концепции часто пересекаются друг с другом, но представленная типология позволяет их упорядочить, выделив центральные для исследователей темы.

Необходимо отметить, что эвристические границы у одних рассмотренных теоретических построений шире, чем у других. Следует выделить концепцию А. Лефевра, которая включает практически все направления исследований современной социологии города и урбанизации, вследствие чего рассматривается рядом социологов как ее фундамент[1]. Тем самым эвристическая ценность концепции этого французского социолога чрезвычайно высока, поскольку в ней сформулировано множество тезисов, получивших продолжение в работах других авторов. Так, Р. Сеннет и Й. Терборн опираются на его понимание города как совокупности материального и социального, что заставляет их акцентировать внимание на символической составляющей пространства. Более того, Р. Сеннет с опорой на данное А. Лефевром определение города критикует представителей Чикагской школы за то, что они прекрасно анализируют социальную составляющую города, то есть функционирование сообщества, но при этом игнорируют материальную сторону. В свою очередь, М. Кастельс и Д. Харви предлагают анализ социального неравенства и социальных движений в современных городах также на основе тех положений, которые изначально

[1] *Savage M., Warde A., Ward K.* Urban Sociology, Capitalism and Modernity. Basingstoke: Macmillan, 2003. P. 27; *McQuarrie M., Marwell N. P.* The Missing Organizational Dimension in Urban Sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3. P. 251; *Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4. P. 576-577.

сформулированы А. Лефевром. В концепциях Ж. Готтмана, Э. Сойи и П. Ханны развиваются идеи французского социолога о стирании границ, в частности, между урбанизированными и сельскими районами. Так, А. Лефевр, действительно, предлагает комплексный взгляд на урбанизацию, который становится отправной точкой для изучения самых разных ее аспектов.

Еще одну концепцию, в которой обобщаются многие идеи и присутствуют разные направления исследований, предлагает Р. Сеннет. Он формулирует свое определение города, продолжая идеи Ф. Тенниса, Г. Зиммеля и М. Вебера, однако реинтерпретирует их применительно к реалиям XXI столетия, в частности, процессу глобализации, тем самым указывая на важность марксистского подхода для понимания современности. Американский социолог подробно анализирует проблему телесности и ее связи с проектированием городского пространства, что уже нашло свое отражение в произведениях А. Лефевра. Трансформация публичной и приватной сфер, являющаяся важной составляющей его концепции, – тема, актуализированная Л. Мамфордом[1]. Соответственно, концепцию Р. Сеннета можно считать синтетической – объединяющей накопленные знания о функционировании городов, что и придает ей оригинальный характер.

Очевидно, что концепции Л. Мамфорда, Дж. Джекобс и Я. Гейла во многом отвечают популистским проектам, получившим довольно широкое распространение в современной науке. Однако они не учитывают ряд факторов (рост социального неравенства, трансформация рынка труда и т. д.), определяющих векторы развития как отдельных городов, так и урбанизации в целом, что, тем не менее, не мешает им оставаться востребованными в XXI столетии.

Все рассмотренные концепции имеют высокую практическую значимость, поскольку урбанистическое пространство представляет собой

[1] *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. P. 114-118.

«множество сетей интенсивного социального взаимодействия»[1], которые требуют управления и контроля. Авторы современных концепций города и урбанизации затрагивают множество аспектов, связанных с функционированием сообществ и управлением миграцией, конфликтами, а также неравенством и расширением городов. Так, урбанистическое пространство предстает в качестве сферы публичной политики, поскольку городские власти стремятся обеспечить привлекательность городов как для их жителей, так и для туристов. При этом города все чаще воспринимаются не как производственные площадки, а как пространство для рекреации[2], поскольку ряд исследователей фиксирует конец трудового общества и конец труда, и это также требует принятия решений о траектории дальнейшего развития.

По словам С. Баньковской, «среда (в особенности – пространство современного мегаполиса) упорядочивается действиями «действующих» в ней («производящих» ее), равно как и собственными воздействиями на них посредством «невидимой руки» аккумулируемых этой средой контрфинальных эффектов действия/производства»[3]. Сегодня неолиберальная урбанизация способствует тому, что главными заказчиками развития городов оказываются транснациональные корпорации, приносящие инвестиции, но вытесняющие с рынка местные компании. Тем самым они ведут к росту социального неравенства, поскольку имеющиеся ресурсы зачастую используются в интересах крупного бизнеса, а не жителей города, при этом экономический рост может сопровождаться снижением качества жизни. Неудивительно, что одна из центральных тем современной социологии города

---

[1] *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 11.

[2] *Acuto M., Seijas A., McArthur J., Robin E.* Managing Cities at Night. A Practitioner Guide to the Urban Governance of the Night-Time Economy. Bristol: Bristol University Press, 2021.

[3] *Баньковская С.* Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. 2011. №1-2. С. 31.

и урбанизации – это социальное неравенство, которое оказывается в центре внимания большинства авторов, чьи концепции рассмотрены в диссертации.

При этом транснациональные корпорации практически не несут ответственность за последствия своего присутствия, они могут довольно легко покинуть город, если найдут более интересные для себя локации, то есть фактически главным заказчиком происходящих изменений являются акторы, которые не заинтересованы в долгосрочном устойчивом развитии городов. Однако результатом даже их непродолжительного присутствия оказывается стандартизация урбанистической среды, на что указывают такие современные социологи, как, например, Р. Сеннет, Й. Терборн и С. Сассен. Так, стремление транснациональных корпораций к воспроизводству привычного для себя пространства заставляет города терять свою уникальность и идентичность.

В последние десятилетия все чаще звучат призывы к местным сообществам активнее участвовать в управлении своими городами (А. Лефевр, Д. Харви, С. Сассен и другие), что можно рассматривать как результат приватизации урбанистического пространства крупным бизнесом, далеко не всегда заботящимся о качестве жизни всех горожан. Поэтому особую актуальность вновь обретают идеи Л. Мамфорда и Дж. Джекобс о необходимости учета мнения и интересов местных жителей при принятии градостроительных решений, а практические рекомендации Я. Гейла становятся все более востребованными.

Необходимо отметить, что в дискуссии о городах как новых акторах международных отношений (Й. Терборн, С. Сассен, П. Ханна и другие) также поднимается вопрос о том, насколько вероятно, что голос местных сообществ может быть услышан на международном уровне. При этом даже некоторые политики указывают на то, что принятие решений смещается от национальных государств к городам. По словам Э. Рама, который в 2010 году ушел в отставку с поста главы администрации Белого дома, чтобы баллотироваться на пост мэра Чикаго, «национальное правительство отступило, а города стали новыми

центрами власти, заполняющими пустоту»[1]. Он пытается доказать, что города иногда способны решать социальные проблемы более эффективно, чем национальные правительства, то есть указывает на необходимость управления на уровне местных сообществ. По его мнению, в то время как национальные политики съеживаются в страхе перед спонсорами, группами давления и освещением событий по телевидению, мэры могут действовать.

Следует отметить, что во время пандемии коронавирусной инфекции многие решения оказались как раз в компетенции мэров городов, в частности локдауны далеко не всегда вводились на национальном уровне, некоторые из них носили локальный характер. Пандемия заставила вновь обратиться к идеям тех авторов, чьи концепции представлены в данной диссертации[2], поскольку оказалось, что многие из них могут получить новое прочтение и помочь найти ответы на новые вызовы. Необходимо лишь учитывать, что города должны быть не столько пространством конфронтации между общественными и частными интересами, сколько территорией для переговоров и консенсуса, где местные сообщества могут быть услышанными. Принципы Афинской хартии, сформулированные почти 100 лет, до сих пор задают основные приоритеты градостроительства, но современная социология города и урбанизации доказывает, что любые проекты, какими бы прекрасными они ни были на бумаге, должны обсуждаться и согласовываться с местными сообществами.

Очевидно, что сегодня невозможна реализация модели жесткого технократизма, предложенной Афинской хартией, поскольку современная урбанизация представляет собой сложный процесс, требующий участия

---

[1] *Rahm E.* The Nation City: Why Mayors Are Now Running the World. New York: Alfred A. Knopf, 2020. P. 13.

[2] *James A. C.* Don’t stand so close to me: Public spaces, behavioral geography, and COVID-19 // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10. № 2. P. 188-189; *Connolly C., Ali S. H., Keil R.* On the relationships between COVID-19 and extended urbanization // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10. № 2.

местных сообществ в принятии решений для создания «открытого города»[1], приоритетом развития которого являются преодоление пространственного неравенства и гибкая адаптация к стремительным изменениям. Необходимо также учитывать, что сегодня на урбанизацию оказывают влияние такие процессы, как глобализация, миграция, сетевизация и цифровизация, сопровождающиеся изменением климата и ростом дефицита ресурсов, что ведет к обострению социального неравенства. Это требует от современной социологии города и урбанизации разработки новых направлений исследований, чтобы сформулировать предложения по решению актуальных социальных проблем.

Урбанизация рассматривается в современной социологии не только как процесс, связанный с миграцией, глобализацией, экологическими, экономическими и демографическими изменениями, но и как та сила, которая оказывает мощное влияние на людей и их повседневную жизнь вследствие формирования той среды, где проходит значительная часть жизни более половины населения планеты. Соответственно, современная социология города и урбанизации включает множество направлений исследований, однако их все объединяет желание найти векторы развития, позволяющие «улучшить жизнь урбанизированных сообществ и положение наиболее маргинализированных и уязвимых групп общества, обеспечить защиту экологических активов и повысить устойчивость к последствиям изменения климата»[2]. Так, вопросы экологии и устойчивого развития оказываются сегодня весьма значимыми для городов и урбанизированных территорий[3], которые являются главными источниками негативного воздействия на

---

[1] *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018. P. 9.

[2] *Deppisch S., Yilmaz M. C.* The Impacts of Urbanization Processes on Human Rights // Current Urban Studies. 2021. Vol. 9. № 3. P. 366.

[3] *Heinzlef Ch., Robertc B., Hémonde Y., Serre D.* Operating urban resilience strategies to face climate change and associated risks: some advances from theory to application in Canada and France // Cities. 2020. № 104; *Newman P.* Cool planning: How urban planning can mainstream responses to climate change // Cities. 2020. № 103; *Santos M. M., Lanzinha J. C. G., Ferreira A. V.* Review on urbanism and climate change // Cities. 2021. № 114.

окружающую среду, что позволяет некоторым авторам называть их «планетарной чумой»[1]. При этом социологические концепции города и урбанизации традиционно рассматривают экологическую проблематику как одну из ключевых, она является таковой, например, для П. Геддеса и Э. Говарда, поэтому именно социологические концепции следует рассматривать как основу для разработки стратегии устойчивой урбанизации в условиях изменения климата.

Новый ракурс рассмотрения сегодня получает и другая традиционная для социологии тема, связанная с проблемой безопасности и предполагающая теперь анализ, в том числе и цифрового пространства городов. Несмотря на то, что «глаза на улице», подробно описанные Дж. Джекобс, продолжают оставаться актуальным способом обеспечения социального контроля[2], современные исследования чаще уделяют внимание социальным последствиям цифровизации и алгоритмизации урбанистического пространства. Отмечается, что технологии умного города, которые позиционируются как эффективная возможность противодействия неопределенности и управления ею, создают новые уязвимости и угрозы (кибератаки на инфраструктуру и т. п.)[3]. Однако новая цифровая онтология во многом требует доверия со стороны горожан, которые не могут быть уверены в том, что компании генерируют только те данные, которые им необходимы, обрабатывают и используют их этичным образом[4], поскольку никаких гарантий этого они не предоставляют, а многочисленные скандалы, связанные с утечкой данных, подрывают хрупкую структуру этого мира.

---

[1] *Thrift N.* Killer Cities. London: Sage, 2021. P. 2.

[2] *Graham S.* Enigmatic Presence: Satellites and the Vertical Spatialities of Security // Spaces of Security: Ethnographies of Securityscapes, Surveillance, and Control / ed. by S. Low and M. Maguire. New York: New York University Press, 2019. P. 213.

[3] *Kitchin R., Dodge M.* The (In)Security of Smart Cities: Vulnerabilities, Risks, Mitigation, and Prevention // Journal of Urban Technology. 2019. Vol. 26. № 2. P. 47-65.

[4] *Kitchin R.* Data Lives. How Data Are Made and Shape Our World. Bristol: Bristol University Press, 2021. P. 4.

Развитие технологий модифицирует и повседневные взаимодействия, которые частично перемещаются в пространство интернета. Например, цифровые формы приобретает соседство[1], что не делает его менее эффективным, наоборот, в ряде случаев помогает довольно быстро находить решения возникающих проблем. В частности, в ряде стран широкое распространение получает фудшеринг[2], который рассматривается, в том числе и как способ создания устойчивых продовольственных систем, а в России цифровые ресурсы активно используются для обсуждения вопросов, касающихся жилищно-коммунального хозяйства[3], хотя и не исчерпываются ими.

Значительное расширение территории многих городов вследствие быстрого строительства новых районов ведет к образованию агломераций, что усложняет принятие управленческих решений и замедляет создание необходимых объектов инфраструктуры. Данный процесс наблюдается в самых разных странах мира, стремительная урбанизация в развивающихся регионах зачастую сопровождается нехваткой финансовых ресурсов, необходимых для благоустройства быстро растущих городов, что провоцирует снижение качества жизни их обитателей. Эти процессы также получают свое осмысление в современной социологии города и урбанизации вследствие того, что новая пространственная морфология неизбежно меняет социальную жизнь и требует корректировки подходов к управлению городами и регионами, которые образуются вокруг них.

При этом новые урбанистические формы следует рассматривать в тесной взаимосвязи с миграционными процессами, поскольку в современном мире пригороды представляют собой уже не гомогенные районы проживания среднего класса, а гетерогенное социальное пространство. Так, современные

---

[1] *Бредникова О., Богданова Е.* Переосмысляя соседство // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2021. Т. 13. № 2.

[2] *Davies A. R.* Urban Food Sharing: Rules, Tools and Networks. Bristol: Policy Press, 2019.

[3] *Чернышева Л., Гизатуллина Э.* «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2021. Т. 13. № 2.

агломерации во многом являются результатом необходимости включения в социально-экономическую жизнь города масштабных миграционных потоков и демонстрируют высокий уровень социального неравенства. Соответственно, задача управления (миграцией, конфликтами, социальными движениями, неравенством и так далее) требует своего решения на уровне более сложных урбанистических образований, нежели просто города в их административных границах.

Итак, именно социология является основой современной урбанистики, которая во многом представляет собой междисциплинарное образование, а практический смысл социологии города и урбанизации состоит в управлении сложными социальными процессами. «Планетарная урбанизация»[1] является серьезным вызовом, на который необходимо найти ответ, используя широкие возможности социологической науки. Изменение организации и функционирования социального урбанистического пространства предполагает распространение новых градостроительных решений, соответствующих интересам и потребностям жителей. Необходимо учитывать, что планирование городского пространства может и должно закладывать возможности для управления социальными процессами, поскольку оно традиционно используется в качестве средства социального контроля. Однако это невозможно сделать без участия социологии, не только изучающей социальные процессы, но и способной разработать те принципы, которые помогут превратить урбанистические пространства в места социальной интеграции сообществ, демонстрирующих сплоченность и аутентичность.

Следует отметить, что концепции, представленные в диссертационной работе, представляют интерес и для России, поскольку могут стать основой для оценки социальных эффектов урбанизации в стране и корректировки векторов дальнейшего развития данного процесса. Показательно, что «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до

[1] *Brenner N., Schmid C.* Towards a New Epistemology of the Urban? // City. 2015. Vol. 19. № 2-3. P. 172-175.

2025 года» фиксирует ряд тревожных тенденций, обусловленных, в первую очередь, высоким уровнем межрегионального социально-экономического неравенства[1]. Россия демонстрирует «географический раскол»[2], который в XXI веке характерен для многих стран, поскольку концентрация ресурсов идет преимущественно в главных экономических центрах, что негативно сказывается на городах меньшего размера и сельских территориях.

Важно помнить о принципе территориальной справедливости и принимать градостроительные решения, которые, в первую очередь, учитывают интересы и потребности жителей, а не экономических акторов. Мировой опыт свидетельствует о том, что транснациональные корпорации не заинтересованы в том, чтобы финансировать развитие инфраструктуры, если это не способствует увеличению их собственной прибыли. Более того, международные компании в любой момент могут покинуть город и даже страну, если это будет соответствовать их интересам, поскольку игроки глобального рынка редко заботятся об интересах местных сообществ. Таким образом, российским городам следует выстраивать стратегии своего развития, учитывая ненадежность инвестиций, которые приносят транснациональные корпорации, какими бы привлекательными они не казались. Кроме того, присутствие глобального капитала зачастую ведет к стандартизации городского пространства и утрате им своей идентичности. Как результат, исчезает привязанность людей к месту, происходит ослабление социальных связей, что ведет к атомизации, разрушительной для местных сообществ.

При этом современные исследования доказывают, что именно успешность функционирования местных сообществ может стать основой для привлечения человеческого капитала и последующего процветания урбанистических образований. Однако для этого необходимо создание качественной городской среды, которая способствовала бы активизации

---

[1] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения: 08.12.2021). С. 6-7.

[2] *Коллиер П.* Будущее капитализма. М.: Издательство института Гайдара, 2021. С. 215.

социальных взаимодействий и возрождению соседства. Основой для планирования урбанистической среды может быть гуманистический подход, согласно которому, города представляют собой, в первую очередь, пространства социальной жизни людей. Соответственно, приоритетом пространственного развития российских городов должны быть интересы местных сообществ, а не экономических субъектов, поскольку далеко не все инвестиции имеют позитивные последствия в долгосрочной перспективе. Очевидно, что создание разнообразной и качественной городской среды может способствовать привлечению не только высококвалифицированных специалистов (включая работающих удаленно), но и компаний, заботящихся о комфорте и благополучии своих сотрудников. Российским городам не следует терять свою идентичность и растворяться в западной деловой культуре в погоне за инвестициями, поскольку это не гарантирует их процветания, но с высокой вероятностью может оказаться губительным для местных сообществ. Стоит учитывать, что для развития территорий требуется наличие рабочих мест, которые не должны концентрироваться в ведущих городах страны. При этом ряд возникающих сложностей можно преодолеть путем создания урбанистических кластеров, расширяющих возможности отдельных городов.

Современность оказывается чрезвычайно сложной и многообразной, пространственные практики развивающегося мира зачастую демонстрируют существенные отличия от европейской и североамериканской урбанизации, однако именно западные концепции доминируют в современной социологии. Урбанистические реалии продолжают меняться, что приводит к возникновению новых концепций, которые предлагают осмысление текущих процессов или указывают на возможные траектории дальнейшего развития социальных и пространственных форм. Тем самым, социологические исследования города и урбанизации продолжают активно дополняться в соответствии с теми изменениями, которые происходят в обществе и которым еще предстоит стать предметом социологического осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Монографии и научные статьи

1. *Августин Блаженный*. О Граде Божием. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
2. *Аитов Н А*. Социальное развитие городов сущность и перспективы. М.: Знание, 1979.
3. *Аитов Н. А*. и др. Советский город: социальная структура. М.: Мысль, 1988.
4. *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926.
5. *Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2.
6. *Бабков А. В.* Иконографический подход в работах французских геополитиков // Власть. 2010. № 7.
7. *Бабюх В. А., Кайсарова Ж. Е.* Понятие «Город» и типологизация городов: проблемы соотношения при определении даты возникновения городских поселений // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 20.
8. *Бадина А.А., Снегирев О.Ю.* Социология крупного города в контексте западной исследовательской парадигмы // Социология власти. 2006. № 6.
9. *Баньковская С*. Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. 2011. №1-2.
10. *Баранов А. В*. Социально-демографическое развитие крупного города. М: Финансы и статистика, 1981.
11. *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3.
12. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
13. *Бек У*. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
14. *Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
15. *Белова Т. П.* Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений // Социологические исследования. 2010. № 12.
16. *Белоножко М. Л., Крысин Н. И*. Специфика управления монопрофильными городами тюменского севера // Социологические исследования. 2002. № 7.
17. *Берлин П. А*. Роль деревни и города в политической жизни // Образование. 1907. №°1.
18. *Бесчасная А. А*. Социологические маркеры социальных пространств как инструмент исследования и управления пространством городов // Социальные и гуманитарные знания. 2018. № 2(14).
19. *Бесчасная А. А., Покровская Н. Н*. Собирательный образ городов будущего // Социологические исследования. 2021. № 11.
20. *Бодрийяр Ж*. Архитектура: правда или радикальность? // Социологические исследования. 2011. № 5.

21. *Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И.* Город: методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975.

22. *Бредникова О., Богданова Е.* Переосмысляя соседство // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2021. Т. 13. № 2.

23. *Вагин В. В.* Городская социология: Учебное пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

24. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. В 4-х тт. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016.

25. *Вальдес Одриосола М. С.* Эволюция социологических теорий города XIX – XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2.

26. *Вархотов Т. А., Поляков А. С.* Terra Urbana: Города, которые мы п...м. М.: Эксмо, 2021.

27. *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М.: Издательство «Логос». 2002.

28. *Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018.

29. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Вебер М.* Избранные произведения. М. Прогресс, 1990.

30. *Виленц-Горовитц Е. В.* Жилищный вопрос в Европе. Москва: Издательство НКВД РСФСР, 1926.

31. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

32. *Гейл Я.* Города для людей. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

33. *Гейл Я.* Жизнь среди зданий. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

34. *Гейл Я., Гемзо Л.* Новые городские пространства. М.: Концерн «КРОСТ», 2012.

35. *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь. М.: Концерн «КРОСТ», 2016.

36. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

37. *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.

38. *Глазычев В. Л.* Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.

39. *Глазычев В. Л.* Предисловие переводчика // Джекобс Дж. Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Издательство «Европа», 2006.

40. *Глазычев В. Л.* Урбанистика. М.: Европа, 2008.

41. Город: проблемы социального развития / под ред. А. В. Дмитриева, М. Н. Межевича. Л.: Наука, 1982.

42. Городские исследования: теория и практика. М.: Издательство «Проспект», 2020.

43. *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.

44. *Грибова К. Л.* Города в XXI веке: сравнительный анализ теоретических подходов Саскии Сассен и Парага Ханны // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 4.

45. *Грибова К. Л.* Имидж города в условиях глобализации // Социология. 2018. № 3.

46. *Гриценко В. С., Штомпель Л. А*. Модели выхода из современного урбанизационного кризиса. Возможна ли «иная метрополизация»? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 1.

47. *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10.

48. *Дехаан Х.* Возвращение социального: российские и советские города как вызов для западной историографии // Антропологический форум. 2010. № 12.

49. *Джекобс Дж*. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. Новосибирск: Культурное наследие, 2009.

50. *Джекобс Дж*. Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Издательство «Европа», 2006.

51. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2015.

52. *Джекобс Дж*. Экономика городов. Новосибирск: Культурное наследие, 2008.

53. *Диканский М. Г*. Постройка городов, их план и красота. Пг: Изд. Н. П. Карбасникова, 1915.

54. *Дюркгейм Э*. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

55. *Дюркгейм Э*. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

56. *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988.

57. *Заборова Е. Н*. Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 2.

58. *Заборова Е. Н., Исламова А. Ф.* Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. № 2.

59. *Замятин Д. Н*. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологические исследования. 2012. № 2.

60. *Замятин Д. Н*. Постгеография: капитал(изм) географических образов // Социологические исследования. 2014. № 10.

61. *Замятин Д. Н*. Пространство и движение // Социологические исследования. 2014. № 4.

62. *Зидер Р*. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. 1993. Вып. 1.

63. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4.

64. *Зукин Ш*. Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

65. Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.

66. *Исаев А. А*. Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль: Типография Г. В. Фальк, 1886.

67. *Канигел Р*. Глаза, устремленные на улицу: жизнь Джейн Джекобс. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

68. *Капранова Л. Д.* Проблемы урбанизации в США: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1986.

69. *Квят А. Г.* История зарубежных городских коммуникативных исследований // Медиаскоп. 2014. № 4.

70. *Кияненко К. В*. Парадигмы социального знания и обоснования в архитектуре // Социологические исследования. 2018. № 9.

71. *Клемешев А. П., Федоров Г. М., Колосов В. А., Шупер В. А*. Жан Готтман как провидец и критик // XI Сократические чтения: Жан Готтман как провидец и критик (к столетию со дня рождения): материалы международной научной конференции «Пространственная трансформация урбанизированной среды в условиях постиндустриального развития общества» / под ред. В. А. Шупера, В. А. Колосова, Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017.

72. *Климова С. Г., Климов И. А*. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4.

73. *Ковалевский М. М*. Вместо предисловия: Массовые перемещения жителей, прилив их в города и отлив в села (Этюд из области социальной динамики) // *Вандельвельде Э*. Деревенский отход и возвращение на лоно природы. Одесса: Вл. Распопов, 1904.

74. *Коган Л. Б*. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990.

75. *Коган Л. Б.* Города и политика: российские уроки. Обнинск: Институт муниципального управления, 2003.

76. *Коган Л. Б., Локтев В. И.* Некоторые социологические аспекты моделирования городов // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 46-53.

77. *Коллиер П.* Будущее капитализма. М.: Издательство института Гайдара, 2021.

78. *Корбюзье Л.* Новый дух в архитектуре. М.: Strelka Press, 2017.

79. *Королева М. Н., Чернова М. А.* Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9.

80. *Косоруков А. А*. Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути // Русская политология. 2016. № 1.

81. *Кравченко А. И.* Теория М. Грановеттера для социологии города // Социология. 2021. №4.

82. *Криничанский К. В.* Российский город в условиях социально-экономической трансформации // Социологические исследования. 2008. № 10.

83. *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. М.: ЛЕНАНД, 2014.

84. *Лаппо Г. М.* Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987.

85. *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

86. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998.

87. *Лыска А. Г.* Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. № 7.

88. *Малиновский Б.* Функциональная теория // *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М. ОГИ, 2005.

89. *Маркс К.* Гражданская война во Франции (1870-71 г.). М.: Государственное издательство, 1919.

90. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1978.

91. *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13.

92. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К. Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

93. *Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е.* Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.

94. *Мартыненко Т.С., Хомякова К.Л.* Урбанистическая теория и практика: прошлое, настоящее и возможное будущее // Социологические исследования. 2021. № 5.

95. *Маяцкий М.* Место пространству! Этот очень special «spatial turn» // Пушкин. 2009. № 3.

96. *Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С.* Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Мир истории (электронный журнал). 2006. № 1. URL: http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm (дата обращения 15.11.2021).

97. *Милисевич А. С.* Интеллектуалы-радикалы: что случилось с новой социологией города? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2004. № 2.

98. *Могилевский Р. С.* Проблемы качества жизни крупного города (опыт социологического исследования) / под ред. П. Н. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

99. *Мулеев Е. Ю.* Архитектура и социология в СССР: опыт взаимодействия // Социологические исследования. 2014. № 12.

100. Мумфорд Л. От бревенчатого дома до небоскреба: очерк истории американской архитектуры. М: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936.

101. *Наберушкина Э. К.* Доступность городской среды для инвалидов // Социологические исследования. 2010. № 9.

102. *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12.

103. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

104. *Озеров И. Х.* Большие города, их задачи и средства управления. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1906.

105. *Орлова Э. А.* Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987.

106. *Осипов Г. В., Садовничий В. А.* Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. Научное издание. М.: ИСПИ РАН, 2016.

107. *Осипова Н. Г.* Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.

108. *Осипова Н. Г.* Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 2.

109. *Осипова Н. Г.* Предисловие // Современная социология: ключевые направления и векторы развития под общ. ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.

110. *Осипова Н. Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

111. *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3.

112. *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1.

113. *Парк Р.* Физика и общество // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1.

114. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

115. *Пациорковский В. В.* Социология расселения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2012. № 4.

116. *Полякова Н. Л.* Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от «социологической ортодоксии» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 4.

117. *Полякова Н. Л.* XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.

118. *Полякова Н. Л.* Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 4.

119. *Попов Е. А., Замятина О. Н., Воронина С. А.* Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 126.

120. Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку / под общ. ред. Й. Терборна. Минск: Издательский центр БГУ, 2009.

121. *Рахманов А. Б.* Туризм и структура привлекательности городов Латинской Америки // Латинская Америка. 2018. № 11.

122. *Рахманов А. Б.* Четыре колеса Апокалипсиса: причины автомобильных пробок в крупных городах мира // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58.

123. Савоскул М. С., Ткаченко А. А. Социальная география // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/geography/text/3639125 (дата обращения 14.12.2021).

124. *Савченкова В. М.* Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.

125. *Святловский В. В.* Из социальной истории человеческого жилища // Всемирные вести. 1905. №8.

126. *Семенов В. Н.* Благоустройство городов, типы городов, их развитие: идеальные города, города будущего. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912.

127. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910.

128. *Сеннет Р.* Каждый – сам себе дьявол. Париж Умбера де Романа // Логос. 2002. № 3 (34).

129. *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3.

130. *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66).

131. *Сеннет Р.* Коррозия характера. Новосибирск – Москва: ФСПИ «Тренды», 2004.

132. *Сеннет Р.* Мастер. М.: Strelka Press, 2018.

133. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

134. *Сеннет Р.* Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).

135. *Сеннет Р.* Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016.

136. *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003.

137. *Слука Н. А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005.

138. *Слюсарянский М. А., Разинский Г. В.* Стратегии поведения городского населения // Социологические исследования. 2010. № 10.

139. *Смакотина Н. Л., Гусарова З. В*. Субъективная оценка москвичами изменения качества жизни в условиях санкций // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 2.

140. *Смит Р., Бани В.* Теория символического интеракционизма и архитектура // Социологические исследования. 2010. № 9.

141. Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под общ. ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.

142. *Сойя Э.* Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3.

143. *Сойя Э*. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40).

144. Социальные результаты научно-технического прогресса в крупном городе: теоретико-методологический анализ / отв. ред. В. К. Потемкин. Л.: Наука, 1990.

145. Социологические исследования проблем города и жилища (1970-1980 гг.) / отв. ред. Б. П. Кутырев. Новосибирск: Наука, 1986.

146. *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», «Владимир Даль», 2002.

147. *Терборн Й*. Города власти: город, нация, народ, глобальность. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020.

148. *Терборн Й.* Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.

149. *Терборн Й*. Мир: руководство для начинающих. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

150. *Тилли Ч.* Формы урбанизации // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

151. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

152. *Трубина Е. Г.* Постколониальная критика и урбанистическая теория // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161).

153. *Тхакахов В. Х.* Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5.

154. *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012.

155. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

156. *Урушадзе В. О*. Города как центры промышленной, общественной и культурной жизни. Подольск: тип. Н. А. Тощакова, 1907.

157. *Файзуллин Ф. С*. Социологические проблемы города / под ред. Н. А. Аитова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981.

158. Федулов С. П. Социальная инфраструктура современного российского города // Социологические исследования. 2000. № 4.

159. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008.

160. *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995.

161. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2008.

162. *Ханна П.* Второй мир. М.: Издательство «Европа», 2010.

163. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма: актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007.

164. *Харви Д.* Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2006. № 2(6).

165. *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

166. *Хомякова К. Л.* Функционирование городов в условиях глобализации: теория Саскии Сассен // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4.

167. *Хомякова К. Л.* Миграция в условиях глобализации: современные тенденции и социальные проблемы (на примере теории Саскии Сассен) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456.

168. *Хомякова К. Л.* Концепция глобального города в современной социологии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 2.

169. Ценность города и ценности горожан / под общ. ред. Л.А. Штомпель. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019.

170. *Чернышева Л., Гизатуллина Э.* «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2021. Т. 13. № 2.

171. *Чэ Юйлинь*. Расширение городов и порождаемые этим ограничения для производства пространства // Социологические исследования. 2017. № 7.

172. *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3.

173. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017.

174. *Шкаратан О. И.* и др. Этнонациональные проблемы города. М.: Наука, 1986.

175. *Шкаратан О. И., Еремичева Г. В., Каныгин Г. В., Рябикова И. В.* Характер внепроизводственной деятельности и социальная дифференциация горожан // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 13-25.

176. *Шомина Е. С.* Контрасты американского города: социально-географические аспекты урбанизации. М.: Мысль, 1986.

177. *Штомпель Л. А.* Города, создающие нас: трансформация «культуры участия» // Градостроительное право. 2020. № 3.

178. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / в 2-х тт. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.: Университетская книга, 2001.

179. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2.

180. *Яницкий О. Н.* История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117-126.

181. *Яницкий О. Н.* Урбанизация, город, человек. М.: Знание, 1974.

182. *Яницкий О. Н.* Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987.

183. *Янкова З. А., Родзинская И. Ю.* Проблемы большого города: опыт социологического исследования. М.: Наука, 1982.

184. A companion to the city / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Blackwell, 2000.

185. *Abu-Lughod J. L.* New York, Los Angeles, Chicago: America's Global Cities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

186. *Acuto M., Seijas A., McArthur J., Robin E.* Managing Cities at Night. A Practitioner Guide to the Urban Governance of the Night-Time Economy. Bristol: Bristol University Press, 2021.

187. *Adam B.* Timescapes of Modernity, London and New York: Rouledge, 1998.

188. Age-Friendly Cities and Communities: A Global Perspective. / ed. by T. Buffel, S. Handler and Ch. Phillipson. Bristol: Bristol University Press, 2019.

189. Aging People, Aging Places: Experiences, Opportunities, and Challenges of Growing Older in Canada / ed. by M Hartt, S. Biglieri, M. Rosenberg and S. Nelson. Bristol: Bristol University Press, 2021.

190. *Albrow M.* The Global Age, Cambridge: Polity Press, 1996.

191. *Allen C.* Gentrification research and the academic nobility: a different class? // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32. № 1.

192. *Allen C.* Housing Market Renewal and Social Class. London: Routledge, 2008.

193. *Amin A., Thrift N.* Cities: Re-Imagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002.

194. *Amin A., Thrift N.* Globalisation, institutions and regional development in Europe. Oxford: Oxford University Press, 1995.

195. *Amoore L.* Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others. Durham: Duke University Press, 2020.

196. *Anderson E.* Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City. New York: W.W. Norton, 1999.

197. *Appadurai A.* Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture / ed. by M. Featherstone. London: Sage Publications, 1990.

198. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

199. *Aron R.* The Great Debate: Theories of Nuclear Strategy. Lanham: University Press of America, 1985.

200. *Arruda Campos de B. M.* Book Review: “Life Between Buildings” & “Cities for People” // The Journal of Space Syntax. 2012. Vol 3. No 1. URL: http://joss.bartlett.ucl.ac.uk/journal/index.php/joss/article/view/104/pdf (accessed: 11.12.2021).

201. *Atkinson R.* Padding the bunker: strategies of middle class disaffiliation and colonization in the city // Urban Studies. 2006. Vol. 43. № 3.

202. *Atkinson R., Blandy S.* Panic rooms: the rise of defensive homeownership // Housing Studies. 2007. Vol. 22. № 4.

203. *Aurigi A., Graham S.* Cyberspace and the city: the virtual city in Europe // A companion to the city / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Blackwell, 2000.

204. *Axelrod M.* Urban structure and social participation // American Sociological Review. 1956. Vol. 21. № 1.

205. *Baigent E.* Patrick Geddes, Lewis Mumford and Jean Gottmann: divisions over “megalopolis”// Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28. № 6.

206. *Baudrillard J.* America. London, New York: Verso, 1988.

207. *Baudrillard J.* Simulations. New York: Semiotext(e), 1983.

208. *Bauman Z.* Globalization. Cambridge: Polity Press, 1998.

209. *Beauregard R.* Richard Sennett 2018: Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Penguin Books // International Journal of Urban and Regional Research. 2019. Vol. 43. № 3.

210. *Beck U.* Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006.

211. *Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1.

212. *Beck U.* What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000.

213. *Bell W., Boat M. D.* Urban neighborhoods and informal social relations // American Journal of Sociology. 1957. Vol. 62. № 4.

214. *Berg S. W.* Grand Avenues: The Story of Pierre Charles L'Enfant, the French Visionary Who Designed Washington, D.C. New York: Pantheon Books, 2007.

215. *Biagi F.* Henri Lefebvre’s Urban Critical Theory: Rethinking the City against Capitalism // International Critical Thought. 2020. Vol. 10. № 2.

216. *Billig M.* Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995.

217. *Bissell D.* Transit Life: How Commuting is Transforming Our Cities. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 2018.

218. *Bocharnikova D., Harris S. E.* Second World Urbanity: Infrastructures of Utopia and Really Existing Socialism // Journal of Urban History. 2017. Vol. 44. № 1.

219. *Body-Gendrot S.* Ville et Violence. Paris: Presses Universitaires de France, 1993.

220. *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London. 3rd ed., 17 vols. London: Macmillan & Co., 1902-1903.

221. *Bourdieu P.* Sociology in Question. London: Sage Publications, 1993.

222. *Bowen W. M., Dunn R. A., Kasdan D. O.* What is “urban studies”? Context, internal structure, and content // Journal of Urban Affairs. 2010. Vol. 32. № 2.

223. *Brar H., Martin P., Wrench J.* Invisible Minorities. Racism in New Towns and New Contexts. Coventry: Warwick University, 1993.

224. *Braudel F.* The Perspective of The World: Civilization and Capitalism 15-18-th Century. Vol. III. London: Collins, 1984.

225. *Brenner N., Schmid C.* Towards a New Epistemology of the urban? // City. 2015. Vol. 19. № 2-3.

226. *Brenner N.* The Urban Question as a Scale Question: Reflections on Henri Lefebvre and the Politics of Scale // International Journal of Urban and Regional Research. 2000. Vol. 24. № 2.

227. *Brenner N., Theodore N.* Spaces of Neoliberalism: Urban Restructuring in North America and Western Europe. Oxford, Malden: Blackwell, 2002.

228. *Buck N., Gordon I., Hall P., Harloe M., Kleinman M.* Working Capital. Life and Labour in Contemporary London. London: Routledge, 2002.

229. *Butler T., Watt P.* Understanding Social Inequality. London: Sage Publications, 2007.

230. *Caldeira T. P. R.* City of Walls: Crime, Segregation and Citizenship in Sao Paulo. Berkeley: University of California Press, 2000.

231. *Carbonell A., Yaro R. D.* American spatial development and the new megalopolis // *Land Lines.* 2005. Vol. 17. № 2.

232. *Cardullo P, Kitchin R.* Smart urbanism and smart citizenship: The neoliberal logic of ‘citizen-focused’ smart cities in Europe // Environment and Planning C: Politics and Space. 2019. Vol. 37. № 5.

233. *Castells M.* Y a-t-il une sociologie urbaine? // Sociologie du travail. 1968. Vol. 10. № 1.

234. *Castells M.* City, Class and Power. London; New York: MacMillan; St. Martins Press, 1978.

235. *Castells M.* Communication power. Oxford, New York: Oxford University Press, 2009.

236. *Castells M.* La Question Urbaine. Paris: François Maspero, 1972.

237. *Castells M.* Local and Global: Cities in the Network Society // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. № 5.

238. *Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012.

239. *Castells M.* The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. Berkeley, CA: University of California Press, 1983.

240. *Castells M.* The Economic Crisis and American Society. Princeton: Princeton University Press, 1980.

241. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge; Oxford: Blackwell. 1996-1998.

242. *Castells M.* The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 2002.

243. *Castells M.* The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford; Malden: Blackwell, 1989.

244. *Castells M.* The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001.

245. *Castells M*. The Network Society. Oxford: Blackwell, 1996.

246. *Castells M*. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996.

247. *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age, Society and Culture. Vol. 1. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010.

248. *Castells M*. The Urban Question: A Marxist Approach. London: Edward Arnold, 1977.

249. *Castells M., Himanen P.* The Information Society and the Welfare State: the Finnish model. Oxford: Oxford University Press, 2002.

250. Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics / ed. by J. Gottmann. Beverly Hills and London: Sage Publications, 1980.

251. *Chambers I.* Border Dialogues: Journeys in Postmodernity. London and New York: Routledge, 1990.

252. Cities in Contemporary Europe / ed. by A. Bagnasco and P. Le Galè. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

253. City as an Entertainment Machine / ed. by T. N. Clark. London: JAI Press, 2003.

254. *Clark A. N.* The Penguin Dictionary of Geography. London: Penguin Books, 1998.

255. *Clarke S. E., Gaile G. L.* The Work of Cities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

256. Classic Essays on the Culture of Cities / ed. by R. Sennett. New York: Prentice-Hall, 1969.

257. *Coffin C.J., Young J*. Making Places for People: 12 Questions Every Designer Should Ask. New York – London: Routledge, 2017.

258. *Cohen R., Kennedy P.* Global Sociology. New York: New York University Press, 2007.

259. *Comstock G*. Violence Against Lesbians and Gay Men. New York: Columbia University Press, 1991.

260. *Connolly C., Ali S. H., Keil R*. On the relationships between COVID-19 and extended urbanization // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10. № 2.

261. *Corey K. E*. Jean Gottmann, 1915–1994 // Annals of the Association of American Geographers. 1995. Vol. 85. № 2.

262. *Crow G.* Community // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden, Oxford: Blackwell Publishing, 2009.

263. *Davies A. R.* Urban Food Sharing: Rules, Tools and Networks. Bristol: Policy Press, 2019.

264. *Davis M*. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. New York: Verso, 2006.

265. *De Sena J.* Protecting One's Turf: Social Strategies for Maintaining Urban Neighborhoods. Lanham: University Press of America, 1990.

266. *Dear M.* Los Angeles and the Chicago School: Invitation to a Debate // City and Community. 2002. Vol. 1. № 1.

267. *Dear M. J., Flusty S.* The Resistible Rise of the L.A. School // From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory / ed. by M.J. Dear. Thousand Oaks: Sage Publications, 2002.

268. *Debord G.* La societé du spectacle. Paris: Buchet-Chastel, 1967.

269. *DeFilippis J.* Unmaking Goliath: Community Control in the Face of Global Capital. New York: Routledge, 2004.

270. *Defries A. D.* The interpreter Geddes: the man and his gospel. London: Routledge and Sons Ltd, 1927.

271. *Dekker K., Van Kempen R.* Places and Participation: Comparing Resident Participation in Post-WWII Neighborhoods in Northwest, Central and Southern Europe // Journal of Urban Affairs. 2008. Vo. 30. № 1.

272. *Delgado M.* Role of Latina-Owned Beauty Parlors in a Latino Community // Social Work. 1997. Vol. 42. № 5.

273. *Deppisch S., Yilmaz M. C.* The Impacts of Urbanization Processes on Human Rights // Current Urban Studies. 2021. Vol. 9. № 3.

274. *Dharssi A.* Cities are places where the powerless can shape history: the Right to the City in the 21st Century // The Global Urbanist. URL: http://globalurbanist.com/2014/12/03/saskia-sassen-right-to-the-city (accessed: 05.12.2021).

275. *Donovan J.* Designing to heal: Planning and urban design response to disaster and conflict. Collingwood: Csiro publishing, 2013.

276. *Drennan M. P.* Information Economy and American Cities. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002.

277. Dual City: Restructuring New York / ed. by J. H. Mollenkopf and M. Castells. New York: Russell Sage Foundation, 1991.

278. *Dubos R. J., Dubos J.* The White Plague: Tuberculosis, Man and Society. Boston: Little, Brown and Company, 1952.

279. *Eade J., Mele C.* Understanding the City. Oxford: Blackwell, 2002.

280. *Edwards P. N.* Infrastructure and modernity: Force, time, and social organisation in the history of sociotechnical systems // Modenity and Technology / ed. by T. J. Misa, P. Brey and A. Feenberg. Cambridge: MIT Press, 2003.

281. *Eisenstadt S. N., Shachar A.* Society, Culture and Urbanization. Newbury Park: Sage Publications, 1987.

282. *Elden S.* Understanding Henri Lefebvre: Theory and the Possible. London – New York, 2004.

283. *Elden S.* The Significance of Territory // Geographica Helvetica. 2013. Vol. 68. № 1.

284. *Ellison N., Burrows R.* New spaces of (dis)engagement? Social politics, urban technologies and the re-zoning of the city // Housing Studies. 2006. Vol. 22. № 3.

285. *Fainstein S.* Justice, Politics, and the Creation of Urban Space // The Urbanization of Injustice / ed. by A. Merrifield and E. Swyngedouw. New York: New York University Press, 1997.

286. *Fainstein S. I., Gordon I. and Harloe M.* Divided City: Economic Restructuring and Social Change in London and New York. New York: Blackwell, 1993.

287. *Ferrarotti F.* Five Scenarios for the Year 2000. New York, Westport, London: Greenwood Press, 1986.

288. *Fields D.* Contesting the Financialization of Urban Space: Community Organizations and the Struggle to Preserve Affordable Rental Housing in New York City // Journal of Urban Affairs. 2014. Vo. 37. № 2.

289. *Fischer C. S.* Urbanism as a way of life: a review and an agenda // Sociological Methods and Research. 1972. № 2.

290. *Fishman R.* Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia. New York: Basic, 1987.

291. *Flint A.* Wrestling with Moses: How Jane Jacobs Took On New York's Master Builder and Transformed the American City. 2009.

292. *Florida R.* The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class-and What We Can Do About It. London: Routledge, 2017.

293. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. New York: Basic, 2002.

294. *Fraser B.* Ildefons Cerdà's Scalpel: A Lefebvrian Perspective on Nineteenth-Century Urban Planning // Catalan Review. 2011. № 25.

295. *Fraser B.* Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

296. *Friedmann J.* The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. Vol. 17. № 1.

297. *Friedmann J., Wolff G.* World City Formation: An Agenda for Research and Action // International Journal of Urban and Regional Research. 1982. № 6.

298. From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory / ed. by M.J. Dear. Thousand Oaks: Sage Publications, 2002.

299. *Fuentes G.* The real new urbanism: Engaging developing world cities // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 2.

300. *Galès P., Therborn G.* Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by Immerfall, G. Therborn. New York: Springer, 2010.

301. *Gandy M.* Cyborg urbanization: complexity and monstrosity in the contemporary city // International Journal of Urban and Regional Research 2005. Vol. 29. № 1.

302. *Gans H.* The War Against the Poor. New York: Basic Books, 1995.

303. *Gans H. J.* Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlements // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3.

304. *Gans H. J.* The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian Americans (Updated and Expanded Edition). New York: Free Press, 1982.

305. *Gans H. J.* Urban Vitality and the Fallacy of Physical Determinism // *Gans H. J.* People and Plans: Essays on Urban Problems and Solutions. New York: Basic Books, 1968.

306. *Garreau J.* Edge City: Life on the New Frontier. New York: Doubleday, 1991.

307. *Garrett B., Lourdes Melo Zurita M., Iveson K.* Boring cities // City. 2020. Vol. 24. № 1-2.

308. *Geddes P.* An educational approach – a technical approach // Ideals of science and faith / ed. by J.E. Hand. London: George Allen, 1904.

309. *Geddes P.* Cities in Evolution: An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics. London: Williams & Norgate Limited, 1915.

310. *Gehl J.* Cities for People. Washington – Covelo – London: Island Press, 2010.

311. *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. New York: Van Nostrand Reinhold, 1987.

312. *Gehl J.* Life Between Buildings: Using Public Space. Washington – Covelo – London: Island Press, 2011.

313. *Gehl J.* Livet mellem husene – udeaktiviteter og udemiljøer. Köpenhamn: Arkitektens Forlag, 1971.

314. *Gehl J., Gemzøe L.* New City Spaces. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 2001.

315. *Gehl J., Gemzøe L.* Public Spaces – Public Life. Copenhagen: The Danish Architectural Press, 1996.

316. *Gehl J., Gemzøe L., Søndergaard S. & Kirknæs B. S.* New City Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2006.

317. *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Washington – Covelo – London: Island Press, 2013.

318. Giddens A. Beyond Left and Right. Cambridge: Polity Press, 1996.

319. *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1986.

320. *Glaeser E.* Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. New York: Penguin Press, 2011.

321. *Glaeser E. L.* The new economics of urban and regional growth // Oxford Handbook of Economic Geography / ed. by G. L. Clark, M. P. Feldman and M. S. Gertler. Oxford: Oxford University Press, 2000.

322. *Gorz A.* Adieux au proletariat: au dela du socialisme. Paris: Editions Galilee, 1980.

323. *Gotham K. F.* Megalopolis // Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden: Blackwell Publishing, 2007.

324. *Gotham K. F.* The Secondary Circuit of Capital Reconsidered: Globalization and the U.S. Real Estate Sector // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 112. № 1.

325. *Gottdiener M.* The Social Production of Urban Space. Austin: University of Texas Press, 1985.

326. *Gottmann J.* A De la méthode d'analyse en géographie humaine // Annales de Géographie. 1947. Vol. 56. №°301.

327. *Gottmann J.* A Geography of Europe. New York: Henry Holt, 1950.

328. *Gottmann J.* A L'homme, la route et l'eau en Asie sud-occidentale // Annales de Géographie. 1938. Vol. 47. №°270.

329. *Gottmann J.* Capital Cities // Ekistics. 1983. Vol. 50. № 299.

330. *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952.

331. *Gottmann J.* L'Amerique. Paris: Hachette, 1949.

332. *Gottmann J.* Megalopolis Revisited: Twenty-five Years Later. College Park, Maryland: University of Maryland, Institute for Urban Studies. 1987.

333. *Gottmann J.* The Coming of the Transactional City. College Park, Maryland: University of Maryland, Institute for Urban Studies, 1983.

334. *Gottmann J.* Virginia at Mid-Century. New York: Henry Holt, 1955.

335. *Gottmann J.* Beyond Megalopolis. Tokyo: The Community Study Foundation, 1994.

336. *Gottmann J.* Capital cities // Ekistics. 1983. Vol. 50. № 299.

337. *Gottmann J.* Eléménts de géographie politique. Fascicules I et II. Paris: Les Cours du Droit, 1954-1955.

338. *Gottmann J.* Essais sur l'amenagement de l'espace habité. Paris: Mouton, 1966.

339. *Gottmann J.* Etudes sur l'Etat d'Israel et le Moyen-Orient. Paris: Arman Colin, 1959.

340. *Gottmann J.* Geography and International Relations // World Politics. 1951. Vol. 3. № 2.

341. *Gottmann J.* La Citta invincible: une confutazione dell'urbanistica negative. Milan: Franco Angeli, 1983.

342. *Gottmann J.* La generalisation des diasporas et ses consequences // *Prévélakis G.* Les réseaux des diasporas. Nicosia: Hykem – L'Harmattan, 1996.

343. *Gottmann J.* La politique des Etats et leur géographie. Paris: Arman Colin, 1952.

344. *Gottmann J.* Les marchés des matières premières. Paris: Arman Colin, 1957.

345. *Gottmann J.* Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. 1957. Vol. 33. № 3.

346. *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

347. *Gottmann J.* Space, freedom, and stability // International Political Science Review. 1984. Vol. 5. № 2.

348. *Gottmann J.* Spatial Partitioning and the Politician's Wisdom // International Political Science Review. 1980. Vol. 1. № 4.

349. *Gottmann J.* The basic problem of political geography: the organization of space and the search for stability // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 1982. Vol. 73. № 6.

350. *Gottmann J.* The Coming of the Transactional City. College Park, Maryland: University of Maryland, Institute for Urban Studies, 1983.

351. *Gottmann J.* The dynamics of city networks in an expanding world // *Ekistics*. 1991. Vol. 58. № 350/351.

352. *Gottmann J.* The evolution of the concept of territory // Social Science Information. 1975. Vol. 14. № 3/4.

353. *Gottmann J.* The role of capital cities// Ekistics. 1977. Vol. 44. № 264.

354. *Gottmann J.* The Significance of Territory. Charlottesville: University Press of Virginia, 1973.

355. *Gouldner A.* The Coming Crisis of Western Sociology. London: Heinemann, 1972.

356. *Graham S.* Enigmatic Presence: Satellites and the Vertical Spatialities of Security // Spaces of Security: Ethnographies of Securityscapes, Surveillance, and Control / ed. by S. Low and M. Maguire. New York: New York University Press, 2019.

357. *Graham S., Marvin S.* Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. London: Routledge, 2001.

358. *Grama E.* Socialist heritage: the politics of past and place in Romania. Bloomington: Indiana University Press, 2019.

359. *Grant J. L., Mittelsteadt L.* Types of Gated Communities // Environment and Planning B: Planning and Design. 2004. Vol. 31. № 6.

360. *Gratz R. B.* The Battle for Gotham: New York in the Shadow of Robert Moses and Jane Jacobs. New York: Nation Books, 2010.

361. *Green D., Strolovitch D., Wong J.* Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104. № 2.

362. *Griswold W., Wright N.* Cowbirds, Locals, and the Dynamic Endurance of Regionalism // American Journal of Sociology. 2004. Vol. 109. № 6.

363. *Gugler J.* World Cities Beyond the West. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

364. *Hall P.* Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century. Oxford: Blackwell, 1996.

365. *Hall P.* Global city-regions in the 21st century // Global City-Regions: Trends, Theory, Policy ed. by A. J. Scott. New York: Oxford University Press, 2001.

366. *Hall P.* The Global City // International Social Science Journal. 1996. Vol. 147.

367. *Hall P.* The World Cities. London: World University Library, Weidenfeld and Nicholson, 1966.

368. *Hall P. G.* The containment of urban England. London: George Allen and Unwin, 1973.

369. *Hall P., Pain K.* The Polycentric Metropolis. Learning from Mega-city Regions in Europe. London: Earthscan, 2006.

370. *Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005.

371. *Harvey D.* Consciousness and the Urban Experience. Oxford – New York: Basil Blackwell and Johns Hopkins University Press, 1985.

372. *Harvey D.* Cosmopolitanism and the Geographies of Freedom. New York: Columbia University Press, 2009.

373. *Harvey D.* Explanation in Geography. London: Edward Arnold and St Martin's Press, 1969.

374. *Harvey D.* From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation of Urban Governance in Late Capitalism // Geografiska Annaler. 1989. Series B. Human Geography. Vol. 71. № 1.

375. *Harvey D.* Justice, Nature and the Geography of Difference. Oxford: Basil Blackwell, 1996.

376. *Harvey D.* Marx, Capital and the Madness of Economic Reason. London: Profile Books Ltd, 2017.

377. *Harvey D.* Paris, Capital of Modernity. New York: Routledge, 2003.

378. *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012.

379. *Harvey D.* Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. London: Profile Books Ltd, 2014.

380. *Harvey D.* Social Justice and the City. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.

381. *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009.

382. *Harvey D.* Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. Edinburgh: Edinburgh University Press; Berkeley: University of California Press, 2001.

383. *Harvey D.* Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006.

384. *Harvey D.* Spaces of Hope. Edinburgh: Edinburgh University Press; Berkeley: University of California Press, 2000.

385. *Harvey D.* The Anti-Capitalist Chronicles. London: Pluto Press, 2020.

386. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford – Malden: Wiley-Blackwell, 1989.

387. *Harvey D.* The Limits to Capital. Oxford – Chicago: Basil Blackwell and University of Chicago Press, 1982.

388. *Harvey D.* The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

389. *Harvey D.* The Right to the City // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006.

390. *Harvey D.* The Right to the City // New Left Review. № 53. September-October 2008.

391. *Harvey D.* The Urbanization of Capital. Oxford – New York: Basil Blackwell and Johns Hopkins University Press, 1985.

392. *Harvey D.* The Ways of the World. London: Profile Books Ltd, 2016.

393. *Hatherley O.* Comparing Capitals // New Left Review. May-June 2017. № 105. URL: https://newleftreview.org/II/105/owen-hatherley-comparing-capitals (accessed: 09.12.2021).

394. *Heinzlef Ch., Robertc B., Hémonde Y., Serre D.* Operating urban resilience strategies to face climate change and associated risks: some advances from theory to application in Canada and France // Cities. 2020. № 104.

395. *Hertz N.* The silent takeover: global capitalism and the death of democracy. London: Heinemann Publishing, 2001.

396. *Hirt S.* Jane Jacobs, Urban Visionary // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / ed. by S. Hirt, D. Zahm. New York: Routledge, 2012.

397. *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1965.

398. *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1902.

399. *Hunter A.* Symbolic Communities: The Persistence and Change of Chicago's Local Communities. Chicago: University of Chicago Press, 1974.

400. *Husock H.* Jane Jacobs's Legacy // City Journal. 2009. July. URL: https://www.city-journal.org/html/jane-jacobs%E2%80%99s-legacy-9578.html (accessed: 30.11.2021).

401. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. Modern Library Edition. New York: Random House, 1993.

402. *Jacobs J.* A Schoolteacher in Old Alaska – The Story of Hannah Breece. New York: Vintage Books, 1997.

403. *Jacobs J.* Cities and the Wealth of Nations: Principles of Economic Life. New York: Random House, 1984.

404. *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Random House, 2004.

405. *Jacobs J.* Downtown is for people // Fortune. 1958. № 57 (April).

406. *Jacobs J.* Systems of Survival: A Dialogue on the Moral Foundations of Commerce and Politics. New York: Random House, 1992.

407. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961.

408. *Jacobs J.* The Economy of Cities. New York: Random House, 1969.

409. *Jacobs J.* The Economy of Cities. Toronto: Vintage Canada Edition, 1970.

410. *Jacobs J.* The Girl on the Hat. Toronto, Oxford University Press, 1989.

411. *Jacobs J.* The Nature of Economies. New York: Random House, 2000.

412. *Jacobs J.* The Question of Separatism: Quebec and the Struggle over Sovereignty. Montreal: Baraka Books, 1980.

413. *James A. C.* Don't stand so close to me: Public spaces, behavioral geography, and COVID-19 // Dialogues in Human Geography. 2020. Vol. 10. № 2.

414. Jane Jacobs: The Last Interview: and Other Conversations. New York: Melville House, 2016.

415. *Janowitz M.* The Community Press in an Urban Setting. Chicago: University of Chicago Press, 1951.

416. *Jazeel T.* Urban Theory with an Outside // Environment and Planning D: Society and Space. 2018. Vol. 36. № 3.

417. *Jordan D. P.* The City: Baron Haussmann and Modern Paris // The American Scholar. 1992. Vol. 61. № 1.

418. *Kanigel R.* Eyes on the Street: The Life of Jane Jacobs. New York: Random House, 2016.

419. *Kasarda J. D., Janowitz M.* Community Attachment in Mass Society // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 3.

420. *Katz B., Nowak J.* The New Localism: How Cities Can Thrive in the Age of Populism. Washington: Brookings Institution Press, 2017.

421. *Kellett J. R.* Municipal Socialism, Enterprise and Trading in the Victorian City // Urban History. 1978. № 5.

422. *Kelly M.* Obituary. Henri Lefebvre, 1901-1991 // Radical Philosophy. 1992. № 60 (Spring).

423. *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.

424. *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016.

425. *Khanna P.* How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance. New York: Random House, 2011.

426. *Khanna P.* Move: The Forces Uprooting Us. New York: Scribner, 2021.

427. *Khanna P.* Technocracy in America: Rise of the Info-State. North Charleston: CreateSpace, 2017.

428. *Khanna P.* The Future Is Asian: Global Order in the Twenty-first Century. London: Weidenfeld & Nicolson, 2019.

429. *Khanna P.* The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008.

430. *Khanna P., Khanna A.* Hybrid Reality: Thriving in the Emerging Human-Technology Civilization. TED Conferences, 2012.

431. *King A. D.* Urbanism, Colonialism, and the World Economy. Culture and Spatial Foundations of the World Urban System. The International Library of Sociology. London and New York: Routledge, 1990.

432. *Kirkland S.* Paris reborn: Napoléon III, Baron Haussmann, and the quest to build a modern city. New York: St. Martin's Griffin, 2013.

433. *Kitchin R., Dodge M.* The (In)Security of Smart Cities: Vulnerabilities, Risks, Mitigation, and Prevention // Journal of Urban Technology. 2019. Vol. 26. № 2.

434. *Kitchin R.* Data Lives. How Data Are Made and Shape Our World. Bristol: Bristol University Press, 2021.

435. *Kitchin R.* The Realtimeness of Smart Cities // Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies. Vol. 8. № 2.

436. *Kitchin R.* The ethics of smart cities and urban science // Philosophical Transactions of the Royal Society A. 2016. Vol. 374. № 2083.

437. *Klein N.* No logo: No Space, No Choice, No Jobs. London: Flamingo, 2000.

438. *Klinenberg E.* Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

439. *Kofman E., Lebas E.* Lost in Transposition – Time, Space and the City // Henri Lefebvre: Writings on Cities / ed. by E. Kofman and E. Lebas. Oxford: Blackwell, 1996.

440. *Kohn M.* Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. New York: Routledge, 2004.

441. Kommunikation-Gedachtnis-Raum: Kulturwissenschaften nach dem «spatial turn» / ed. by M. Csaky and Ch. Leitgeb. Bielefeld: Transcript, 2009.

442. *Kornblum W.* Blue-Collar Community. Chicago: University of Chicago Press, 1974.

443. *Kropotkin P.* Fields, Factories, and Workshops. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1898.

444. *Logan J. R., Molotch H. L.* Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, 1987.

445. *Lampard E. E.* Historical Aspects of Urbanization // The Study of Urbanization / ed. By Ph. M. Hauser and L. F. Schnore. New York: John Wiley & Sons, 1965.

446. *Lang G., Wunsch M.* Genius of Common Sense. 2009.

447. *Lang R. E.* Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis. Washington: Brookings Institution Press, 2003.

448. *Lang R., Knox P. K.* The New Metropolis: Rethinking Megalopolis // Regional Studies. 2009. Vol. 43. № 6.

449. *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. London: Sage Publications, 1994.

450. *Laurence P. L.* Becoming Jane Jacobs. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.

451. *Laurence P. L.* The Death and Life of Urban Design: Jane Jacobs, The Rockefeller Foundation and the New Research in Urbanism, 1955–1965// Journal of Urban Design. 2006. Vol. 11. № 2 (June).

452. *Le* Galès *P., Harding A.* Cities and states in Europe // West European Politics. 1998. Vol. 21. № 3.

453. *Lee J.* Civility in the City: Blacks, Jews, and Koreans in Urban America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

454. *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne II: Fondements d'une sociologie de la quotidienneté. Paris: L'Arche, 1961.

455. *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne III: De la modernité au modernisme. Paris: L'Arche, 1981.

456. *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne. Paris: Grasser, 1947.

457. *Lefebvre H.* Critique of Everyday Life (The One-Volume Edition). London and New York: Verso, 2014.

458. *Lefebvre H.* De l'État. Paris: Union Generale d'Editions, 1976-1978.

459. *Lefebvre H.* Espace et politique. Paris, 1973.

460. *Lefebvre H.* Hegel, Marx, Nietzsche, ou le royaume des ombres. Paris-Tournai: Casterman, 1975.

461. *Lefebvre H.* Hitler au pouvoir, bilan de cinq annees de fascisme en Allemagne. Paris: Bureau d'Editions, 1938.

462. *Lefebvre H.* Introduction a la modernité. Paris: Minuit, 1962.

463. *Lefebvre H.* La fin de l'histoire. Paris: Minuit, 1970.

464. *Lefebvre H.* La pensée marxiste et la ville. Paris-Tournai: Casterman, 1972.

465. *Lefebvre H.* La production de l'espace. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000.

466. *Lefebvre H.* La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970.

467. *Lefebvre H.* La vallée de Campan – Etude de sociologie rurale. Paris: PUF, 1963.

468. *Lefebvre H.* La vie quotidienne dans le monde moderne. Paris: Gallimard, 1968.

469. *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015.

470. *Lefebvre H.* Le marxisme. Paris: PUF, 1948.

471. *Lefebvre H.* Le Matérialisme Dialectique. Paris: Alcan, 1939.

472. *Lefebvre H.* Le nationalisme contre les nations. Paris: Editions Sociales Internationales, 1937.

473. *Lefebvre H.* Le temps des meprises. Paris: Stock, 1975.

474. *Lefebvre H.* Marx et la liberte. Geneva: Trois Collines, 1947.

475. *Lefebvre H.* Marx. Paris: PUF, 1964.

476. *Lefebvre H.* Problemes actuels du marxisme. Paris: PUF, 1958.

477. *Lefebvre H.* Right to the City. Oxford: Blackwell, 1996.

478. *Lefebvre H.* Sociology of Marx. Paris: PUF, 1966.

479. *Lefebvre H.* The production of space. Oxford: Blackwell, 1991.

480. *Lefebvre H.* The Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

481. *Lefebvre H.* Toward an Architecture of Enjoyment. Minneapolis: University of Minnesota, 2014.

482. *Lefebvre H.* Trois textes pour le theatre. Paris: Anthropos, 1972.

483. Letters of Lewis Mumford and Frederick J. Osborn: A Transatlantic Dialogue, 1938-70 / ed. by M. Hughes. New York: Praeger, 1972.

484. *Lloyd R.* Neo-Bohemia: Art and Commerce in the Postindustrial City. New York: Routledge, 2006.

485. *Logan J., Molotch H.* The City as a Growth Machine// Urban fortunes. The political economy of space. Berkely: University of California Press. 1988.

486. *Luccarelli M.* Lewis Mumford (1895-1990) // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by G. Ritzer. Malden, Oxford: Blackwell Publishing, 2009.

487. *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge: MIT Press, 1960.

488. *Lynd R. S., Lynd H. M.* Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1937.

489. *Lynd R. S., Lynd H. M.* Middletown: A Study in American Culture. New York: Harcourt, Brace, and Company, 1929.

490. *Lyon D.* Rhythmanalysis: Research Methods. London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2021.

491. *Maçães B.* Belt and Road: A Chinese World Order. London: Hurst, 2018.

492. *Mackenzie E*. Privatopia: Homeowner Associations and the Rise of Residential Private Government. New Haven and London: Yale University Press, 1994.

493. *Malaurie J.* La mort de Jean Gottmann. Honneur à l'homme seul // Le Monde diplomatique. 1994. Juin.

494. *Mann M*. The Sources of Social Power. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

495. *Marcuse P*. The forms of power and the forms of cities: building on Charles Tilly // Theory and Society. 2010. Vol. 39. № 3/4. Special Issue in Memory of Charles Tilly (1929–2008): Cities, States, Trust, and Rule.

496. *Marshall T. H., Bottomore T.* Citizenship and Social Class. London: Pluto, l992.

497. *Marshall T*. Transforming Barcelona: the renewal of a European metropolis. London: Routledge, 2004.

498. *Marwell N*. Bargaining for Brooklyn: Community Organizations in the Entrepreneurial City. Chicago: University of Chicago Press, 2007.

499. *Marwell N*. Privatizing the Welfare State: Nonprofit Community-Based Organizations as Political Actors // American Sociological Review. 2004. Vol. 69. № 2.

500. *Massey D., Denton N.* American Apartheid. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

501. *Matan A., Newman P*. People Cities: The Life and Legacy of Jan Gehl. Washington – Covelo – London: Island Press, 2016.

502. *May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M*. The Future of Urban Sociology // Sociology. 2005. Vol. 39. № 2.

503. *McNeill D.* Urban change and the European left: tales from the new Barcelona. London; New York: Routledge, 1999.

504. *McQuarrie M., Marwell N. P*. The Missing Organizational Dimension in Urban Sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. № 3.

505. *Merryfield A.* The New Urban Question. London, Pluto Press, 2014.

506. *Milicevic A. S.* Radical Intellectuals: What Happened to the New Urban Sociology? // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 4.

507. *Miller T.* China's Asian Dream: Empire Building along the New Silk Road. London: Zed Books, 2017.

508. *Mitchell D*. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guilford Press, 2003.

509. Mobile technologies of the city / ed. by M. Sheller and J. Urry. New York: Routledge, 2006.

510. *Mollenkopf J. H*. The contested city. Princeton: Princeton University Press, 1983.

511. *Molotch H. L.* Capital and Neighborhood in the United States: Some Conceptual Links // Urban Affairs Review. 1979. Vol. 14. № 3.

512. *Molotch H. L.* Los Angeles as Design Product: How Art Works in a Regional Economy // The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century / ed. by A. J. Scott and E. J. Soja. Berkeley: University of California Press, 1996.

513. *Molotch H. L.* Managed Integration: Dilemmas of Doing Good in the City. Berkeley: University of California Press, 1972.

514. *Molotch H. L., Freudenburg W., Paulson K. E.* History Repeats Itself, But How? City Character, Urban Tradition, and the Accomplishment of Place // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. № 6.

515. *Morris R. N.* Urban Sociology. New York: Frederick A. Praeger, 1968.

516. Mumford // Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition. HarperCollins Publishers, 2014.

517. Mumford // Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016.

518. *Mumford L.* Art and technics. New York: Columbia University Press, 1952.

519. *Mumford L.* City Development: Studies in Disintegration and Renewal. New York: Harcourt, Brace and Co., 1945.

520. *Mumford L.* Faith for Living. New York: Harcourt, Brace and Co., 1940.

521. *Mumford L.* Findings and Keepings: Analects for an Autobiography. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.

522. *Mumford L.* Green Memories: The Story of Geddes Mumford. New York: Harcourt, Brace and Co., 1947.

523. *Mumford L.* Home Remedies for Urban Cancer // *Mumford L.* The Urban Prospect. 1968.

524. *Mumford L.* Home Remedies for Urban Cancer // The Lewis Mumford Reader. 1986.

525. *Mumford L.* In the Name of Sanity. New York: Harcourt, Brace and Co., 1954.

526. *Mumford L.* Men Must Act. New York: Harcourt, Brace and Co., 1939.

527. *Mumford L.* My Works and Days: A Personal Chronicle. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1979.

528. *Mumford L.* Sketches from Life: The Autobiography of Lewis Mumford: The Early Years. Boston: Beacon Press, 1982.

529. *Mumford L.* Sticks and Stones: A Study of American Architecture and Civilization. New York: Boni and Liveright, 1924.

530. *Mumford L.* Technics and Civilization. New York: Harcourt, Brace and Co., 1934.

531. *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.

532. *Mumford L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. San Diego, New York, London: A Harvest Book Harcourt Inc., 1989.

533. *Mumford L.* The Condition of Man. New York: Harcourt, Brace and Co., 1944.

534. *Mumford L.* The Conduct of Life. New York: Harcourt, Brace and Co., 1951.

535. *Mumford L.* The Culture of Cities. New York: Harcourt, Brace and Co., 1938.

536. *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

537. *Mumford L.* The Future of Technics and Civilization. London: Freedom Press, 1986.

538. *Mumford L.* The Highway and the City. New York: Harvest Book, Harcourt, Brace and World, 1963.

539. *Mumford L.* The myth of the machine. Vol. I. Technics and Human Development. New York: Harcourt, Brace and World, 1967. Vol. II. The Pentagon of Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

540. *Mumford L.* The Story of Utopias. New York: Boni and Liveright, 1922.

541. *Mumford L.* The Transformations of Man. New York: Harper and Row, 1956.

542. *Mumford L.* The Urban Prospect. New York: Harcourt, Brace and World, 1968.

543. *Mumford L.* The Values for Survival: Essays, Addresses, and Letters on Politics and Education. New York: Harcourt, Brace and Co., 1946.

544. *Munshi I.* Patrick Geddes: Sociologist, Environmentalist and Town Planner // Economic and Political Weekly. 2000. Vol. 35. № 6.

545. *Muscarà L.* Territory as a Psychosomatic Device: Gottmann's Kinetic Political Geography // Geopolitics. 2005. Vol. 10. № 1.

546. Network Society: a Cross-Cultural Perspective / ed. by Manuel Castells. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2004.

547. Network Society: from Knowledge to Policy / ed. by Manuel Castells and Gustavo Cardoso. Washington, WA: Johns Hopkins for Transantlantic Relations, 2006.

548. Networked Urbanism: Social Capital and the City / ed. by T. Blokland, M. Savage. Aldershot: Ashgate, 2008.

549. *Newman P.* Cool planning: How urban planning can mainstream responses to climate change // Cities. 2020. № 103.

550. *Novak F. G.* The Autobiographical Writings of Lewis Mumford: A Study in Literary Audacity. Honolulu: University of Hawaii Press, 1988.

551. *Olalquiaga C.* Megalopolis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992.

552. *Oldfield S., Stokke K.* Political Polemics and Local Practices of Community Organizing and Neoliberal Politics in South Africa // Contesting Neoliberalism: Urban Frontiers / ed. by H. Leitner, J. Peck, and E. S. Sheppard. New York: Guilford Press, 2007.

553. *Oliveira V.* Urban Morphology: An Introduction to the Study of the Physical Form of Cities. Cham: Springer, 2016.

554. Oxford Dictionary of Sociology / ed. by J. Scott and G. Marshall. Third edition revised. Oxford University Press, 2009.

555. *Palen J.J.* The Urban World. London: Paradigm Publishers, 2008.

556. *Park R. E.* Human Ecology // Robert E. Park on Social Control and Collective Behavior: Selected Papers / ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

557. *Park R. E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment // American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5.

558. *Park R. E.* The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // The Urban Community: Selected papers from the proceedings of the American sociological society, 1925 / ed. by E. W. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1926.

559. *Park R. E., Burgess E. W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1921.

560. *Park R. E., Burgess E. W., Mackenzie R. W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

561. *Parker S.* Urban Theory and Urban Experience: Encountering the City. London: Routledge, 2003.

562. *Parker S., Uprichard E., Burrows R.* Class places and place classes: geodemographics and the spatialisation of class // Information, Communication and Society. 2007. Vol. 10. № 6.

563. *Parsons T.* The System of Modern Societies. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971.

564. *Pattillo M.* Black on the Block: The Politics of Race and Class in the City. Chicago: University of Chicago Press, 2007.

565. *Peck J., Tickell A.* Searching for a New Institutional Fix: The After-Fordist Crisis and the Global-Local Disorder // Post-Fordism: A Reader / ed. by A. Amin. Oxford, Malden: Blackwell, 1994.

566. *Perry B., Harding A.* The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. № 4.

567. Post-Metropolitan Territories: Looking for a New Urbanity / ed. by A. Balducci, V. Fedeli, F. Curci. London, New York: Routledge, 2017.

568. *Purcell M.* Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // GeoJournal. 2002. Vol. 58. № 2-3.

569. *Rahm E.* The Nation City: Why Mayors Are Now Running the World. New York: Alfred A. Knopf, 2020.

570. *Read S.* Intensive urbanisation: Levels, networks and central places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. № 1.

571. *Reissman L.* The Urban Process. Glencoe: The Free Press, 1964.

572. Remaking reality: nature at the millennium / ed. by B. Braun and N. Castree. London and New York: Routledge, 1998.

573. Research in Urban Sociology (Vol. 4): New Directions in Urban Sociology / ed. by R. Hutchinson. Greenwich: JAI Press, 1997.

574. *Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York: G. P. Putnam's Sons, 1995.

575. *Robertson R.* Globalization or glocalization? // Journal of International Communication. 1994. Vol. 1. № 1.

576. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992.

577. *Robinson J.* Ordinary cities: Between Modernity and Development. London, Routledge, 2006.

578. *Rodriguez N. P., Feagin J. R.* Urban Specialization in the World System // Urban Affairs Quarterly. 1986. Vol. 22. № 2.

579. *Rolland N.* Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Seattle and Washington: The National Bureau of Asian Research, 2017.

580. *Sanchez-Jankowski M.* Cracks in the Pavement: Social Change and Resilience in Poor Neighborhoods. Berkeley: University of California Press, 2008.

581. *Sanguin A. L., Prevelakis G.* Jean Gottmann (1915-1994), un pionnier de la géographie politique // Annales de Géographie. 1996. Vol. 105, № 587.

582. *Santos M. M., Lanzinha J. C. G., Ferreira A. V.* Review on urbanism and climate change // Cities. 2021. № 114.

583. *Sassen S.* A Sociology of Globalization. New York: W.W. Norton, 2007.

584. *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage Publications, Pine Forge Press, 1994.

585. *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage Publications, Pine Forge Press, 2000.

586. *Sassen S.* Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage Publications, Pine Forge Press, 2012.

587. *Sassen S.* Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014.

588. *Sassen S.* Globalization and its Discontents. Essays on the Mobility of People and Money. New York: New Press, 1998.

589. *Sassen S.* Guests and Aliens. New York: New Press, 1999.

590. *Sassen S.* Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. New York: Columbia University Press, 1996.

591. *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1.

592. *Sassen S.* Seeing Like a City / The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank's Alfred Herrhausen Society / ed. by R. Burdett and D. Sudjic. London, NY: Phaidon Press Ltd, 2007.

593. *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006.

594. *Sassen S.* The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016.

595. *Sassen S.* The Global City: Introducing a Concept // The Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. XI. № 2. Winter/Spring.

596. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 1991.

597. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.

598. *Sassen S.* The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

599. *Sassen S.* The New Labor Demand in Global Cities / Cities in Transformation / ed. by M. P Smith. Beverly Hills: Sage Publications, 1984.

600. *Sassen S.* What Would Jane Jacobs See in the Global City? Place and Social Practices // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / ed. by S. Hirt, D. Zahm. New York: Routledge, 2012.

601. *Savage M.* Class Analysis and Social Transformation. Milton Keynes: Open University Press, 2000.

602. *Savage M., Bagnall G., Longhurst B.* Globalisation and Belonging. London: Sage Publications, 2005.

603. *Savage M., Warde A., Warde K.* Urban Sociology, Capitalism and Modernity. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

604. *Savage M.* The Lost Urban Sociology of Pierre Bourdieu // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2011.

605. *Sayer A.* The difference that space makes // Social relations and spatial structures / ed. by D. Gregory and J. Urry. Basingstoke: Macmillan, 1985.

606. *Scott A. J.* Metropolis: from the division of labour to the urban form. Berkeley: University of California Press, 1988.

607. *Searing H.* With red flags flying: Housing in Amsterdam // Art and Architecture in the Service of Politics / ed. by H. Millon and L. Nochlin. MA: MIT Press, 1978.

608. *Sendra P., Sennett R.* Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City. London: Verso, 2020.

609. *Sennett R.* Building and Dwelling: Ethics for the City. London: Allen Lane (Penguin Books), 2018.

610. *Sennett R.* Capitalism and the City: Globalization, Flexibility, and Indifference // Cities of Europe: changing contexts, local arrangements, and the challenge to urban cohesion / ed. by Y. Kazepov. Oxford: Blackwell Publishing, 2005.

611. *Sennett R.* Families Against the City: Middle Class Homes of Industrial Chicago, 1872-1890. New York: Vintage Books, 1974.

612. *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York, London: W. W. Norton & Company, 1994.

613. *Sennett R.* The Conscience of the Eye: The Design and Social Life of Cities. London: W.W. Norton and Company, 1992.

614. *Sennett R.* The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York, London: W.W. Norton Company, 1998.

615. *Sennett R.* The Craftsman. New Haven: Yale University Press, 2008.

616. *Sennett R.* The Culture of the New Capitalism. New Haven: Yale University Press, 2006.

617. *Sennett R.* The Fall of Public Man. London: Penguin Books, 2002.

618. *Sennett R.* The Foreigner: Two Essays on Exile. London: Notting Hill Editions Ltd, 2011.

619. *Sennett R.* The Uses of Disorder. Personal Identity and City Life. New York: Knopf, 1970.

620. *Sennett R.* Together: The Rituals, Pleasures, and Politics of Cooperation. New Haven: Yale University Press, 2012.

621. *Short J. F*. The Social Fabric of the Metropolis. Chicago: University of Chicago Press, 1971.

622. *Short J. R., Kim Y.-H.* Globalization and the City, Essex: Longman, 1999.

623. *Shuper V. A., Kolosov V. A., Fedorov G. M.* Jean Gottmann as a Visionary and a Critic // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5. № 2S. Special Issue.

624. *Simmel G*. The Sociology of Space // Simmel on Culture: Selected Writings / ed. by D. Frisby and M. Featherstone. London – Thousand Oaks: Sage Publications, 1997.

625. *Simmel G*. Sociology. Inquiries into the Construction of Social Forms. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2009.

626. Since Megalopolis: The Urban Writings of Jean Gottmann / ed. by J. Gottmann, R. A. Harper. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1990.

627. *Sites W*. Remaking New York: Primitive Globalization and the Politics of Urban Community. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

628. *Sjoberg G*. Comparative Urban Sociology // Sociology Today: Problems and Prospects / ed. by R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. New York: Basic Books, 1959.

629. *Sklair L*. The Icon Project: Architecture, cities, and capitalist globalization. New York and Oxford: Oxford University Press, 2017.

630. *Slater T*. Shaking Up the City: Ignorance, Inequality, and the Urban Question. Oakland: University of California Press, 2021.

631. *Small M. L.* Villa Victoria: The Transformation of Social Capital in a Boston Barrio. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

632. *Smith N.* Foreword // Lefebvre H. The Urban Revolution. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2003.

633. Social nature: theory, practice and politics / ed. by N. Castree and B. Braun. New York and London: Blackwell, 2001.

634. *Soja E. W.* My Los Angeles: From Urban Restructuring to Regional Urbanization. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2014.

635. *Soja E. W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Oxford, Malden: Blackwell, 2000.

636. *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989.

637. *Soja E. W.* Regional urbanization and the end of the Metropolis era // The New Blackwell Companion to the City / ed. by G. Bridge and S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.

638. *Soja E. W.* Seeking Spatial Justice. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2010.

639. *Soja E. W.* Taking space personally // The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008.

640. *Soja E. W.* The Geography of Modernization in Kenya: A Spatial Analysis of Social, Economic, and Political Change. Syracuse: Syracuse University Press, 1968.

641. *Soja E. W.* The Socio-Spatial Dialectic // Annals of the Association of American Geographers. June 1980. Vol. 70. № 2.

642. *Soja E. W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Malden: Blackwell, 1996.

643. *Soja E. W.* Writing the city spatially // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2003. Vol. 7. № 3.

644. *Soja E. W., Scott A.J.* Introduction to Los Angeles: City and Region // The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century / ed. by A. J. Scott, E. W. Soja. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1998.

645. Spaces of Security: Ethnographies of Securityscapes, Surveillance, and Control / ed. by S. Low and M. Maguire. New York: New York University Press, 2019.

646. *Sparberg Alexiou A.* Jane Jacobs: Urban Visionary. Rutgers University Press, 2006.

647. Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / ed. by J. Doring and T. Thielmann. Bielefeld: Transcript, 2008.

648. Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008.

649. *Srinivas S.* Landscapes of Urban Memory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.

650. *Stock W. G.* Informational Cities: Analysis and Construction of Cities in the Knowledge Society // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. № 62(5).

651. *Storper M.* The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. New York: Guilford, 1997.

652. Storper M., Walker R. The capitalist imperative: territory, technology and industrial growth. Oxford: Blackwell, 1989.

653. *Suttles G.* The Social Order of the Slum. Chicago: University of Chicago Press, 1968.

654. *Talen E.* New Urbanism and American Planning: The Conflict of Cultures. New York: Routledge, 2005.

655. *Taylor P. J.* Embedded statism and the social sciences: opening up to new spaces // Environment and Planning A. 1996. Vol. 28. № 11.

656. *Taylor P. J.* Extraordinary cities: Early “city-ness” and the origins of Agriculture and States // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36. № 3.

657. *Taylor P. J.* Modernities: A Geographical Interpretation. Cambridge: Polity Press, 1999.

658. *Taylor P. J.* World City Network: a Global Urban Analysis. London: Routledge, 2004.

659. Theories of Urban Politics / ed. by D. Judge, G. Stoker and H. Wolman. London: Sage Publications, 1995.

660. *Therborn G.* “Global Cities”, World Power, and the G20 Capital Cities // Cities and Crisis: New Critical Urban Theory / ed. by K. Fujita. London: Sage Publications, 2013.

661. *Therborn G.* At the Birth of Second Century Sociology. Times of Reflexivity, Spaces of Identity, and Nodes of Knowledge // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1.

662. *Therborn G.* Between Sex and Power: Family in the World, 1900-2000. London: Routledge, 2004.

663. *Therborn G.* Borgarklass och byråkrati i Sverige. Lund: Arkiv, l989.

664. *Therborn G.* Capital Politics: Why and How Place Matters // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / ed. by R. E. Goodin, Ch. Tilly. New York: Oxford University Press, 2006.

665. *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017.

666. *Therborn G.* Eastern drama. Capital cities of Eastern Europe, 1830-2006. International Review of Sociology. 2006. Vol. 16. № 2.

667. *Therborn G.* End of A Paradigm. The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43. № 2.

668. *Therborn G.* Europe and Asia: in the global political economy and in the world as a cultural system // Asia and Europe in globalization: continents, regions, and nations / ed. by G. Therborn and H. H. Khondker. Leiden, Boston: Brill, 2006.

669. *Therborn G.* European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945-2000. London: Sage Publications, 1995.

670. *Therborn G.* European Roads to Modernity and Their National Capitals // New Europe. Growth to Limits / ed. by S. Eliaeson and N. Georgieva. Oxford: Bardwell Press, 2010.

671. *Therborn G.* From Marxism to Post-Marxism? London: Verso, 2008.

672. *Therborn G.* Identity and Capital Cities: European Nations and the European Union // The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union / ed. by F. Cerutti and S. Lucarelli. London and New York: Routledge, 2008.

673. *Therborn G.* Klasser och ekonomiska system. Staffanstorp: Cavefors, l971.

674. *Therborn G.* Klasstrukturen i Sverige l930-l980. Lund: Zenit, l981.

675. *Therborn G.* Monumental Europe: on the iconography of European capital cities // Housing, Theory and Society. 2002. Vol. 19, № 1.

676. *Therborn G.* Peripecias de la modernidad. Buenos Aires: Imago Mundi, 1992.

677. *Therborn G.* Science, Class and Society: On the Formation of Sociology and Historical Materialism. London: Verso, 1976.

678. *Therborn G.* Teorías Contemporáneas del Estado. Maracaibo: Vadell Hermanos and University of Zulia, l990.

679. *Therborn G.* The Ideology of Power and the Power of Ideology. London: Verso, 1980.

680. *Therborn G.* The Killing Fields of Inequality. Cambridge: Polity Press, 2013.

681. *Therborn G.* The World: A Beginner's Guide. Cambridge: Polity Press, 2011.

682. *Therborn G.* Vad är bra värderingar värda? Staffanstorp: Cavefors, l973.

683. *Therborn G.* What Does the Ruling Class do When it Rules? State Apparatuses and State Power under Feudalism, Capitalism and Socialism. London: Verso, 1978.

684. *Therborn G.* Why Some Peoples are More Unemployed than Others: the Strange Paradox of Growth and Unemployment. London: Verso, 1986.

685. *Therborn G., Bekker S.* Conclusion // Capital cities in Africa: Power and powerlessness / ed. by S. Bekker, G. Therborn. Dakar, Cape Town: CODESRIA, HSRC, 2011.

686. *Therborn G., Broertje P.* Ghetto's in Holland? Amsterdam: Uitgeverij Van Gennep, 1989.

687. *Therborn G., Ho K. Ch.* Capital cities and their contested roles in the life of nations: Introduction // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2009. Vol. 13. № 1.

688. *Thomas W. I.* On Social Organization and Social Personality. Selected Papers / ed. and with an Introduction by M. Janowitz. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

689. *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. New York: Knopf, 1918.

690. *Tilly Ch.* The Forms of Urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / ed. by T. Parsons. New York: Basic Books, 1968.

691. *Tilly Ch.* The State of Urbanization // Comparative Studies in Society and History. 1967. Vol. 10. № 1.

692. *Tilly Ch.* Three Visions of History and Theory // History and Theory. 2007. Vol. 46. № 2.

693. *Tilly Ch.* What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. № 6.

694. *Touraine A.* Sociology after sociology // European journal of social theory. Vol. 10. № 2.

695. *Touraine A.* Sociology without Societies // Current Sociology. 2003. Vol. 51. № 2.

696. *Thrift N.* Killer Cities. London: Sage Publications, 2021.

697. Unsettling Cities / ed. by J. Allen, D. Massey and M. Pryke. New York: Routledge, 1999.

698. Urban Lifeworld: Formation, Perception, Representation / ed. by P. Madsen and R. Plunz. London: Routledge, 2001.

699. Urban Machinery: Inside Modern European Cities / ed. by M. Hård, T. J. Misa. Cambridge, London: MIT Press, 2008.

700. Urban Moment / ed. by B. Beauregard and S. Body-Gendrot. Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.

701. Urban Revolution Now: Henri Lefebvre in Social Research and Architecture / ed. by Ł. Stanek, C. Schmid, A. Moravánszky. Ashgate, 2014.

702. Urban Tourism / ed. by S. Fainstein and D. Judd. New Haven, Conn: Yale University Press, 1999.

703. *Urry J.* Mobile sociology // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. № 1.

704. *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007.

705. *Urry J.* Sociology beyond Societies: Mobilities for the twenty-first century. London and New York: Routledge, 2000.

706. *Van Meeteren M., Derudder B., Bassens D.* Can the Straw Man Speak? An Engagement with Postcolonial Critiques of "Global cities" research // Dialogues in Human Geography. 2016. Vol. 6. № 3.

707. Van Wyck Brooks – Lewis Mumford Letters: The Record of a Literary friendship, 1921-1963 / ed. by R.E. Spiller. New York: Dutton, 1970.

708. *Venkatesh S.* American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

709. *Venkatesh S.* Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Takes to the Streets. New York: Penguin, 2008.

710. Vital Little Plans: The Short Works of Jane Jacobs / ed. by S. Zipp and N. Storring. New York: Random House, 2016.

711. *Wacquant L.* Body and Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer. Oxford: Oxford University Press, 2004.

712. *Wacquant L.* Inside the Zone // Theory, Culture, and Society. 1997. Vol. 15. № 2.

713. *Wacquant L.* Relocating gentrification: the working class, science and the state in recent urban research // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32. № 1.

714. *Wacquant L.* Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Malden: Polity Press, 2008.

715. *Walton J.* Storied land: community and memory in Monterey. Berkeley: University of California Press, 2001.

716. *Walton J.* The New Urban Sociology // International Social Science Journal. 1981. Vol. 33. № 2.

717. *Walton J., Seddon D.* Free markets and food riots. Oxford: Blackwell, 1994.

718. *Warren R. L.* The Community in America. Chicago: Rand McNally, 1972.

719. *Watt P.* The only class in town? Gentrification and the middle-class colonization of the city and the urban imagination // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32. № 1.

720. *Webster F.* Manuel Castells in Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / ed. by John Scott. New York: Routledge, 2007.

721. *Weizman E.* Forensic Architecture: Violence at the Threshold of Detectability. New York: Zone Books, 2017.

722. *Wellman B.* Physical Space and Cyberspace, The Rise of Personalised Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. № 2.

723. What We See: Advancing the Observations of Jane Jacobs / ed. by S. A. Goldsmith, L. Elizabeth, A. Goldbard. New Village Press, 2010.

724. *Wilson W. J.* The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

725. *Wilson W. J.* When Work Disappears: The World of the New Urban Poor. New York: Knopf, 1996.

726. *Wirth L.* The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928.

727. *Wirth L.* Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1.

728. World Cities in a World-System / ed. by P. Knox and P. J. Taylor. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1995.

729. *Zipp S., Storring N.* Introduction // Vital Little Plans: The Short Works of Jane Jacobs / ed. by S. Zipp and N. Storring. New York: Random House, 2016.

730. *Zorbaugh H. W.* The gold coast and the Slum: a sociological study of Chicago's near North side. Chicago: University of Chicago Press, 1929.

731. *Zukin S.* A Decade of the New Urban Sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. № 4.

732. *Zukin S.* Is There an Urban Sociology? Questions on a field and a vision // Sociologica: Italian journal of sociology on line. 2011. Vol. V. № 3.

733. *Zukin S.* Landscapes of Power. Berkeley: California University Press, 1991.

734. *Zukin S.* Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. New York: Oxford University Press, 2010.

735. *Zukin S.* The Cultures of Cities. Oxford, Malden: Blackwell, 1995.

II. Труды автора

Публикации в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI:

736. *Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С.* Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153-155.

737. *Вершинина И. А., Добринская Д. Е.* Pax urbanica: города в условиях глобальной сетевой цивилизации // Информационное общество. 2018. № 1. С. 25-33.

738. *Вершинина И. А.* Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2018. № 2. С. 226-237.

739. *Вершинина И. А.*, *Мартыненко Т. С.* Бразильская мозаика. Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Бразилиа в зеркале современной урбанистики // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 59-75.

740. *Вершинина И. А.* Коннектография Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 147-154.

741. *Вершинина И. А., Курбанов А. Р.* Трансформация зоопространств современных городов и возможности их использования в экологическом просвещении населения // Экология и промышленность России. 2017. № 1. С. 50-55.

742. *Dobrinskaya D.*, *Vershinina I.* New connectography: networks of cities in the global world // Espacios. 2018. Vol. 39. № 16.

Публикации в журналах, включенных в Список рецензируемых научных изданий по социологическим наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

743. *Вершинина И. А.* Исследования города и урбанизации в современной социологии // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 26-30.

744. *Вершинина И. А.* Современная социологическая урбанистика: основные направления исследований // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 35-39.

745. *Вершинина И. А.* Концепция гуманистического планирования городов Яна Гейла // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 1. С. 29-45.

746. *Вершинина И. А., Мартыненко Т. С.* Современные подходы к изучению пространственного неравенства // Социология. 2020. № 5. С. 5-12.

747. *Вершинина И. А.* Особенности социальных отношений в больших городах // Социология города. 2019. № 3. С. 17-29.

748. *Вершинина И. А.* Концепция мегалополиса Жана Готтмана // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 3. С. 36-48.

749. *Вершинина И. А.* Новые грани социального неравенства: концепция постмодернистской урбанизации Эдварда Сойи // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 1. С. 62-77.

750. *Вершинина И. А., Курбанов А. Р.* Социально-политические изменения и трансформация городского пространства (на примере городов

Восточной Европы) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. № 1. С. 107-126.

751. *Вершинина И. А.* Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48-60.

752. *Вершинина И. А.* Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 58-76.

753. *Вершинина И. А.* Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5-19.

754. *Вершинина И. А.* “Умные” города: перспективы появления и развития в России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 2. С. 163-175.

755. *Вершинина И. А.* Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 75-85.

756. *Вершинина И. А., Маркеева А. В.* Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2015. № 14. С. 27-32.

757. *Вершинина И. А., Полякова Н. Л.* Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4. С. 122-137.

758. *Вершинина И. А.* Социальные проблемы мегаполисов мира: сравнительный анализ // Социология. 2014. № 2. С. 3-10.

759. *Вершинина И. А.* Развитие городских агломераций в современном мире // Социология. 2013. № 2. С. 144-151.

760. *Вершинина И. А.* Влияние капитализма на процесс урбанизации: социология города Ричарда Сеннета // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 172-183.

761. *Вершинина И. А., Полякова Н. Л.* Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 4. С. 60-84.

762. *Вершинина И. А.* Трансформация социальной структуры в информациональном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3-17.

763. *Вершинина И. А.* Город в пространстве социального неравенства // Социология. 2012. № 2. С. 66-76.

764. *Вершинина И. А.* Города в эпоху неолиберальной глобализации: современные социологические подходы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 108-116.

765. *Вершинина И. А.* Социология города Ричарда Сеннета: трансформация публичной сферы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 154-161.

766. *Вершинина И. А.* Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1. С. 195-206.

Монографии и главы в коллективных монографиях:

767. *Вершинина И. А., Мартыненко Т. С.* Пространственное неравенство: характерные параметры и новые измерения // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / Под общей редакцией доктора социологических наук, профессора Н. Г. Осиповой. М.: Перспектива, 2021.

768. *Вершинина И. А.* Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2019.

769. *Самсонова Т. Н., Вершинина И. А.* Глобальные города vs государства? К вопросу о роли глобальных городов в условиях глобализации // Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2019.

770. *Вершинина И. А.* Социологическая урбанистика: история и основные направления современных исследований // Современная социология: ключевые направления и векторы развития / под ред. Н. Г. Осиповой. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2018.

771. Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы) / Е. Н. Алексеева, В. П. Бондарев, И. А. Вершинина и др. М.: МАКС Пресс, 2015.

772. Развивающийся мегаполис: современные адаптационные механизмы (на примере города Москвы) / И. А. Вершинина, Т. В. Кашкабаш, Э. Д. Коркия и др. М.: МАКС Пресс, 2015.

773. *Вершинина И. А.* Города в эпоху глобализации: социологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2012.

Публикации в других научных изданиях и сборниках:

774. *Вершинина И. А.* Социологические исследования города и урбанизации: современное состояние и новые тренды // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25-27 ноября 2021 года. СПб.: Изд-во Скифия-принт, 2021. *С. 45-46.*

775. *Вершинина И. А.* Города в цифровом обществе: возможности преодоления пространственного неравенства в России // Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12-14 ноября 2020 года. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 142-143.

776. *Вершинина И. А.* Коворкинг и коливинг – новые формы организации труда и досуга в экономике совместного использования // Labour

and leisure = труд и досуг: Сборник тезисов VIII Международной конференции. СПб.: Астерион, 2019. С. 21.

777. *Вершинина И. А.* Пространственное неравенство и социальная несправедливость в современной России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 21-23.

778. *Вершинина И. А.* Формирование новых социальных неравенств в глобальных городах // Солидарность и конфликты в современном обществе. Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения 15-17 ноября 2018 года. СПб: Скифия-принт, 2018. С. 381-382.

779. *Вершинина И. А.* Будущее мегаполисов: от глобальных городов Саскии Сассен к новой коннектографии Парага Ханны // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения 9-11 ноября 2017 года. СПб: Скифия-принт, 2017. С. 55-56.

780. *Вершинина И. А.* Университет и город: взаимодействие в глобальном образовательном пространстве // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: XI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2017»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 44-46.

781. *Вершинина И. А.* Формирование культуры участия в современных городах: проблемы и перспективы // Инженерное образование и вызовы культуры в XXI веке: Материалы II-ой Международной научно-методической конференции «Наука, образование, молодежь в современном мире» (Москва, 19 мая 2017 г.). Ч. 1. М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2017. С. 127-131.

782. *Вершинина И. А.* Идеальный советский город: попытка конструирования утопии (на примере Москвы) // Экономическая культура мегаполиса. Сборник тезисов V Международной научной конференции Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2016. С. 21-22.

783. *Вершинина И. А.* Умные города в России: будущее или реальность? // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Научно-практическая конференция с международным участием. Екатеринбург. 24 ноября 2016 г. Сб. статей. Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2015. С. 53-57.

784. *Вершинина И. А.* Агломерация как новый социокультурный феномен: особенности развития на примере Москвы // Город в зеркале междисциплинарных исследований различных наук: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: [б. и.], 2014. С. 22-26.

785. *Вершинина И. А.* Современная урбанистика: от Чикагской школы к Лос-Анджелесской // IX Международная научная конференция

«Сорокинские чтения»: Приоритетные направления развития социологии в XXI веке: К 25-летию социологического образования в России. Сборник материалов. Электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 110-113.

786. *Вершинина И. А.* Анализ проблем урбанизации классиками социологии и его значение для современной социологии города // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С. 5303-5309.

787. *Вершинина И. А.* Проблема идентичности в капиталистическом городе // Седьмые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 15-16 ноября 2012 года. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С. 695-698.